

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

3

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: a.danilov@tut.by

**Заместители
главного редактора** ГРИЩЕНКО Ж. М. – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

E-mail: zhanna0607@mail.ru

РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: dgrotman@ Rambler.ru

**Ответственный
секретарь** КОБЯК О. В. – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

- Бабосов Е. М.* Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е. Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т. Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Горшков М. К. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.
Инглхарт Р. Ф. Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д. Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А. Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Рудь В. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь (зав. редакцией).
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Соколова Г. Н. Центр политической и экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Стёпин В. С. Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, doctor of science (sociology), full professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief** **GRISHCHENKO Zh. M.**, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zhanna0607@mail.ru
- ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary** **KABIAK A. V.**, doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
- Babosov Y. M.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bakirov V. S. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Burova S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vyatr J. European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
Galliyev G. T. Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Golovakha E. I. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Gorshkov M. K. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Inglehart R. F. University of Michigan, Ann Arbor, USA.
Kechina E. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kizima S. A. Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Klingemann H.-D. Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
Korosteleva E. A. University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Kurilovich N. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kuchko E. E. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Likhachyov N. E. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Matulionis A. Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
Rubanau A. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rud V. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus (head of the editorial staff).
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Sokolova G. N. Centre for Political and Economic Sociology of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Stepin V. S. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Herpfer K. University of Vienna, Vienna, Austria.
Chernyak Y. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Churilov N. N. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Shavel S. A. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shchyolkova T. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ...

DREAMS COME TRUE...

Дорогой читатель! Вы держите в руках юбилейный номер нашего журнала – 80-й по счету... Минуту ровно 20 лет, как увидел свет первый номер. Это произошло в далеком 1997 г. В нем, может быть, достаточно самонадеянно было заявлено, что сбылась давняя мечта социологов республики. Вроде бы это было совсем недавно, а кажется далекой историей. Другое время. И мы на 20 лет моложе...

Когда смотришь на вышедшие номера, бросается в глаза, как издание менялось от номера к номеру. Зеленый цвет обложки почему-то все время был разным: то темнее, насыщеннее, то отдавал синевой или был совсем светлым. Да и качество полиграфии, увы, не выдерживает времени. Быстро стираются краски с обложки – и журнал ветшает на глазах. Менялись шрифты, силуэты человечков где-то больше, а где-то меньше, то же – с рубриками, объемом. Хорошо, что так нельзя сказать о содержании: от номера к номеру журнал только набирал силу и становился лучше, качественнее, профессиональнее.

Мы, его создатели, росли вместе с ним, набирались опыта. Расширялся авторский актив, а параллельно – тематика материалов, география распространения, приходило понимание роли и значения журнала для науки. Когда нас спрашивают об отношении к изданию, мы без всякой бравады, очень искренне признаемся: «Мы любим свой журнал...» Для нас эта работа никогда не была принуждением, приказом, какой-то повинностью – это воплощение мечты, некая творческая отдушину, радость профессионального общения. Может, поэтому наш журнал и состоялся, сохранился, пройдя множество испытаний на своем пути. Но что о них говорить сегодня?..

Издание стало площадкой для широкого международного и междисциплинарного диалога. Все эти

годы мы стремились строить мосты. Мосты между учеными, публицистами, творцами, деятелями культуры и искусства, между различными научными дисциплинами и направлениями, изучающими современное общество, наконец, мосты между разными странами. Именно таким образом на страницах нашего издания формировались новые точки роста гуманитарного и социального знания, адекватные вызовам современности. Мы стремились найти ответы, которые помогли бы обществу заглянуть за горизонт. При этом мы не боялись высказать свое и услышать чужое мнение, говорить правду, быть неправыми, ошибаться, не прятаться за чужие спины. Все ли нам удалось на тернистом пути первопроходцев? Не уверен, но стремление к новому в нас неистребимо. А иначе зачем?

Мы гордимся тем, что, если публикация появилась на страницах нашего издания, она становится гордостью автора, он прирастает личным научным вкладом и укрепляет фундамент социологии. Публикация создает ему имя в науке, авторитет настоящего ученого. Сегодня опубликоваться в нашем журнале престижно! А это, уж поверьте, дорогого стоит.

Рождение журнала – яркое подтверждение цеховой солидарности, наш общий порыв заявить о своей науке, принять на себя ответственность за ее будущее и, конечно, демонстрация возможности говорить правду. В стране, где социологи свободно работают, открыто публикуют результаты своих исследований, где социология изучается в университетах и признается государством, – в этой стране живет демократия.

Мы ответственны перед нашими читателями, которые называют журнал своим, ждут каждый номер, постоянно читают наши публикации, регулярно подписываются и агитируют других...

Без постоянного притока таких читателей мы бы не сохранились и давно канули в Лету. Многие скажут, что наступил век информационных технологий, а каменный век изданий на бумажных носителях давно прошел. Может быть, что спорить, время само рассудит. Я уверен, покажет, что все формы печати могут жить под одним солнцем, лишь бы оно светило.

Мы гордимся своими авторами. За 20 лет у нас опубликовались многие ученые: социологи, философы, экономисты, политологи, историки, литературоведы, писатели, публицисты – счет идет на тысячи. Среди них – выдающиеся ученые, много и совершенно никому не известных имен, которые мы открыли для широкого читателя. Все наши авторы талантливы, нестандартно мыслят, представляют как родную Беларусь, так и страны ближнего и дальнего зарубежья. Хороших авторов много не бывает, они – наше зеркало жизни, гордость, честь и профессиональная совесть журнала.

У истоков нашего издания стояла маленькая группа энтузиастов, тех, кто верил, что время пришло и все получится. Это Давид Ротман, Сергей Поваляев, Сергей Шавель, Вячеслав Рудь, Валентина Ерашова, Лидия Новикова, позже по разным причинам кто-то отошел, но присоединились новые, и сегодня без них никак: это Ирина Андреева, Жанна Грищенко, Лариса Титаренко, Валентина Симхович, Татьяна Щелкова, Олег Кобяк... Нас поддержал своим авторитетом и участием главный редактор единственного профессионального советского журнала «Социологические исследования» Жан Тощенко... И мы будем благодарны ему всегда! Нас поддержало Министерство информации Республики Беларусь, которое не только зарегистрировало журнал, но и оказывало материальную помощь первые годы. Спасибо!

В жизни не редкость, когда даже самые высокие порывы и чувства разбиваются о реальность бытия. Миновать жизненные рифы мы смогли только благодаря постоянной и надежной поддержке со стороны нашего учредителя – Белорусского государственного университета. Менялись капитаны университетского корабля, но поддержка журнала, понимание его роли в развитии социологической науки и образования оставались неизменными. Благодарим вас, дорогие коллеги, и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Сегодня журнал смотрит в будущее с осторожным оптимизмом. Научная периодика переживает не лучшие времена. Кому-то сегодня социология как наука не нужна, мол, и без ее данных все ясно и понятно. Не было бы только потом прозрение запоздалым... В новейшей истории подобные примеры не редкость.

Мы верим, что у нашего издания есть серьезный запас прочности – широкий авторский актив, преданные читатели, интерес интеллектуальной элиты страны. И самое главное, в редакционном портфеле не переводятся материалы, которые способны удивлять... Удивлять профессионализмом, смелостью суждений, мужеством прогнозов, желанием открытыми глазами видеть все происходящее в мире, стране, объяснять, основываясь на достоверных научных результатах, трансформации внутри человека.

Думаю, меня поддержат коллеги и наши читатели в утверждении, что мечта белорусских социологов все же стала реальностью. Журнал состоялся и занял достойное место в ряду научной периодики.

А. Н. Данилов,
главный редактор

УДК 316(075.8)

ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: ПОИСК НОВЫХ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ¹

В. С. СТЕПИН¹⁾

¹⁾Российская академия наук,
пр. Ленинский, 14, 119991, г. Москва, Россия

Констатируется, что современная цивилизация вошла в стадию нестабильности и кризисных состояний, за которой, как правило, следуют коренные качественные системные перемены. Это обуславливает необходимость при анализе современных изменений цивилизационного развития рассматривать глобальные цивилизационные изменения как сложную системную целостность. Такая трансформация выражена в концепции типов цивилизационного развития, при этом каждый тип следует рассматривать в его исторической эволюции. Поднимается проблема новых стратегий развития, которые могли бы обеспечить преодоление кардинальных глобальных кризисов, грозящих разрушением цивилизации и даже самоуничтожением человечества. Данные стратегии предполагают переосмысление типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации. Подчеркивается важность выделения и фиксации в качестве исходного рубежа этих поисков идеала сохранения человечества как особой подсистемы биосферы и самой биосферы как сложной развивающейся ценностной системы.

Ключевые слова: типы цивилизационного развития; радикальная трансформация; экологический и антропологический кризис; культурно-генетический код; социокультурный геном современной цивилизации; система новых ценностей и жизненных смыслов; мировоззренческие универсалии культуры.

¹Основой статьи является расширенный текст пленарного доклада В. С. Стёпина на XVII Международных Лихачёвских научных чтениях «XXI век – радикальная трансформация типа цивилизационного развития» (г. Санкт-Петербург, 18–20 мая 2017 г.).

Образец цитирования:

Стёпин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.

For citation:

Stepin V. S. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 6–11 (in Russ.).

Автор:

Вячеслав Семенович Стёпин – академик РАН, доктор философских наук, профессор; руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук.

Author:

Vyacheslav S. Stepin, academician of the Russian Academy of Sciences, doctor of science (philosophy), full professor; head of the section of philosophy, sociology, psychology and law, department of social science.
vsstepin@gmail.com

CIVILIZATION IN THE EPOCH OF CHANGES: SEARCH FOR NEW DEVELOPMENT STRATEGIES

V. S. STEPIN^a

^aRussian Academy of Sciences,
114 Leninskii Avenue, Moscow 119991, Russia

Modern civilization is ascertained to have entered the stage of instability and crisis followed, as a rule, by fundamental qualitative systemic changes. When analyzing modern changes in civilizational development, it requires considering the global civilizational changes as a complex systemic integrity. Such a transformation is expressed in the conception of types of civilizational development, each type of civilization development be considered in its historical evolution. The problem of new development strategies that could overcome the cardinal global crises entailing the destruction of civilization and even self-destruction of mankind is raised. These strategies suggest a rethinking of the typological core of the sociocultural genome of modern civilization. The importance of singling out and fixing as an initial boundary of these searches the ideal of preserving the mankind as a special subsystem of the biosphere and the biosphere itself as a complex evolving value system is underlined.

Key words: types of civilizational development; radical transformation; ecological and anthropological crisis; cultural and genetic code; socio-cultural genome of modern civilization; system of new values and vital meanings; world outlook universals of culture.

Сегодня уже почти очевидно, что современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. Эти процессы всегда являются своего рода индикатором коренных качественных системных перемен.

Осмысление этих процессов предполагает применение двух взаимосвязанных типов знания: 1) содержательной концепции цивилизационного развития; 2) системного видения этого развития, применения в ходе его анализа методологических принципов, учитывающих особенности сложных исторически развивающихся систем.

При анализе современных изменений цивилизационного развития недостаточно выделять отдельные аспекты и факторы этого процесса. Важно рассматривать глобальные цивилизационные изменения как сложную системную целостность. Применение стандартного цивилизационного подхода не решает эту проблему. Необходимы обобщение и трансформация данного подхода. Такая трансформация выражена в концепции типов цивилизационного развития.

В других работах мы уже излагали основы этой концепции¹. Поэтому лишь конспективно выделим ее главные положения, чтобы обозначить позицию, которую полагаем продуктивной для анализа перспектив современной цивилизации.

В истории человечества можно выделить два типа цивилизационного развития – традиционалистский и техногенный. Каждый из них включал в свой состав соответствующие виды цивилизаций, отличающиеся друг от друга видовой спецификой, но вместе с тем объединяемые общими типологическими признаками. В стандартной цивилиза-

ционной концепции акцент сделан на специфике различных видов цивилизации. Их различие определяют через особенности культурно-генетического кода, в соответствии с которым они воспроизводятся.

Идея типов цивилизационного развития предполагает выявление в этих кодах некоторого инварианта, общего системообразующего ядра, которое объединяет цивилизации одного типа и отграничивает их от цивилизаций другого типа. В качестве такого рода объединяюще-разграничивающего ядра можно выделить ряд ключевых мировоззренческих универсалий (концептов, категорий) культуры, связанных между собой и функционирующих в качестве базовых жизненных смыслов и ценностей каждого из типов цивилизационного развития. Это ядро представлено универсалиями: «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «личность», «рациональность», «власть». Со смыслами этих базовых универсалий, их пониманием и переживанием скоррелированы смыслы других категорий культуры – свободы, справедливости, веры, добра, зла и т. п.

Понимание типологического ценностно-смыслового ядра, представленного базовыми универсалиями, радикально различно для традиционалистского и техногенного типов развития. Это ценностно-смысловое ядро в культуре каждого конкретного вида цивилизаций, относящихся к тому или иному типу, получает дополнительные конкретизирующие интерпретации, в результате чего предстает в форме уникального культурно-генетического кода, который различает виды цивилизаций, выражая специфику их жизненных миров.

¹Стёпин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 48–55; Стёпин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 18–29; Стёпин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 79–101, 261–276.

Разумеется, каждый тип цивилизационного развития следует рассматривать в его исторической эволюции. Исторически первым был традиционалистский тип развития. Техногенный – возник позднее в европейском регионе планеты. Начальной его стадией были эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, сформировавшие духовную матрицу, систему новых ценностей и жизненных смыслов, которые образуют своего рода геном техногенных обществ. Он включал понимание человека как деятельностного существа, преобразующего окружающий мир; понимание деятельности как креативного действия, порождающего качественно новые объекты, состояния и процессы; идеал инноваций как приоритет над традициями (идеал прогресса); видение природы в качестве своего рода поля, преобразуемого человеком, резервуара ресурсов для деятельности; культ рациональности при доминанте научной рациональности; идеал суверенной автономной личности, не сращенной от рождения с определенной социальной общностью (кастой, кланом, классом, сословием), способной включаться в разные социальные общности; идею власти не только как господства человека над человеком, а преимущественно как господства над объектами (природными и социальными).

Это генетическое ядро техногенных обществ определяло их воспроизводство и историческое развитие. В качестве основных этапов данного развития можно выделить доиндустриальную, индустриальную и современную постиндустриальную стадии. В каждой из них, в свою очередь, могут быть зафиксированы качественно различные этапы. С этой точки зрения можно указать на различия и особенности индустриальной стадии до Первой мировой войны и после Первой мировой войны, именуемые в западной литературе первым и вторым модерном.

Данные модернизации разворачивались без радикального преобразования той матрицы ценностей, которая выступала типологическим ядром культурно-генетического кода техногенного типа. Техногенная цивилизация длительное время сосуществовала с традиционными обществами, оказывая на них всевозрастающее давление. Многие из них она колонизировала, другие – вынуждены были осуществлять догоняющие модернизации, основанные на заимствовании технологий и системы образования у развитых стран Запада. Такое заимствование всегда было связано с переносом пластов западной культуры на традиционалистскую почву. Ценности, обеспечивающие техногенный тип развития, сталкивались в этом процессе с традиционалистскими ценностями, модифицируя и трансформируя их.

В итоге традиционные общества в ходе модернизации превращались в особый вариант техно-

генных обществ, сохранивших и адаптировавших некоторые аспекты и фрагменты традиционных ценностей к ценностному ядру техногенного типа развития.

Концепция типов цивилизационного развития не отбрасывает позитивное содержание стандартного цивилизационного подхода (А. Тойнби, Н. Данилевского и др.), а включает его в свой состав. Вместе с тем она может быть согласована и с рядом ключевых положений марксистской формационной концепции, которая предстает как альтернативная стандартному цивилизационному подходу. Нетрудно обнаружить, что базисные ценности техногенного типа развития лежат в основе марксистского понимания общества. Концепция формаций описывала предысторию и историю техногенной цивилизации, но испытывала известные трудности применительно к традиционалистским обществам Востока. Два альтернативных и несовместимых подхода (цивилизационный и формационный) предстают в рамках концепции типов цивилизационного развития как дополнительные описания одной и той же сложной системной реальности, акцентируя внимание на ее разных аспектах. Техногенный тип цивилизационного развития дал человечеству множество достижений и долгое время воспринимался как магистральный путь общественного прогресса, но уже во второй половине XX в. проявились и начали обостряться многочисленные глобальные кризисы как вариации двух основных – экологического и антропологического – кризисов.

История последнего полувека свидетельствует о том, что великие технологические прорывы, глобализация, формирование общества потребления и организация мировой экономики по принципу стимулирования опережающего роста потребления, распространение рыночных отношений на все новые сферы человеческой жизнедеятельности – все эти сущностные характеристики современного цивилизационного развития приводили ко все большему обострению экологического и антропологического кризисов.

В результате возникла потребность в разработке новых стратегий развития, которые могли бы обеспечить преодоление кардинальных глобальных кризисов, грозящих разрушением цивилизации и даже самоуничтожением человечества.

Эти стратегии предполагают переосмысление типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации. А такое переосмысление, в свою очередь, является первым шагом на пути к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

Такого рода переход, приводящий к изменению качества системы, часто именуют фазовым.

В общем виде он описывается в терминах теории сложных систем. В случае если речь идет об исторически развивающейся системе, он может привести к повышению степени ее сложности, возникновению новых уровней системной организации, которые, воздействуя на ранее сложившиеся уровни, изменяют их, накладывая определенные ограничения. В результате происходит смена предшествующей саморегуляции (гомеостаза) на новый вид саморегуляции.

Синергетика интегрально характеризует процесс фазового перехода в терминах динамического хаоса и самоорганизации. Но можно более дифференцированно описать этот переход, выделив три его стадии. Начальная стадия – это возникновение динамического хаоса, когда мутируют ранее сложившиеся программы саморегуляции системы и перестают работать ранее возникшие параметры порядка. Из спектра возможных сценариев развития системы, возникающих в точках бифуркации, может реализоваться любой, даже самый маловероятный. Количество их может быть достаточно большим, но не безграничным. Речь идет только о тех сценариях, которые не противоречат сложившимся объективным законам.

Реализации любого из возможных сценариев зависят от множества случайных факторов. Она характеризуется как действие вероятностной причинности, которая порождает аттракторы в нелинейной среде. На этой стадии фазовых переходов может сформироваться несколько аттракторов, соответственно, с разным, в том числе альтернативным, сценарием развития системы.

На второй стадии фазового перехода конкуренция сценариев может приводить к постепенному доминированию одного из них. В этом случае меняются первоначальные вероятности каждого из сценариев. Когда один из них начинает определять русло изменений системы, снижается вероятность реализации других.

Наконец, в качестве третьей стадии следует выделить особые состояния динамического хаоса, которые характеризуются в синергетике как «режим с обострением». На особую важность анализа этого режима не раз обращал внимание С. П. Курдюмов. На этой стадии доминирующий сценарий, определяющий русло изменения системы, резко повышает вероятность своей реализации, становится необратимым. Возникает своего рода целенаправленное движение к новому уровню организации системы, формированию новой программы саморегуляции и соответствующих ей параметров порядка. Главную роль в этом движении играет целевая причинность.

С. П. Курдюмов интегрально характеризовал эти процессы как влияние будущего на настоящее

и даже на прошлое. Внешне это выглядит иррационально, но только внешне. Образ влияния будущего на настоящее и прошлое имеет вполне рациональное обоснование, если учесть, что на заключительном этапе фазового перехода возникает новый уровень организации сложной системы, который оказывает активное обратное воздействие на ранее сложившиеся уровни, накладывая определенные ограничения на взаимодействие их элементов, и тем самым обеспечивает формирование нового типа системной целостности.

На эту тему можно привести множество поясняющих примеров. Сошлемся только на два из них. Первый касается взаимодействия двух основных программ человеческой жизнедеятельности – биогенетического кода и культуры. Формирование и развитие культуры как системы надбиологических регулятивов человеческой деятельности, поведения и общения не отменяло действия базисных биогенетических программ человека, представленных инстинктами питания, самосохранения, размножения (половой инстинкт). Но культура накладывает на них определенные ограничения, направляет их действие по определенному руслу, которое очерчено исторически сложившимися традициями, привычками, образцами поведения, нравственными и правовыми нормами. И только усваивая все эти программы в процессе воспитания, обучения, социализации, мы становимся людьми.

В качестве второго примера трансформации сложившихся уровней сложной системы (прошлого) при возникновении в ней новых уровней организации можно сослаться на исследованные В. И. Вернадским изменения геохимии нашей планеты под влиянием жизни¹.

Как отмечал ученый, возникновение и дальнейшая эволюция живого изменяло земную кору (осадочные породы и почвы – это следы биосфер прошлого; даже базальтовые породы под воздействием бактерий за миллионы лет превращались в граниты). Жизнь сформировала кислородную атмосферу планеты и насыщение кислородом Мирового океана, что, в свою очередь, создало условия для возникновения новых, более сложных форм живого.

Геохимия Земли, как подчеркивал В. И. Вернадский, в ходе эволюции переходит в биогеохимию, а затем, с возникновением человека и развитием его технологической деятельности, – в культурную биогеохимию.

Предсказание поведения сложной системы всегда предполагает, что возможное будущее, став настоящим, способно изменять прошлое.

В процессе столь радикальных преобразований, к которым следует отнести становление

¹См.: Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 124–140.

нового типа цивилизационного развития, фазовые переходы могут занимать длительный период. Становление техногенного типа развития исторически было растянуто более чем на два столетия. Конечно, в современном обществе темпы развития иные и фазовый переход может занять несколько десятилетий. Многие футурологи полагают, что середина века должна стать переломной в развитии цивилизации. Резкое возрастание нестабильности и кризисы могут быть интерпретированы как первая стадия фазового перехода, когда возникает динамический хаос, обозначаются точки бифуркации и альтернативные сценарии развития.

Современные споры о стратегиях глобализации могут быть рассмотрены под этим углом зрения. Сценарий однополярного мира, предполагающий безусловную доминанту современных западных ценностей, нацелен на продолжение уже принятой стратегии техногенного развития. Тогда как сценарий многополярного мира, где наряду с техногенными ценностями фигурируют сохранившиеся и адаптированные к ним некоторые фрагменты традиционалистских ментальностей, создает большие возможности для перехода к новому типу развития, стимулируя диалог культур и поиск новых ценностных ориентиров.

Сегодня особенно важно выделить и зафиксировать в качестве исходного рубежа этих поисков идеал сохранения человечества как особой подсистемы биосферы и самой биосферы как ценностной сложной развивающейся системы. Этот идеал отнюдь не тривиален, если учесть грядущий прорыв к новому технологическому укладу, предполагающему освоение конвергентных (*NBIC*) технологий. Обычно акцентируют внимание на позитивных возможностях, которые открывают новые технологии. О негативных, связанных с рисками упоминают в общем виде. Но уже сформулирована программа трансгуманизма – генетической и кибернетической трансформации человека, которая, как провозглашают ее приверженцы, должна привести к принципиально новому типу мыслящих существ, стоящих на высшей ступени эволюции по сравнению с человеком. Но история XX в. знает множество примеров, когда благие лозунги улучшения человека, создания человека будущего оборачивались противоположностью, приводили при их реализации к гибели миллионов. Бесспорно, что *NBIC*-технологии открывают огромные возможности лечения различных заболеваний, продления человеческой жизни, полноценной жизнедеятельности в старости. Но если речь идет о коренном изменении человеческой природы, то возникают риски и такие возможные сценарии, которые лишь будут приближать нас к уничтожению людей и разрушению культуры.

В целом *NBIC*-технологии при их разработке и внедрении потребуют сопровождающей социаль-

но-гуманитарной экспертизы, анализа и оценки вызываемых социальных, экологических и культурных последствий. Идеал сохранения биосферы и человечества в этом случае каждый раз должен выступать в функции пускового механизма и регулятора деятельности.

Нами неоднократно отмечалось, что новые ценности ниоткуда извне не придут – они должны начать формироваться в недрах техногенной культуры, и важно отыскать точки их роста. При внимательном анализе уже можно обнаружить начавшиеся модернизации и трансформации ценностного ядра техногенного типа цивилизационного развития, которое определяло это развитие начиная с эпохи Просвещения. Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традицию, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию.

Экологический кризис заставляет по-новому осмыслить концепт «природа». В отличие от эпохи становления и индустриального развития техногенной цивилизации, когда окружающая человека природная среда воспринималась как неорганическое поле для преобразующей деятельности и как неограниченный резервуар ресурсов, в XX в. наука сформировала альтернативное представление: окружающая нас природа – это живой организм, биосфера, глобальная экосистема, в которую человеческое общество включено в качестве особой подсистемы. Природная среда человеческого обитания не является неисчерпаемым резервуаром ресурсов для деятельности, многие типы ресурсов ограничены. Идеалу господства человека над природой противопоставляется идеал коэволюции общества и природы.

Эти новые образы природы и человеческой деятельности в чем-то перекликаются с традиционалистскими представлениями о природе как о живом организме, хотя и не являются их простым повторением. Они – результат достижений науки, включенных в научную картину мира. Рациональное осмысление и усвоение этих представлений в рамках современной системы образования являются необходимой предпосылкой для формирования экологического сознания. Но реализация этих предпосылок требует особых общественных усилий. Теоретически мы осознаем необходимость охраны окружающей среды, но на практике часто исходим из прежних представлений. Это относится как к отдельным людям, так и к государствам.

Развитые в экономическом отношении государства, перемещая производство своих корпораций в развивающиеся страны Азии и Африки, где рабочая сила дешевле, за редким исключением (Герма-

ния) не распространяют на них свое природоохранное законодательство. В результате загрязнение среды в планетарном масштабе только растет. Но главное препятствие к блокированию обостряющегося глобального экологического кризиса кроется в фундаментальных принципах организации современной рыночной экономики. Она ориентирована на постоянный рост потребления как условие роста ВВП. При этом, чтобы обеспечить потребительский спрос, его организуют искусственно, через рекламу, предлагающую ускоренно заменять вполне пригодные вещи более модными (хотя часто и не более качественными), упрощение технологий, ориентированных на производство быстро изнашивающихся товаров. Принцип «чем больше мы потребляем, тем лучше живем», как подчеркивает известный футуролог Э. Ласло, является глубинным основанием современной рыночной экономики. Этот принцип ученый оценивает как путь к экологической катастрофе.

Столкновение альтернативных идеалов в проблеме отношения человека к природе можно рассматривать как состояние общества переходного периода, когда на стадии динамического хаоса сталкиваются различные сценарии и соответствующие им программы развития. Осознание обществом необходимости мер по защите природе и экологической безопасности приводит в движение соответствующие социальные силы, которые наталкиваются на сопротивление других сил. Но без таких столкновений новые ценности и фундаментальные мировоззренческие смыслы не утверждаются как понимание и переживание человеком мира.

И еще об одной точке роста новых ценностей, которая трансформирует ценностные основания техногенного типа цивилизационного развития. Речь идет об утверждении в науке конца XX – начала XXI в. нового типа научной рациональности. Этот тип рациональности, который мы предлагаем обозначить как постнеклассический, ориентирован на освоение сложных развивающихся человеко-размерных систем (систем, включающих человека в качестве особого компонента). Этот тип систем становится доминирующим объектом изучения на переднем крае современной науки. Одной из особенностей постнеклассики является обнаружение недостаточности традиционных для науки форм методологической и этической регуляции исследовательского поиска. Чтобы обеспечить освоение сложных развивающихся человеко-размерных систем, необходимо сопоставление внутринаучных

этических регулятивов с более широкими, выходящими за рамки собственно науки гуманистическими принципами. Сопоставление такого типа достигается в ходе социально-этической экспертизы научно-технологических программ и проектов. Происходит модификация прежнего, присущего техногенной культуре понимания научной рациональности. Если ранее полагалось, что автономия науки обеспечивает генерацию в ней объективно истинного знания и автоматически реализует гуманистические идеалы, то теперь выясняется, что достижение этих целей в науке XXI в. требует дополнительного социально-этического контроля, который обеспечит выбор из множества возможных сценариев научно-технологического развития наиболее благоприятных, не угрожающих биосфере и человеческой социальности разрушением.

Наконец, остановимся на проблематизации присущих техногенной культуре смыслов концепта «власть». Эти смыслы, определяющие общественно-политический климат техногенных обществ, акцентируют понимание власти как контроля над объектом.

Во второй половине XX в. властные функции управления обществом были центрированы на контроле за социальными институтами, их модернизацией и функционированием. Развитие демократии и прав человека в определенной мере обеспечивало обратную связь системы «общество – власть», включая контроль за властью со стороны общества. Но в конце XX – начале XXI в. эта система стала разрушаться. Новые технологии обработки сознания масс людей открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляций с общественным сознанием со стороны анонимных социальных групп властной элиты, связанных с интересами финансовой олигархии и ее ролью в организации современного мирового рынка.

Пока применительно к этой ситуации не найдены точки роста новых ценностей, намечающие сценарии преодоления сегодняшних кризисов власти. Но сама проблематизация фундаментальных смыслов концепта «власть», определявших техногенный тип цивилизационного развития, также может быть расценена как своего рода индикатор трансформации ценностей техногенной культуры.

Сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития. Идея устойчивого развития цивилизации и преодоления глобальных кризисов не реализуема без выполнения этой задачи.

*Статья поступила в редколлегию 04.09.2017.
Received by editorial board 04.09.2017.*

УДК 316.33

СФЕРНАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ ОБЩЕСТВА КАК ИМПЕРАТИВ ЕГО УСТОЙЧИВОСТИ И ПРОГРЕССА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена когерентность (сцепление, взаимопроникновение) основных сфер общества: экономики, политики, социальной сферы и духовно-культурной жизни. Проведен анализ двух основных социологических парадигм – реализма и номинализма. Выделены также три парадигматических примера (по словам Т. Парсонса): общество как часть природы, общество как организм и общество как самодостаточная целостность. Раскрыты их ограничения. Показан механизм взаимообменов между основными сферами общества по схеме «вход – выход».

Ключевые слова: когерентность; конгруэнтность (подобие); сфера общества; социальная сфера; социологический реализм; социологический номинализм; холизм; социальное наследование.

SPHERAL COHERENCE OF SOCIETY AS AN IMPERATIVE OF ITS SUSTAINABILITY AND PROGRESS

S. A. SHAVEL^a

^aInstitute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, 1 Sorganava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Considered is the coherence (cohesion, interpenetration) of the main spheres of society: economy, politics, social sphere, spiritual and cultural life. Two basic sociological paradigms – realism and nominalism – are given analysis to. Three paradigmatic examples (according to T. Parsons) are highlighted: society as part of nature, society as an organism and society as a self-sufficient integrity. Their limitations are revealed. The mechanism of interchange between the main spheres of society according to the scheme «entrance-exit» is described.

Key words: coherence; congruence (similarity); sphere of society; social sphere; sociological realism; sociological nominalism; holism; social inheritance.

В стенах аудитории (как и в науке в целом) не имеет значения никакая добродетель, кроме одной: простой интеллектуальной честности.

М. Вебер

Известное древнее вопрошание *Quo vadis?* (лат. – куда идешь?) есть экзистенциальное осмысление совместного бытия, единства сообщества (коллектива), выбора пути, сохранения общего дома (общезития), т. е. стремления к познанию своего общества. В церковно-славянской транскрипции это выражение имеет форму: «Камо грядеши?» (якобы такой вопрос о грядущем христиан-

ства апостол Петр задавал самому Христу). Вместе с тем ряд авторов, в числе которых выдающийся польский писатель Г. Сенкевич, получивший Нобелевскую премию за одноименный роман, толкует это вопрошание как трехчлен и во множественном числе: «Кто мы, откуда мы и куда мы идем?» В такой формулировке оно касается не отдельных индивидов, а целых народностей, наций, этносов,

Образец цитирования:

Шавель С. А. Сферная когерентность общества как императив его устойчивости и прогресса // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 12–23.

For citation:

Shavel S. A. Spherical coherence of society as an imperative of its sustainability and progress. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 12–23 (in Russ.).

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Sergei A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; principal researcher.
d-v-nazarova@yandex.by

как это показано в романе Г. Сенкевича. С социологической точки зрения только в такой интерпретации оно приобретает онтологическое содержание и подлинное экзистенциальное значение. По сути, эти вопросы равносильны знаменитой триаде И. Канта:

- «1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я могу надеяться?» [1, с. 598].

Но если у И. Канта это интеллектуально-психологические вопросы (к тому же притязания разума он ограничил тремя предметами – свободой воли, бессмертием души и бытием Бога, что уже тогда, в 1787 г., интересовало скорее теологов, чем исследователей), то *Quo vadis?* – вполне социологично, ибо направлено на когнитивный анализ конкретного общества, к которому принадлежат субъекты познания.

В одном из своих первых выступлений в роли генсека и главы государства Ю. В. Андропов высказал следующую мысль: «Мы плохо знаем общество, в котором живем». Многим она показалась непонятной, даже загадочной, некоторые в глубине души не приняли ее, особенно руководители различных уровней, которые твердо верили в то, что знают свое дело и тех людей, которыми управляют. Могло показаться, что это упрек информационным службам и социологии как науке об обществе. Но такое подозрение легко опровергалось: во-первых, Ю. В. Андропов прежде возглавлял два ключевых информационных центра страны – международный отдел ЦК и КГБ – и, следовательно, по этим каналам обладал всей полнотой информации; во-вторых, вряд ли он мог иметь в виду социологию, которая в то время еще только становилась на ноги, пытаясь обрести самостоятельный научный статус и реактуализироваться в познании общества.

К сожалению, Ю. В. Андропов не раскрыл свою мысль, не показал, где, по каким направлениям, в каких видах жизнедеятельности нам не хватает знаний о своем обществе, какими причинами это вызвано и к каким последствиям может привести. Ясно только одно: он почувствовал эту проблему, может быть, пока интуитивно выделил ее из множества дел и забот, готовил какие-то решения и т. д., но болезнь помешала ему развернуть эту работу, чтобы узнать общество лучше, если не хорошо, то по крайней мере удовлетворительно.

Сегодня мы понимаем, что эти сакраментальные слова, произнесенные мимоходом, – как предупреждение и призыв – оказались пророческими. Не прошло и десяти лет, как распался Советский Союз; общество, в созидание которого через преодоление бесчисленных трудностей было вложено столько сил несколькими поколениями, а в героическую защиту – столько жертв, выросших в нем молодых (в основном) людей, рухнуло.

И сколько бы не называть причин этой катастрофы, все в конечном счете сводится к тому, что мы плохо знали общество, в котором жили.

В чем же было наше незнание? К примеру, социологи уже тогда отмечали, что на страну надвигается своего рода пандемия, зародившаяся в южных регионах, – странный уклад жизни с заимствованным реципрокным принципом *Do, ut des* (лат. – даю, чтобы и ты мне дал). Он возник в архаическом обществе задолго до появления рынка с его куплей-продажей для характеристики процесса дорообмена как максимы, согласно которой каждый дар должен быть «оддарен», или оказания услуги за услугу. Так утверждалась, распространялась и фактически легализовывалась извращенная форма реципрокации, т. е. взаимобмена услугами. Извращенность состояла в том, что в отличие от рынка, где услугу можно приобрести за деньги, здесь шел бартерный (безналичный) обмен услуги на услугу: ты мне, я тебе. Но доступ в эту цепь обменов открывался лишь тому, кто получал такое место работы (должность), которое позволяло оказывать услуги населению, в рамках служебных обязанностей выполнять те или иные заказы людей. Так рождалась латентная система тотального взяточничества. Рядовые исполнители сдавали определенный процент своей выручки сборщику для передачи наверх. Но из этой реципрокной цепи выпадали все те, кто был не при должности, т. е. простые люди. Поскольку им приходилось давать мзду за то, что, как правило, входило в служебные обязанности вымогателей, они видели в этом очевидную несправедливость и винили в конечном счете центральную власть, высшее руководство страны. В таких настроениях следует искать и глубинные корни возникшего уже при М. С. Горбачёве республиканского сепаратизма, стремления к выходу из СССР и обретению независимости. Этот процесс – создание национальных фронтов, проведение массовых демонстраций, лозунг самоопределения, критика существовавших порядков и т. п. – чаще всего связывают с национализмом, хотя он был скорее общим фоном. В Беларуси националистические проблески не имели сколь-нибудь широкой массовой поддержки, что и показали первые президентские выборы 1994 г., на которых с большим преимуществом А. Г. Лукашенко победил лидера БНФ З. С. Позняка.

Эти моменты Ю. В. Андропов тонко уловил лишь тогда, когда стал главой государства. В отличие от своих предшественников – Н. С. Хрущёва и Л. И. Брежнева – он понял, что главное – в знании общества и его уровне, особенно в высших эшелонах власти. Те громкие судебные процессы, которые он инициировал, как раз и были направлены на предотвращение расползания реципрокных укладов и отношений по стране, искоренение подобных настроений и ориентаций. Подняв

эту проблему на высший уровень, он показал, что одним из главных приоритетов для страны, ее безопасности должно быть знание своего общества, особенно его эмерджентных (англ. *emergent* – внезапно проявляющихся) качеств, латентных

(скрытых до поры до времени) импульсов и социальных движений. Такой подход относительно интерпретации мысли Ю. В. Андропова имеет принципиальное значение для всех социогуманитарных наук, но в первую очередь для социологии.

Социологическая экспозиция парадигм познания общества

Социология *ab ovo* (лат. – с самого начала, т. е. по природе своей) претендует на знания о целостности общества, каузальности и атрибуции человеческого общежития, совместной жизни. Этим она отличается от тех наук, которые изучают отдельные стороны, аспекты, фрагменты общественного бытия, социальной реальности, и поэтому ее можно справедливо назвать *sociology perennis* – вечной социологией, хотя она возникла и конституировалась позже философии, которую считали вечной уже в Средние века. Но в научно-терминологическом аппарате слово «общество» имеет полисемичный, пакетный характер, т. е. относится к таким понятиям, которые А. Бергсон называл композитами, а А. И. Ракилов считал, что разграничивать такое семейство «по чисто формальным, структурным характеристикам, как правило, невозможно» [2, с. 28]. Так возникло много относительно автономных дисциплин – социология культуры, политики, социальной сферы, труда, управления, образования и др., – которые обретают свое теоретическое и практическое значение только при соотношении с целостностью общества. Отсюда вытекает когнитивный вопрос фундаментальной важности: что значит знать общество? В поисках ответов на этот вопрос до сих пор ощущается методологический раскол между номинализмом и реализмом, корни которого уходят в давнюю философскую полемику о соотношении единичного и общего.

Социологический номинализм утверждает, что общество – это обозначение (наименование) совокупности людей, живущих и действующих здесь и сейчас. Кредо номинализма: «нет людей – нет общества», поскольку источником и единственным субъектом социальности являются индивиды. Таким образом, отрицается онтологическое содержание таких общих понятий, как «общество», «коллектив», «институт», «организация» и т. д. Соответственно, в методологическом плане признается, что исходным элементом социологического анализа является не социальная целостность как самостоятельное образование, а отдельные индивиды и их социальные действия. Это и есть, по их мнению, ответ на поставленный вопрос.

Социологический реализм понимает общество, а также его институты (государство, семью и т. д.), сферы, организации как надындивидуальные образования *sui generis* (лат. – особого рода, своеобразный). Они получают свое качество социальности не от взаимодействия конкретных (эмпирических)

индивидов, наоборот, индивиды социализируются, приобретают социальные качества только через приобщение к уже существующим надындивидуальным формам и институтам – путем усвоения (интернализации) социальных норм и ценностей, этикетных и профессиональных правил (типа ПДД), ролевых ожиданий, знаково-символических форм коммуникации (живой язык, логика мышления, формулы) и проч. В этом смысле, по оценкам реалистов, общество властвует над индивидом, заполняя его сознание своими идеями, ценностями и образами. Согласно парадигме Э. Дюркгейма оно обладает могущественной, непреодолимой силой принуждения по отношению к индивиду. Но это принуждение не столько физическое, сколько когнитивно-оценочное, что и сегодня характерно для сельского мира, где общественное мнение сохраняет в значительной степени свою стимулирующую и регулятивную функции и имеет существенное значение. Как видим, для реалистов знание общества состоит в раскрытии природы и сути *sui generis* надындивидуальных форм его бытия.

Вообще, раскол в социологии между реализмом и номинализмом в некоторой степени стимулировал исследования, поиск аргументов и доказательств верности той или иной позиции. Но отрицательные, деструктивные последствия оказались значительно существеннее таких плюсов. Так, номинализм объективно вел к растворению социологии в психологии, персонологии, антропологии, психоанализе и других человековедческих дисциплинах. Он фактически поощрял ориентацию на атомизм в методологии и мировоззрении. Неслучайно А. Маслоу (1908–1970), основоположник гуманистической психологии США и страстный защитник холизма (одна из форм реализма), жалуясь, что холистический подход пока почти не используется в науке, хотя всем понятно, что всякое общество едино и внутренне взаимосвязано, писал: «В последнее время я все больше склоняюсь к мысли о том, что атомистический способ мышления следует рассматривать как мягкую форму психопатологии или, по крайней мере, как одну из составляющих синдрома когнитивной незрелости» [3, с. 13–14]. В этих несколько резких словах есть резон: например, в социологии номинализм (атомизм) выбросил большинство общих понятий, отказался от исследований в области теории коллектива, изучения позитивных эффектов кооперации, вызывающих, по словам К. Маркса, «свое-

образное повышение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц» [4, с. 232].

Но, на наш взгляд, главным просчетом методологии номинализма является исключение из онтологии общества, а значит, и из предметного поля его социологического познания, такого важного феномена, как социальное наследование, которое поддерживает и центрирует воспроизводство целостности в диахронном плане, т. е. во времени. Имеется в виду передача накопленных предшествующими поколениями достижений – материальных, культурных, интеллектуальных и др. – своим последователям. Действительно, если общество есть организованное множество индивидов *здесь и сейчас*, то для объяснения источников побудительных сил акторов нет никакой необходимости обращаться к прошлому, к деяниям или переживаниям предшественников. Нельзя не согласиться со следующей оценкой британского социолога М. Арчер: «Путаница в ответах на эти вопросы [о знании общества] происходит из-за слишком резкого и совершенно ненужного логического перехода от банального “нет людей – нет общества” к в высшей степени сомнительному утверждению “вот это общество, ибо люди эти – здесь”» [5, с. 56]. Заметим, что У. Шекспир, сочиняя свою знаменитую метафору – «прервалась связь времен» – прекрасно знал, что время нельзя ни остановить, ни повернуть назад, ни оборвать; он имел в виду иное, а именно нарушение естественного хода жизни с его логикой преемственной передачи наследства от отца к сыну, от старшего поколения к младшему как незыблемого закона сохранения целостности, порядка и стабильности общества. Эту тему предельно обострил французский психолог А. Пьерон. Он писал: «Если бы нашу планету постигла катастрофа, в результате которой в живых остались бы только дети, а взрослое население погибло, то хотя человеческий род не прекратился бы, однако история человечества неизбежно была бы прервана. Машины бездействовали бы, книги оставались бы непрочитанными, художественные произведения утратили бы свою эстетическую функцию» [6, с. 423]. Из этой иллюстрации видно, что, хотя индивиды остались *здесь и сейчас*, но из-за разрушения социального наследования общество исчезло, история человечества должна была бы начать свое восстановление еще труднее, чем после библейского Всемирного потопа.

Таким образом, номиналистическая парадигма общества как суммы индивидов весьма уязвима с точки зрения знания об обществе, полноты описания, объяснения и использования данных. Японский социолог Т. Огане в статье о Г. Зиммеле пишет: «Когда Зиммель пытался доказать, что предметом его социологии могло бы стать взаимодействие

индивидов, многие его современники еще поддерживали идею социального номинализма, согласно которой общество номинально, а реально существуют только индивиды. Но тогда не было бы социологии как науки, так как не было бы предмета для нее» [7, с. 88].

Родоначальник социологического реализма как методологической парадигмы Э. Дюркгейм назвал общество «досадным фактом». Эта метафора редко цитируется, немногие пытаются ее понять и эксплицировать. Не вдаваясь в специальный анализ, отметим, что мог иметь в виду Э. Дюркгейм, исходя из логики его мышления. Во-первых, по его мнению, в отличие от сингулярных объектов естествознания онтология социальной реальности синтетична: в ней своеобразно слиты достижения предыдущих поколений с деятельностью ныне живущих *здесь и сейчас* людей. Досадность этого факта в том, что многие не хотят видеть и правильно оценивать вклад ушедших, которых, по словам О. Конта, подавляющее большинство (сегодня это более 110 млрд человек, а живет на планете 7,5 млрд), ограничиваясь доступными *ad hoc* (лат. – специально для этого) наблюдениями. Во-вторых, общество воспроизводит и создает все новые роли для людей или, как говорил вслед за Э. Дюркгеймом Г. Зиммель, «производит в себе и предлагает некоторое “место”, которое, правда, отличается от других по содержанию и очертаниям, но в принципе может быть заполнено многими, и поэтому есть нечто анонимное <...> но индивид занимает это место на основании внутреннего “призвания” (*rufes*), квалификации, воспринимаемой как вполне личная» [8, с. 113]. В-третьих, человек есть общественное существо *per se* (лат. – само по себе), а значит, не будь общества, не было бы и людей, ибо «феральные люди» (от лат. *ferre* – как бы, наподобие) по классификации К. Линнея (дети-маугли и др.) не могут ни гоминизироваться (очеловечиться), ни социализироваться (стать личностью, способной самостоятельно решать проблемы). В-четвертых, комментируя выражение «досадный факт», М. Арчер пишет: «Социальные структуры (институты – государство, семья и др., нормативно-ценностные системы, паттерны отношений, законодательные установления и проч. – С. III.) суть результаты, пережившие прошлые действия людей <...> именно так, избегая приговора времени социальные структуры становятся *sui generis*» [5, с. 62]. В-пятых, Э. Дюркгейм так разъясняет смысл надындивидуального: «Если указанный синтез *sui generis*, образующий всякое общество, порождает новые явления, отличные от тех, что имели место в отдельных сознаниях (и в этом с нами согласны), то нужно также допустить, что эти специфические факты заключаются в том самом обществе, которое их создает, а не в частях, т. е. в его членах» [9, с. 13].

«Методологический индивидуализм» вытекает из онтологических оснований номинализма вообще. Эти основания состоят в следующем: 1) общество есть совокупность индивидов; 2) надиндивидуальные образования только абстракции, они не имеют эмпирического смысла; 3) общество лишено системных свойств и поэтому не определяет действия индивидов; групповое давление есть сумма давлений членов группы, социальные изменения – сумма индивидуальных изменений [10, с. 30]. Тем самым из социологической науки изгоняются общественное мнение и массовое сознание, коллективные представления и менталитет народов, все формы общественного сознания, поскольку в силу своей историчности и кумулятивности они в принципе не могут быть аддитивными.

На первый взгляд может показаться, что именно реализм должен быть принят в качестве социологической методологии. Однако необходимо учитывать, что абсолютизация онтологических предпосылок реализма чревата недооценкой субъективных факторов социального действия, в том числе и научно-технического прогресса, инновационности, вольным или невольным уходом в область социологизма (вульгарного) и реификации («факты как вещи»). У Э. Дюркгейма это выразилось в сакрализации и гипостазировании общества. Социологизм, признавая общество надличностной реальностью, забывает, что она не может быть безличностной. Такой подход, как свидетельствуют исторические примеры, ведет к деформации общественных отношений.

При методологическом осмыслении оппозиции «субъективное – объективное» необходимо учитывать, во-первых, опыт историко-философского анализа данной категории, бинаризма вообще; во-вторых, современные тенденции к становлению субъектности, т. е. превращение индивида в субъект деятельности и всех общественных процессов. Характерное для отдельных направлений переопределение терминов ведет к размыванию классической субъект-объектной схемы познания, вплоть до устранения субъекта. По поводу последних усилий К. Поппер иронизировал, что они хотели бы создать «теорию познания без познающего субъекта (перевод наш. – С. Ш.)» [11, р. 112].

В психологии данная оппозиция рассматривается как одна из девяти биполярных шкал, раскрывающих природу человека. С ее помощью выясняется, что больше влияет на поведение: личный субъективный жизненный опыт или внешние объективные факторы? «В этом заключается суть положения о субъективности-объективности» [12, с. 46]. В социологии данный психологический аспект учитывается при изучении субъективных и объективных факторов социального действия, индивидуальной

и групповой активности. Но область применения шкалы значительно расширяется за счет включения социальной реальности и знаний в предметное поле исследования. Обращаясь к историческому опыту, необходимо отметить, что классическая схема S-O была предложена Р. Декартом. Она обладает рядом особенностей, которые не всегда точно эксплицируются критиками. Во-первых, важно учитывать, что это аналитическая схема, следовательно, она создана с использованием приемов абстрагирования, изоляции и др. Р. Декарт пишет: «Так, например, точки, которые обозначают число треугольников или генеалогическое дерево, объясняющее чью-нибудь родословную и пр., являются фигурами, представляющими множества» [13, с. 153]. Разумеется, тот, чья родословная изображена, заменит точки конкретными лицами. Однако схема сохраняет наглядную представленность ветвистости всех линий родства. Во-вторых, это модель познавательного процесса, и только. Поэтому попытки представить ее как деление мира на два множества субъектов и объектов некорректны. В-третьих, Р. Декарт под объектом имел в виду все то, на что направлено познание, он приводит пример задачи нахождения гипотенузы прямоугольного треугольника по известным катетам. Субъектом же выступает познаватель. Гносеологический субъект – это абстракция, в нем нет каких-либо демографических, психологических и других признаков, кроме одного – способности к познанию (в примере Р. Декарта субъектом является тот, кто хорошо усвоил теорему Пифагора). Значит, не каждый человек может быть субъектом тех или иных видов познания. «Руководство для ума» Р. Декарт и создал для того, чтобы расширить такие человеческие возможности. Позже И. Кант ввел понятие «трансцендентальный субъект», под которым, если снять терминологическую завесу, выступает ученый методолог, способный не только познавать некоторые классы объектов, но и сам процесс познания, разрабатывать новые методы исследования. Такой субъект более свободен в выборе объектов познания и когнитивно оснащен для конструирования предмета исследования.

Мы остановились на этой теме, чтобы подчеркнуть, что, хотя исторически теория познания развивалась опережающими темпами, классическая модель все-таки сохраняет свое значение. Во всяком случае невозможно представить, чтобы новое знание было получено без субъекта познания: индивида, коллектива, общества, человечества.

Со временем термин «субъект» был перенесен во все иные виды и сферы деятельности. Теперь под субъектом понимается активное начало, самопроизвольный источник творческой энергии, инновационного развития. Такое понимание вскоре

было подвергнуто критике, особенно когда субъектом истории стали называть народные массы, включать в анализ политическую деятельность, культуру, социальное творчество. В результате многие западные социологи стали искать иные нейтральные термины. Так, у Т. Парсонса появился «актор» (с ударением на первом слоге), у П. Бурдьё – «агент», у Й. Хейзинга – «игрок» и т. д.

Э. Дюркгейм, выясняя, что такое социальные факты, приводит множество примеров: знаковая система, налагаемые на нас гражданские обязанности, деньги и орудия кредита, профессиональные требования и религиозные верования, т. е. все то, что человек находит уже готовым, существующим до него, а значит, и вне его. Тем самым вводится категория объективного в социальный мир, который для идеалистически мыслящих философов, теологов представлялся как исключительно субъективный по своей природе. Э. Дюркгейм акцентирует принципиальный момент того, как достижения предшествующих поколений обретают самостоятельное существование, объективируются подобно предметам природы. «Следовательно, эти способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем примечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний» [9, с. 30]. Поэтому атрибутивной чертой социальных фактов, отличающей их от психологических, биологических и др., Э. Дюркгейм называет их собственное существование, независимое от индивидуальных проявлений.

Таковы две основные социологические парадигмы как методологические стратегии познания общества – реализм и номинализм. Несмотря на многие попытки провести их конвергенцию, преодолеть свойственные каждой из этих парадигм ограничения, противоречивые выводы, альтернативность и проч., они и сегодня сохраняют свою специфическую автономность; на их основе и в их рамках разрабатываются собственные описательные схемы, строятся познавательные и объяснительные модели, реализуются технологии прогнозирования, предлагаются практические рекомендации.

Вместе с тем в последнее время активно разрабатывается третья, конструктивистская, парадигма, направленная на то, чтобы прежде всего преодолеть недостатки каждой из двух первых, а также обосновать новаторские подходы к познанию общества. «Суть социологического конструктивизма, – пишет Ж. Т. Тощенко, – состоит в том, что он анализирует и интерпретирует социальную реальность, социальную жизнь и, соответственно, жизненный мир во всем их многообразии. При конструктивистском подходе существенным оказываются *модусы времени – прошлое, связанное с категорией «значение», настоящее, представленное в ценности, будущее, выраженное в цели* [14, с. 32].

Обратим внимание на то, что Т. Парсонс, пытаясь найти социологический смысл во фрейдовской концепции взаимоотношений «врач – пациент как социальная система», замечает, что в психоанализе они «представляют собой крайний и потому в некотором ограниченном смысле *парадигматический пример* (курсив наш. – С. Ш.) этих взаимоотношений» [15, с. 85–86]. Как видно, автор имеет в виду не парадигму как методолого-теоретический образец познания, а лишь идею о крайних и ограниченных парадигматических примерах толкования, рецепции, в данном случае – отношений между врачом и пациентом.

Если эту идею применить к обществу, то можно выделить по крайней мере три парадигматических примера дефинирования данного понятия. Во-первых, это определение общества как обособившейся части природы. Этот пример во все времена служил обоснованию материализма по схеме: раз природа материальна (что бесспорно), то и общество, как ее часть, материально. Но еще в советское время Ю. К. Плетников писал: «При рассмотрении природы в широком смысле слова географическая оболочка включает в себя человеческое общество, при рассмотрении природы в узком смысле – противопоставляется обществу, становится его географической средой» [16, с. 58].

Во-вторых, эволюционистское утверждение о том, что общество (человечество) есть организм. Автор этой дефиниции английский социолог Г. Спенсер выделил четыре признака, по которым общество конгруэнтно (подобно) организму: а) рост массы; б) усложнение структуры; в) взаимозависимость частей; г) продолжительность жизни целого больше, чем составляющих его единиц. Такое уподобление не имеет какого-либо научного смысла, если иногда и встречается, то лишь как иллюстрация. Характерно, что против такого подхода одним из первых, даже раньше научного сообщества, выступил Л. Н. Толстой. Он писал: «Вы говорите, что общества подобны организмам по этим четырем признакам, но ничего этого ведь нет. Вы только берете некоторые признаки организма и под них подводите человеческие общества <...>. На таком основании под признаки организма можно подвести что хотите» [17, с. 338].

В-третьих, дефиниция, предложенная Т. Парсонсом: «Общество есть такой тип социальной системы во всей совокупности социальных систем, которая достигла высшей степени *самодостаточности* в отношениях со своим окружением» [18, с. 792]. При всей, казалось бы, очевидности, критерий самодостаточности скорее относителен, чем универсален, к тому же он плохо поддается операционализации. Для социологии общество – это прежде всего *страна-государство*. Сегодня на планете Земля 220 таких самостоятельных обществ,

т. е. суверенных государств. И все они являются самодостаточными просто по факту своего существования, и в этом все они как будто бы равны. Но с точки зрения жизнеобеспечения о равенстве говорить не приходится. Следовательно, социолог должен ввести шкалу уровней самодостаточности, определить показатели уровней и т. д. Т. Парсонс фактически не обратил внимания на судьбы тех обществ, которые сложились исторически при переходе от родового строя к рабовладению и феодализму, если учитывать классификацию, предложенную формационной теорией. А таких обществ (*стран-государств*) было очень много: только Аристотель, работая над книгой о государственном устройстве и политике в Древней Греции, собрал более 150 конституций самостоятельных государств; на территории Беларуси до создания ВКЛ насчитывалось более 20 княжеств; Г. В. Ф. Гегель писал о Германии, что она распалась на 360 самостоятельных единиц, в том числе 50 вольных городов, и представляет собой возведенную в государственный порядок анархию, какой мир еще никогда не видел [19, с. 431]. Вспоминая Урарту, Ассирию, Вавилон, Шумер, Аккад, государства инков и майя, самобытные племена индейцев и многие другие, невольно задумываешься, как и почему они сошли с

карты человечества. Ведь самодостаточность, если они ею обладали, должна была бы включать и обеспечение безопасности, достаточную оборону. Этого, однако, не случилось, что ставит под сомнение парадигматический пример Т. Парсонса.

Таким образом, в методологическом плане в очередной раз реактуализируется проблема преодоления раскола между социологическими парадигмами номинализма и реализма, их конвергенции и преодоления присущих каждой из них ограничений. Здесь уместна аналогия с биологической наукой. Так, за последнее время значительных успехов достигла молекулярная биология, изучающая жизненные явления на молекулярном уровне, т. е. на уровне молекул, из которых состоит клетка. Но эти знания приобретают практическую и эвристическую значимость в контексте ответов на вопросы: что такое жизнь? чем живое отличается от неживого? каковы общие свойства живых организмов? Ответы на них может дать только общая биология. Так и в социологии. Знание о человеческих диспозициях, поведении людей в разных ситуациях полезно, если известно, что такое общество как целостность, как оно возникает, каковы его структура и динамика, какие факторы влияют на его устойчивость и развитие.

Четырехфункциональная парадигма Т. Парсонса

Вклад Т. Парсонса в социологическую науку многогранен и неоспорим. Он действительно создал систему координат, понимаемую как понятийный аппарат и логическая схема моделирования и анализа сложных общественных проблем. Нельзя не согласиться со следующей оценкой автора, высказанной В. Ф. Чесноковой: «Концепция Парсонса дана нам на будущее. Мы еще очень многому можем научиться у этого ученого. Более того, хочется сказать, что концепция Парсонса все еще остается данной на будущее также и мировой социологии. Хотя прошло много лет, появились новые школы и направления, тем не менее солидных работ, развивающих концепцию Парсонса или как-то ее замещающих, пока не видно. Дело в том, что сфера макросоциологии – главная сфера работы Т. Парсонса – как бы временно оставлена социологами» [20, с. 14]. Характерно также, что рецепция Т. Парсонса мировой социологией является неоднозначной. С одной стороны, социологическое сообщество еще при жизни признало его живым классиком своей науки, с другой – многие видели в нем любимую фигуру для критики. Причем если американские и европейские социологи критиковали его за структурно-функциональный анализ, нормативизм, защиту порядка, стабильности, гомеостаза (равновесия), сложность изложения и т. п., то марксисты обвиняли его в позитивизме, фрейдизме, апологетике капитализма, отказе от принятия

материалистического понимания истории и др. От первых он успешно отбивался, разъясняя свою позицию, показывая ошибочность аргументов противников. С марксистами он в прямую полемику не вступал, хотя в СССР его публикации появились еще в 1960-е гг. Но он один из немногих, кто активно использовал термин «коллективизм» как форму социальной жизни. О К. Марксе он писал: «Я очень рад признать, что на социологическом уровне Маркс является одним из символических *дедов* теории действия» [18, с. 67]. Вместе с тем он замечает, что К. Марксу, «прежде чем стать отцом науки», следовало отказаться от роли революционного лидера. И действительно, ряд положений, включенных К. Марксом в теорию, были взяты из революционной практики, например обнищание пролетариата, ликвидация денег при социализме, уничтожение частной собственности, общественного разделения труда, равная оплата труда «тачечника и архитектора» (уравниловка) и др., что, воспринятое как истина, деформировало социалистическое общество.

Т. Парсонс создал четырехфункциональную парадигму путем сложного анализа уже имеющихся стандартных переменных, разработанных им в теории действия. Это позволило выделить две новые оси дифференциации – внешне-внутреннюю и инструментально-консумматорную. Их перекрестное объединение в таблицу позволило найти четыре новые позиции, которые он назвал функциями.

Эту схему ученый использовал для анализа общества как социальной системы, введя такой термин, как «социетальное общество», и специальные обозначения этих функций.

Т. Парсонс использовал термин «социетальный» для обозначения высшего уровня системных образований. Так, характеризуя взаимопроникновение религиозного и светского в западном мире, он отмечает: «Верховный социетальный коллектив стал государством, управляемым мирянами» [18, с. 586]. Потребность в категоризации данного термина связана с тем, что понятие «общество» является достаточно многозначным, что затрудняет выделение разных по содержанию классов объектов. В связи с этим, например, Ф. Хайек заявлял: «Я дал себе зарок никогда не употреблять слова “общество” (society) или “социальный” (social)» [21, с. 189]. Но если Ф. Хайек не предложил каких-нибудь новых терминов, то Т. Парсонс попытался уточнить и усовершенствовать понятийный аппарат: «Многие социальные системы, – по его словам, – такие как местная община, школа, предпринимательская фирма и единица родства – это не общества, а подсистемы общества». К числу наиболее развитых в структурном плане обществ современного типа Т. Парсонс отнес Соединенные Штаты Америки, Советский Союз и Японию [18, с. 785]. Таким образом, под социетальным обществом понимается *страна-государство*, обладающая высокой степенью самодостаточности, социокультурной и гражданской идентичностью, ценностным единством, воспроизводством населения путем рождения, законодательной системой, географическими границами территорий и др. Соответственно, социетальный порядок характеризует уровень организации такого общества как целостности.

Первое, на что обращает внимание Т. Парсонс, – это универсальное отождествление структуры высшего коллектива с политической организацией и объединение последней с правовой системой. Он поясняет: «Нет такого общества, которое отжило бы допустить, чтобы какой-либо другой нормативный порядок взял верх над порядком, санкционированным политически организованным обществом. Действительно, провозглашение любого такого альтернативного порядка есть революционный акт, и органы, ответственные за это, должны отвечать за свои действия на правах политической организации» [18, с. 588]. Что касается роли революций в обеспечении социального порядка, то Т. Парсонс следует линии О. Конта, А. де Токвиля, Г. В. Плеханова, делавших ставку на реформы, но не К. Маркса, называвшего революции «локомотивами истории», и не В. И. Ленина, утверждавшего, что главный вопрос революции – переход государственной власти из рук одного класса в руки другого. По Т. Парсонсу, решающее значение для созда-

ния и поддержания социетального порядка имеют процессы институционализации и координации взаимодействия институтов.

Под институционализацией в этимологическом смысле можно понимать превращение некоторых общественных функций в социальные институты с приданием им соответствующего статуса. С содержательной точки зрения институционализация означает легализацию (узаконивание) и легитимизацию социально значимых повседневных практик, схем отношений, правил поведения, норм деятельности, символических систем, направленных на поддержание стабильности и повышение жизнеспособности социума. Легализация представляет собой законодательное оформление определенного института (брака, семьи, наследования, собственности и др.) на основе комплекса юридических норм. Легитимизация есть признание населением тех или иных институтов и действий, в том числе правовых норм и управленческих решений, соответствующих ожиданиям и перспективам развития с точки зрения духа законов, морали и потенциальных возможностей. Моральный аспект имеет огромное значение, поскольку нормы права не могут и не должны охватывать такие стороны жизни общества и личности, как индивидуальное потребление (вкусы, мода и т. п.), предпочтения в межличностных отношениях, выборе профессии, досуговых занятий и др. В этих сферах и сегодня велика роль общественного мнения, хотя оно не столь однозначно и категорично в своих оценках, как в традиционном сельском мире. Т. Парсонс выделяет четыре типа институтов:

- 1) реляционные – формирующие сами отношения (роли, позиции) в социальной системе;
- 2) регулятивные – поддерживающие баланс интересов с помощью распределения вознаграждений, доступа к социальным благам, ресурсам, информации и т. д.;
- 3) культурные – определяющие сферу экспрессивных символов, культурных ориентаций, убеждений и даже моделей моральной ценностной ориентации, когда в игру входит только *признание*, а не включенность в действие, т. е. религия и идеология;
- 4) интегративные – обеспечивающие стабильность и целостность системы, реализацию общих целей, общественного блага.

Институты направляют процессы деятельности, создают соответствующие механизмы стимулирования и мотивации, а также социального контроля. Кроме того, вводятся ограничения институционального уровня на те или другие действия, способные нарушить социальный порядок. Так, Т. Парсонс отмечает, что, хотя в современном американском обществе достижение прибыли санкционировано как приемлемая цель для индивидов и деловых фирм, тем не менее запрещена

продажа ради прибыли «некоторых морально цензурируемых развлечений», ограничиваются «попытки достижения цели при помощи силы или обмана», регулируется «производство оружия и некоторых видов публичных услуг» [18, с. 125].

Разумеется, такие ограничения есть, но насколько они достаточны и эффективны, особенно в свете растущего объема порнографической продукции, создаваемой американскими режиссерами для всего мира, или трагедии в американском штате Вирджиния 18 апреля 2007 г., когда студент расстрелял 33 своих сокурсника, и многих других разборок с применением оружия, от которого ежегодно погибает более 10 тыс. человек. Т. Парсонс поставил проблему, но не следует ожидать от него рецептов обуздания того же оружейного лобби, с которым неспособны справиться правительство и конгресс США.

Особое место в парсоновской модели социального порядка отводится четырехфункциональной парадигме. Общество для своего сохранения и развития должно выполнять некоторый минимум функциональных предписаний или императивов: адаптации, целедостижения, сохранения образцов и интеграции.

Адаптация есть способ взаимодействия социальной системы с окружающей средой, позволяющий не просто приспособливаться к ее изменениям, а овладевать природными ресурсами, климатическими и другими факторами за счет рациональной организации производственного потенциала (распределения людей, средств производства, орудий труда и др.). Этот императив воспринимает и реализует экономика.

Целедостижение – это обоснование стратегии развития: правильная постановка целей, выбор приоритетов с учетом, с одной стороны, потребностей и ожиданий людей, с другой – реальной оценки возможностей, в том числе и того, насколько общество способно напрячься, чтобы осуществить намеченное. Данное функциональное предписание входит в компетенцию политики, прежде всего государственных органов, а также партий и других организаций.

Поддержание образца (или латентность) понимается как сохранение и трансляция общесистемных стандартов действия, паттернов отношений, символического кода социума. Термин «латентность» показывает, что такие образцы (символы, стандарты) не существуют в прямой физической форме, как, например, вещи и т. п., они скрыты для несоциализированного индивида в самой культуре, и ему прежде всего необходимо понять и принять их символическое содержание. За выполнение данного императива отвечают институты семьи, образования, СМИ и др. Так, церемониал прошения у высших сил дарования дождя (у племени хопи)

есть функция явная, а то, что такой молебен сплачивает племя, – латентная.

Интеграция обозначает требование координации совместной деятельности, солидарности и сотрудничества, несмотря на возможные расхождения интересов, эмоциональное напряжение или разногласия в механизмах распределения тех или иных благ. В религиозном обществе интеграция обеспечивается религией, в светском – прежде всего идеологией, в смешанном – их совместными усилиями.

Каждая из выделенных четырех подсистем взаимодействует с другими таким образом, что, используя имеющиеся у нее средства (капиталы), вносит определенные вклады в их развитие и, соответственно, приобретает от них то, что необходимо для выполнения ее функциональных императивов.

Второй предпосылкой социетального порядка выступают принципы иерархии символических средств обмена и коммуникации. К ним относятся ценностные обязательства, влияние, власть и деньги. По Т. Парсонсу, на вершине иерархии должно находиться ценностное обязательство, понимаемое как привязанность и обобщенная способность вносить ценности в жизнь. В процессах обмена и коммуникации ценностное обязательство является оборотным средством, которое может накапливаться (как и деньги) институтами, партиями и отдельными лицами, обладающими моральным авторитетом и высоким уровнем доверия. Т. Парсонс считал одним из самых значительных достижений социологической науки веберовский анализ харизматического лидерства. Харизматик расширяет «банк ценностных обязательств» (число приверженцев и последователей) и на этой основе может реорганизовать существующую систему институционализированных ценностей, как это делали основатели мировых религий.

На втором месте – влияние как символическое средство социального сообщения и обмена. В его основе лежит социальная солидарность, перерастающая в идентификацию по признакам гражданства, партийности, ассоциации и др. Добровольные объединения людей можно рассматривать как «банки влияния», которое (влияние) лидеры могут использовать для повышения своей репутации, завоевания электорального большинства.

Далее идут такие символические средства, как власть и деньги. Иерархия символических средств обеспечивает информационную регуляцию социетального порядка. Так, подсистема латентности, производящая ценностные обязательства, информационно регулирует процессы интеграции и соответствующие ей «банки влияния». Подсистема интеграции, в свою очередь, информационно регулирует подсистему целеполагания («банки власти»), а последняя – подсистему адаптации, т. е.

экономику с ее символическим оборотным средством – деньгами.

Нарушение информационного порядка, когда, например, деньги становятся выше ценностных обязательств, влияния или власти или власть – выше ценностных обязательств и влияния (более высоких в иерархии), ведет к дезорганизации общества.

Таким образом, Т. Парсонс создал сложную разветвленную многоуровневую модель социального порядка. Важно учитывать, что это теоретико-аналитическая модель, а не отражение эмпирической реальности, но в ней есть определенная система координат (понятийная сетка), позволяющая ставить и исследовать конкретные социальные проблемы. «Я берусь утверждать, – отмечал Т. Парсонс, – что такой вклад может быть подлинно эмпирическим» [18, с. 24]. В отличие от Ф. А. фон Хайека Т. Парсонс не исключает из своей концептуальной схемы ни государства, ни общественные институты и не видит в рынке только экономическое явление. Он

подчеркивает: «Молчаливая посылка экономистов состоит в том, что неэкономические факторы нельзя анализировать на столь же теоретически специализированном уровне, как уровень экономической теории» [18, с. 57]. В силу этого экономическая теория и сегодня рассматривает только три из шести выделенных Т. Парсонсом рынков (рынок ресурсов, рынок труда и рынок норм распределения), оставляя вне своего внимания рынок ценностных обязательств, рынок средств влияния и рынок политической поддержки. Термин «порядок» уточняется ученым применительно к конкретным уровням анализа: единичного действия, интерактивной диалектики, системы действия и социетального общества. На социетальном уровне порядок – это не просто некоторое состояние общества, а желательный тип социальной системы. Эта идея позволяет подойти к изучению социального порядка с учетом представлений людей о должном, их ожиданий и оценок, а значит, проводить компаративный анализ данного феномена в различных регионах страны.

Взаимодействие основных сфер – основа стабильности общества

Т. Парсонс в своей концептуализации общества как социальной системы отказался от использования понятия «сфера общества» по непонятным причинам. Вместо этого он постоянно говорит о подсистемах общей системы действия. Это невольно ведет к номинализму, поскольку действовать могут лишь те люди, которые имеются *здесь и сейчас*. Но с другой стороны, говоря об экономике, политике, культуре, любой исследователь просто обязан учитывать достижения предыдущих поколений и рассматривать проблему социального наследования. Вместе с тем отсутствие в модели Т. Парсонса понятия социальной сферы потребовало введения других терминов. Так, он вводит понятие «социетальная общность» (*societal community*), которая возникает путем интеграции всех подсистем и структур низшего уровня. Тем самым он возвращается к традиционному различению общины и общества, предложенному Ф. Теннисом. Не вполне обосновано у Т. Парсонса выражение «фидуциарная подсистема» [22, с. 201], реализующая функцию сохранения образца. Поскольку этимологически термин «фидуции» обозначает отношение на основе презумпции доверия (общей веры), то он скорее подходит для характеристики межличностных контактов в рамках общины, чем латентных форм культуры.

Обратим внимание на то, что Т. Джонсон в своем предисловии к русскому изданию книги М. Новака «Дух демократического капитализма» отметил некоторую амбивалентность позиции автора. С одной стороны, его взгляды связаны лишь с верой

в человека, но не в Бога или возможность спасения. С другой стороны, обращение М. Новака к анализу общества с разделением последнего на три сферы имеет определенно религиозные предпосылки. Т. Джонсон пишет: «Предложение различать экономическую, политическую и духовно-культурную сферы в обществе прозвучало впервые еще на Втором Ватиканском соборе (1962–1965) католической церкви и зафиксировано в документе под названием *Gaudium et Spes. Pastoral Constitution on the Church in the Modern World*»¹ [23, с. 14].

Как видим, указывается на приоритет Ватиканского собора в разделении общества на три сферы. Но вместе с тем здесь нет социальной сферы и, следовательно, предполагается, что все, что связано с непосредственным жизнеобеспечением, – социальная защита, пенсии и пособия, субсидиарность, охрана здоровья, образование и др. – передано другим институтам, например страховым, маркировано в форму услуг и возложено на тех, кто в таких услугах нуждается. И, конечно, поскольку работа выполнена в теологическом ключе, строго научной категоризации терминов в ней не предусмотрено: сферы общества понимаются только как его части, в лучшем случае – его подсистема.

Сферные идеи и соответствующий понятийный аппарат активно разрабатывались в марксистской социологии и социальной философии с конца 1950-х гг. [24; 25]. Обращение к данной проблематике определялось прежде всего тщательным анализом работ классиков марксизма. К. Маркс писал: «Способ производства материальной жизни

¹«Обретение надежды. Пасторское послание о церкви в современном мире».

обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [26, с. 7]. Отсюда вытекала правомерность и целесообразность деления общества не на три, а на четыре основные сферы, включая социальную. Вместе с тем выяснилось, как отмечал В. С. Барулин, «что пока еще нет общепринятого, теоретически развернутого определения сферы общественной жизни» [27, с. 47]. «Все исследователи, по его словам, под сферой общества понимают его определенную сторону, область, часть, объективно существующую, структурно оформленную и связанную с другими сферами, с обществом в целом. Однако такая трактовка сферы общественной жизни еще не имеет категориального статуса. Это, скорее, первое вычленение какого-то явления без строгого теоретического обоснования» [27, с. 47]. В. С. Барулин в качестве основания категоризации предложил принять законы функционирования и развития соответствующих сфер. Он писал: «Характеристика сущности сферы общественной жизни возникает только тогда, когда выясняются те законы, которые объединяют все ее образования в нечто качественно целое» [27, с. 48]. К сожалению, данное предложение осталось нереализованным в том числе и потому, что в ряде направлений (методологический индивидуализм, идиографический метод и др.) статус социологического закона подвергнут критике и отрицанию.

Характерно также мнение Л. М. Семашко о первичности социальной сферы. Он пишет: «Из всех сфер объективно задающей является социальная (гуманитарная) сфера как сфера непосредственного бытия человека, его существования <...>. Сферная социология утверждает целевую подчиненность всех сфер не материальной, а социальной сфере <...>. Обратная нацеленность ведет общественную систему к самовыврождению, самоликвидации» [28, с. 61].

На наш взгляд, такое противопоставление несостоятельно теоретически и вредно практически. Во-первых, от замены экономического детерминизма социологическим или иным нельзя ожидать системных сдвигов. Во-вторых, реальный человек живет не в одной, а во всех сферах общественной жизни, а значит, нуждается во всех их ресурсах и услугах. Скажем, ему нужна не только социальная защищенность, но и материальное благосостояние, политические права, гарантии, культурные достижения – от кино, СМИ, интернета до высокого искусства. Причем в доступе ко всем этим благам человек нуждается не разово, а каждодневно, в крайнем случае периодически.

Мы определяем данное понятие следующим образом. *Сфера общества представляет собой кластер институтов с имеющимися у них материальными и кадровыми ресурсами, инфраструктурой,*

коммуникациями, органами управления и др., объединенных на основе функционального назначения и единого принципа связи элементов в определенную качественную целостность, отличную от других общественных форм объединения, но взаимодействующих с ними в процессах системного воспроизводства социального общества (страны-государства). Под социальной сферой понимается совокупность отраслей непосредственного жизнеобеспечения населения, образующихся из низовых звеньев, ресурсы которых организованы в соответствии с заданным профилем и включающих такие институционализированные отрасли, как образование, здравоохранение, культура, жилищно-коммунальное хозяйство, санаторно-курортный комплекс, туризм (без экспортной части), физическая культура и спорт (без профессионального спорта), пенсионное обеспечение, социальная работа, защита уязвимых категорий и др.

Таким образом, четыре основные сферы общества когерентны (сцеплены друг с другом) следующим образом. Например, экономическая сфера получает от других такие вклады:

1) от сферы политики – цели и приоритеты, организованность всей общественной жизни, общую мобилизованность и др.;

2) от социальной сферы – лояльность, солидарность, упорядоченность конкурирующих притязаний, социальный капитал, минимизацию или смягчение конфликтов, дополнительные производственные эффекты сотрудничества и коллективизма;

3) от духовно-культурной сферы – высокий уровень готовности людей к экономической деятельности, социализированных и мотивированных индивидов, профессионализм работников, человеческий капитал.

В свою очередь, вклады экономики в другие сферы – это не только материальные средства к жизни, но и новые рабочие места, возможности выбора профессий, доступ к ресурсам и информации (новые средства связи, интернет и т. д.), социальным благам и услугам, вертикальную мобильность, иммиграцию, условия самореализации индивида. На уровне взаимообменов между основными сферами общества прежние категории (консистентность ориентации, согласование и взаимодополнение ожиданий и др.) не объясняют координированность действий институтов. Социетальный порядок требует эквивалентных обменов (входов/выходов) между подсистемами, например, если экономика ориентирована на производство ради производства или на прибыль любой ценой, то процессы обмена нарушаются, возникают явления дисбаланса, личностной демотивации, что отрицательно сказывается на устойчивости общества как целостной системы.

Библиографические ссылки

1. Кант И. Критика чистого разума. М., 2006.
2. Ракитов А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982.
3. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб., 2001.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : в 3-х т. М., 1956. Т. 1.
5. Арчер М., Оберемко О. А., Филиппов А. Ф. Реализм и морфогенез // Социол. журн. 1994. № 4. С. 50–68.
6. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
7. Огане Т., Филиппов А. Ф. Социология на рубеже веков: Георг Зиммель // Социол. журн. 1994. № 2. С. 82–91.
8. Зиммель Г., Филиппов А. Ф. Как возможно общество? // Социол. журн. 1994. № 2. С. 102–114.
9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
10. Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М., 1999.
11. Popper K. Objective knowledge. Oxford, 1974.
12. Хьелл Л., Зиглер Т. Теории личности. Минск, 2001.
13. Декарт Р. Правила для руководства ума. М., 1936.
14. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М., 2016.
15. Парсонс Т., Ковалев А. Д. Интеллектуальная автобиография // Социол. журн. 1995. № 2. С. 73–94.
16. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное : в 2 т. / отв. ред. Ю. К. Плетников. М., 1981. Т. 1.
17. Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Собрание сочинений : в 20 т. М., 1964. Т. 16.
18. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
19. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 т. М., 1990. Т. 1.
20. Чеснокова В. Ф. Предисловие // Т. Парсонс. О социальных системах. М., 2002.
21. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992.
22. История теоретической социологии : в 4 т. / под ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1998. Т. 3.
23. Новак М. Дух демократического капитализма. Минск, 1997.
24. Тугаринов В. П. Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958.
25. Рожин В. П. Введение в марксистскую социологию. Л., 1962.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1959. Т. 13.
27. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное : в 2-х т. / отв. ред. Ю. К. Плетников. М., 1983. Т. 2.
28. Семашко Л. М. Сферный подход. Философия, демократия, рынок, человек. СПб., 1992.

References

1. Kant I. [Criticism of pure mind]. Moscow, 2006 (in Russ.).
2. Rakitov A. I. [Historical knowledge. System and gnoseological approach]. Moscow, 1982 (in Russ.).
3. Maslou A. G. [Motivation and personality]. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).
4. Marks K. [Capital. Criticism of political economy] : in 3 vol. Moscow, 1956. Vol. 1 (in Russ.).
5. Archer M., Oberemko O. A., Filippov A. F. Realism and morphogenesis. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1994. No. 4. P. 50–68 (in Russ.).
6. Leont'ev A. N. [Problems of development of mentality]. Moscow, 1981 (in Russ.).
7. Ogane T., Filippov A. F. [Sociology at the turn of the century: George Zimmel]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1994. No. 2. P. 82–91 (in Russ.).
8. Zimmel G., Filippov A. F. [How society is possible?]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1994. No. 2. P. 102–114 (in Russ.).
9. Dyurkgeim E. [Sociology. Its subject, method, mission]. Moscow, 1995 (in Russ.).
10. Shikhirev P. N. [Modern social psychology]. Moscow, 1999 (in Russ.).
11. Popper K. Objective knowledge. Oxford, 1974.
12. Kh'ell L., Zigler T. [Theories of the personality]. Minsk, 2001 (in Russ.).
13. Dekart R. [Rules for the management of mind]. Moscow, 1936 (in Russ.).
14. Toshchenko Zh. T. [Sociology of life]. Moscow, 2016 (in Russ.).
15. Parsons T., Kovalev A. D. [Intellectual autobiography]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1995. No. 2. P. 73–94 (in Russ.).
16. Pletnikov Yu. K. (ed.). [Marxist-Leninist theory of historical process. Historical process: reality, materials basis, primary and secondary] : in 2 vol. Moscow, 1981. Vol. 1 (in Russ.).
17. Tolstoi L. N. [So to do to us?]. *Collected works* : in 20 vol. Moscow, 1964. Vol. 16 (in Russ.).
18. Parsons T. [About social systems]. Moscow, 2002 (in Russ.).
19. Gegel G. V. F. [Works of different years] : in 2 vol. Moscow, 1990. Vol. 1 (in Russ.).
20. Chesnokova V. F. [Preface]. In: T. Parsons. [About social systems]. Moscow, 2002 (in Russ.).
21. Khaiek F. [Harmful self-confidence]. Moscow, 1992 (in Russ.).
22. Davydov Yu. N. (ed.). [History of theoretical sociology] : in 4 vol. Moscow, 1998. Vol. 3 (in Russ.).
23. Novak M. [Spirit of democratic capitalism]. Minsk, 1997 (in Russ.).
24. Tugarinov V. P. [Ratio of categories of historical materialism]. Leningrad, 1958 (in Russ.).
25. Rozhin V. P. [Introduction to Marxist sociology]. Leningrad, 1962 (in Russ.).
26. Marks K., Engel's F. (ed.). [Works] : in 50 vol. Moscow, 1959. Vol. 13 (in Russ.).
27. Pletnikov Yu. K. (ed.). [Marxist-Leninist theory of historical process. Historical process: reality, materials basis, primary and secondary] : in 2 vol. Moscow, 1983. Vol. 2 (in Russ.).
28. Semashko L. M. [Spherical approach. Philosophy, democracy, market, person]. Saint Petersburg, 1992 (in Russ.).

УДК 316.4

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

М. К. ГОРШКОВ¹⁾

¹⁾Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, 117218, г. Москва, Россия

Посвящена многоаспектному анализу состояния и динамики развития российского общества в условиях новой реальности, опосредованной внешними и внутренними угрозами и рисками, которые связаны с последствиями экономического кризиса в России в 2014 г. Эмпирическую базу составляют результаты общенационального социологического мониторинга, проводимого с 2014 г. по настоящее время научной группой Института социологии Российской академии наук (с июля 2017 г. – Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук). Полученные в ходе исследования выводы общесистемного и контекстного характера позволяют в режиме социологической диагностики обратиться к проблематике жизненных приоритетов современных россиян. Особое внимание уделяется адаптационным возможностям российского населения, стратегиям адаптации различных социальных групп к складывающейся ситуации, анализу практик экономического и политического поведения россиян в кризисных ситуациях. Рассматривается воздействие кризисной ситуации на материально-экономическую основу российской повседневности, а также удовлетворенность россиян различными аспектами жизни. Диагностируется системное изменение взаимоотношений работников и работодателей. Оценивается социально-психологическая динамика российского социума в рассматриваемый период. Анализируются устойчивость и изменчивость мировоззренческих ориентаций и жизненных приоритетов россиян, ресурсы социальной интеграции в полиэтническом и религиозном пространстве России.

Ключевые слова: российский социум; массовое сознание; кризисная ситуация; экономические и политические практики поведения; адаптация; жизненные приоритеты; социальный ресурс; интеграция; консолидация; ценностно-нормативная система.

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта Российского научного фонда № 14-28-00218-II «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (руководитель проекта – М. К. Горшков).

RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF CRISIS REALITIES: INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS

M. K. GORSHKOV^a

^aFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
24/35 Krzhizhanovskogo Street, 5 building, Moscow 117218, Russia

The paper focuses on the results and main conclusions of a multidimensional analysis of the state and dynamics of Russian society in a new reality, mediated by external and internal threats and risks aggravated by the consequences of the economic crisis that started in Russia in 2014. The empirical basis for it is formed by the results of the national sociological monitoring survey, covering the period from 2014 to present, which is carried out by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences research team (since July 2017 – the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian

Образец цитирования:

Горшков М. К. Российское общество в условиях кризисной реальности: внутренние и внешние факторы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 24–43.

For citation:

Gorshkov M. K. Russian society in the context of crisis realities: internal and external factors. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 24–43 (in Russ.).

Автор:

Михаил Константинович Горшков – академик РАН, доктор философских наук; директор.

Author:

Mikhail K. Gorshkov, academician of the Russian Academy of Sciences, doctor of science (philosophy); director.
m_gorshkov@isras.ru

Academy of Sciences. System-wide and contextual conclusions obtained through the survey allow to apply to sociological diagnostics of the life choices and vital priorities of modern Russians. Particular attention is given by the author to the adaptive capacities of Russian population, adaptation plans and strategies used within different social groups, in-depth analysis of Russians' economic and political behaviour in crisis. The paper also considers the impact of crisis on material and economic aspects of Russian everyday life, and Russians' satisfaction with the different issues of their existence. A systematic change in employer-employee relationship is diagnosed. The socio-psychological dynamics of Russian society is assessed during the period under review. The author explores sustainability and volatility of Russians' worldviews, values and aspirations, as well as the resources for social integration in a poly-ethnic and religious space of Russia.

Key words: Russian society; mass consciousness; crisis situation; economic and political patterns of behaviour; adaptation; vital priorities and life choices; social resource; integration; consolidation; system of norms and values.

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 14-28-00218-II «Dynamics of social transformation of modern Russia in socio-economic, political, socio-cultural and ethno-religious contexts» (the head of the project – M. K. Gorshkov).

Введение

Современная социальная динамика, усложнение общественной жизни предъявляют повышенные требования к социологическому знанию комплексного характера, прежде всего в аспектах, касающихся всестороннего анализа и объяснения состояния и тенденций развития как отдельных сфер жизни общества, так и социальных изменений, происходящих в нем, в целом. Данная проблема особенно актуальна в контексте изучения российского социума, не одно десятилетие переживающего противоречивые трансформационные процессы и по-прежнему решающего вопрос выбора вектора собственного развития.

Как известно, комплексные исследования социальных трансформаций, имеющих место в обществах разного типа, предполагающие и нацеленные на учет полифакторных воздействий и взаимовлияний, в последние годы регулярно становились предметом изучения многочисленных областей гуманитарного знания. Однако акцент в них делался по большей части на всеохватность и применение нормативистского и компаративистского подходов. Неслучайно наибольшую известность и признание получили научно-аналитические, академические исследования, предлагающие не только и не столько данные, характеризующие текущее положение дел, сколько широкое полотно фактов и объяснительных схем, учитывающих совокупность факторов, определяющих специфику общественных изменений как в целом, так и в отдельных их аспектах – от цивилизационных, ценностных до экономических и политических.

Обращаясь к комплексным исследованиям социальных трансформаций в мировой науке, следует не только подчеркнуть в качестве доминирующего их лейтмотива выбор оптимальных политических стратегий и практик, но и заявить о необходимости широкой постановки данного вопроса.

Имея в виду возможности совмещения теоретической интерпретации социально-политических трансформаций с использованием социологического мониторинга как организационно-методи-

ческой и аналитической базы их изучения, стоит прежде всего отметить наиболее значимые проекты, осуществленные под руководством Р. Инглхарта в рамках Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey*) [1–4].

В плане соотношения экономических, социальных, политических, этнических, религиозных и культурных индикаторов методологический и теоретический интерес представляет Европейское социальное исследование (*European Social Survey*), позволяющее на основе массовых опросов, проводимых в странах Европы по методике Ш. Шварца, определить взаимосвязи изменений в социальных и политических институтах, ориентаций, верований, а также ценностей и поведения в европейских обществах и России [5–7].

Необходимо отметить присутствие в российском социогуманитарном поле комплексных, междисциплинарных работ, посвященных анализу происходящих в России социальных трансформаций и интерпретации особенностей протекающих в ней процессов. На протяжении 2000-х гг. социологические, политологические и социально-экономические исследования социальных преобразований в РФ, осуществляемые сквозь призму параметров идентичности, возможностей и специфики модернизационных процессов, выработки направлений эффективной государственной политики, систематически проводятся исследовательскими группами Института социологии Российской академии наук (ИС РАН) [8–13].

При рассмотрении различных аспектов социальных трансформаций российского социума заметен очевидный сдвиг к включению в поле анализа социокультурных переменных, индуцирующих специфику политических, институциональных и ценностных корреляций [14; 15].

Таким образом, анализ проводимых исследований демонстрирует присутствие в гуманитарной рефлексии попыток осмысления широкого спектра современных тенденций, связанных с проблематикой изучения обусловленности общественных

преобразований. Вместе с тем в них наблюдается дефицит *многоаспектного контекстного аналитического подхода*, способного сочетать теоретико-концептуальную и практико-ориентированную исследовательскую работу по выявлению особенностей социальных трансформаций с установлением количественно-качественных параметров состояния и динамики российского социума по принципу *здесь и сейчас*. Все это и побудило научную группу ИС РАН к осуществлению масштабного социологического проекта¹, направленного на изучение состояния и динамики российского общества, испытывающего на себе одновременное воздействие трансформационных процессов и кризисных условий жизнесуществования.

Осуществление проекта началось осенью 2014 г. при финансовой поддержке Российского научного фонда. Программой предусматривалось проведение (каждые шесть месяцев) общенациональных социологических исследований, направленных на изучение трансформационных процессов, которые происходят в современной России в контексте общественных ситуаций.

Объем выборочной совокупности каждого исследования составлял 4000 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше в разбивке по полу, возрастным когортам, уровню образования и типу поселения.

К определению исследовательской стратегии

Исследовательскую стратегию применения контекстного подхода в значительной степени определили результаты *первой волны* мониторинга (октябрь 2014 г.) [16], совпавшей по времени с резкими изменениями внешнеполитической конъюнктуры, а также внутренними кризисными явлениями в финансово-экономической сфере. Особенность сложившейся в России общественной ситуации потребовала учесть воздействие на массовое сознание и поведение россиян как внутренних факторов, так и внешнеполитических и экономических способов влияния, равно как

Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. При этом на *первой ступени* выборки районирование осуществлялось по территориально-экономическим районам Российской Федерации в соответствии с принципами, разработанными и применяемыми Федеральной службой государственной статистики для контроля социально-экономических показателей в динамике. *Вторая ступень* выборки включала выделение типичных субъектов РФ в составе каждого территориально-экономического района страны. *Третья ступень* выборки заключалась в следующем: внутри субъектов РФ осуществлялось дальнейшее районирование, которое заключалось в расчете статистических квот по степени урбанизированности по пяти типам поселений: мегаполисы; административные центры субъектов РФ; административные центры районов; поселки городского типа; села. На *четвертой ступени* выборки, т. е. при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса по заданным квотам, соблюдались квоты по основным социально-профессиональным признакам респондентов², а также возрастные пропорции по пяти когортам: 18–30 лет, 31–40, 41–50, 51–60, 60 лет и старше.

и реакцию общества на изменившуюся среду обитания.

Как показал анализ результатов, базисные факторы, составляющие основу функционирования современного российского социума, не только не претерпели в начальный период кризиса каких-либо существенных трансформаций, но и не подверглись ситуативным изменениям, способным нарушить общий строй жизни россиян, породить среди них массовые упаднические умонастроения, спровоцировать протестные действия и недоверие граждан государственным институтам. Напротив,

¹Программа трехлетнего мониторинга подготовлена и осуществлена научной группой ИС РАН в следующем составе: М. К. Горшков (руководитель), В. В. Петухов (заместитель руководителя), И. О. Тюрина (координатор), А. Л. Андреев, В. А. Аникин, Е. М. Арутюнова, Р. Э. Бараш, Л. Г. Бызов, Ю. А. Гаврилов, Л. М. Дробижина, А. В. Каравай, И. М. Кузнецов, Ю. В. Латов, Н. В. Латова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, М. М. Мчедлова, Е. И. Пахомова, Р. В. Петухов, Н. Н. Седова, Е. Д. Слободенюк, И. Н. Трофимова, Н. Е. Тихонова, А. Г. Шевченко, Ф. Э. Шереги (специалисты, осуществляющие выборку и первичную статистическую обработку информации).

²На стадии квотного отбора респондентов соблюдались долевые квоты по следующим социально-профессиональным признакам: 1 – рабочие промышленности, строительства, шахт, не имеющие высшего образования; 2 – инженеры промышленности, строительства, шахт, имеющие высшее образование; 3 – работники торговли, общественного питания, сферы услуг, транспорта, коммунальных служб, имеющие среднее (или ниже), начальное и среднее профессиональное образование; 4 – работники финансовых, страховых компаний, сферы торговли, услуг, транспорта, коммунальных служб, имеющие высшее образование; 5 – работники (служащие) вузов, школ, сферы здравоохранения, управления (административного, политического), науки, искусства, СМИ, имеющие высшее образование; 6 – работники (лаборанты, операторы, библиотекари, секретари, медсестры и др.) вузов, школ, сферы здравоохранения, управления (административного, политического), науки, СМИ, имеющие среднее или среднее профессиональное образование; 7 – военные, работники МВД, таможи, налоговых служб, имеющие любое образование; 8 – студенты вузов и учащиеся; 9 – жители сел, поселков.

стремление ряда ведущих западных стран «наказать» Россию за ее воссоединение с Крымом, поддержку русскоязычного населения на Юго-Востоке Украины вызвало в обществе подъем патриотизма и в какой-то мере консолидировало мировоззренчески противостоящие друг другу социальные группы и политические движения российских граждан. Что же касается *контекста текущего времени*, то среди наиболее важных его черт и показателей опрос выявил следующие:

- при всей остроте и критичности оценок сложившейся в стране ситуации состояние социального самочувствия россиян не вышло за пределы показателей, характерных для наблюдавшихся ранее периодов стабилизации и дестабилизации общественной обстановки;

- противоречивые массовые суждения, посредством которых население определяло проблемы своей повседневной жизни, оказались сопряжены в основном с пониманием взаимообусловленности внутренних и внешних факторов, опосредующих характер общественной ситуации;

- массовое сознание претерпело смену приоритетов, затронувшую оценку основных источников угроз для России: если в 2013 г. доминирующими в глазах наших сограждан были внутренние угро-

зы, то осенью 2014 г. фокус общественного внимания сместился на внешние;

- главным узлом, связывающим, по мнению россиян, потенциально опасные для стран события и процессы, явился украинский кризис, а именно втягивание в него России, а также расширение НАТО на восток и обусловленное этим нагнетание международной напряженности стали составлять основу повестки дня, отражающей наиболее опасные тенденции;

- отношение различных слоев населения к введенным против России западными санкциям оказалось сдержанным и предопределенным привычным им образом жизни, а также устоявшимся уровнем потребления, а готовность к переходу жизни общества в режим экономии, поддержка мер по укреплению мощи России – достаточно высокими.

В целом, как показало осеннее исследование 2014 г., сформировавшийся в предшествующее десятилетие социально-экономический и духовно-психологический ресурс российского общества способствовал умеренности общественной реакции массовых слоев населения на новые реалии, смягчив при этом остроту восприятия возникших проблем.

Острая фаза кризиса в сознании и поведении россиян

Вторая волна мониторинга (март 2015 г.) [17] была нацелена на изучение последствий наиболее острой фазы экономического кризиса в контексте анализа повседневной жизни российских граждан. Полученные данные зафиксировали, что если осенью 2014 г. умонастроения россиян и их отношение к власти определялись главным образом внешнеполитической повесткой дня, то к весне 2015 г. характер восприятия ими ситуации в стране стал меняться, правда, на первый взгляд не слишком существенно. Это происходило под влиянием экономического кризиса, а также первых итогов введенных против России санкций и встречных антизападных санкций с ее стороны.

В условиях нынешнего экономического кризиса наиболее распространенной формой его воздействия на повседневную жизнь россиян стал рост цен, затронувший большую, чем кризис 2008–2009 гг., часть населения страны и оказавшийся сопоставимым по степени болезненности с ситуацией в 1998–1999 гг. Если весной 2015 г. проблема роста цен воспринималась россиянами острее, чем в прошлом, то трудности на работе затронули относительно меньшую, чем шесть лет назад, их часть. Тем не менее в период осени 2014 – весны 2015 г. страх безработицы оказался одной из основных болевых точек российского общества. В условиях низких показателей увольнений и реальной безработицы подобный страх имел, скорее

всего, социально-психологическую природу и объяснялся панической боязнью людей остаться без средств к существованию при минимальном разрыве пособий по безработице, с одной стороны, и отсутствии у большинства россиян сбережений, позволяющих им прожить до нахождения нового рабочего места, – с другой.

В составе представителей разных профессиональных групп были выявлены и различия в стратегиях адаптации к новым условиям бытия, связанные с диверсификацией трудовых доходов. Так, например, разовые приработки – традиционно популярная и повсеместно распространенная в разных профессиональных сообществах практика приспособления к жизненным трудностям, «обгоняющая» в этом смысле совместительство, в условиях кризиса оказались в большей степени свойственны рабочим. В то же время «белые воротнички» с высшим образованием относительно чаще, чем представители других групп, как и ранее, прибегали к практике совместительства.

Поскольку весной 2015 г. экономическая и социально-политическая ситуация в стране оказалась достаточно напряженной, то и в умонастроениях россиян стала фиксироваться большая, нежели обычно, тревожность. Вместе с тем даже на этом фоне в социальных нишах общества не возникало признаков паники. Кризисная фаза октября 2014 – марта 2015 г. не продемонстрировала той глубины,

которая стимулировала бы дополнительное социальное напряжение, готовое вылиться в реальные протестные умонастроения и действия. Более того, отмеченные нами тенденции консолидации нации и массового роста патриотизма, порожденные антироссийскими санкциями и поведением западных политических лидеров в период празднования 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, а также относительная незначительность потерь в период кризиса способствовали проявлению в различных группах населения зачатков новых культурных образцов, ориентированных на мобилизацию общенациональных ресурсов. Очагами локализации подобного «ренессанса патриотизма» выступили Москва и Санкт-Петербург, а основными его носителями – россияне средних лет из числа обладающих возможностями, достаточными для абстрагирования от личных проблем и включения в собственные приоритеты общенациональных задач.

В ходе второго этапа исследовательских работ было установлено, что российское общество вошло в новый виток кризиса с устоявшимися зонами институционального доверия и недоверия. Зону доверия образуют институты, деятельность которых воспринимается россиянами как забота об общем благе и ассоциируется с представлениями о целостности, единстве, стабильности и безопасности. Именно такой смысл наши сограждане приписывают институтам президентства, армии и церкви. В зоне же недоверия оказываются институты, чья активность перекликается в сознании масс с реализацией частных – групповых, территориальных, отраслевых, партийных – интересов.

Результаты второго этапа реализации проекта позволили оценить состояние современного российского гражданского активизма и дали основное утверждать, что он, несмотря на кризисный период, имеет потенциал прежде всего потому, что *приобретает черты субъектности*. Основными его носителями являются люди с активной позицией в отношении собственного бытия и будущего, имеющие амбиции в различных сферах жизнедеятельности (особенно в образовании, самореализации, социальных коммуникациях), ориентированные на неконформизм, инициативность и предприимчивость, готовые к борьбе за свои права и позитивные перемены в среде обитания.

Данные исследования весны 2015 г. зафиксировали: независимо от обострения или некоторого сглаживания кризисных явлений уровень реального политического участия российских граждан практически не растет. Как и в предыдущие годы, в указанный период он составил не более 1 %. Важным в данном контексте представляется уро-

вень социального активизма молодежи в возрасте 18–30 лет, превышающий аналогичные показатели иных возрастных когорт: 16 % молодых россиян указанной возрастной группы заявили о своем участии в интернет-сообществах, 7 % – в деятельности волонтерских движений, по 4 % – в работе экологических и благотворительных организаций.

В России предоставляются широкие возможности для гражданской самоорганизации на базе интернет-коммуникаций. Под влиянием расширяющегося доступа к ним действиями гражданских активистов создается сеть многообразных ресурсов, направленных на развитие *практик низовой солидарности*. Власти разного уровня все активнее используют механизмы «электронной демократии», инициируют создание интернет-площадок гражданского участия и непосредственного общения с населением.

И наконец, как убедительно продемонстрировали результаты второй волны мониторинга, российский социум довольно динамично по историческим меркам движется в сторону современного общества потребления, в котором зависимость населения от власти постепенно снижается, а личные интересы начинают превалировать над общественными. Так, за четыре года доля тех, кто безусловно нуждается в поддержке государства, снизилась с 66 до 56 % (данные 2011 г. и весны 2015 г. соответственно). Одновременно на те же 10 % выросла численность россиян, рассчитывающих на свои собственные силы (34 % против 44 % соответственно).

Как и следовало ожидать, самодостаточная часть общества локализуется в основном среди молодых и хорошо обеспеченных российских граждан, а также граждан, отличающихся выраженными достигательными установками и стремлением к самореализации. Возможно, именно этим и объясняется позитивный социально-психологический настрой тех россиян, которые способны решать свои проблемы без государственной поддержки [18].

Установка на самодостаточность не имеет прямой связи с противопоставлением себя государству. О ней заявляют даже те, кто работает на государство на профессиональной основе (военные, государственные гражданские служащие, работники правоохранительных органов и т. п.). В данном случае социологическая диагностика свидетельствует о дальнейшем, несмотря на кризисные условия бытия, движении значительной части общества по пути адаптации к экономическим и политическим реалиям современной России, равно как и о формирующемся *новом субъекте* экономического и социально-политического действия, способном в предлагаемых обстоятельствах выйти на авансцену ключевых событий и процессов общественной жизни.

О массовом восприятии кризисной реальности

Третья волна исследования была осуществлена в октябре 2015 г. [19]. Иницилируя ее, рабочая группа проекта преследовала цель выяснить, как годичное воздействие кризисной ситуации повлияло на материально-экономическую основу российской повседневности, удовлетворенность граждан различными аспектами жизни. Особый интерес представляли вопросы о роли различных ресурсов адаптации населения к условиям кризиса и о наличии у россиян запаса прочности, способного поддержать их в случае его продолжения.

Результаты показали: к концу 2015 г. градус напряженности массового сознания и чувствительность граждан страны к угрожающим ей факторам были по-прежнему высоки. Внешний враг продолжал оставаться в глазах населения главной негативной силой и аккумулировал на себе возможное недовольство; общество адаптировалось к экономическим трудностям, опираясь на известную формулу: «лишь бы не было войны».

Что касается экономического положения россиян, то в 2015 г. происходила консервация его ухудшения. При том, что средние показатели индивидуального и семейного дохода за кризисный год не снизились и даже несколько возросли, этот рост не смог перекрыть влияния инфляции. Кроме того, в разрезе групп с разными доходами динамика указанных показателей имела разнонаправленный характер: в 2014 г. средние доходы нижнего дециля по меньшей мере не сократились, а верхнего – упали. Это хотя бы отчасти способствовало снижению неравенства, зафиксированного статистическими и социологическими данными. Однако даже с учетом негативной динамики доходов положение представителей двух верхних децилей россиян оставалось качественно отличным от положения остальной части населения. В итоге более благополучные группы реже заявляли, что пострадали от кризиса в целом и наиболее распространенных его форм, связанных с ростом стоимости жизни и падением уровня доходов. Подобная реакция объясняется тем, что экономическое положение их представителей опосредуется не исключительно текущими доходами (что характерно для менее благополучных групп россиян), а более широкими возможностями и ресурсами, позволяющими смягчать последствия влияния кризисных явлений в экономике на собственную жизнь.

Кризис продолжал влиять на большую часть российского населения, главным образом через сопутствующий ему значительный рост цен, воспринимаемый, правда, менее остро, чем в 2014 г. Второй компонент его воздействия на материальное положение россиян – сокращение доходов, спровоцированное проблемами на предприятиях, – затронул в основном жителей Москвы и Санкт-Петербурга

(44 %), нежели проживающих в остальных типах населенных пунктов (23–28 %). Распространенность иных форм влияния кризиса на благосостояние граждан России (потеря работы, задержки выплаты заработной платы, неоплачиваемые отпуска) в течение 2015 г. практически не изменилась.

Как показало исследование, в условиях кризиса процессы «оптимизации» издержек больше всего ударили по работающим россиянам, проживающим в сельской местности. За год кризисного бытования увольнения в селах приняли массовый характер, а проблемы с постоянной занятостью трудоспособных членов семьи возникли в каждом седьмом сельском домохозяйстве. Как следствие, в селах стали более распространены массовые переработки, к тому же гораздо реже оплачиваемые. Что же касается подсобного хозяйства, то в настоящее время в российских деревнях практика его ведения в основном утрачена. Во всяком случае даже после года кризиса в условиях роста уровня сельской безработицы подсобное хозяйство являлось значимым подспорьем для семейного бюджета менее чем для 40 % селян, а торговля выращенной в нем сельхозпродукцией была характерна для считанных сельских домохозяйств. Это позволяет говорить о том, что в *российских селах начинает доминировать урбанизированная модель занятости*.

Текущий кризис актуализировал проблематику ресурсообеспеченности российского населения. Представители высокоресурсного населения, имевшие к началу кризиса значительный запас прочности, пострадали материально в наименьшей степени, хотя в реальном исчислении уровень их доходов снизился сильнее, чем в составе других групп. Вместе с тем это не означает, что они испытывали меньше проблем. Дело в том, что влияние кризиса на высокоресурсную группу граждан оказалось гораздо более комплексным и многообразным. Среди основных форм этого влияния были не только рост цен и падение уровня доходов, испытываемые остальными россиянами, но и пережитое многими из них изменение ситуации на работе. И хотя накопленный запас прочности, в том числе и в части квалификационного и социального ресурсов, позволяет им пока нивелировать последствия воздействия экономического кризиса на уровень жизни, это не означает полного и безмятежного благополучия.

Что касается низкоресурсных групп российских граждан, то они пострадали от кризиса сильнее, чем среднестатистический россиянин, даже несмотря на опережающий все остальные группы населения рост их номинальных доходов. В первых, отсутствие не только экономических, но и всех остальных видов ресурсов не позволило им

скомпенсировать снижение уровня их реальных доходов. Во-вторых, в силу низкого качества человеческого капитала их в первую очередь затронули последствия ухудшения ситуации на рынке труда. В-третьих, отсутствующий или низкокачественный социальный ресурс не позволил представителям низкоресурсных групп населения опереться на поддержку собственных социальных сетей.

Наряду с базисной ролью *экономического ресурса* третья волна мониторинга выявила значимость и других адаптационных ресурсов россиян (властного, квалификационного, социального и проч.). Так, было подтверждено, что значимым фактором устойчивости благосостояния населения в период кризиса в российских реалиях выступает *квалификационный ресурс*, обладание которым, однако, не гарантирует его носителям стопроцентного сохранения благополучия, хотя и заметно повышает вероятность этого.

Социальный ресурс существен в плане повышения адаптационных возможностей россиян не только с точки зрения его наличия или отсутствия, но и в разрезе характерных особенностей разных видов поддержки. Фактически все ресурсы с точки зрения их объема и наличия демонстрируют значимую статистическую связь с *ресурсом культур-*

ным. Однако в условиях кризиса эффективнее всего последний работает там, где он наиболее дефицитен – в российских селах, в которых мала численность людей, выросших в образованных семьях [20].

Как показали результаты третьей волны мониторинга, экономический кризис усугубил в массовом восприятии россиян проблему неравенств: осенью 2015 г. лишь 3 % населения согласились с тем, что в российском обществе отсутствуют острые социальные неравенства, а 9 % отметили, что сами не страдают ни от одного из них. При этом наиболее остро в настоящее время россияне воспринимают неравенство доходов (что неудивительно, ибо в современной России доходное неравенство не только значительно само по себе, но и опосредует целый ряд немонетарных неравенств, от которых страдает население) [21].

Кризисный год не мог не повлиять на положение различных социальных слоев общества, прежде всего бедных и представителей среднего класса. И действительно, как выяснилось в ходе очередного этапа мониторинга, в условиях кризиса 2014–2015 гг. численность российских бедных увеличилась по сравнению с предкризисными 2012–2013 гг. вдвое и составила осенью 2015 г. четверть всего населения.

Ответ социальной психологии и экономического поведения россиян на вынужденные обстоятельства

В рамках *четвертой волны* проекта (март 2016 г.) [22] исследовательская стратегия была направлена на выявление относительно устоявшихся черт жизнестойкости российского социума, характеризующих повседневные практики граждан в контексте продолжающегося кризиса, причем не только в социально-экономической, но и в иных сферах жизнедеятельности.

С учетом того, что имманентной стороной любого вида человеческой деятельности является

психоэмоциональная составляющая, было важно оценить социально-психологическую динамику российского социума в кризисный период. Как показали данные, после небольшого улучшения массовых оценок ситуации в России, имевшего место в конце 2015 г., весной 2016 г. произошел очередной всплеск тревожных умонастроений. Численность россиян, оценивающих ситуацию в России как напряженную, возросла, а доля тех, кто воспринимал ее как спокойную и нормальную, снизилась (рис. 1).

Рис. 1. Динамика оценок населением ситуации в России, 2010–2016 гг., %¹

Fig. 1. Trends in Russians' assessments of the situation in Russia 2010–2016, %

¹В анкете присутствовал также не представленный на рисунке ответ «Затрудняюсь ответить», поэтому общая сумма ответов менее 100 %. Здесь и далее: 2014_о – опрос в октябре 2014 г., 2015_м – опрос в марте 2015 г., 2015_о – опрос в октябре 2015 г., 2016_м – опрос в марте 2016 г., 2016_о – опрос в октябре 2016 г.

С оценкой ситуации, сложившейся в России к весне 2016 г., согласуется оценка перемен, произошедших в ней за последнее время. Если осенью 2015 г. в массовом сознании россиян фиксировался некоторый всплеск оптимизма, связанный с определенной стабилизацией социально-экономической обстановки, то последующие шесть месяцев продемонстрировали: стабилизация оказалась временной. Очередное негативное изменение курса валют и последовавший за ним рост цен привели к новому сдвигу в оценках населением достижений общества.

Накопленный за годы экономической стабильности запас прочности позволял россиянам поддерживать равновесие между позитивным и негативным социально-психологическим состоянием. Однако к весне 2016 г. кризисная ситуация сдвинула чаши весов с точки равновесия и привела к *доминированию*, пусть и небольшому, *среди населения негативного социально-психологического состояния*. При том что данный сдвиг далек от показателей кризисной обстановки 1998 г. (тогда негативное личное социально-психологическое состояние отмечало около 90 % населения, а ныне – 53 %), он служит симптомом, свидетельствующим о необходимости более пристального внимания к состоянию и динамике умонастроений россиян.

Детальная социологическая диагностика общего психологического состояния россиян несколько сглаживает картину преобладания в обществе негатива над позитивом. С одной стороны, показатели весны 2016 г. ухудшились по сравнению с осенним периодом 2015 г. (снизилась доля людей, испытывающих эмоциональный подъем и спокойствие, увеличилась доля ощущающих раздражение). Однако они не сильно отличались в худшую сторону от тех, что были зафиксированы в течение всего 2015 г. Так, сравнительно с показателями 2014 г., наиболее деструктивные настроения (такие как агрессия, озлобленность, раздражение) остались на том же уровне. Заметное ухудшение претерпела лишь одна позиция: россияне стали чаще проявлять чувства безразличия, апатии и подавленности (показатель вырос в два раза). Указанные чувства хотя и негативны, но, по крайней мере, не связаны с деструктивным поведением.

Менее оптимистичной по результатам четвертой волны оказалась картина социально-психологического состояния окружения россиян. Те негативные характеристики, которые отличали его осенью 2015 г., не только сохранились, но даже немного усилились: позитивно психологическое состояние своего окружения воспринимала лишь треть населения России. Ухудшение оценок социально-психологического состояния окружающих наблюдалось в первую очередь среди наиболее депривированной части российских граждан – тех,

у кого хуже материальное положение, меньше возможностей самостоятельно бороться с трудностями, больше причин озлобляться из-за неудач.

Соединяя информацию о личном социально-психологическом состоянии россиян и состоянии их окружения, можно получить целостную картину накопления в обществе психоэмоционального негатива. Другие показатели (оценка ситуации в стране, материальное положение граждан России) также указывают на то, что население осознало: кризис – это всерьез и, возможно, надолго. Однако осознание данного факта вовсе не означает, что общество смирилось с ним и готово спокойно сидеть и ждать у моря погоды. Относительно стабильный 2015 г. дал возможность более глубоко оценить ситуацию и перераспределить имеющиеся ресурсы, чтобы минимизировать потери.

В условиях сложившейся в обществе турбулентной ситуации вполне объяснимо, почему ключевыми проблемами, волнующими россиян, являются те, что непосредственно затрагивают повседневную жизнь. Весной 2016 г. подавляющее большинство россиян продолжало испытывать беспокойство в связи с ростом цен на товары и услуги, ростом платежей ЖКХ, снижением уровня жизни значительной части населения. В пятерку ключевых проблем входили также сокращение доступа к бесплатным социальным услугам и безработица. Все остальное отходило для населения на второй план.

Примечательно, что проблемы, связанные с внешнеполитической ситуацией или общим вектором развития общества, волнуют население в меньшей степени: о них задумываются представители более благополучных слоев общества. Сложные жизненные ситуации, опосредованные материальными возможностями, относительно менее остро, чем в остальных типах населенных пунктов, воспринимаются в мегаполисах и городах-миллионниках. Однако при этом их жителей относительно чаще, чем жителей иных поселений, беспокоят вопросы, определяющие качество жизни и безопасность проживания в большом городе.

На втором году кризис стал оказывать значимое влияние на повседневную жизнь россиян, так или иначе затрагивая большинство из них. Как и в его начальной стадии, в большей степени от него продолжали страдать наименее благополучные, низкодоходные группы. В этих условиях *основной стратегией адаптации для населения стала экономия*. Весной 2016 г. только 13 % россиян не начали экономить по причине отсутствия необходимости в этом или подобного желания. Остальные россияне (87 %) отметили, что кризис заставил их изменить привычные модели потребления. Наиболее частыми направлениями экономии для населения оказались покупка одежды и обуви, продуктов питания и отдых. Кроме того, около 40 % россиян

стали также экономить на текущем досуге и приобретении дорогостоящих товаров длительного пользования.

К исходу второго года кризиса стало очевидно: адаптационные возможности работающего населения в значительной степени блокируются *обострением ситуации в сфере занятости*. В сущности, это является одним из основных следствий текущего кризиса. Как убедительно показали результаты третьей и четвертой волн мониторинга, проблемы занятости выражаются в самых разнообразных формах: увольнения с последующей безработицей, сложности нахождения новой работы, распространение практик неоплачиваемых отпусков и задержек зарплаты, несоблюдение работодателями трудового законодательства, все в большей степени включающее перевод занятости в тень.

При скромных официальных цифрах безработицы в 2014–2016 гг. на фоне высокой текучести кадров в российской экономике стала выделяться длительная безработица (безработица застойного характера). Весной 2016 г. каждый второй безработный находился в поиске работы более полугода. В особенности данная проблема актуальна для сельской местности. Если в городах потерявшие работу длительно безработные находили ее в 80 % случаев и более, то в селах доля таковых составила менее половины. Добавим, что явление застойной безработицы наиболее характерно для полярных возрастных групп – среди молодежи 18–30 лет и лиц предпенсионного возраста.

Специального внимания заслуживает осмысление и того факта, что на втором году кризиса на 15 % выросло число домохозяйств с неработающими пенсионерами. Учитывая частичную (сравнительно с темпами инфляции) индексацию пенсий, подобная динамика ведет к снижению уровня жизни значительной доли населения.

О посткризисном состоянии российского общественного мнения

Приступая к осуществлению *пятой волны* настоящего проекта (октябрь 2016 г.) [24], исследовательский коллектив исходил из того, что с момента начала кризиса 2014 г. прошло два года. В течение этих лет, как показали предыдущие социологические замеры, в обществе сохранялась неопределенность. Однако, как свидетельствовали результаты опроса, к октябрю 2016 г. в умонастроениях россиян произошли довольно существенные позитивные изменения.

Впервые за последние два года оценка населением ситуации в стране приблизилась к исходным показателям начала кризиса. Доля тех, кто воспринимал ее как напряженную, кризисную, все еще превышала половину населения РФ (56 %), но этот показатель почти совпал с аналогичным показателем октября 2014 г. (53 %) и был лучше, чем показатель 2011 г. (59 %).

При всей очевидности негативных последствий, связанных с отмеченными явлениями в сфере занятости, все же не они с позиции комплексной социологической диагностики определяют «лицо» кризиса 2014–2016 гг. Его главное негативное следствие – *системное изменение взаимоотношений работников и работодателей со смещением акцента в этих отношениях в сторону углубления бесправного положения работающих*. Речь идет не столько о сокращении прав работников (это относится прежде всего к ограничениям права на забастовки), сколько о несоблюдении работодателями тех прав трудящихся, которыми они формально обладают [23]. По данным социологических замеров, это относится главным образом к отказу оплачивать сверхурочные работы, больничные листы и декретные отпуска, сверхустановленному законодательством увеличению продолжительности рабочей недели, административному принуждению к уходу в неоплачиваемый отпуск, сокращению выплаты «белой» зарплаты.

В целом, по данным мониторинга ИС РАН, весной 2016 г. половина работающего населения страны так или иначе находилась вне действия трудового, пенсионного и социального законодательства РФ. При этом проблемы социальной защищенности в наибольшей степени затронули работающее население «малой России» (села, поселки городского типа, малые – до 100 тыс. жителей – города). С учетом полученных данных есть основания утверждать: *задачи перестройки отечественной экономики, преодоления характерных для нее текущих кризисных явлений доморощенные работодатели* (а вместе с ними и так называемые эффективные менеджеры) *стремятся решать за счет работников* – путем наращивания объемов их трудовых нагрузок с одновременным снижением их социальной защищенности.

Одновременно стала расти доля позитивно настроенных россиян. Таким образом, *российские граждане, похоже, адаптировались к новым экономическим реалиям, и, по крайней мере в массовом сознании, кризис начал утрачивать свою остроту и значимость*.

С оценкой текущей ситуации в стране согласуется оценка перемен, произошедших в ней за последний год. Если в марте 2016 г. очередное негативное изменение курса валют и последовавший за ним рост цен способствовали нагнетанию пессимизма в оценках населением достижений России, то по прошествии полугода (в октябре 2016 г.) наметились существенные позитивные сдвиги: треть населения страны (30 %) отметила улучшение ситуации, тогда как ее ухудшение констатировали лишь немногим больше половины россиян (51 % против 69 % весной 2016 г.) (рис. 2).

Рис. 2. Динамика оценок населением перемен, произошедших в России за 2013–2016 гг., %

Fig. 2. Trends in Russians' assessments of the changes that occurred in the country for the period from 2013 to 2016, %

Пятая волна показала, что со знаком «минус» воспринимается не только состояние экономической сферы жизнедеятельности общества, но и его моральный климат, характер международных отношений, тенденции развития в нем демократии, состояние дел в социальной сфере.

Единственное исключение – борьба с терроризмом. Здесь, по мнению респондентов, позитивные изменения последних трех лет явно преобладают над негативными. Позитивные сдвиги произошли и в массовых оценках результатов борьбы с коррупцией (табл. 1).

Таблица 1

Оценка респондентами изменений в различных областях жизни
российского общества за последние годы, %

Table 1

Respondents' assessment of recent changes in various spheres of Russian life, %

Области жизни российского общества	Оценка респондентов	Период		
		2011 г.	Октябрь 2014 г.	Октябрь 2016 г.
Состояние экономики страны в целом	Улучшалось	46	46	13
	Не изменялось	25	30	26
	Ухудшалось	29	24	61
Моральное состояние общества	Улучшалось	14	25	9
	Не изменялось	34	37	38
	Ухудшалось	52	38	53
Международные отношения	Улучшались	20	18	12
	Не изменялись	33	39	51
	Ухудшались	47	43	37
Ситуация в области прав и свобод, развитие демократии	Улучшалась	28	21	12
	Не изменялась	49	61	63
	Ухудшалась	23	18	25
Борьба с коррупцией, законность и правопорядок	Улучшалась	14	24	26
	Не изменялась	36	51	46
	Ухудшалась	50	25	28

Окончание табл. 1
Ending table 1

Области жизни российского общества	Оценка респондентов	Период		
		2011 г.	Октябрь 2014 г.	Октябрь 2016 г.
Ситуация в социальной сфере (здраво- охранении, образовании, культуре)	Улучшалась	19	25	12
	Не изменялась	30	41	40
	Ухудшалась	51	34	48
Борьба с терроризмом	Улучшалась	26	43	43
	Не изменялась	37	47	42
	Ухудшалась	37	10	15

Показателем тенденции к улучшению ситуации в России является также изменение оценок респондентами существующего в обществе социального напряжения. Вполне закономерно, что любой кризис снижает общее ощущение комфортности жизни и ведет к усилению напряжения: именно такая картина наблюдалась в российском социуме в кризис 2008–2009 гг. Тогда всего за полгода доля ощущающих социальное напряжение увеличилась с 59 до 83 %. С марта 2015 г. по март 2016 г. усиление напряжения в обществе отмечало 61–64 % населения, что существенно меньше, чем в 2009 г., но все же составляет почти 2/3 населения страны.

Однако к октябрю 2016 г. позитивные сдвиги наметились и в данном вопросе: доля отмечающих, что напряжение немного или существенно возрастает, снизилась до 52 % (самый низкий показатель на фоне двух последних кризисов). При этом почти вдвое увеличилась доля полагающих обратное (с 12 % в марте 2016 г. до 21 % в октябре 2016 г.). Одновременно постоянно росла доля сторонников нейтральных оценок, согласно которым ситуация в стране не меняется ни в лучшую, ни в худшую сторону (рис. 3).

Как подтвердили результаты пятой волны мониторинга, оценка влияния кризиса тесно связана с материальным положением граждан, даже в большей степени – с его субъективной оценкой: так, доля оценивающих личный ущерб от кризиса как очень значительный, наиболее велика среди имеющих доходы ниже половины региональной медианы (12 %), а также среди тех, кто считает свое материальное положение плохим (15 %). Выявлена и прямая зависимость между оценкой ущерба от кризиса и общим социально-психологическим состоянием россиян: среди оценивающих ущерб от кризиса как катастрофический 39 % испытывают страх и опасения в отношении будущего страны, в то время как среди тех, кому кризис не причинил ущерба, доля таковых лишь 5 %.

Рост цен и падение реальных доходов россиян привели к тому, что экономия стала широко распространенной стратегией адаптации к новым экономическим условиям. Осенью 2016 г. чуть

более четверти россиян (27 %) отмечали, что у них нет необходимости начать экономить в результате кризиса, для остальных изменение экономических условий все-таки повлекло за собой смену привычных моделей потребления в одной или нескольких сферах.

Наиболее частыми статьями экономии оказываются при этом покупка одежды и обуви (53 % среди всего населения и 72 % среди сокративших расходы), продуктов питания (43 и 59 % соответственно) и отдых (43 и 59 %). Одновременно россияне стали массово экономить на досуге и дорогостоящих товарах длительного пользования.

Практики экономии затронули большинство представителей всех доходных групп населения. Однако ее интенсивность все же различалась в зависимости от материального положения. Абсолютно все направления экономии чаще использовались наименее благополучными в материальном плане группами.

Таким образом, экономия остается преимущественной стратегией адаптации населения к новой кризисной реальности. Однако стоит учитывать, что так или иначе она уже охватила подавляющее большинство россиян, причем прежде всего наименее обеспеченных. Вопрос о том, насколько возможно дальнейшее сокращение потребления, особенно без заметного ущерба для человеческого капитала населения страны, остается открытым.

Что же касается второй наиболее распространенной стратегии адаптации – поиска дополнительных источников заработка, – то к ней гипотетически готовы прибегнуть 46 % россиян. Однако для реалистичной оценки приведенной цифры следует учитывать, что осенью 2016 г. совместительство являлось одним из основных источников дохода только для 4 % работающих, а разовые приработки – еще для 14 %, и эти доли не изменились за 2016 г. Тем самым, несмотря на то что значительная доля россиян заявляет о своей готовности адаптироваться к кризису посредством поиска дополнительных источников дохода, данные о реальной ситуации указывают на малую распространенность подобной стратегии адаптации на практике.

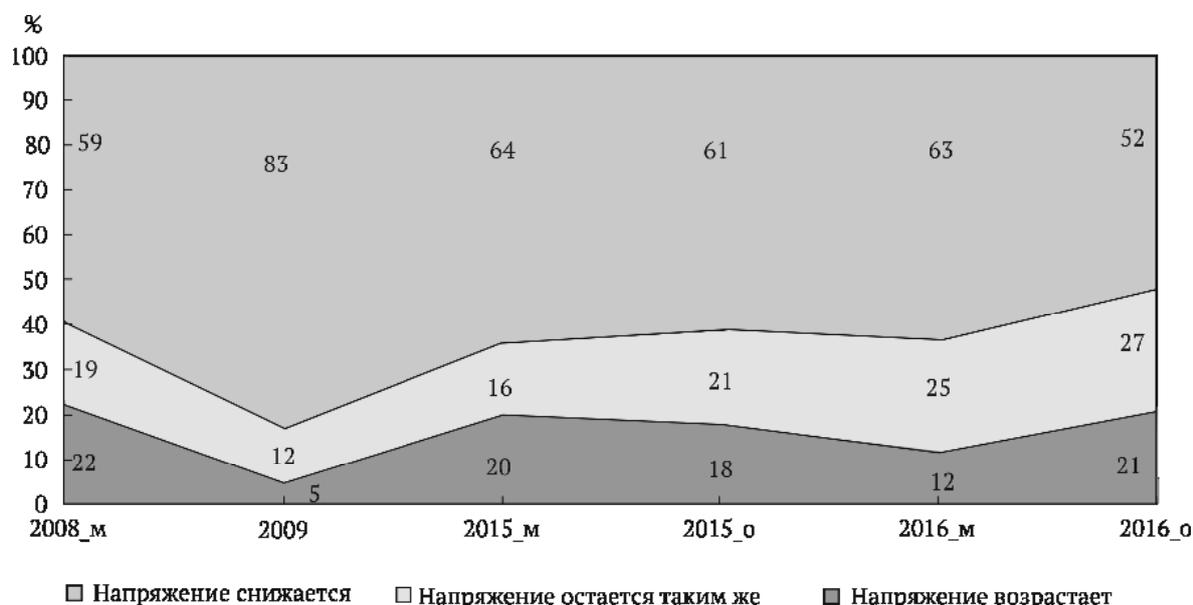

Рис. 3. Динамика оценок россиянами напряжения в обществе в 2008–2016 гг., %

Fig. 3. Trends in Russians' assessments of social tension in the society 2008–2016, %

Следует отметить, что общий рейтинг предполагаемых стратегий адаптации к кризису, как и доли населения, выбирающего конкретные варианты этих стратегий, практически не изменился за двухлетний период кризиса. Наиболее заметные изменения (не повлиявшие, однако, на общую картину) затронули стратегии обращения за помощью к родственникам: доля не исключаящих для себя такой вариант действий сократилась с 20 до 16 %. Это неудивительно с учетом, что 15 % населения уже были вынуждены начать экономить на той материальной помощи, которую оказывали ранее.

Одновременно с этим возросла доля тех, кто планирует полагаться на стратегию самообеспече-

ния продуктами питания с приусадебного участка. Данные об основных источниках доходов россиян свидетельствуют о том, что частота использования подсобного хозяйства возросла в результате кризиса: осенью 2016 г. в числе основных источников его называли уже 20 % населения, и эта доля увеличилась по сравнению с осенью 2014 г. в два раза. В случае дальнейшего ухудшения материального положения две последних стратегии упоминаются главным образом представителями наименее обеспеченных групп населения. Таким образом, *ключевым* как декларируемым, так и реально используемым *механизмом кризисной адаптации* для россиян *продолжала выступать экономия на расходах.*

Граждане России о международном статусе, настоящем и будущем своей страны

Анализ исторического сознания российских граждан показывает: для так называемых великих наций (многочисленных, с большими историческими заслугами) вопрос о месте страны на международной арене представляется существенно важным, значимо влияющим на национальное самосознание.

На протяжении последних трех столетий ведущим вопросом самоопределения России на мировой арене был вопрос о том, кем она является: одной из цивилизаций Запада (наряду с США, Германией, Великобританией), одной из цивилизаций Востока (как Китай или Индия) или чем-то промежуточным, евразийским? За последнее десятилетие данная самоидентификация россиян претерпела качественные изменения. Если в начале 2000-х гг. граждане России чаще всего полагали свою страну частью Европы, то к концу прошлого десятилетия

мнения о месте России разделились поровну: одна половина населения продолжала считать ее частью Европы, в то время как другая воспринимала Россию как особую евразийскую цивилизацию.

Кризис 2014 г., начавшийся с событий на Украине и последующих антироссийских санкций со стороны стран Запада, привел к дальнейшей эскалации смены вех. На конец 2014 г. уже почти 2/3 россиян считали Россию особой евразийской цивилизацией (табл. 2).

Подобная цивилизационная самоидентификация сохраняется и в настоящее время: 40 % респондентов придерживаются мнения о том, что Россия – часть Европы (Запада), 60 % считают ее особой евразийской цивилизацией. В то же время подавляющее большинство россиян (более 70 %) убеждено, что Западная Европа имеет к России чисто потребительский интерес и заинтересована

не в равноправном сотрудничестве, а в природных ресурсах страны. С этой точкой зрения соглашались даже многие (примерно треть) сторонники прозападной ориентации России. Приведенные данные позволяют говорить о *стабильном доминировании массового ощущения отчужденности России от Запада*.

В массовом сознании россиян на нерешенность/неопределенность цивилизационной принадлежности России накладывается неясность ее статуса в международной политической иерархии. Среди россиян существуют разногласия как в том, кем Россия *реально является*, так и в том, кем она *должна быть*.

Таблица 2

Мнения россиян о взаимоотношениях России и Запада (Европы), 2007–2016 гг., %

Table 2

Russians' views on relations between Russia and the West (Europe), 2007–2016, %

Мнения россиян		Период		
		2007 г.	Октябрь 2014 г.	Октябрь 2016 г.
		Количество респондентов, %		
Цивилизационная ориентация России	Россия – часть Европы. В XX в. она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов и в XXI в. она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира	50	36	40
	Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток	50	64	60
Цели сотрудничества Западной Европы с Россией	Страны Западной Европы заинтересованы в равноправном экономическом сотрудничестве с Россией	24	26	28
	Западная Европа заинтересована исключительно в природных ресурсах России (нефть, газ)	76	74	72

Оценивая реальное положение современной России на мировой арене, россияне хотя и не единодушны в деталях, но вполне определены в общем видении своей страны как государства-лидера. Подавляющее большинство (порядка 60 %) из них согласно с тем, что сегодня Россия если и не великая держава (как считает треть российских граждан), то по крайней мере одна из ведущих стран мира (таково мнение более четверти жителей страны). Только 1/5 часть россиян (среди них – высокая доля малообеспеченных) полагает, что в наши дни Россия вообще не входит в число наиболее влиятельных стран мира; 17 % затрудняются в оценке ее статуса.

Абсолютное превалирование позитивных мнений о сильной России в условиях экономического кризиса может показаться возрождением советской мечты о глобальном лидерстве вопреки экономической отсталости. Однако нормативные представления россиян о том, к каким геополитическим целям должна стремиться страна, демонстрируют, что с течением времени граждане, напротив, склоняются к более умеренной версии российского лидерства. Если в 2007 г. более трети хотели бы вернуть России статус супердержавы, то в наши дни таковых чуть более 1/4. Наиболее часто высказываемое еще в 2000-е гг. мнение, согласно

которому РФ должна быть одним из наиболее экономически развитых и политически влиятельных государств мира, но все же не супердержавой (45 %, по данным 2007 г.), оказалось в 2014–2016 гг. лидирующим (52 %) (табл. 3).

В 2000-е гг. чаще иных высказывалось мнение о том, что основные угрозы для России – внутренние. Во время конфликта с Грузией в 2008 г. на короткое время значимость внутренних и внешних угроз сравнялась, однако затем восстановилось преобладание точки зрения о первичности внутренних угроз. После событий 2014 г. произошло новое скачкообразное изменение общественного мнения о соотношении внутренних и внешних угроз для России, причем эта смена знаков оказалась стабильной. Если сравнивать начало 2015 г. с предкризисным 2013 г., то за это время почти в два раза (с 42 до 79 % имеющих мнение по данному вопросу) выросла доля считающих основными угрозами те, которые исходят из-за рубежа. Одновременно почти в три раза (с 58 до 21 %) сократилась доля тех, кто считал основные угрозы России внутренними по их происхождению (рис. 4). *Поскольку большинство россиян считало и продолжает считать основными внешние угрозы (главным образом исходящие от стран Запада), происходит сплочение нации вокруг власти, прежде всего вокруг президента.*

Таблица 3

Мнения россиян о том, к каким целям должна стремиться Россия в XXI в., 2007–2016 гг., %

Table 3

The goals that Russia should strive for in the 21st century through Russian eyes 2007–2016, %

Вариант ответа	Период		
	2007 г.	Октябрь 2014 г.	Октябрь 2016 г.
	Количество респондентов, %		
Вернуть статус супердержавы, какой был у СССР	35	26	26
Быть одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира	45	52	51
Быть лидером на постсоветском пространстве	6	9	8
России не следует стремиться к глобальным целям	7	4	6
Затрудняюсь ответить	7	9	9

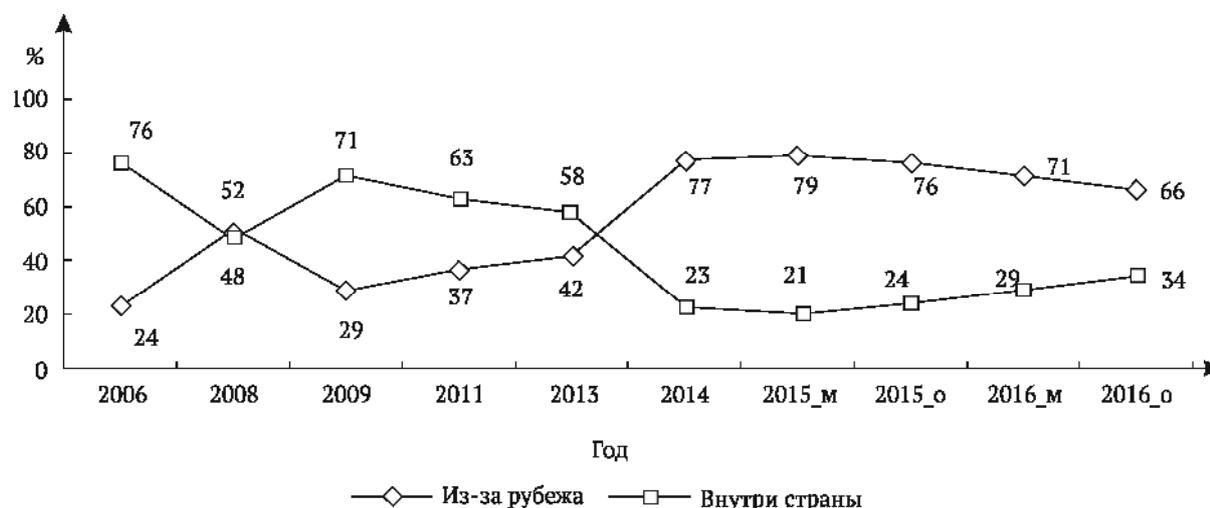

Рис. 4. Динамика оценок населением источника основных угроз для России в 2006–2016 гг., %

Fig. 4. The main sources of threats to Russia in the mass consciousness of Russians, 2006–2016, %

Вряд ли можно сомневаться в том, что при отсутствии нового витка политической конфронтации россияне будут постепенно возвращаться к мысли о первостепенной значимости внутренних факторов развития страны. Однако в настоящее время главным лейтмотивом массового сознания в осмыслении мировой ситуации остается конфронтация сильной России с Западом – конфронтация, в которой, как считает большинство россиян, Россия, страдая от внешних угроз, не должна поддаваться западному влиянию.

Что касается чувств в отношении будущего России, то массовое сознание в основном вернулось к ситуации конца 2000-х гг., предшествовавшей началу полосы кризисов. Как и в августе 2008 г. (т. е. накануне кризиса 2008–2009 гг.), россияне, думая о будущем страны, чаще всего испытывают надежду и уверенность (более 2/5 населения). Еще треть колеблется между уверенностью и страхом. Чувства страха и опасения испытывает примерно 1/7 на-

селения страны. Назвать это высоким оптимизмом нельзя (57 % респондентов *не очень* уверены в будущем страны или даже *очень не* уверены в нем). Однако для общества с серьезными внутренними проблемами столь сдержанный оптимизм в отношении национального развития вполне уместен.

Представления современных россиян об их личном будущем примерно аналогичны: 44 % респондентов уверены в нем полностью или частично; 29 % – скорее не уверены, 13 % – совершенно не уверены. Во время кризиса 2014–2016 гг., по аналогии с кризисом 2008–2009 гг., доля не уверенных в своем будущем должна была, по логике развития событий, расти, а доля уверенных в нем – сокращаться. Однако к осени 2016 г. оценки россиянами собственных перспектив мало отличались от оценок первого полугодия 2008 г.

Обращает на себя внимание существенная зависимость между представлениями россиян о личном будущем и о будущем страны. Среди тех, кто

не уверен в первом, почти треть (30 %) не уверена и во втором, в то время как среди уверенных в своих перспективах крайне мало (около 4 %) не уверенных в перспективах национального развития. В то же время среди уверенных в своем личном будущем подавляющее большинство (73 %) оценивает будущее России с оптимизмом, в то время как среди неуверенных – таковых гораздо меньше (15 %). Как и следовало ожидать, среди пессимистов, совершенно не уверенных ни в собственном будущем, ни в будущем своей страны, абсолютно преобладают малообеспеченные (60 %).

Важнейшим показателем характера восприятия россиянами будущего своей страны является их готовность к переменам. Поскольку подавляющее большинство экспертов и социальных групп недовольно многими «правилами игры» и результатами их применения (коррупция, недоразвитость демократии, сырьевая ориентация экономики, низкие доходы населения и т. д.), следовало, казалось бы, ожидать преобладания в массах установки на реформы. Однако на самом деле с конца 1990-х гг. фиксируется неуклонное снижение доли россиян,

требующих существенных перемен (с 69 % в 1999 г. до 28 % в 2012 г.), сопровождаемое увеличением доли ищущих стабильность (с 31 до 72 %).

С началом череды кризисов в 2008 г. затормозился рост числа сторонников стабильности: в 2012–2014 гг. соотношение сторонников и противников перемен почти не менялось. Однако опрос, проведенный осенью 2016 г., зафиксировал обратную тенденцию: в сравнении с весной 2014 г. доля сторонников перемен выросла почти на треть (с 30 до 39 %), одновременно уменьшилась доля сторонников стабильности (с 70 до 61 %) (рис. 5).

Анализ отношения к переменам в стране позволил выявить и другую важную тенденцию. В конце 2000-х гг. большинство (54 %) тех, кто не желал изменений, обосновывало это удовлетворенностью политикой властей, прежде всего В. В. Путина. В настоящее время подобная мотивация нежелания перемен приводится заметно реже (лишь 32 %). Преобладает же позиция «Просто опасаясь перемен» (67 %), что вполне понятно и объяснимо в стране, пережившей за четверть века три кризиса и две чеченские войны.

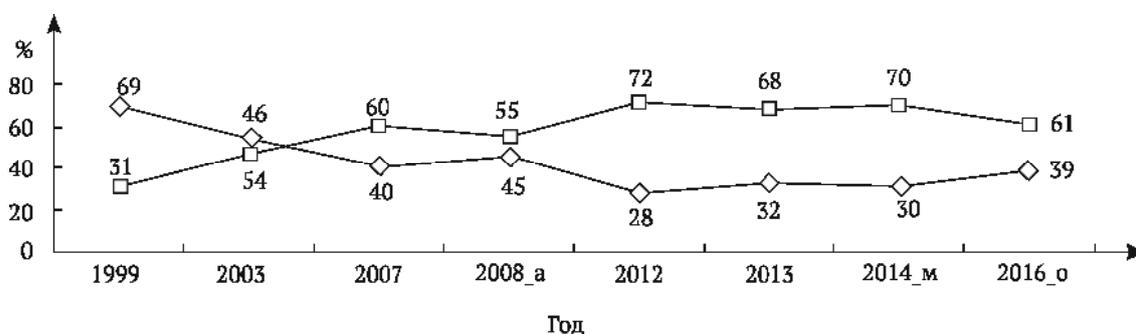

Рис. 5. Динамика оценок населением необходимости перемен в жизни России, 1999–2016 гг., %

Fig. 5. Trends in Russians' assessments of the need for change in the country, 1999–2016, %

Выявленная в ходе исследования структура симпатий/антипатий провоцирует высокую степень неопределенности ближайшего будущего страны, представленного в общественном мнении россиян. Массовое восприятие пути России – перспективы светлого будущего – в ближайшие годы будет зави-

сеть от того, как изменится позиция тех граждан, которые не удовлетворены ни деятельностью существующего правительства, ни перспективой реформ, а также от того, как политическая элита России будет реагировать на сдвиги в перспективных ожиданиях граждан страны.

О фундаментальном и ситуативном в российском социуме (к общим выводам)

Представленные оценки и выводы, характеризующие российский социум в кризисных условиях, при всей ситуативной и, возможно, сугубо контекстной значимости вместе с тем мотивируют к осмыслению базисных проблем функционирования современного российского общества. Более того, с учетом репрезентативной верификации они вынуждают более глубоко подойти к исследованию соотношения, с одной стороны, устойчивых, фундаментальных, а с другой – динамичных, изменчивых конструкций российского социума. Так или

иначе анализ результатов всех пяти волн мониторинга обуславливает необходимость обратиться в режиме социологической диагностики к проблематике жизненных приоритетов россиян, оценить существующие в обществе модели мировосприятия, прежде всего в парадигмах традиционного и современного, соотнести их с действующей нормативно-ценностной системой, а наряду с этим понять, как вписываются в новую реальность этнонациональные и религиозные характеристики российского социума.

Если вести речь о социологической диагностике межнациональных отношений, то следует подчеркнуть: несмотря на кризисное состояние общества, россияне оценивали их по стране в целом весьма благоприятно: 45 % – как доброжелательные и спокойные, еще 40 % – как внешне спокойные, но внутренне напряженные, 14 % – как напряженные, на грани возможных столкновений.

Ресурс согласия и консолидации в межнациональных отношениях в значительной степени определяется состоянием общероссийской идентичности. Процессы ее обновления и укрепления, получившие развитие в 2000-е гг., не в пример логике экономической рецессии в кризисный период дали позитивные результаты. Так, в 2013–2016 гг. ощущение связи с гражданами страны испытывали, по данным мониторинговых исследований ИС РАН, 74–84 % населения.

Устойчивость показателей ощущения сильной связи с гражданами страны, ориентация на ценность государства, стабилизация уровня доверия к власти и окружающим есть, в сущности, свидетельство становления новой гражданской идентичности. Начало второго десятилетия 2000-х гг., в особенности 2014–2015 гг., ознаменовавшиеся проведением Олимпиады в Сочи, воссоединением Крыма с Россией, продемонстрировали усиление в обществе массовых консолидационных умонастроений.

Россияне, отождествляющие себя с гражданами своей страны, значительно чаще испытывают к ней любовь, гордость и уважение. И вместе с тем они открыты для взаимодействия с людьми иной национальности: более 80 % полагают, что государство должно поддерживать культуру всех народов страны. Кроме того, среди респондентов с выраженной гражданской идентичностью, особенно ощущающих ее в значительной степени, больше доверяющих федеральным институтам власти (прежде всего президенту и правительству). Таким образом, экспертное представление о том, что *гражданская идентичность является ресурсом сплочения российского пространства* и вносит важный вклад в укрепление уверенности людей в завтрашнем дне, находит подтверждение в массовом сознании россиян [25].

Граждане, придерживающиеся установок этнической солидарности, демонстрируют более позитивное, оптимистичное восприятие развития России, установки лояльности государству и обществу, любовь к Родине, гордость за нее. Этнически ориентированные русские в большей степени, в сравнении с другими россиянами, демонстрируют державные ориентации, характеризующиеся чувствами исторической российской общности и единства. Таким образом, можно утверждать: независимо от национальности этническая солидарность подпитывает в россиянах патриотические чувства и в негиперболизированном виде поддер-

живает социальный оптимизм и взаимное понимание.

Данные мониторинга ИС РАН дают основания и для вывода о том, что религиозная принадлежность не влияет кардинальным образом на восприятие источников угроз обществу, подтверждая тенденцию большей ориентированности на охранительные императивы приверженцев традиционных российских конфессий.

В свете современных диспозиций влияние религиозно-мировоззренческого фактора на восприятие характера угроз представляется проекцией вопроса об устойчивости цивилизационного устройства России сквозь призму социокультурных и религиозных параметров. Несмотря на то что в оценках россиян преобладает представление о приоритетности внешнего источника угроз, большинство из них склонны опасаться прежде всего негативных социальных и экономических явлений внутри страны, тогда как глобальная угроза религиозного экстремизма остается на периферии [26]. С другой стороны, общество реально волнует угроза возможных межконфессиональных конфликтов.

Как показали исследования, религиозный фактор не влияет на выбор социальных стратегий, как долгосрочных, так и сиюминутных, тем самым выпадая из массового сознания в качестве иницирующего напряжение или, наоборот, спасительного пути. Однако многозначность его проявления фиксируется в различном отношении к активизации деятельности Русской православной церкви, оценке социальной значимости религиозных организаций и демонстрации индивидуальной религиозности. Если в одних случаях это четко фиксирует наличие в обществе значимых мировоззренческих различий по параметрам «религиозное/светское», то в других – отношение к социальной деятельности религиозных организаций и оценка их реальной пользы свидетельствуют об авторизации общества, не преодолеваемой до последнего времени даже религиозными институтами. В целом можно утверждать: *в поисках нивелирования отрицательного воздействия растущего социального напряжения субъективно возрастает значимость обращения личности к Богу.*

Оценка россиянами состояния межрелигиозных отношений в обществе отражает взаимопроникновение этнических и религиозных традиций как основы социального общежития в России, но одновременно и улавливает вызов социальной стабильности и ценностному единству. Несмотря на то что деструктивный сценарий открытых столкновений в массовых оценках практически отсутствует, все же до трети россиян фиксируют скрытую угрозу межэтнического и межрелигиозного напряжения.

Социальная стабильность и ценностное единство во многом зависят от алгоритмов взаимодействия приверженцев различных религиозно-

мировоззренческих групп. Наличие различных мировоззренческих и религиозных предпочтений не разрывает символические параметры исторической и ценностной преемственности, но все же маркирует современные риски. Речь идет о некотором снижении положительных чувств в наполнении патриотизма, трактовке «русского вопроса» и сохранении поликонфессиональности и полиэтничности в качестве ценностно-смыслового и политического вектора.

Вместе с тем анализ ценностно-исторической проекции и образов желаемого будущего не выявляет непримиримых противоречий между последователями различных религиозных течений, демонстрируя тем самым устойчивые исторические и ценностные основания. И хотя религиозный проект развития России не присутствует в качестве приоритетного в общественном сознании, тем не менее *церковь* и *вера* представляются в современных условиях важными понятиями, амортизирующими и не провоцирующими социальную дестабилизацию.

Обращение в проекте ИС РАН к анализу нынешних *жизненных приоритетов россиян* свидетельствует о сохранении и некотором усилении в период кризиса тренда на индивидуализм, поддержание собственного благополучия и саморазвитие. Установки же на взаимодействие с внешним миром, различными сообществами, коллективные действия остаются мало актуальными. Важной доминантой самовосприятия россиянами новой реальности оказывается дефицит ощущения безопасности, обостренное стремление к преодолению вопиющих неравенств, самостоятельности в принятии решений и действиях. Сравнительно с жителями других европейских стран стремление к материальному благополучию и уважению со стороны окружающих является для россиян не столько самоцелью, сколько обратной стороной дефицитности этих составляющих жизни. В представлениях о направлениях дальнейшего развития страны преобладают установки на стабильность и возврат к традициям.

Но вот что очень важно подчеркнуть: для современных россиян традиция – *это не архаика, а то, что воспроизводится в конкретно-исторических условиях жизни общества и социальных групп в силу своей целесообразности, практической и духовно-нравственной полезности*. В кризисных условиях, как и в предшествующие годы, в российском социуме наблюдается процесс переосмысления ряда ценностных ориентиров, а традиционалистских ориентаций последовательно (можно даже сказать, системно) придерживается не менее трети граждан. При этом данный процесс, отличающийся внутренней противоречивостью социально-политических диспозиций, характерен для всех групп населения, в том числе и этнонациональных.

Можно считать вполне логичным, что сторонники системно-традиционных взглядов чаще придерживаются авторитарной стратегии развития России. В свою очередь, последовательно ориентированные на современные принципы поддерживают главным образом модель демократического (с европейским акцентом) развития страны. Заметим, что именно к ним в большей степени тяготеют те, кто еще окончательно не определился в своих позициях по данному вопросу (промежуточные). Однако исследование выявило своего рода оборотную и в этом смысле парадоксальную тенденцию. Как только речь заходит о выборе магистрального пути развития страны, промежуточные, колеблющиеся присоединяются к поддержке не европейского, а особого пути развития России, за который безоговорочно выступают традиционалисты. Чем объясняется подобный парадокс? По всей видимости, при тех «достижениях» Европы последнего времени, благодаря которым ее цивилизационный, культурно-вымеренный образ оказался практически стертым, сама трактовка пути общественного развития через понятие «европейский» вызывает у россиян и психоэмоциональную, и идейно-политическую идиосинкразию.

Вряд ли можно сомневаться в том, что граждане России стремятся к благосостоянию, современному комфорту, повышению уровня жизни и процветанию. Однако *для них важна не только цель, но и средства, не только финансовый эквивалент процветания, но и его содержательная сторона*. В этом плане социальное мышление россиян, что еще раз подтверждают общенациональные исследования ИС РАН, нельзя назвать чисто экономическим, оно включает в себя и определенное представление о самоуважении, основанное на достигнутых и вместе с тем просветительских по своему генезису ценностях.

В подходах к осмыслению будущего страны отчетливо проявляется одна из самых характерных черт российского менталитета – сочетание, даже *переплетение интенсивных модернизационных устремлений с традиционализмом*. При том что российское общество одержимо научно-техническим прогрессом, оно очень привержено традициям. Вместе с тем устремление россиян к традиционным жизнеустановлениям носит рациональный характер. И это в значительной степени корректирует привычное представление о коллективистских и индивидуалистских основах поведенческих установок современных россиян. Как убедительно свидетельствуют результаты мониторинговых исследований трансформационных процессов в российском обществе (и не только ИС РАН), *россияне являются не меньшими индивидуалистами, чем многие европейцы и даже американцы*. Социальная история России последнего пятидесятилетия неразрывно связана с массовой мотивацией общества

потребления, а потому в известной мере может считаться историей становления и развития индивидуалистических ценностных ориентаций. Очевидно, что кризисные периоды, переживаемые современной Россией, не заглушили, а в еще большей степени актуализировали данную тенденцию.

В контексте дрейфа нормативно-ценностной системы от культуры коллективистского типа к индивидуалистически ориентированному типу культуры выделяются *две полярные модели мировосприятия: активистская и пассивистская*. Исходя из качеств гражданской активности и самоответственности, характеризующих представителей первой модели, они в исследованиях ИС РАН были названы *пассионариями*. В свою очередь, инертность и декларативность жизненной позиции сторонников второй модели дали основания именовать их *обывателями* [27].

Как выявили результаты второй и четвертой волн мониторинга, пассионариям свойственны активистские установки на самодостаточность, отстаивание своих интересов, поиск и освоение нового (их доля в общем массиве респондентов составила 25 %). А для обывателей характерны установки на зависимость от государственной поддержки, приспособление, консерватизм (19 %). Оставшуюся до 100 % долю респондентов составили, можно сказать, *промежуточные*, т. е. люди, сочетающие в себе одновременно какие-либо активистские и пассивистские жизненные установки (56 %).

В контексте выделения моделей мировосприятия представляется важным понимание того, как россияне позиционируют себя во внешнем пространстве, каким является их самовосприятие. По итогам исследований были выявлены три главных аспекта самовосприятия среднестатистического россиянина – *безопасность, комфорт ближайшего окружения, самостоятельность*. При этом активистский компонент, готовность к действию и ответственности прослеживаются только на короткой дистанции: они замкнуты на самом человеке и его непосредственном окружении. Тревожность в отношении «большого мира», сверхактуальное стремление к безопасности, уверенность в том, что эта безопасность может быть обеспечена только государством, т. е. извне и сверху, создают условия закрепления в самовосприятии *Я-ориентированности*. Добавим к этому, что проявление *Я-ориентированной модели мировоззрения* выводит на первый план частную жизнь человека, а то, что обращено вовне, отражает его взаимодействие с окружающим миром и регламентирует это взаимодействие, оказывается на периферии личных интересов. Наиболее активная и деятельная часть общества, т. е. пассионарии, чаще ценит активистские и деловые качества, но ориентируется

при этом на качество индивидуального действия; солидарность и коллективизм востребованы пассионариями столь же мало, как и обывателями.

Таким образом, есть основания полагать, что в современных условиях модель жизненного успеха в России замкнута на самом человеке, создании им своей «крепости», поддержании ее финансовой основы и не распространяется на окружающее социальное пространство, не ориентирована на его преобразование. Она воспроизводится среди россиян всех поколений с той лишь разницей, что молодежь (разумеется, не вся) оказывается еще более далека от общественного видения успеха, чем представители средних и старших возрастных групп. Но вот что примечательно: при том что пассионарии реже заявляют об общественном, коллективном, солидарном, чаще в него реально включаются сравнительно с обывателями, которые демонстрируют «диванную версию» общественного кругозора, не конвертируя собственные декларации о коллективизме и общественных приоритетах в практические дела.

Данные, полученные в ходе реализованных в 2014–2016 гг. волн мониторинга, позволяют говорить о том, что в условиях экономического кризиса двукратному расширению группы российских бедных способствовали две параллельно сработавшие причины. С одной стороны, «оптимизация» российской экономики в целом и промышленных предприятий в частности, выразившаяся в увольнении наименее эффективной, но квалифицированной рабочей силы, главным образом мужчин; с другой – резкий скачок цен, произошедший в условиях стагнирующих зарплат (в значительной массе своей достаточно низких), спровоцировавший переход в состояние бедности многих из тех, чей уровень дохода лишь ненамного превышал накануне кризиса прожиточный минимум (периферия бедности).

Данные мониторинга свидетельствовали и о том, что институты российского государства, ответственные за состояние социальной сферы, оказались не готовы к нейтрализации рисков массового распространения бедности в условиях кризиса. Бедность продолжает рассматриваться в государственной политике прежде всего как проблема социального обеспечения, но не сферы занятости. Нынешний кризис ярко демонстрирует ошибочность подобного восприятия, равно как и подхода к преодолению отечественной бедности.

Что же касается российского среднего класса, то вопреки расхожим домыслам последствия кризисного бытия не привели к его сокращению и тем более исчезновению. Негативное воздействие кризиса на средний класс оказалось в целом меньше, чем можно было бы ожидать. Как следствие, неизменной сохранилась его численность

(42–44 %), лишь меньшинство его представителей отмечало ухудшение собственного положения в кризисный период, в его составе по-прежнему преобладала установка на решение личных проблем своими силами, а в повседневной практике – рациональные стратегии адаптации к сложным временам.

Несмотря на неудовлетворенность состоянием большинства социально значимых сфер жизни общества и отсутствием возможности (по массовым самооценкам) эффективно влиять на деятельность органов власти, россияне продолжают оказывать им доверие и не поддерживают какие-либо формы насильственной смены власти. Сегодняшняя ситуация отражает определенный баланс между интересами и возможностями как власти, так и общества. В то же время отношения между ними становятся более рациональными, опосредованными конкретными интересами и действиями их участников. Это, с одной стороны, создает объективные предпосылки для развития государственных и общественных институтов, а с другой – актуализирует вопрос о соотношении рациональных и ценностных оснований консолидации российского общества.

В целом анализ результатов проекта дает основания утверждать: в условиях кризиса в России доминирует и сохраняет свою устойчивость ценностно-нормативная система, характерная для обществ неэтакратического типа. Стержнем подобной системы является особая роль государства. Однако это отнюдь не выражает массовую потребность в авторитарном режиме и уж тем более в тоталитарном строе. Напротив, речь идет о характерном для России восприятии общества как ипостаси *державы*. При таком восприятии государство от общества неотделимо, а власти само общество выдает мандат на осуществление функции заботы о народе. Воплощение державной модели в глазах россиян предполагает всеобщую солидарность в отношении граждан и помощь тем, кто не преуспел или попал в беду. Носителем державного понимания общества и державной версии патриотизма является подавляющая часть российского населения, а не какие-либо конкретные социальные группы. За ощущением *державы* у россиян стоит чувство общности друг с другом как представителями единого целого, в основе существования которого лежит общность взглядов на основополагающие нормы и ценности.

Библиографические ссылки

1. Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2010. С. 163–182.
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М., 2011.
3. Inglehart R. F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997.
4. Inglehart R. F., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004.
5. Россия в Европе: по материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование» / под общ. ред. А. В. Андреевской и Л. А. Беляевой. М., 2009.
6. Лапин Н. И. Сверяем человеческие измерения модернизации (по результатам третьей волны Европейского социального исследования, 2006) // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20, № 2. С. 33–73.
7. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С. и др. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журн. Высш. школы экономики. 2012. Т. 9, № 2. С. 43–70.
8. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2005.
9. Готово ли российское общество к модернизации / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М., 2010.
10. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М., 2011.
11. Дробижина Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М., 2013.
12. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л. М. Дробижина. М., 2013.
13. Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
14. Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм. Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008.
15. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2016.
16. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2015.
17. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2015.
18. Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социол. исслед. 2015. № 12. С. 4–16.
19. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М., 2016.
20. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социол. исслед. 2016. № 10. С. 43–53.
21. Мареева С. В. Монетарные и немонетарные неравенства в жизни россиян // Социол. исслед. 2016. № 10. С. 65–74.

22. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2016.
23. Петухов В. В. Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социол. исслед. 2016. № 11. С. 86–96.
24. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2017.
25. Дробизжева Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социол. исслед. 2015. № 11. С. 80–90.
26. Мchedlova M. M. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социол. исслед. 2016. № 10. С. 110–117.
27. Sedova N. N. Жизненные приоритеты: от потребностей и интересов к действию // Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М., 2016. С. 105–130.

References

1. Inglehart R. [Modernization and Democracy]. In: V. L. Inozemtsev (ed.). [Democracy and modernization: debates on the challenges of the twenty-first century]. Moscow, 2010. P. 163–182 (in Russ.).
2. Inglehart R., Vel'tsel' K. [Modernization, cultural change and democracy. The human Development Sequence]. Moscow, 2011 (in Russ.).
3. Inglehart R. F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997.
4. Inglehart R. F., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004.
5. Andreenkova A. V., Belyaeva A. V. (eds). [Russia within Europe: some findings of the international sociological project «European Social Survey»]. Moscow, 2009 (in Russ.).
6. Lapin N. I. Comparing human dimensions of modernization (according to the results of the 3rd round of the European Social Survey 2006). *Universe of Russia: Sociology. Ethnology*. 2011. Vol. 20, No. 2. P. 33–73 (in Russ.).
7. Schwartz S., Butenko T. P., Sedova D. S., et al. Theory of basic personal values: validation in Russia. *Psychol. J. High. School Econ*. 2012. Vol. 9, No. 2. P. 43–70 (in Russ.).
8. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds). [Russian identity against the background of transformations: practices in sociological analysing]. Moscow, 2005 (in Russ.).
9. Gorshkov M. K., Krumm R., Tikhonova N. E. (eds). [Is Russian society ready for modernization?]. Moscow, 2010 (in Russ.).
10. Gorshkov M. K., Krumm R., Petukhov V. V. (eds). [Twenty years of reform through the russians' eyes: experience of long-term sociological observation]. Moscow, 2011 (in Russ.).
11. Drobizheva L. M. [Ethnicity in a socio-political space of Russian Federation. 20 years of experience]. Moscow, 2013 (in Russ.).
12. Drobizheva L. M. (ed.). [Civic, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow]. Moscow, 2013 (in Russ.).
13. Gorshkov M. K. [The basics of contemporary russian society: exploring survey data] : in 2 vol. 2nd ed. Moscow, 2016 (in Russ.).
14. Fedotova V. G., Kolpakov V. A., Fedotova N. N. [Global capitalism: the three great transformations. Socio-philosophical analysis of the relationship between economy and society]. Moscow, 2008 (in Russ.).
15. Toshchenko Zh. T. (ed.). [Life universe of Russians: 25 years later (the late eighties – the mid-2010's)]. Moscow, 2016 (in Russ.).
16. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds). [Russian society and challenges of the time. Book one]. Moscow, 2015 (in Russ.).
17. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds). [Russian society and challenges of the time. Book two]. Moscow, 2015 (in Russ.).
18. Gorshkov M. K., Sedova N. N. (eds). «Self-sufficient» Russians and their life priorities. *Sotsiologicheskie issled*. 2015. No. 12. P. 4–16 (in Russ.).
19. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds). [Russian society and challenges of the time. Book three]. Moscow, 2016 (in Russ.).
20. Tikhonova N. E., Karavay A. V. Resources of Russians in times of crisis: dynamics and role in adaptation to new conditions. *Sotsiologicheskie issled*. 2016. No. 10. P. 43–53 (in Russ.).
21. Mareeva S. V. Monetary and non-monetary inequalities in the Russians' life. *Sotsiologicheskie issled*. 2016. No. 10. P. 65–74 (in Russ.).
22. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds). [Russian society and challenges of the time. Book four]. Moscow, 2016 (in Russ.).
23. Petukhov V. V. Crisis and protection of the citizen's labour rights. *Sotsiologicheskie issled*. 2016. No. 11. P. 86–96 (in Russ.).
24. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds). [Russian society and challenges of the time. Book five]. Moscow, 2017 (in Russ.).
25. Drobizheva L. M. The potential of interethnic consent. Comprehension of the concept and social practice in Moscow. *Sotsiologicheskie issled*. 2015. No. 11. P. 80–90 (in Russ.).
26. Mchedlova M. M. Religion, society, state: challenges and threats of modernity. *Sotsiologicheskie issled*. 2016. No. 10. P. 110–118 (in Russ.).
27. Sedova N. N. [Life priorities: From needs and interests to actions]. In: M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov (eds). [Russian society and challenges of the time. Book four]. Moscow, 2016. P. 105–130 (in Russ.).

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 37(476)+316.334:37(476)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ¹

И. В. КАРПЕНКО¹⁾

¹⁾Министерство образования Республики Беларусь, ул. Советская, 9, 220010, г. Минск, Беларусь

Представлены концептуальные подходы и перспективы развития образования в Республике Беларусь. Отмечается, что в ближайшее время предполагается переход к всеобщему среднему образованию, т. е. на качественно новый этап в развитии системы, направленный на повышение образовательного уровня граждан, что позитивно повлияет и на развитие человеческого потенциала, и на международный имидж Беларуси. Образование должно оцениваться на уровне личностного и социального развития каждого. Предлагается изменить понимание выпускного экзамена за курс средней школы, механизм проведения вступительных экзаменов, правила поступления в гимназию, провести оптимизацию учреждений высшего образования с учетом их профиля, кадрового потенциала и материально-технической базы.

Ключевые слова: концептуальные подходы к развитию системы образования; национальная модель многоуровневого образования; качество образования; профилизация специальностей; кадровый потенциал; образовательно-научно-производственные кластеры; воспитательный потенциал образования, социально-педагогической и психологической службы.

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE REPUBLIC OF BELARUS

I. V. KARPENKO^a

^aMinistry of Education of the Republic of Belarus, 9 Saveckaja Street, Minsk 220010, Belarus

The article is prepared on the basis of the author's report at the Republican Pedagogical Council on 24 August 2017 and presents conceptual approaches and prospects for the development of education in the Republic of Belarus. In the near

¹Статья подготовлена на основе доклада И. В. Карпенко на Республиканском педагогическом совете 24 августа 2017 г.

Образец цитирования:

Карпенко И. В. Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 44–47.

For citation:

Karpenko I. V. Conceptual approaches to the development of the education system in the Republic of Belarus. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 44–47 (in Russ.).

Автор:

Игорь Васильевич Карпенко – министр образования Республики Беларусь.

Author:

Igor V. Karpenko, minister of education of the Republic of Belarus.
PRESS@minedu.unibel.by

future, the transition to universal secondary education is expected. It will be a qualitatively new stage in the evolution of the system aimed at raising the educational level of citizens, which will positively affect the development of human potential and the international image of Belarus. Education should be assessed at the level of personal and social development of any person. It is proposed to change the understanding of the final secondary school exam, the mechanism for the entrance examinations, the rules for entering the gymnasium, and to optimize the network of institutions of higher education, taking into account their profile, personnel potential, material and technical base.

Key words: conceptual approaches to the development of the education system; the national model of multilevel education; the quality of education; profiling of specialties; human resources; educational and scientific production clusters; educational potential of education, social pedagogical and psychological services.

Образование выступает ресурсом новых общественных преобразований, создавая интеллектуальный, научный, творческий и технологический потенциал, который *становится основным активом* устойчивого социально-экономического развития.

Именно поэтому государственная политика в области образования носит стратегический характер. Сегодня перед нами стоит *задача* дальнейшего совершенствования национальной модели многоуровневого образования, отвечающего современным и, главное, перспективным потребностям человека, общества и государства.

При обновлении такой модели необходимо:

1) исходить из государственных интересов и потребностей инновационной экономики;

2) опираться на лучшие национальные образовательные традиции с учетом основных мировых тенденций;

3) обеспечить доступность качественного образования для каждого.

В целях определения путей дальнейшего развития системы образования *разработаны концептуальные подходы* на среднесрочную и долгосрочную перспективу, проект которых представлен для обсуждения на педагогическом совете. Концептуальные подходы разработаны с учетом поручений главы государства, предложений, которые поступили в ходе общественного обсуждения новой редакции Кодекса Республики Беларусь об образовании, анализа функционирования системы образования. Остановимся на основных позициях.

I. Условия для перехода на обязательное общее среднее образование. На наш взгляд, в стране они обеспечены в полной мере. Есть *государственный запрос* на образованного, высококвалифицированного специалиста. В Кодексе Республики Беларусь об образовании заложен *законодательный коридор для такой новации*. Есть *общественная потребность* и готовность к такому переходу. Общее среднее образование у нас сегодня получает почти 100 % выпускников. Система всеобщая, экстернатная, возможность получения общего среднего образования в вечерних классах и учреждениях профтехобразования создают условия для реализации этой задачи.

Переход на обязательное общее среднее образование – качественно новый этап в развитии системы,

направленный на повышение образовательного уровня граждан, что позитивно повлияет на развитие человеческого потенциала, а также на укрепление международного имиджа нашей страны.

II. Обеспечение качества образования. И здесь вопросы обновления содержания образования по-прежнему на первом месте. Это предполагает постоянную работу над образовательными стандартами, учебными планами и программами, учебниками и учебно-методическими пособиями с учетом динамики научно-технического прогресса. Мы должны уделить особое внимание *уровню методической культуры педагога*, прежде всего через обновление системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. Эта задача уже реализуется в рамках разработанной по поручению главы государства *Концепции развития педагогического образования на 2015–2020 гг.*

Качество образования не должно измеряться исключительно результатами централизованного тестирования, предметных олимпиад или зачетным местом в гимназии. Образование нужно оценивать по уровню личностного и социального развития каждого ученика. При этом важно подготовить не отдельных элитных учащихся, а помочь всем осуществить жизненное и профессиональное самоопределение, обеспечить социальную и профессиональную мобильность личности, ее конкурентоспособность в современном мире.

III. Необходимость упорядочения существующей структуры системы образования. Например, в системе общего среднего образования функционирует 15 видов учреждений. Особый вопрос – функционирование гимназий. Из 210 гимназий на слуху несколько десятков. Полагаем необходимым *ужесточить требования к качеству образования* в гимназиях с учетом профилизации. Профилизацию следует связывать не со вступительными испытаниями в пятый класс гимназии, а с осознанным выбором школьниками профессии, что возможно в более старшем возрасте.

Сегодня на практике обучение в гимназии – это не выбор ученика, а скорее амбиции родителей. Например, ситуация этого года: сдав все экзамены на 9 баллов, ученик не поступает в гимназию. Такой стресс ничем не оправдан.

Общеобразовательная школа имеет такое же право на выявление и дальнейшее обучение

одаренных, мотивированных учащихся, как гимназия и лицей. Совместно с педагогами-практиками необходимо выработать критерии такого отбора. Это будет соответствовать принципам социальной справедливости и равнодоступности общего среднего образования, которые гарантированы нашим законодательством, а не наметившейся элитарности гимназического образования.

В свою очередь, на уровне профессионального образования предлагается сохранить один вид учреждения – колледж, который будет реализовывать образовательные программы общего среднего, профессионально-технического и среднего специального образования.

На уровне высшего образования оптимальным видится подход, при котором на первой ступени (бакалавриат) обеспечивается подготовка специалистов с присвоением квалификации, на второй ступени (магистратура) – углубленная подготовка специалистов, которые способны решать задачи проектирования, конструирования, управления. Это позволит магистрам занимать также должности научных сотрудников. По наиболее сложным наукоемким специальностям (медицина, ядерная энергетика и др.) подготовка будет вестись по непрерывным образовательным программам с 5–6-летним сроком обучения.

Выпускники магистратуры должны быть востребованы на рынке труда в соответствии с полученным образованием и квалификацией. По педагогическим профессиям мы уже приняли решение: выпускник магистратуры, придя на первое рабочее место в школу, сразу может получить вторую квалификационную категорию. Примерно в таком же направлении нужно определиться и по остальным специальностям.

В стране 28 учреждений высшего образования (УВО) осуществляют подготовку по специальностям экономического профиля и 17 – юридического. Поэтому необходимо провести оптимизацию УВО с учетом их профиля, кадрового потенциала и материально-технической базы. При этом должна быть продолжена работа по профилизации специальностей, прежде всего исключение дублирования подготовки по одним и тем же специальностям как на уровне среднего специального, так и высшего образования. Положительный пример есть в системе здравоохранения: выпускники медколледжей и медицинских УВО по своим квалификационным характеристикам не дублируют, а дополняют друг друга. Кроме того, необходимо определиться с подготовкой специалистов в заочной форме получения образования.

По поручению Правительства Республики Беларусь разрабатываются новые подходы к формированию прогноза подготовки кадров под потребности экономики и социальной сферы.

В подготовке научных кадров предлагается закрепить введение образовательной программы аспирантуры на уровне научно-ориентированного образования со сдачей кандидатских экзаменов, а набор в докторантуру – исключительно по целевому принципу, на грантовой основе. Это позволит решить задачу не только восполнения научных, но и педагогических кадров высшей квалификации. Необходимо расширить перечень специальностей для обучения иностранных граждан на английском языке в целях наращивания экспорта образовательных услуг. Следует провести серьезную работу по расширению преподавания китайского языка в средних и высших учебных заведениях.

Конкретизация требований к ведущим УВО позволит перейти к реализации модели «Университет 3.0», которая предполагает создание интегрированной образовательной, научной и предпринимательской среды для коммерциализации научных разработок, усиление их связи с реальным сектором экономики. В перспективе на базе ведущих университетов могут быть созданы образовательно-научно-производственные кластеры, которые подтянут и региональные УВО. А это, в свою очередь, позволит им быть более конкурентоспособными в мировом образовательном пространстве.

IV. Совершенствование правил приема в УВО. Благодаря введению централизованного тестирования мы исключили коррупцию при проведении вступительной кампании. В то же время опыт показал определенное несоответствие между средним баллом аттестата и результатами ЦТ.

Наверное, неслучайно в СМИ, в целом в обществе идет полемика о возврате к пятибалльной системе оценок. Следует глубоко и детально проанализировать как преимущества, так и недостатки каждой из систем.

Время диктует и необходимость изменить понимание выпускного экзамена за курс средней школы. Современной формой, позволяющей объективно оценить уровень знаний выпускника, может выступить комплексный общеобразовательный тест.

Это, соответственно, повлечет за собой и изменения в выпускных экзаменах за 9 классов. В концептуальных подходах предлагается проведение независимой аттестации выпускников базовой школы. Полученные отметки должны дать объективный ответ на вопрос, какую траекторию дальнейшего обучения следует выбрать учащемуся.

Центром, обеспечивающим создание в республике системы независимой оценки качества образования, должно стать агентство по контролю в сфере образования, которое будет создано путем объединения подчиненных Министерству образования Республики Беларусь структур.

Также предлагается изменить механизм проведения *вступительной кампании* в УВО. Для поступающих на отдельные специальности – проводить дополнительное предварительное профессиональное собеседование до подачи документов. Позитивной иллюстрацией такой модели может служить собеседование для абитуриентов, поступающих на педагогические специальности, апробированное в этом году. Кроме того, по некоторым специальностям предусматривается введение дополнительного внутреннего экзамена. Такие подходы одобрены Республиканским советом ректоров УВО.

V. Создание информационно-образовательного пространства. Кстати, Российская Федерация планирует сделать это за полтора-два года.

Перспективными направлениями в данном контексте являются:

1) оснащение всех школ высокоскоростным беспроводным интернетом, разработка и создание регистра обучающихся, переход к использованию электронных документов (классный журнал, дневник, карта учащегося);

2) информатизация системы управления, обеспечивающая многоуровневый доступ к информации по образовательному процессу;

3) внедрение в образовательный процесс новых методик, основанных на информационных технологиях: дополненная реальность, интерактивные средства обучения и др.

VI. Обусловленность успеха реализации поставленных задач представителями системы образования. Мы твердо убеждены: педагог – ключевая фигура в образовании. С энтузиазмом воспринято общественностью новое почетное звание «Народный учитель». Первый народный учитель Беларуси Валерий Барашков наверняка согласится: личность педагога определяет его статус в обществе.

А можно ли говорить об уважении к своей профессии так называемых репетиторов от образования? Учитель, который не стремится эффективно использовать каждую минуту урока, чтобы учить и (подчеркнем!) воспитывать ребенка, скорее всего, заинтересован в том, чтобы предложить не поддерживающие занятия, а услуги репетитора! Выборочный анализ ситуации показал, что преподаватели, которые были задействованы в приемной кампании в УВО, вступительных испытаниях в гимназии, одновременно являлись и репетиторами. А это ли не завуалированная форма коррупции?!

Для исключения возможных конфликтов интересов и коррупционных рисков в учреждениях образования предлагаем внести в контракты норму о том, что педагог обязан информировать нанимате-

ля об осуществлении им деятельности в качестве репетитора.

VII. Обеспечение взаимосвязи воспитания и обучения в образовательном процессе. Необходимо поднять на новый уровень воспитательный потенциал образования и обеспечить *активное личностное развитие детей и молодежи*, становление гражданина своей страны, профессионала-труженика, семьянина.

Напомним известную, но очень важную истину: каждый урок, лекция, дополнительное занятие имеют огромный воспитательный и идеологический потенциал. Но эффективность его реализации в решающей степени зависит от педагога.

С учетом современных реалий следует искать новые подходы, внедрять эффективные формы и методы работы с учащейся и студенческой молодежью. Об этом мы говорили на республиканском образовательном семинаре по вопросам воспитательно-идеологической работы. Чтобы возродить лидирующую роль БРСМ, пионерской организации, органов ученического и студенческого самоуправления в воспитательном процессе, нужно наполнить его конкретными делами, уйти от формализма.

Акцентируем внимание на важности *совершенствования работы социально-педагогической и психологической службы учреждений образования*, особенно в УВО. Работать нужно не по запросу, а на упреждение. Здесь важны диагностика и системный анализ трудностей и проблем, с учетом которых выстраивается вся воспитательная и идеологическая работа.

В качестве примера назовем коллективные творческие дела, которые незаслуженно забыты в современной педагогической практике. Именно конкретные коллективные дела формируют лицо и имидж ученических и студенческих организаций.

Необходимо придать новый импульс тимуровскому, волонтерскому и студотрядовскому движению, деятельности клубов интернациональной дружбы; поднять на новый уровень ученический и студенческий спорт; развивать движение *WorldSkills International*; расширить охват допрофессиональной подготовки в шестой школьный день в целях популяризации рабочих профессий. Нормативная база принята – необходимо ее активно реализовывать.

С учетом предлагаемых подходов будут конкретизированы концепция и программа непрерывного воспитания детей и молодежи, подготовлен научно-методический инструментарий по их реализации.

УДК 327(476)“20”

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Институт социально-политических исследований Российской академии наук,
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия

Представлена оценка мировой политической стратегии, свидетельствующая о том, что XXI в. породил новый тип войн, которые не заканчиваются победой или мирным соглашением, но оставляют страны-жертвы в руинах, а их народы – без надежд на лучшее будущее. Вывод делается на основе того факта, что перед современным миропорядком стоят две угрозы: мировой терроризм и кризис демократии. Доказывается мысль о том, что террористическую угрозу можно преодолеть только в условиях мировой солидарности, которая пока ускользает от мирового сообщества. По мнению автора, кризис демократии можно преодолеть только благодаря глубоким реформам, но страны пока не готовы к этому. Показано, что Беларусь конструирует свою внешнюю политику с должным учетом противоречий современного мира и ее глобальные приоритеты состоят в тесном сотрудничестве с Российской Федерацией, ЕАЭС, Атлантическим сообществом, в двусторонних и многосторонних отношениях с европейскими странами на основе взаимного сближения и общности интересов.

Ключевые слова: Атлантическое сообщество; геополитическая стратегия; суверенитет Республики Беларусь.

THE FOREIGN POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

I. I. ANTONOVICH^a

^aInstitution of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences,
6 Fotievoi Street, 1 building, Moscow 119333, Russia

My assessment of the world political strategy shows that new type of wars begun in the XXIst century never finish with victory. They leave countries in ruins without hope for a better future. It is my estimate that the present situation in the world faces two ways threats: world terrorism and the crisis of democracy. The author shows his assurance that world terrorist threat can be overcome only through international solidarity which remains elusive, the crisis of democracy can only be overcome through basis reforms for which the countries today are not ready. Belarus is developing its sovereign external policy taking due attention to the contradictions of the modern world. Its global priorities dictate it close co-operation with the Russian Federation, Eurasian community, Atlantic community, bilateral and multilateral co-operation with European countries on the basis of mutual respect and commonality of interest.

Key words: Atlantic community; geopolitical strategy; Belarusian sovereignty.

В мае текущего года в Минске состоялся круглый стол, посвященный 25-летию внешней политики суверенной Республики Беларусь. 25 лет – краткий исторический срок, но он заполнен и весьма дра-

матическими событиями. В этот период неожиданно для многих СССР распался. В Атлантическом сообществе одни объявили это событие своей победой в холодной войне, другие сказали, что это,

Образец цитирования:

Антонович И. И. Внешняя политика Республики Беларусь: вчера, сегодня, завтра // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 48–58.

For citation:

Antonovich I. I. The foreign policy of the Republic of Belarus: yesterday, today, tomorrow. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 48–58 (in Russ.).

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Ivan I. Antonovich, doctor of science (philosophy), full professor; principal researcher.
iantonovich@mail.ru

безусловно, поражение СССР в холодной войне, но не победа Атлантического сообщества.

Истина, как всегда, посередине. На наш взгляд, Советский Союз распался больше в силу внутренних причин, чем внешнего давления. Более того, те, кто объявил это своей победой, явно не сумели ею воспользоваться, ибо с тех пор мир не стал безопаснее или благополучнее. В нем продолжают существовать и обостряться те же геополитические проблемы и конфликты, что были характерны для него на протяжении XX в., и поэтому наиболее объективной характеристикой случившегося является хорошо известное и часто цитируемое заявление российского президента В. В. Путина о том, что распад СССР был величайшей геополитической катастрофой.

Конец XX в. сформировал новый дух времени, который отличали оптимизм и уверенность в том, что следующий этап международных отношений и мировой политики будет намного более успешным, чем предыдущий. Именно эти идеи и были озвучены, а затем закреплены в ряде важных документов «сессии миллениума» Генеральной Ассамблеи ООН, на которой присутствовали лидеры подавляющего большинства государств – членов ООН. Были предложены смелые инициативы по ликвидации мировой бедности, оздоровлению окружающей среды, борьбе с эпидемиями и т. д.

К сожалению, по истечении почти четверти века с той поры надежды на то, что мир вступает в фазу более прогрессивного и успешного развития, не оправдались. XXI в. начался серией войн. Они развязываются, как правило, под обманными предлогами и не способны закончиться ни победой страны, начавшей войну, ни мирным соглашением. Страны, где они происходят, превращаются в руины, что серьезным образом обостряет миропорядок, увеличивает объем мировой бедности, обуславливает новые источники противостояния и раздора в геополитике.

Сейчас, оценивая ситуацию в ретроспективе XX в., можно сказать, что биполярное противостояние обеспечивало достаточно устойчивый и надежный мир и дело было не только в том, что ядерные арсеналы СССР и США, лидеров биполярного мира, уравновешивали друг друга. Их отношения, а вместе с тем функционирование международной системы были закреплены в ряде важнейших международных документов. По выражению президента Дж. Кеннеди, СССР и США смотрели друг другу в глаза, ожидая, кто моргнет первым. В конечном итоге они научились не моргать и, трезво оценивая возможности ответных ударов, находили пути решения острых международных проблем.

Объявленный в начале 1990-х гг. президентом США Дж. Бушем-старшим новый мировой порядок, предполагавший безусловное лидерство США

в современном мире, так и не начал функционировать должным образом. Террористическая атака на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке во многом разрушила планы и инициативы американского истеблишмента. Президент Дж. Буш-младший в ответ на это катастрофическое событие заявил, что отныне геостратегической задачей США в строительстве нового миропорядка является защита безопасности страны, а не верность старым договорам. Этим он де-факто обрушил геополитическую установку своего отца и посмотрел на миропорядок не с точки зрения обеспечения мирового равновесия и сотрудничества, а с точки зрения интересов США.

Это и стало мотивом обозначенных войн, которым, кажется, пока что нет конца. Сегодня две серьезные геополитические опасности угрожают миропорядку. Первая – радикальный джихадизм, который накрыл мир террористической сетью, перфорирующей социальные структуры развитых и развивающихся стран, подвергающей опасности жизни миллионов людей во всех регионах планеты. Взрывная геополитическая ситуация, сложившаяся на Ближнем Востоке в первом десятилетии нынешнего века, породила протогосударство – ИГИЛ, которое координирует деятельность всемирной террористической сети и ставит задачей создание всемирного халифата, действующего по средневековым законам. Миру было представлено много свидетельств новой власти джихадистов в виде отрезанных голов десятков и сотен ни в чем не повинных людей, зверств над мирным населением, уничтожения культурного наследия и национального богатства на оккупированных ИГИЛ территориях.

Трагедия ситуации заключается в том, что сейчас ни одно отдельно взятое, даже самое могущественное государство неспособно добиться победы над этим террористическим формированием, а мировая коалиция по борьбе с ним складывается очень трудно. Достигнутые соглашения нарушаются, стороны не сдерживают обещаний. В этой хаотической ситуации гибридной войны каждое государство предпочитает искать свое решение проблем, очень часто – за счет интересов других государств. Это означает, что с новой глобальной террористической угрозой миру предстоит сражаться еще долгое время, на этом пути неизбежны новые жертвы. Дело в том, что радикальный джихадизм имеет неограниченный ресурс живой силы из трехмиллиардного резерва мировой нищеты в странах, средний возраст населения которых составляет 18–20 лет. Большая часть этой молодежи не в состоянии получить дома образование или работу, которая могла бы помочь им жить обеспеченно и с верой в будущее. Каждому такому молодому человеку автомат Калашникова в руках

и 300 долларов в кармане – первоначальное вознаграждение за вступление в ряды ИГИЛ – создает впечатление, что жизнь удалась. Судя по тому, что запасы монархий Ближнего Востока не оскудели, за недостатком средств у джихадистов дело не станет.

Даже если рано или поздно удастся совместными усилиями преодолеть мировую террористическую угрозу, задача восстановления разрушенных регионов мира станет тяжелым бременем для международного сообщества, а работа по преодолению этой опасности растянется на многие годы, если не десятилетия. Главными условиями такой работы являются единство целей мирового сообщества и солидарность участвующих в ней государств, но именно такая солидарность пока ускользает от внимания руководителей ведущих государств мира.

Вторая опасность современного мира – кризис демократии. Прошедшие недавно выборы в США, Франции, Германии – странах, которые дали миру демократическую идею и практику, показали колоссальный раскол общества. В этих государствах социальные протесты, развернувшиеся в процессе и после выборов, во многом напоминают цветные революции, которые свершались на постсоветском пространстве в целях смены политических режимов. Здесь речь идет не о том, кто является инициатором этих революций, а о том, что демократические процедуры, обеспечивающие странам западного мира устойчивость и благополучие в течение десятилетий, ослабели и устарели, нуждаются в серьезном усовершенствовании и реформах.

Вспоминается курьезный случай, зафиксированный в американской исторической литературе. После Филадельфийского конвента 1787 г., принявшего Конституцию США, некая дама спросила одного из отцов-основателей и авторов документа Б. Франклина: «Скажите, доктор, у нас в стране республика или монархия?» Тот ответил: «Республика, мадам, если вы сумеете ее сохранить».

Конечно, было бы преувеличением сказать, что сегодня республика в странах западной демократии и всюду в мире в опасности, однако именно так говорит об этом ряд западных изданий, анализирующих теоретические модели демократии западного типа и реальность этих стран и почти неизменно приходящих к выводу о том, что демократия в западном мире находится в опасности. Обращается внимание на раскол общества, непримиримость сил, борющихся за власть. Похоже, что в основе современных демократических процессов столкнулись идеологии национализма и глобализма, и если глобализм выражает господствующие тенденции экономической взаимозависимости и сотрудничества, то национализм исходит от элит влияния и власти западных стран, передающих управленческие структуры из одной группы своих людей в другие, давно не соотносящие свои лозун-

ги с реальными задачами населения и желающие любой ценой сохранить этот статус-кво.

Большое число государств, осваивающих демократические процедуры в современном мире, обеспокоено тем, что национальная идентичность и культурные традиции наследования размываются глобализмом. В то же время глобализация, формирующая процессы единого униформного миропорядка, требует стандартизации производственно-экономических систем и демократических процедур. В условиях острой межпартийной борьбы элиты влияния и власти ставят задачу провести своих кандидатов на нужные посты, а не обеспечить необходимые реформы, отвечающие интересам народа.

Неслучайно в последнее время редко в какой из развитых стран кандидат был избран подавляющим числом голосов. Победой в стиле *landslide* (с подавляющим большинством голосов) считается даже при условии, если за кандидата подадут 51–52 % от числа участвующих в голосовании, но ведь и в голосовании редко когда участвует более 60 % избирателей, имеющих право голоса. Новым лидерам, избранным с таким преимуществом, очень трудно обеспечить общенациональную поддержку для глубинных реформ, в которых нуждается современное общество, вступившее в эпоху постмодерна, где приоритет узкого национального интереса сталкивается с торгово-экономическим и даже культурным пространством.

Дело усугубляется еще и тем, что основными носителями глобализации являются транснациональные конгломераты, развернувшие свои производственно-экономические системы по всему миру и оперирующие, не считаясь с задачами и устремлениями национальных лидеров. Перемещая производства из одной страны в другую (аутсорсинг) в целях максимизации прибыли, транснациональные конгломераты создают национальным лидерам нерешенные и непрерывно обостряющиеся социально-экономические проблемы, такие как безработица, кризис образования, медицинского обслуживания, окружающей среды, не предоставляя материальных средств на решение этих вопросов. Поэтому сразу после избрания, как это случилось, например, недавно во Франции, рейтинги лидеров, которые удалось с помощью СМИ и других средств «накачать» до высоких пределов, начинают стремительно обрушиваться, когда эти лидеры сталкиваются с реальностью и ощущают свое бессилие перед лицом хронических социально-экономических, нравственных и культурных проблем.

Избрание президентом США Д. Трампа вызвало шок в демократическом истеблишменте западного мира, привыкшем к тому, что ко власти приходит апробированный, испытанный на многих

поворотах судьбы лидер, который будет покорно выполнять поручения. Д. Трамп заявил о другой политике, и противодействие ему со стороны всех господствующих слоев общества является фактом, доселе неизвестным в истории. По-прежнему в общественное мнение Америки внедряется сомнение в способности вновь избранного лидера восстановить гражданский мир в стране, ликвидировать социальное противостояние, реализовать объявленные им цели восстановления величия Америки.

Д. Трамп отнюдь не радикал. Он осторожен и говорит о восстановлении величия Америки, а не о выходе на новые рубежи. Однако, похоже, вызвать к себе доверие большинства ему не удастся. Нелучайно поэтому ряд западных исследователей вынуждены говорить о коррумпированности современной западной демократии, в которой половина населения не участвует в выборах, а другая приводит к власти политиков – носителей узких групповых интересов поддерживающих их концернов. Властные группировки выражают интересы не тех, кто их избрал, а тех, кто их профинансировал, и поэтому шансы каждого кандидата оцениваются не в связи с тем, какую он предлагает программу, а в связи с тем, какие он сумел реализовать ресурсы.

Недавно вышла книга выдающегося исследователя современной цивилизации Т. Снайдера под заглавием «О тирании. 20 советов по сопротивлению». Т. Снайдер утверждает, что, как и все американцы, он по своим убеждениям может быть и левым, и правым, и даже радикалом, но советует не забывать о том, что действительность является еще более радикальной и сейчас тенденция такова, что демократия с признаками олигархата может стать олигархатом с признаками демократии. «Демократия должна постоянно заботиться о защите самой себя, – говорит Т. Снайдер. – В каждой демократии есть свои успешные и менее успешные периоды, но самое главное – американскую демократию должны защищать американцы, немецкую – немцы, ибо в мире нет ничего вечного, все меняется, и далеко не всегда к лучшему¹» [1, р. 19–20]. Все это говорит о том, что стратегическая и геополитическая задача, объявленная президентом США В. Вильсоном по итогам Первой мировой войны – «сделать мир безопасным для демократии» – обретает новое звучание и новые опасности в нашу эпоху.

Недавно президент Д. Трамп заявил, что его страна больше не будет участвовать в насаждении демократии в мире и ее защите в других странах. Это вызвало целый поток исследований о задачах и стратегии американской внешней политики, которая ставит своей целью одновременно и обеспечение преемственности и устойчивости амери-

канской внешней политики, и создание конкретной программы внешнеполитических действий для нового президента, ибо его непоследовательность и противоречивость в поступках и решениях серьезным образом заботят американский истеблишмент. Навряд ли Республиканская партия США внимлет голосам одиноких деятелей, стремящихся обратить на себя внимание и предлагающих импичмент Д. Трампа. Импичмент президента означал бы колоссальный удар по политическим позициям Республиканской партии США, и на это они не пойдут. Поэтому сейчас развивается новая линия поддержки Д. Трампа, создания концептуальных схем внешнеполитической стратегии в современной ситуации и предложения конкретных шагов по их реализации.

В этих условиях авторы, задающие тон теоретическим исследованиям геополитики США, выражают свою обеспокоенность хаотическим состоянием мира и буквально умоляют Соединенные Штаты не отказываться от ранее поставленных задач мирового господства. «Триумф либерализма и победа над коммунизмом не означали исчезновения других враждебных идеологий, таких как чучхе и джихадизм, – пишет один из гуров нынешней внешнеполитической стратегии США П. Д. Миллер. – Комбинация власти, находящейся во многих руках, доступные новые технологии в вооружениях, продолжающееся противодействие соперничающих идеологий и сокращение расстояний создали особую дьявольскую смесь. Именно поэтому высокопоставленные американские деятели чувствуют серьезную обеспокоенность за судьбы мира, и они правы в этих опасениях» [2, р. 155]. В таких условиях П. Д. Миллер считает главной геополитической задачей США сохранение современного либерального порядка и своего лидерства. Более того, благополучие либерального порядка объявляется условием национальной безопасности Соединенных Штатов.

Так конкретно и жестко геополитическая задача не формулировалась еще ни разу, наверняка для того, чтобы всем было ясно: сейчас не время излагать серьезные проблемы в туманных формулировках. П. Д. Миллер главным инструментом реализации либерального порядка предлагает укрепление внутренней безопасности, более агрессивную американскую дипломатию и особенно сохранение всемирного военного присутствия, эффективных разведсистем и способность принимать политические решения исходя только из анализа реальной ситуации [2, р. 156]. Все это вынуждает страны, формирующие свою внешнеполитическую стратегию в новых условиях, оценивать американские внешнеполитические инициативы сдержанно и трезво.

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

Пока каждый шаг в реализации своей внешнеполитической стратегии президент Д. Трамп делает с намерением укрепить ведущую роль США в современном мире, а отнюдь не ослабить ее. Показательным в этом смысле является его недавнее, в августе этого года, выступление в Варшаве. Польская печать с восторгом сравнила выступление с фултонской речью У. Черчилля в Вашингтоне в 1946 г., с которой современные историки начинают отсчет мировой войны. Д. Трамп не жалел комплиментов для характеристики современной Польши и нацеливал поляков на борьбу с опасными врагами, которые угрожают благополучию Атлантического сообщества, не называя при этом конкретные страны.

Однако характерно, что в целом анализа мировой ситуации и глобальных задач США Д. Трамп в этой речи не привел – в итоге поляки восприняли ее как приглашение к лидерству в восточноевропейских странах Евросоюза. Более трезвые обозреватели обратили внимание на то, что Д. Трамп ориентировал Польшу на противостояние «старой Европе». За счет союза с США Польша берет на себя смелость диктовать условия «старой Европе», что вызывает у стран – основательниц Евросоюза, таких как Германия и Франция, довольно негативную реакцию. В новых условиях благополучие Евросоюза благодаря активной роли Польши как носителя американских геополитических интересов так или иначе попадает под контроль США, активизируя внутренние раздоры в Евросоюзе. Похоже, что, используя Польшу таким образом, Д. Трамп рассчитывает привести к повиновению руководителей ведущих стран Евросоюза, крайне негативно относящихся и к его современной политике, и даже к избранию его в качестве президента Америки [3].

Сегодня существует мощный массив информации, свидетельствующей о том, что свои геополитические задачи в современном мире после Второй мировой войны Соединенные Штаты решали в основном силовыми методами, исходя из своих национальных интересов и, как правило, мало заботясь о жизненных интересах стран, которым они предлагали свои геополитические проекты.

Недавно США рассекретили архивы своих внешнеполитических действий после Второй мировой войны. Они раскрывают довольно любопытную картину приоритетов американской геополитики. К сожалению, в этих материалах имеется и неприятная для Беларуси информация о том, что большая часть эмигрантов, покинувших страну вместе с немецкими оккупантами, и эмигрантов более ранних периодов активно сотрудничала с американскими разведслужбами, выполняя диверсионные задачи на советской территории. Часть этих материалов опубликована и, похоже, будет еще публиковаться

в газете «Наша нива». Здесь, однако, кроме упоминания самого факта этого сотрудничества о деталях его не приходится говорить. Однако это только часть того паттерна внешнеполитических действий Соединенных Штатов, которые они реализовали в мире после Второй мировой войны.

Очень показательна деятельность американцев на Ближнем Востоке. Стратегия *regime change* (изменения политического режима), которая давно стала визитной карточкой американской внешнеполитической и разведстратегии, проявила себя в полной мере на всем протяжении XX в. Поначалу американские спецслужбы, стремившиеся на Ближний Восток, вроде бы и намеревались привести демократические силы, «демократических эфенди» – крупных землевладельцев, бизнесменов, представителей интеллигенции – к власти на замену устаревшим феодальным политическим структурам. Однако каждый раз, когда им это удавалось, например в Иране и Иордании, эти силы начинали строительство своего собственного суверенитета, что сразу входило в столкновение с интересами Соединенных Штатов. Поэтому рано или поздно американская стратегия, особенно под давлением английских разведслужб, которым хотелось сохранить остатки монархических сервильных режимов, привела на Ближнем Востоке к власти монархов или лиц, угодных им, а не народу той или иной страны. Неудобных же устраняли любым способом, не брезгуя и физическим уничтожением. Особую роль в этом плане сыграли два внука президента Т. Рузвельта (представители так называемых Остер-Бейских Рузвельтов, потомков Т. Рузвельта) в противоположность клану двоюродного племянника этого президента известного Ф. Рузвельта (Рузвельты из Гайд-Парка). Действуя в качестве штатных работников вновь образованного ЦРУ, эти два внука Т. Рузвельта Арчибалд и Кермит (Ким), высокопоставленные чиновники ЦРУ, не стесняясь ни в средствах, ни в финансах, вели дело к тому, чтобы создать политическую структуру на Ближнем Востоке из самых реакционных режимов, полностью подотчетных и подчиненных США [4, p. 77–93].

Одной из важнейших особенностей американской внешнеполитической стратегии является устойчивость не только традиции, но и практики реализации внешней политики. Поэтому, как показывают цветные революции на постсоветском пространстве, сегодня нет оснований надеяться на то, что все те, кто пойдут на сближение с США в постсоветском мире, смогут реализовать свои национальные задачи с большой долей независимости: им придется играть по правилам Вашингтона. В противном случае придется испытать то, что уже испытал ряд постсоветских республик, – *regime change* всеми доступными стратегам США

средствами, арсенал которых у них практически неисчерпаем. Ни в одной стране, где была осуществлена смена режима, не установился социальный мир, не повысилось благополучие народа.

Независимые государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве (их 15), были вынуждены срочно реализовать свой суверенитет, построить демократические институты, обеспечить благосостояние своим гражданам, решать вопросы национальной безопасности в условиях турбулентного, меняющегося, противоречивого мира. Только три из них, прибалтийские, республики имели исторический опыт суверенитета. Они начали свою внешнеполитическую деятельность, используя по возможности этот прошлый опыт и пытаясь адаптировать его к современным реалиям, что до сих пор получается не совсем удачно. Российская Федерация, которая до распада СССР в таком виде исторически не существовала, смогла использовать мощный кадровый и интеллектуальный потенциал дипломатической службы СССР. Республика Беларусь и Украинская республика были членами и учредителями Организации Объединенных Наций. Они накопили опыт участия в международных организациях, обладали минимумом кадров, на основе которых можно было разворачивать внешнеполитическую стратегию. Однако большинство проблем пришлось решать буквально с нуля.

За истекшие 27 лет после обретения независимости в Республике Беларусь сменилось семь министров иностранных дел. Это были добросовестные и знающие люди. Они совершали свои ошибки, но в целом с миссией внешнеполитической службы, способной обеспечить решение как внутренних, так и внешних задач государства, справлялись. Первое десятилетие было наиболее трудным, ибо приходилось не только открывать новые посольства во многих странах (а на это, кроме всего прочего, не хватало средств), обеспечивать их кадрами, но и разъяснять мировому сообществу, что представляет собой Республика Беларусь как новое государство, насколько серьезно она устремлена в будущее, насколько способна выполнить поставленные задачи.

Великий белорусский писатель В. Быков писал, что суверенитет упал белорусам на голову, как перезрелый плод. Это в какой-то степени является верным. Подавляющее большинство населения республики на референдуме 1991 г. высказалось за сохранение Советского Союза. И для многих суверенитет казался скорее виртуальной реальностью, чем перспективой. Общество оказалось расколотым. Одна его часть требовала сохранения старых, оправдавших себя связей с Российской Федерацией и другими еще недавно созданными республиками, а ныне молодыми суверенными государствами,

с которыми Беларусь связывали производственные и экономические отношения, разрыв которых был бы катастрофическим для экономики и благополучия населения. Другая часть – новые, спешно сформировавшиеся оппозиционные силы (особенно в лице Белорусского народного фронта) – желали как можно скорее повернуть развитие молодой страны на путь белорусизации при полном забвении экономических проблем и задач, требовали решительного разрыва с советским прошлым, перехода на белорусский язык в государственных учреждениях и в личном общении. Складывалось впечатление, что стоит заговорить на белорусском языке – и все колоссальные экономические и политические проблемы выхода из распавшегося государства падут сами собой. В одном из вариантов новой конституции даже присутствовал тезис: «Беларус павінен любіць і паважаць родную мову». Когда в одной из теледискуссий автору этих строк пришлось указать, что впервые в мировой истории эротический принцип любви записан в качестве конституционного положения, его отношения с БНФ надолго испортились, зато такая формулировка в основной документ не попала.

В целом белорусизация была принята народом с большой осторожностью. Многие осуждали радикализм БНФ, стремление молодых, неопытных людей, пришедших в политику, скорее дорваться до власти, несмотря на то что это желание не подтверждалось ни их прошлым опытом, ни уровнем политической зрелости большинства активистов. Значительная часть членов этого радикального объединения была представлена младшими научными сотрудниками Академии наук Беларуси (сегодня – Национальная академия наук Беларуси), аспирантами Минского государственного педагогического института им. М. Горького (сегодня – Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка), и им предстояло пройти школу государственного строительства. Но они сконцентрировались на митинговых действиях по немедленному насаждению демократии.

На президентских выборах 1994 г. народ отказал им в доверии, представитель БНФ Зенон Позняк получил 12,8 % голосов. Президентом Республики Беларусь был избран А. Г. Лукашенко. Отношения с новоизбранным в 1995 г. Верховным Советом Республики Беларусь у него не сложились. В его составе образовалась устойчивая группировка, которая начала свою деятельность с атаки на недавно избранного молодого президента. Когда автор этих строк в беседе с тогдашним первым заместителем председателя Верховного Совета сказал, что, позиционируя себя в качестве оппозиции главе государства, ведомство совершает трагическую ошибку и для вновь избранного законодательного органа были бы намного важнее сотрудничество

с президентом и помощь ему в решении непростых задач, в ответ прозвучало: «Будем делать так, как мы этого хотим, в противном случае – импичмент».

Эта оппозиционная суета дорого стоила ряду членов Верховного Совета Республики Беларусь и самой республике. Радикализация оппозиции стала ее непоправимым недостатком, который мешает ей добиться уважения и доверия народа. Президент А. Г. Лукашенко объявил в 1996 г. референдум и выиграл с впечатляющим успехом. По результатам референдума были внесены определенные изменения в Конституцию Республики Беларусь 1994 г. На этом фоне «близорукость» руководства Верховного Совета была особенно очевидна: несмотря на накал политических страстей и взаимных обвинений, белорусская общественность повела себя умно и обоснованно, белорусы поддержали А. Г. Лукашенко и его предложения по реформированию политической системы страны, таким образом они подтвердили свое доверие, высказанное ему в ходе президентских выборов, и создали условия для реализации предвыборных обещаний.

Однако это надолго испортило отношения молодого белорусского государства и его президента с США, странами ЕС, Атлантического сообщества. С самого начала Запад сделал в Беларуси ставку не на законно избранную власть, а на поддержку оппозиционных сил, игнорируя их радикализм, неопытность и опасность раскола общества. Желая сгладить эти противоречия, Беларусь приветствовала приезд в республику консультативно-наблюдательной группы ОБСЕ, которую возглавил бывший руководитель Федеральной разведывательной службы Германии Х.-Г. Вик. Последовала серия длительных консультаций со структурами ОБСЕ, Евросоюза, однако положительных результатов достигнуто не было. Х.-Г. Вик уехал из страны в 2001 г. по окончании своей миссии, а напряжение в отношениях между государствами Атлантического сообщества и Республикой Беларусь сохранялось еще в течение довольно длительного периода.

В ходе частной беседы с белорусскими дипломатами представители западных стран требовали отказа от сближения с Российской Федерацией и не критической поддержки радикальных белорусских сил, которые обратили на себя внимание вирулентной русофобией. И то и другое было неприемлемым для руководства Республики Беларусь. Вновь избранный белорусский президент сразу понял значение российско-белорусских связей, и российско-белорусская интеграционная стратегия стала исходной базой внешнеполитических действий Беларуси. Она и сегодня представляет собой объективную потребность российского и белорусского обществ, является главным условием развития восточноевропейского пространства и в какой-то

мере стала единственным удавшимся образцом межгосударственной интеграции, осуществленной на постсоветском пространстве. Начиная свою внешнеполитическую стратегию строительства суверенитета, государственных институтов с чистого листа, российско-белорусское союзничество стало устойчивой базой, на которой тенденции и традиции белорусского суверенитета обрели свое зримое очертание.

Исторической очевидностью было то, что единый государственный экономический режим СССР раскололся на 15 частей, а в таком виде ни одна из этих частей не была работоспособной. Восстановление по возможности разорванных связей, которое удачно осуществлялось в стратегии российско-белорусского сотрудничества, было единственным разумным способом выхода из ситуации. Другие молодые государства стали решать фундаментальную проблему строительства суверенитета по-своему, и, похоже, довольно у многих из них она находится в состоянии решения.

Специфика белорусской ситуации заключалась в том, что она полностью зависела от Российской Федерации в энергоресурсах. Ее достаточно хорошо развитая промышленность обеспечивалась комплектующими из российских промышленных концернов. Белорусская товарная продукция в основной своей массе как тогда, так и сейчас находит сбыт на российском рынке. Добавьте к этому культурную идентичность, религиозное единство восточнославянского мира, участие в совместной борьбе против гитлеровских захватчиков, духовную общность народов. Станет понятно, что игнорировать эти связи было бы самоубийственно. К счастью, этого не случилось. Идея сближения и тесных отношений суверенной Беларуси и России возникла сразу после объявления суверенитета и стала ареной острой политической борьбы.

Это замедлило строительство модели Союзного государства России и Беларуси. Она была реализована в первоначальном варианте только в 1996 г. российским президентом Б. Н. Ельциным и белорусским президентом А. Г. Лукашенко и вызвала большое недоверие в странах ЕС и США. Многие увидели в ней стремление восстановить СССР. Сегодня очевидно, что это недоверие не имело под собой основания. А тогда развеять это недоверие не удалось. Запад навязал Беларуси ряд условий, весьма напоминавших политическую изоляцию, которая лишь частично отменена сегодня.

Однако Республика Беларусь ни в чем не жертвовала своим суверенитетом, а Российская Федерация никогда и ни при каких условиях жертву суверенитета от Беларуси не требовала. В области внешнеполитической деятельности Российская Федерация и Республика Беларусь регулярно консультируются по ключевым вопросам внешней

политики, ведут совместный анализ вызовов и угроз, сохраняя при этом гибкую модель отношений. Ведется работа по расширению коммуникационного пространства, созданию каналов обмена мнениями и дискуссий на уровне экспертов, совместно анализируется общественное мнение, обсуждаются экспертные оценки, отрабатываются позиции по сотрудничеству в ЕАЭС и важнейшим глобальным мировым проблемам.

Сегодня Российская Федерация – необходимый, устойчивый фактор глобального равновесия. Ее роль в общеевропейских делах трудно переоценить. Именно поэтому в белорусском общественном мнении с озабоченностью воспринимается демонизация России в СМИ западноевропейских стран, в политике отдельных государств. В этой стратегии грубо нарушены дипломатическая этика, европейские ценности толерантности и доброжелательности, а главное, безжалостно искажаются исторические факты в угоду краткосрочным целям.

Нам представляется сомнительным стратегия оказания перманентного давления на Россию. Ужесточение санкций в отношении России со стороны Соединенных Штатов Америки говорит о том, что это долгосрочная стратегия и России надо будет решать ряд важнейших социально-экономических задач в условиях жесткой конфронтации. Для страны это не новая ситуация, она ничего не может изменить и в стратегии российско-белорусского сотрудничества. К откровенно русофобским публикациям, политическим позициям, высказываниям западных стратегов в отношении России следует относиться критически. Они диктуются соображениями нынешней политической конъюнктуры, которая, безусловно, не содействует становлению мировой солидарности.

Недавно в Фонде Карнеги за международный мир вышло исследование Ю. Румера «Россия и европейская безопасность». Оно достаточно глубоко и всесторонне исследует российскую внешнюю и внутреннюю политику, однако рисует мрачные перспективы для страны. «В следующие 10–15 лет <...> череда событий теоретически вполне может привести к распаду России на несколько государств, причем на территории некоторых из них останется ядерное оружие, – пишет Ю. Румер, – к новой войне в Закавказье, к сближению с Западом, вызванному необходимостью модернизации, помощи в развитии экономики и консолидации ядерного арсенала в стране-правопреемнице России. За этим может последовать приход к власти националистического режима, который, поставив себе целью собрать земли бывшей империи и восстановить великое русское государство, ввяжется на этой почве в новый конфликт с соседями и Западом» [5, с. 24].

Похожие мысли высказываются и в недавно опубликованном докладе Королевского института международных отношений под названием «Рос-

сийский вызов» [6, р. 29–31]. Похоже, авторы выдают главные опасения Запада. Их не устраивает Россия в качестве главного геополитического соперника. Опасения эти возникли после того, как попытки подавить Россию в 1990-е гг., подчинив ее целям западной стратегии в качестве второсортной страны, не удалось. Это означает, что состояние противоборства России и Запада в обозримой перспективе продержится, будет устойчивым, но белорусская сторона, не нарушая своих договорных обязательств ни с одной из стран Запада, должна помнить, что российско-белорусские отношения – сфера ее непосредственной компетентности и решать свою стратегию в этой области она должна, советуясь только со своей союзницей Россией и ни с кем другим.

Следуя именно путем защиты суверенитета, Беларусь с достоинством пережила трудный и несправедливый для нее период западноевропейского давления. Недавнее снятие санкций и открытие возможностей для установления дружественных взаимовыгодных связей со странами – членами ЕС, безусловно, выведет внешнеполитическую стратегию страны на новый уровень. Надо отдать должное руководству Министерства иностранных дел Республики Беларусь, которое умело этим пользуется и прилагает немало усилий для реализации своих внешнеполитических перспектив.

Беларусь не несет угрозы ни одному государству мира, не предъявляет территориальных претензий, не увлекается радикальными экспансионистскими идеями, является последовательным и надежным сторонником устойчивого развития государств и народов. В свете этого после 26 лет независимости Республики Беларусь имеет смысл еще раз пересмотреть приоритеты внешнеполитической стратегии и уточнить значимость и весомость ряда проектов.

Целый ряд важных внешнеполитических инициатив по достижению взаимопонимания и сотрудничества со странами Евросоюза является необходимой объективной потребностью Беларуси в современных условиях. Однако важно не поддаваться чрезвычайному энтузиазму и не возлагать на это сотрудничество надежды на решение слишком больших проблем. Свои проблемы Беларусь должна решать в первую очередь собственными усилиями. К тому же в Евросоюзе сейчас существуют весьма серьезные противоречия, которые проявились на недавнем саммите «Большой двадцатки» в Гамбурге. Евросоюз не смог выступить там единым фронтом. Более того, западные страны, которые по-прежнему заявляют о своих претензиях на мировое лидерство, не смогли дать на форуме новые серьезные предложения мирового сотрудничества.

Немецкая печать отмечала, что почти все усилия организаторов «Большой двадцатки» ушли на то,

чтобы уладить противоречия между Евросоюзом и президентом Д. Трампом, а не на то, чтобы обсудить колоссальные мировые проблемы. Журнал *Der Spiegel* писал, что каждые 10 секунд в мире от голода умирает 1–2 ребенка, хотя глобальные запасы продовольствия таковы, что ими можно кормить до 12 млрд человек. «Большая двадцатка» представляет собой две трети мирового населения, три четверти глобального валового продукта. Тем не менее Запад, организовавший в Гамбурге это совещание, не предложил никаких инициатив по поводу мировых проблем, сосредоточившись на своих узких национальных и региональных задачах [7, S. 14–19].

Это означает, что, продвигаясь по пути решения своих национальных задач и устанавливая в этих целях добрососедские отношения с европейским регионом, Беларусь должна понимать, что решение собственных проблем – ее суверенная задача, решить которую может только она сама. Именно это подчеркивает необходимость сохранения в качестве безусловного и незыблемого приоритета белорусской внешнеполитической стратегии союзнических отношений с Россией.

Сегодня Союзное государство России и Беларуси – важный фактор геополитического равновесия Европы. Оно показывает возможность мирного конструктивного сотрудничества государств, имеющих хоть и разный потенциал, но нацеленных на одну задачу – повышение благополучия своих народов, обеспечение мирной и безопасной жизни, конструктивное сотрудничество с миром.

Сегодня можно отметить, что социально-исторические, культурные и даже нравственные взаимопроникновения братских народов, белорусского и русского, являются собой уникальный факт европейской цивилизации. На фоне этого сотрудничества и взаимного стремления к сближению вопросы национальной самоидентификации, историко-этнических особенностей не теряют своего смысла, но отходят как бы на второй план.

Тот факт, что в Беларуси существует двуязычие и каждый может говорить на том языке, который ему ближе, роднит ее с такими странами, как Индия, Канада, Швейцария, Бельгия, где обеспечивается наибольшая свобода волеизъявления граждан и их личных предпочтений. Аналогов такого взаимопроникновения в вопросах государственного сотрудничества в современной истории почти нет. В качестве примера можно было бы назвать отношения США и Канады. Образованные элиты этих стран обычно настроены критически по отношению друг к другу, однако руководство, как правило, всегда находит общий язык в контексте общих интересов.

Внешнеполитическая формула отношений с Россией выражается простыми словами: «Русские –

близкородственный нам народ. Россия – дружественное государство». Российско-белорусские отношения не были и не могут стать препятствием к развитию многовекторной внешней политики Республики Беларусь.

Любое объединение государств, даже дружественных, не бывает бесконфликтным. Экономические споры, наличие разных позиций, согласование совместной экономической выгоды и национальные интересы каждой страны могут служить источником разногласий. Но главное, что в условиях сообщества дружественных государств они рано или поздно решаются. Именно на основе союзнических отношений подобного рода можно постепенно ликвидировать колоссальные негативные последствия распада СССР, выразившиеся в уничтожении промышленно-экономического потенциала, который был создан трудом многих поколений, единством и общностью позиций по всем важнейшим вопросам мирового развития.

Интеграционные процессы на евразийском континенте развиваются по форме цивилизованной интеграции, предложенной белорусским лидером А. Г. Лукашенко: только на основе полного юридического равенства независимых государств без синдрома «старшего брата», «синеокой страны» и прочих характеристик. Беларусь сегодня готова участвовать в меру своих сил и возможностей в формировании нового миропорядка, особенно в противодействии негативным процессам, угрожающим как его строительству, так и благополучию государств и народов.

Беларусь исходит из того, что ее деятельность в Организации Объединенных Наций должна быть широкой и всесторонней. Государство является автором и соавтором многих резолюций, направленных на укрепление мира во всем мире, активно участвует в вопросах научно-технического, экономического, природоохранного и культурного сотрудничества, в изучении социальной проблематики и развитии вопросов прав человека.

У Беларуси как у одной из 50 стран-учредителей особая ответственность по отношению к ООН. К этой ответственности мы относимся компетентно. Мы не разделяем критики, которая сегодня раздается во многих странах мира в адрес ООН. К чести ООН надо сказать, что за обсуждаемый нами период она не поддержала и не одобрила ни одного агрессивного шага на международной арене, выступала и выступает сотрудником мирного разрешения конфликтных ситуаций в глобальном мире. На ООН ложится тяжкий труд помощи жертвам нищеты и голода, проведение миротворческих операций в конфликтных регионах. В своей деятельности она рассчитывает на поддержку всех стран – членов ООН. Беларусь готова оказать любую посильную поддержку, хорошо понимая, что международная

организация может проводить только ту политику, которую от нее требуют ее члены. Беларусь выступает за укрепление роли ООН в миротворческой деятельности, решении острых проблем современного мира и активно поддерживает другие региональные организации.

Весьма важной геополитической инициативой является стремление Беларуси создать очередной саммит европейских государств для обновления Хельсинкского соглашения 1976 г. Проведение мероприятий по формуле Хельсинкского процесса – важнейшая геополитическая инициатива Беларуси, реализация которой, безусловно, поднимет миротворческий авторитет республики. Она требует большой долгосрочной работы. Нельзя надеяться на быстрое согласие. Но государство сегодня располагает необходимыми ресурсами для активной внешнеполитической деятельности в этом направлении.

Ничто не указывает на то, что XXI в. будет беспрецедентным. Ни один регион мира не застрахован от новых неожиданных проблем. Недавний выход Великобритании из состава Евросоюза, знаменитый *Brexit*, по нашему убеждению, не только имеет серьезные последствия для экономического благополучия и экономических взаимоотношений внутри Евросоюза и за его пределами, но и представляет собой серьезную геополитическую угрозу. Недавно один из руководителей Евросоюза заявил о том, что английский язык перестает быть ведущим языком этой авторитетной международной организации. Нам здесь видится опасность откола англосаксонского мира от Евросоюза и от других программ международного сотрудничества.

Уместно вспомнить, что ряд крупнейших агрессивных акций на мировой арене был совершен именно в союзнестве США и Великобритании. У. Черчилль в своей знаменитой фултонской речи объявлял не только холодную войну СССР, но и призывал к активному сотрудничеству англосаксонских государств для господства над миром. Подобный раскол западной цивилизации на англосаксонскую и романскую ветви представляет собой серьезную геополитическую опасность. В этих условиях Республике Беларусь предстоит активизировать двустороннюю дипломатию со всеми странами Евросоюза, которые проявляют к этому интерес. Для нас особо важным являются двусторонние экономические, научно-технические и культурные отноше-

ния со странами Восточной и Центральной Европы, с которыми имеется значительный период общей истории, совместимость производственно-экономических, научно-технических, социальных и демократических систем.

Регионализация мира в ответ на бурное развитие глобализации – своего рода защитная реакция отдельных регионов планеты. Она не вызовет негативных экономических последствий, если будет компенсироваться развитием двусторонних связей. Беларусь чрезвычайно ценит добрые партнерские отношения с великими государствами современного мира – Китаем, Российской Федерацией, Германией. Внешнеполитические службы Беларуси ведут диалог по нормализации отношений с Соединенными Штатами Америки. Отмеченные нами трудности в развитии демократических процессов в колыбели мировой демократии, безусловно, будут преодолены. США, обладая крупным научно-техническим и экономическим потенциалом, технологиями активного участия в разрешении мировых конфликтов и проблем, нацелены играть свою выдающуюся роль в современном мире и далее. Мы согласны с тезисом экс-госсекретаря США М. Олбрайт о том, что Америка – необходимая страна. Но никогда не примем политики диктата, которой столь часто она грешит.

В рамках статьи можно назвать только немногие из направлений деятельности и проблематики, которые стоят перед белорусской дипломатией. Безусловно, на ее пути возникнут трудности, но будут и достижения. Самое главное – выдерживать мирную направленность внешней политики, демонстрировать готовность к всестороннему и взаимовыгодному сотрудничеству со всеми государствами независимо от идеологической и политической направленности, прилагать усилия к избеганию конфронтации и урегулированию международных конфликтов, противодействовать радикальным националистическим силам, антисемитизму и расизму.

Хотелось бы отметить, что ряд международных инициатив, например таких, как «Минский диалог», на котором собираются представители различных мировоззренческих платформ и различных стран, дает возможность серьезно и всесторонне обсуждать проблемы внешнеполитической деятельности Беларуси и планировать ее. Сегодня ничто не угрожает суверенитету республики и ее народ может уверенно смотреть в будущее.

Библиографические ссылки

1. Snyder T. On Tyranny: Twenty Lessons from the Twentieth Century. New York, 2017.
2. Miller P. D. The Grand Strategy. [Washington], 2016.
3. Макалович И. Трамп в Варшаве // Народ. воля. 2017. 18–22 авг.
4. Wilford H. America's Great Dawn. New York, 2013.

5. Румер Ю. Россия и европейская безопасность. М., 2017.
6. The Russian Challenge [Electronic resource] // Chatham house. URL: <https://www.chathamhouse.org/event/russian-challenge> (date of access: 10.07.2017).
7. Der Spiegel. 2017. No. 27.

References

1. Snyder T. On Tyranny: Twenty Lessons from the Twentieth Century. New York, 2017.
2. Miller P. D. The Grand Strategy. [Washington], 2016.
3. Makalovich I. [Tramp in Warsaw]. *Narodnaja volja*. 2017. 18–22 Aug.
4. Wilford H. America's Great Dawn. New York, 2013.
5. Rumer Yu. [Russia and European security]. Moscow, 2017.
6. The Russian Challenge [Electronic resource] // Chatham house. URL: <https://www.chathamhouse.org/event/russian-challenge> (date of access: 10.07.2017).
7. Der Spiegel. 2017. No. 27.

*Статья поступила в редколлегию 11.08.2017.
Received by editorial board 11.08.2017.*

ЭКСПЕРТИЗА СОВРЕМЕННОЙ РЕПРОДУКТИВНОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛАРУСИ

А. Г. ЗЛОТНИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
пр. Октября, 50, 246029, г. Гомель, Беларусь

Анализируется состояние репродуктивной ситуации в Республике Беларусь и влияние финансовой реформы на изменения в демографических процессах Беларуси в 2017 г. Излагаются результаты мониторинга, характеризующие взаимодействие демографических процессов с социальными сферами и институтами. Обосновывается роль социологической науки в осмыслении демографической ситуации в Беларуси.

Ключевые слова: демографические процессы; экспертиза; репродуктивная сфера; взаимодействие социальных сфер и социальных институтов.

EXPERTISE OF THE MODERN REPRODUCTIVE SITUATION IN BELARUS

A. G. ZLOTNIKOV^a

^aBelarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives, 50 Kastychnika Avenue, Gomel 246029, Belarus

The state of the reproductive processes in the Republic of Belarus and the impact of the financial reform on the changes in the demographic processes of Belarus in 2017 are analyzed. The results of sociological studies carried out within the framework of demographic monitoring, which characterize the interaction of demographic processes with social spheres and social institutions are outlined. The role of sociological science in comprehending the demographic situation in Belarus is justified.

Key words: demographic processes; expertise; reproductive sphere; interaction of social spheres and social institutions.

Неожиданные демографические результаты Беларуси

В августе текущего года Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко высказал озабоченность сложившейся демографической ситуацией. Он подчеркнул, что в этом вопросе государство должно действовать на опережение, прогнозировать будущие процессы и вовремя на них реагировать. «Создание условий для стимулирования рождаемости, обеспечение людей работой, рост их благосостояния – это основные правительственные задачи» [1]. Для того чтобы социальная политика в условиях последствий демографического спада

1990–2006 гг., исходя из сформировавшейся возрастной структуры демографического потенциала, способствовала решению цели, поставленной президентом, необходимы соответствующие исследования. Решению данной задачи и посвящена наша публикация. Она содержит предложения по корректировке социальной политики, ориентированной на нейтрализацию негативных последствий в демографическом развитии страны.

В первом квартале 2017 г. в Беларуси в сравнении с соответствующим периодом 2016 г. резко

Образец цитирования:

Злотников А. Г. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 59–68.

For citation:

Zlotnikov A. G. Expertise of the modern reproductive situation in Belarus. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 59–68 (in Russ.).

Автор:

Анатолий Геннадьевич Злотников – кандидат экономических наук, доцент; профессор кафедры права и экономических теорий факультета экономики и управления.

Author:

Anatoly G. Zlotnikov, PhD (economics), docent; professor at the department of law and economic theory, faculty of economics and management.
zlot@tut.by

сократилась рождаемость, повторив печальные рекорды в демографической истории страны. Вторым кварталом не изменил сложившейся негативной ситуации. За всю историю государства самый низкий уровень рождаемости пришелся на 1997 и 2002 гг.: тогда общий коэффициент данного показателя опускался до 9,2 ‰. После этого ситуация в демографических процессах Беларуси стала постепенно улучшаться. В 2007 г. общая численность родившихся в стране вышла на сто тысяч рубль, а общий коэффициент рождаемости превысил десятипромилльный показатель, составив 10,7 ‰. За девять месяцев 2016 г. количество родившихся оказалось, во-первых, больше, чем за девять месяцев предыдущего, 2015, года, и, во-вторых, на 518 человек больше, чем умер-

ших. В СМИ стали говорить о том, что Беларусь впервые с 1992 г. вышла на «светлую сторону демографии», что наконец удалось сжать «демографические ножницы» [2; 3]. Но в целом по итогам 2016 г. рождаемость оказалась примерно на 1000 человек меньше, чем в 2015 г. и «демографические ножницы» опять раздвинулись. В первом полугодии 2017 г. общий коэффициент рождаемости в стране после тенденции роста вдруг резко снизился (табл. 1), составив 10,7 ‰, т. е. стал таким, каким был еще десятилетие назад – в 2007 г. Для сравнения отметим, что общий коэффициент рождаемости в первом полугодии 2016 г. составлял 12,3 ‰, что означает резкое снижение показателя рождаемости в текущем году на 1,6 промилльного пункта.

Таблица 1

Сравнительная характеристика поквартальной рождаемости в Республике Беларусь за 2010–2017 гг.

Table 1

Comparative characteristics of quarterly fertility in the Republic of Belarus for the period 2010–2017

Год	Количество детей, рожденных за первый квартал	Количество детей, рожденных за второй квартал	Количество детей, рожденных за полугодие	Всего
2010	–	–	52 901	108 050
2011	25 816	24 985	50 801	109 147
2012	27 027	27 128	54 155	115 893
2013	28 051	28 133	56 184	117 997
2014	27 690	29 594	57 284	118 534
2015	27 812	28 736	56 548	119 028
2016	29 052	29 214	58 266	117 779
2017	25 176	25 380	50 556	–

Примечание. Таблица составлена на основе материалов статистических бюллетеней «Данные о численности зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов по Республике Беларусь (январь – июнь) 2010–2017 гг.».

Такое резкое снижение рождаемости случалось уже дважды – в далеких 1953 и 1964 гг. С 1964 г. начался длительный период постоянного снижения рождаемости, когда на демографическое развитие Беларуси стали оказывать влияние последствия низкой рождаемости периода Великой Отечественной войны. Тогда резкое снижение рождаемости за один год составило 1,6 промилльного пункта – с 20,6 ‰ в 1963 г. до 19,0 ‰ в 1964 г. Первая половина 1960-х гг. – это период самого значительного снижения рождаемости: показатель среднегодового снижения общего коэффициента рождаемости составлял 1,3 промилльного пункта.

В этой динамике следует выделить 1953 г., когда коэффициент рождаемости по сравнению с 1952 г. снизился на 1,8 промилльного пункта. Причины этого не раскрыты даже в первой фундаментальной работе на данную тему «Рождаемость в Бе-

лоруссии (социально-экономические вопросы)» Л. П. Шахотко. В качестве объяснения демографы указывают тенденции предшествующего развития, причем не только демографического, но и социального, политического и экономического. При этом нужно учитывать, что уровень рождаемости определенного времени связан с демографическими процессами 20-летней давности, т. е. в данном случае начала 1930-х гг.

В начале 1930-х гг. территории, вошедшие в состав нынешней Беларуси, принадлежали двум государствам: западные регионы – Польше, восточные – СССР. Мы предполагаем, что на демографические процессы восточных регионов Беларуси могли оказать влияние последствия коллективизации и индустриализации начала 1930-х гг., сопровождавшиеся повышенной миграцией сельского населения в город. Бытовая неустроенность мигрантов не способствовала репродуктивному

всплеску. Демографическое развитие бывших западных регионов Беларуси начала 1950-х гг. отразили результаты еще более масштабных миграционных процессов первых лет послевоенного переустройства – репатриации населения между Польшей и БССР. Кроме того, послевоенное восстановление промышленности и масштабное строительство, прежде всего в Минске, сопровождалось бытовым неустройством мигрантов, что негативно отразилось на рождаемости.

Снижение общего уровня рождаемости, начавшееся в начале 1960-х гг., продолжалось до конца 1970-х гг. Но дальнейшее снижение шло уже не такими темпами: в 1974–1979 гг. уровень рождаемости находился в пределах 15,8 ‰. С 1980 г. наметился небольшой рост рождаемости, что определялось вступлением в репродуктивный возраст населения, родившегося в послевоенные 1950-е гг., когда БССР имела самый высокий уровень рождаемости. По законам демографических волн это нашло от-

ражение в рождаемости начала 1980-х гг. Согласно этой же закономерности на рубеже конца XX – начала XXI в., во-первых, ожидалось снижение уровня рождаемости, во-вторых, предполагался и рост уровня смертности, в третьих, прогнозировалось отрицательное сальдо естественного движения населения. Но непрогнозируемые коренные перемены в политических, социальных и экономических процессах конца 1980-х – начала 1990-х гг. ускорили падение Беларуси в период демографической депопуляции. Причем темпы снижения рождаемости за 1989–1993 гг. превысили одномиллиный уровень, составив 1,12 промилльного пункта (табл. 2).

Если до конца 1980-х гг. действовали факторы, сложившиеся в самих репродуктивных процессах (называемых интрональными), то с начала 1990-х гг. в течение почти полутора десятилетий на репродуктивное поведение населения стали влиять факторы, связанные с развитием других социальных процессов (экстранальные).

Таблица 2

Показатели рождаемости в БССР и Республике Беларусь в 1945–2016 гг.

Table 2

Birth rates in the BSSR and the Republic of Belarus for 1945–2016 years

Год	Тыс.	‰	Год	Тыс.	‰	Год	Тыс.	‰
1945	126,6	19,8	1969	142,7	15,9	1993	117,4	11,5
1946	157,4	22,9	1970	146,7	16,2	1994	110,6	10,8
1947	186,0	25,6	1971	149,1	16,4	1995	101,1	9,9
1948	185,3	24,8	1972	147,8	16,1	1996	95,7	9,4
1949	212,4	27,8	1973	144,7	15,7	1997	89,6	8,9
1950	197,2	25,5	1974	146,9	15,8	1998	92,6	9,2
1951	198,3	25,5	1975	146,6	15,6	1999	93,0	9,3
1952	191,1	24,7	1976	147,9	15,7	2000	93,7	9,4
1953	176,2	22,9	1977	149,0	15,7	2001	91,7	9,2
1954	193,0	25,0	1978	151,1	15,9	2002	88,7	9,0
1955	194,3	24,9	1979	151,8	15,8	2003	88,5	9,0
1956	199,5	25,3	1980	154,4	16,0	2004	88,9	9,1
1957	200,8	25,3	1981	158,0	16,2	2005	90,5	9,4
1958	207,7	25,9	1982	159,4	16,3	2006	96,7	10,1
1959	204,6	25,3	1983	173,5	17,6	2007	103,6	10,8
1960	200,2	24,5	1984	168,7	17,0	2008	107,9	11,3
1961	194,2	23,5	1985	165,0	16,5	2009	109,3	11,5
1962	185,3	22,2	1986	171,6	17,1	2010	108,1	11,4
1963	173,9	20,6	1987	162,9	16,1	2011	109,1	11,5
1964	161,8	19,0	1988	163,2	16,1	2012	115,9	12,2
1965	153,9	17,9	1989	153,4	15,1	2013	118,0	12,5
1966	153,4	17,7	1990	142,2	14,0	2014	118,5	12,5
1967	147,5	16,8	1991	132,0	13,0	2015	119,0	12,5
1968	146,1	16,5	1992	128,0	12,5	2016	117,8	12,4

Ранее на основе анализа интрональных демографических процессов нами отмечалось, что «падение рождаемости, низкий уровень которой в Беларуси пришелся на 1997–2002 гг., в 2020–2030-е гг. вызовет новое падение рождаемости, новую “демографическую яму» [4, с. 74]. Но это падение не должно было быть таким резким. Самый низкий уровень рождаемости, исходя из тенденций интрональности, должен наблюдаться в 2020-х – начале 2030-х гг. Для активизации социальной политики в сфере репродуктивных процессов необходимо выяснить изменения в тенденциях возрастной рождаемости. Прежде всего наблюдается снижение уровня рождаемости среди женщин в возрасте до 25 лет. При этом необходимо иметь в виду, что на эту возрастную группу приходится, как правило, рождение первого ребенка. Первый ребенок независимо от социальной политики появляется в большинстве семей. Основой совре-

менного демовоспроизводственного потенциала Беларуси являются женщины в возрасте 25–34 лет, на которых приходится наибольшая доля рождений второго и последующих детей. На эту возрастную группу за 2010–2016 гг. приходится более 60 % рождений. Также растет рождаемость в возрастных группах старше 35 лет. Но на общую рождаемость последняя возрастная группа женщин влияния не оказывает. Так, доля рождаемости в Беларуси в возрастной группе до 20 лет по сравнению с 2000 г. снизилась почти в четыре раза – с 11,5 % в 2000 г. до 3,0 % в 2016 г. Почти в два раза снизился удельный вес рождаемости в возрастной группе 20–24 лет – с 41,5 % в 2000 г. до 20,9 % в 2016 г. Растет доля родившихся у матерей в возрасте 25–29 лет (с 27,9 % в 2000 г. до 36,1 % в 2016 г.) и 30–34 лет (с 13,1 % в 2000 г. до 27,1 % в 2016 г.), которые и составляют основную численность родившихся – более 60 % (табл. 3).

Таблица 3

Структура возрастной рождаемости в Республике Беларусь за 2000–2016 гг., чел. / %

Table 3

Structure of the age birth rate in the Republic of Belarus

Возраст женщин	Год							
	2000		2010		2015		2016	
	Количество рожденных детей	%						
До 20 лет	10 751	11,5	6080	5,6	4061	3,4	3561	3,0
20–24 года	38 867	41,5	33 616	31,1	26 629	22,4	24 562	20,9
25–29 лет	26 179	27,9	37 815	35,0	43 301	36,4	42 419	36,1
30–34 года	12 279	13,1	21 292	19,7	30 669	25,8	31 927	27,1
35–39 лет	4663	5,0	7876	7,3	12 211	10,2	13 000	11,0
40 лет и более	952	1,0	1371	1,3	2157	1,8	2285	1,9
Всего	93 691	100,0	108 050	100,0	119 028	100,0	117 779	100,0

В 2016 г. снижение величины основного демографического потенциала Беларуси (количества женщин в возрасте 25–34 лет), на которую приходится почти две трети рождаемости, по сравнению с 2015 г. составило 0,4 %. Однако численность родившихся по сравнению с 2015 г. снизилась на 1,0 %. Если учитывать только величину основного демографического потенциала, снижение которой в 2017 г., по прогнозам, составит 1,3 %, а падение рождаемости за первое полугодие уже составило 13,23 %, то очевидно, что объяснять это снижение только демографической структурой не совсем правомерно. Хотя уже в ближайшей перспективе структура демографического потенциала, несомненно, станет весомым фактором снижения рождаемости. И нейтрализация последствий предыдущего демографического спада должна быть

в центре не только демографической, но и в целом социальной политики.

Исходя из предполагаемого демографического потенциала (табл. 4), можно говорить о том, что начало таких масштабов снижения уровня рождаемости без влияния других факторов (экстранального характера) должно произойти в 2020 г. Еще более резкое снижение этого показателя – на две трети от уровня 2015 г. – должно охватить 2025–2030 гг. Но снижение уровня рождаемости, которое ожидалось к 2020 г., наступило раньше, хотя репродуктивный потенциал (женщины в возрасте 20–34 лет), как видно из приведенных данных, не давал оснований для нынешнего резкого снижения уровня рождаемости. Если исходить только из демографических интрональных факторов, то современную ситуацию в репродуктивной сфере можно назвать неожиданной.

Таблица 4

Демографический потенциал рождаемости в Республике Беларусь

Table 4

Demographic potential of birth rate in the Republic of Belarus

Год	Количество женщин в возрасте					
	моложе 20 лет	20–24 года	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет	40–44 года
2015	224 159	298 027	375 179	371 955	341 943	338 118
2016	264 603	279 182	365 582	378 226	344 813	337 223
2017	220 080	258 692	353 862	383 330	349 029	336 462
2020	215 523	224 159	298 027	375 179	371 955	341 943
2025	248 524	215 523	224 159	298 027	375 179	371 955
2030	280 878	248 524	215 523	224 159	298 027	375 179
2035	250 000	280 878	248 524	215 523	224 159	298 027

Post hoc ergo propter hoc?

На наш взгляд, резкое падение уровня рождаемости в последнем квартале 2016 г. и первом полугодии 2017 г. стало результатом той финансовой политики, которая легла в основу реформирования пенсионной системы и была отражена в разрекламированной в СМИ работе «Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси» [5].

С 1 января 2016 г. в пенсионное законодательство Республики Беларусь в целях адаптации системы социального обеспечения к изменяющимся социально-экономическим условиям были внесены существенные корректировки: при назначении трудовой пенсии стал учитываться не трудовой, а страховой стаж. На основании этой методологии при назначении трудовой пенсии был отменен учет декретного отпуска. Это касается также отмены при назначении пенсии учета в трудовом стаже и времени нахождения работника на больничном. Стало под вопросом для будущей пенсии и право женщин иметь дополнительный однодневный неоплачиваемый отпуск по уходу за детьми. Был исключен из трудового стажа период обучения в высшей школе, а также период срочной службы в вооруженных силах. Возникла проблема для военнослужащих и работников силовых структур, не выслуживших полного срока, дающего права на пенсию. И здесь главными стали финансовые интересы: за этот период от указанных категорий граждан не поступали страховые взносы в Фонд социальной защиты населения. Правда, проблема пенсии для военнослужащих и работников правоохранительных органов (за исключением срочной службы в вооруженных силах) была снята отдельным решением, а позже и Указом Президента Республики Беларусь.

Отметим, что при этом был резко повышен и показатель страхового стажа, который в связи с из-

менениями пенсионного законодательства теперь учитывается при определении права на получение трудовой пенсии: до 2014 г. он составлял пять лет, с 1 января 2014 г. – 10 лет, через год – уже 15 лет, а с начала 2017 г. он уже составляет 16 лет. В перспективе эта планка ежегодно будет увеличиваться на полгода – до 20 лет к 2025 г.

Негативных последствий для демографического развития инициаторы такой финансовой политики не предвидели. К сожалению, экспертиза таких новаций разработчиками «финансовой диеты», а также теми, кто принимал их к реализации, не проводилась. А одной из важнейших функций инициатора этой финансовой реформы должно было быть социальное прогнозирование всего комплекса последствий. Но преобладающим стало лоббирование узковедомственного подхода, что негативно сказалось на многих сторонах социальной жизни. И наиболее выражены их негативные последствия в репродуктивной сфере.

В своих публикациях мы прогнозировали, что по законам экстранальности социальных явлений и процессов такая политика в финансовой сфере негативно повлияет на демографическую ситуацию. Одна из таких статей, написанная по горячим следам изменений в пенсионном законодательстве, была так и озаглавлена: «Финансовая диета» как механизм депопуляционного развития Беларуси». Прочитав написанное еще в апреле 2016 г.: «Механизм “финансовой диеты” направлен против рождаемости, формируя free children. Именно сегодня, когда возникла напряженность с репродуктивной базой, это будет усугублять депопуляционные процессы. Надо иметь в виду, что именно депопуляционные процессы 1990-х годов, связанные с экономической политикой “шоковой терапии” и резким падением рождаемости,

породили сегодняшние проблемы соотношения трудоспособного населения и населения старших возрастов. Реализация же финансового механизма депопуляционных процессов не даст выбраться из демографической ямы, ибо в середине 2020-х годов репродуктивный потенциал будет на треть меньшим» [6, с. 437].

Данный раздел статьи озаглавлен известной логической формулой причинно-следственной связи: *Post hoc ergo propter hoc?* («После этого значит по причине этого?»), т. е. поднимает вопрос в отношении нынешней демографической ситуации. В ходе социологического опроса, проведенного нами в сентябре 2016 г. в рамках демографического мониторинга, на вопрос: «Как Вы относитесь к тому, чтобы не учитывать периода нахождения в декретном отпуске в стаж при назначении пенсии?» 86,0 % респондентов (квалифицированное большинство) ответили отрицательно. Это позволяет предположить, что в данном случае наша гипотеза подтверждается. Эта «финансовая диета» не способствует укреплению семейных отношений и ухудшает демографические процессы. Результаты таких изменений, на наш взгляд, отразились на показателях рождаемости уже за первые два месяца 2017 г., когда в сравнении с соответствующим периодом 2016 г. численность родившихся уменьшилась на 2128 человек. За январь – март 2017 г. по сравнению с тремя месяцами 2016 г. демографические потери в сфере рождаемости увеличились до 3876 человек. А за первое полугодие 2017 г. уровень рождаемости по сравнению с аналогичным периодом 2016 года снизился на 7710 человек. Если среднемесячная рождаемость за первое полугодие 2016 г. составляла 9711 человек, то за аналогичный период 2017 г. – 8426 человек, т. е. снижение среднемесячной рождаемости составило 1285 младенцев. Если данную тенденцию экстраполировать до конца 2017 г., то численность родившихся окажется меньше показателя десятилетней давности, немного превышая стотысячный рубеж. Только в 1995–2006 гг. численность родившихся в Республике Беларусь была меньше, чем ожидается за текущий год.

Эти изменения связаны со сломом прежней социально-экономической системы, влияющей на демографическое развитие. Впрочем, идейный вдохновитель и инициатор этого слома, выступая на Октябрьском экономическом форуме «Реформы для вовлекающего роста» в 2016 г., не скрывал этого, требуя «раскодировать общество» [7], т. е. подвергнуть изменению менталитет народа. Преобразования в пенсионной системе, направленные якобы на адаптацию социального обеспечения к изменившимся социально-экономическим условиям, отразились на демографических процессах уже в конце 2016 г. Напомним, что по итогам социально-экономического развития Беларуси за девять месяцев 2016 г. в демографических процессах обо-

значились позитивные тенденции: на 518 человек родилось больше, чем умерло, т. е. в естественном движении населения сальдо стало положительным. И в СМИ, на круглых столах это было отмечено как результат того, что в Беларуси «не стали радикально ломать прежнюю систему и насаждать чужие образцы» [2]. И действительно, рост рождаемости в январе – сентябре 2016 г. был итогом зачатий, совершившихся еще в 2015 г., т. е. того периода. Свою стимулирующую для репродуктивных процессов роль сыграла государственная социальная политика, а также прежняя система социально-экономических отношений, тесно связанных с демографическими процессами. Но в последние три месяца 2016 г. в репродуктивной сфере Беларуси произошли явления, которые или не были замечены, или не были осознаны, или сознательно не афишировались.

А ведь они уже в конце 2016 г. должны были насторожить, ибо вместо продолжения положительных сдвигов общий итог 2016 г. оказался значительно худшим, чем в предыдущие периоды. Численность родившихся в 2016 г., составившая 117 779 детей, оказалась самой низкой за последние четыре года: в 2013 г. родилось 117 997 младенцев, в 2014 г. – 118 534 и в 2015 г. – 119 028. При этом повторим, что три квартала 2016 г. не предвещали снижения уровня рождаемости: в первом полугодии 2016 г. родилось 58 266 чел., что на 1718 больше, чем в первом полугодии предыдущего, 2015, года, когда родилось 56 548 человек. И ожидалось, что по итогам 2016 г. уровень рождаемости превысит 120 тыс. Но в последнем квартале 2016 г. показатель резко снизился. Если среднемесячная рождаемость за 2013 г. составила 9833 младенца, за 2014 г. – 9877, за 2015 г. – 9919, а за три квартала 2016 г. – 9937, то в последнем квартале 2016 г. – уже 9448 младенцев, а среднемесячная рождаемость первого квартала 2017 г. стала ниже уровня десятилетней давности и составила 8392 младенца (в 2007 г. среднемесячная рождаемость составляла 8635 человек).

При этом на возрастную группу женщин-роже-ниц до 25 лет приходится, как правило, рождение первого ребенка. Так, средний возраст матери при рождении первого ребенка в текущем десятилетии в Беларуси составил: в 2010 г. – 24,9 года, в 2011 г. – 25,1, в 2012 г. – 25,2, в 2013 г. – 25,4, в 2014 г. – 25,7, в 2015 г. – 26,0 и в 2016 г. – 26,3 года. И социальная политика на появление первого ребенка мало влияет. Первым ребенком обзаводится большинство семей. А далее репродуктивные процессы связаны с обеспечением занятости, ростом благосостояния населения, а также многими другими явлениями, которые или способствуют, или ставят преграду репродуктивным процессам, выступающим экстраординальными факторами. Дороговизна воспитания детей, дороговизна товаров для детей, практика навязывания под разными марками платных услуг в детских дошкольных учреждениях, школах,

стремление родителей дать своим детям качественное образование, обеспечить их всестороннее развитие, дороговизна лекарств – а детям свойственно болеть – и многое другое заставляет при решении рожать еще или ограничиться единственным чадом склоняться к последнему.

На изменения в пенсионном законодательстве, отменившие учет в трудовой пенсии репродуктивного поведения, женщины, уже имевшие детей, сразу отреагировали снижением числа зачатий, т. е. будущих рождений второго и третьего ребенка. Это означает, что женщины осознали, что реализация ими репродуктивных функций ухудшит их пенсионное будущее. И начало 2017 г. привело к еще большему снижению рождаемости, причем с каждым месяцем это снижение растет. Если потери среднемесячной рождаемости за первые два месяца 2017 г. составили около 1000 младенцев, то уже за последующие четыре месяца среднемесячный показатель снижения рождаемости вырос до 2000 детей. В конце 2016 г. это прежде всего ощутили работники поликлиник и роддомов, что отразилось на их заработной плате, в которой были значимыми премии за оказание медицинских платных услуг (к примеру, проведение УЗИ по определению пола будущего ребенка). И, вероятно, ситуация в репродуктивной сфере Беларуси

в 2017 г. вряд ли изменится в лучшую сторону. Ведь сегодня рождают те, зачатие у которых приходится на 2016 г., когда репродуктивный потенциал посадили на «финансовую диету». Годовое снижение рождаемости в стране по сравнению с итогами 2016 г. в 2017 г. может составить в пределах 15 тыс. младенцев. Думается, что, если не будут внесены поправки в измененное законодательство о пенсионном обеспечении, начало следующего, 2018, года в репродуктивной сфере будет гораздо хуже.

Есть и гипотеза, что начавшаяся тенденция снижения рождаемости связана со снижением жизненного уровня большинства населения. Такое явление имеет место, но, думается, что на снижение рождаемости оно повлияло меньше, чем «финансовая диета». Наоборот, пособия по беременности и родам для значительной части рожениц дают семьям даже больший доход, чем заработная плата. Тем более что с 2015 г. усилена поддержка семей и такой мерой, как предоставление дополнительного пособия еще и на детей старше трех лет в период, когда в семье воспитывается ребенок в возрасте до трех лет. Кроме того, матери, воспитывающие малолетних детей, защищены от сокращений. Но эти факторы в различной степени значимы не для всех социальных групп.

Демографическая ситуация и ее некоторые последствия

Возможное сокращение рождаемости в 2017 г. до 15 тыс. на основе методологии действия экстраординарных факторов выявляет, что в перспективе это негативно отразится на деятельности различных сфер жизни белорусского общества. Рассмотрим в первом приближении только некоторые. В соответствии с социальными нормами здравоохранения на одного педиатра должно приходиться 800 пациентов. То есть снижение уровня рождаемости означает сокращение почти двух десятков ставок врачей-педиатров. Это грозит и сокращением более десятка ставок врачей-терапевтов, которым нормами определено обслуживание 1,2 тыс. пациентов, не говоря о том, что это коснется и среднего медицинского персонала. Это может сказаться и на деятельности детских дошкольных учреждений уже через два-три года. Через шесть-семь лет опять (такое мы не так давно уже проходили) станут острыми проблемы занятости педагогов в начальных классах, а впоследствии – на целое десятилетие и для учителей средних и старших классов.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. такая проблема перед учителями средних школ возникала. Но тогда в СССР поступили мудро: при уменьшении контингента старшеклассников, чтобы не сокращать численность учителей, обеспечить им занятость, перешли к 11-летнему среднему образованию. А профессионально-техническое, средне-

специальное и высшее образование? Эта система не отошла еще от последствий демографического спада середины 1990-х – начала 2000-х гг. А сложности еще впереди.

Одно из важнейших, но редко обсуждаемых последствий – это качество демографического потенциала. Сегодня несколько бóльшая рождаемость характерна для социальных групп с низкими качественными показателями. И прежде всего – среди тех, кто в сложных условиях поиска источника существования, работы пытается решить свои материальные трудности рождаемостью. Автору этой статьи, поддерживающему идею о необходимости активной репродуктивной политики государства, многие оппоненты приводят (и справедливые) примеры из жизни окружающей их социальной среды, когда высокую рождаемость демонстрируют женщины из неблагополучных и маргинальных семей. Как не вспомнить в этом случае А. Маршалла, писавшего еще в позапрошлом столетии, что «некоторая часть наиболее способных и наиболее развитых представителей рабочего класса стала обнаруживать признаки нежелания иметь большие семьи, а это уже представляет собой источник опасности» [8, с. 278]. Снижение рождаемости и нацеленности на репродуктивное поведение характеризует белорусских женщин с более высоким уровнем образования и социальным статусом, что

с позиций оценки качества демографического потенциала, как указывал А. Маршалл, представляет источник опасности.

Сейчас налицо – тенденция увеличения диапазона демографических волн. В 1960–1970-х гг. они имели цикл в 20 лет (цикл С. Кузнеца), ныне демографические волны превысили 25-летний рубеж, а в западноевропейских странах этот цикл составляет почти 30 лет. То есть сегодняшнее резкое снижение рождаемости отразится на рождаемости через 30 лет. Характеристика нынешнего репродуктивного потенциала свидетельствует о том, что, осознаем мы это или не осознаем, желаем мы этого или не желаем, но снижение рождаемости в 2020-х и последующих годах даже в сравнении с периодом 2017 г. неизбежно. И потому социальная политика должна быть ориентирована на преодоление депопуляционных процессов. Этот печальный и негативный опыт игнорирования социальной демографической экспертизы должен послужить уроком, призвать не только к анализу инноваций в финансовой сфере, но и к проведению более глубокой управленческой политики, подготовке кадров, умеющих мыслить системно, а не ведомственно.

А где была предварительная экспертиза?

Хорошо, что хоть поздно, но все же во второй половине марта 2017 г. пагубность политики «финансовой диеты», отвечающей требованиям МВФ по выделению кредитов Беларуси, наконец-то дошла и до осознания руководства Министерства труда и социальной защиты населения Республики Беларусь, а также депутатского корпуса, выступивших с предложениями отменить указанные изменения в пенсионном законодательстве.

Так, 30 марта 2017 г. во время онлайн-конференции «Вопросы пенсионного обеспечения» [9] один из заместителей министра труда и социальной защиты населения сообщил, что прорабатывается вопрос о возможности пересмотра требований страхового стажа для получения трудовой пенсии (называемых «пенсионной ловушкой») как элемента «ловушки социальных расходов» [5, с. 60–62]. В результате из одной ловушки инициаторы финансовой реформы загнали общество в другую – «ловушку управления изменениями» [5, с. 62–66].

Позже и парламентская комиссия по труду и социальным вопросам также выступила с предложениями, которые были направлены на изменение прошлогоднего пенсионного законодательства. К сожалению, в 2015 г. на стадии его подготовки и принятия разработчики не сумели предвидеть негативных последствий. То есть те, в чьи управленческие функции входит и социальное прогнозирование, проявили свой непрофессио-

Автор данной статьи, специализируясь в социологии демографии, предупреждал (а глава государства именно этого и требует от нас, ученых, – действовать на опережение, прогнозировать процессы и вовремя на них реагировать) о негативных демографических последствиях перехода от учета трудового стажа к учету страхового. Был отменен при назначении трудовой пенсии учет декретных отпусков, больничных, прежде всего по уходу за болеющими детьми, периода обучения в учреждениях высшего образования (кстати, в смету оплаты обучающихся на платной основе студентов включаются и 34-процентные отчисления в Фонд социальной защиты населения). Еще в первой половине (марте – апреле) 2016 г. нами прогнозировались негативные последствия новаций в страховом стаже. Эти выводы были представлены на крупнейшей в научной истории Беларуси Международной конференции «Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран» (Минск, 15–16 ноября 2016 г.), в которой участвовали представители пяти континентов из 12 стран. Эти выводы были озвучены и на круглых столах в Национальной академии наук Беларуси (23 февраля 2017 г. и 1 марта 2017 г.).

нализм. Также есть вопросы к профессионализму и компетентности идеологов реформ.

И только тогда, когда негативные последствия в демографических процессах стали явью, парламентарии поняли, что, исключая из страхового стажа декретный отпуск, они загоняют женщину в ситуацию, когда она в лучшем случае родит одного ребенка. О какой демографической безопасности можно в таком случае говорить? Спустя 15 месяцев действия изменений наконец пришло осознание и к руководству парламентской комиссии по образованию, культуре и науке [10]. Правда, в рассуждениях депутатов фактов о значительном снижении рождаемости, т. е. этой объективной основы для требований об отмене изменений в пенсионном законодательстве, не приводится. С требованием отменить исключение декретного отпуска из пенсионного законодательства выступило и руководство Федерации профсоюзов Беларуси.

Объективная демографическая ситуация требует отмены пролоббированных финансовыми органами непродуманных рекомендаций, рассмотренных в данной статье. Думается, что это пойдет на пользу не только нынешним, но и будущим репродуктивным отношениям. Но тем не менее финансовые интересы уже породили многочисленные социальные проблемы. И они еще не раз аукнутся не только в демографической сфере.

Эта ситуация поднимает для государственной демографической политики другие важные проблемы. Одни из них относятся к снижению статуса программы демографической безопасности Республики Беларусь. Во-первых, снижена значимость принятого на 2016–2020 гг. документа. Предыдущие программы были национальными, нынешняя – государственная, что нашло отражение в ее статусе, прежние программы были президентскими, нынешняя – совминовская. Во-вторых, нынешняя государственная программа называется «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь», т. е., с одной стороны, она носит ведомственный (минздравовский) характер. А ведь, как показывает проведенный анализ современной демографической ситуации, финансовые аспекты оказались ведущими. С другой стороны, хотя в программе перечислено более двух десятков министерств и ведомств, а также других государственных институтов, в целом она посвящена только одному демографическому аспекту, о чем свидетельствует система ее сводных целевых показателей. Здоровьесбережение, конечно, существенно важно, но это только один аспект демографического развития и демографической безопасности. Другим сторонам вопроса, в частности миграционным аспектам демографической политики, определенным Законом «О демографической безопасности в Республике Беларусь», в новой программе уделено недостаточно внимания, что, к примеру, отражено в статье [11].

Законом «О демографической безопасности в Республике Беларусь» важная роль в разработке и проведении политики демографической безопасности отведена Национальной комиссии по народонаселению при Совете Министров Республики Беларусь. Но сведений в электронных средствах информации о деятельности этой комиссии, за исключением информации почти пятилетней давности об обновлении состава, не имеется. А ведь ей (на то она и национальная комиссия) и должна принадлежать ведущая роль в экспертизе демографических последствий разработки любых документов. Причем, на наш взгляд, эта комиссия должна включать не только и даже не столько чиновников высокого ранга, которые преследуют свои ведомственные интересы, сколько специалистов по различным аспектам демографии. В этом плане ее деятельность могла бы строиться по образцу общественных палат Российской Федерации. И так как объективные негативные демографические процессы ожидалось, то казалось бы, в решении главной социальной проблемы страны – оздоровлении демографической ситуации – должны быть задействованы все другие факторы. И экономические, и социальные новации должны рассматриваться через социальную экспертизу их демографических последствий. Социальная экспертиза должна исхо-

дить из учета многообразных последствий тех или иных решений, оценивать новации в их системной взаимосвязи.

Завершим теми выводами, которые нами были сделаны в начале реализации в Беларуси реформы государственных финансов: «Предлагаемая “финансовая диета” по законам системной взаимосвязи в демографической сфере приведет к стагнации депопуляционных процессов, созданию напряженности на рынке труда и условий для будущих кризисов в экономике страны. Сегодня, даже вопреки сузившемуся финансовому кошельку, надо стимулировать, а не препятствовать решению главной социальной проблемы XXI века Беларуси – демографической проблемы. Основой в управлении социально-экономическими процессами должен быть учет взаимосвязей многих социальных явлений и процессов» [6, с. 438]. Этот вывод был сделан в апреле 2016 г. И хорошо, что еще не все, предлагаемое «финансовой диетой», было принято к реализации, в частности рекомендуемый ею двухлетний декретный отпуск [5, с. 431], о чем информировала заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь М. А. Щёткина [12].

Думается, что следовало бы связать пенсионную систему с активизацией репродуктивной политики в демографической сфере Беларуси. Несколько лет в ходе постоянного демографического мониторинга мы зондировали возможное отношение наших респонденток к связи их репродуктивной деятельности и будущего пенсионного обеспечения. Вначале этот вопрос звучал: «Может ли повысить рождаемость назначение большего размера пенсии женщинам в зависимости от числа рожденных и воспитанных детей?» В опросе прошлого года вопрос был сформулирован следующим образом: «Как Вы относитесь к назначению большего размера пенсий женщинам в зависимости от числа рожденных и воспитанных детей?» Удельный вес респондентов, положительно оценивших данную меру, составляет в пределах 60 %: в 2012 г. – 59,1 %, в 2013 г. – 61,4 %, в 2014 г. – 61,2 %, в 2015 г. – 67,3 % и в 2016 г. – 59,0 %. Это означает, что если примерно около двух третей женщин самого активного репродуктивного возраста смогли бы с перспективой получать более высокую пенсию за рождение хотя бы третьего ребенка, то коэффициент суммарной рождаемости уже смог бы превысить уровень простого замещения поколений (2,14–2,15 %). Связь размера пенсии женщинам обосновывается тем, что их пенсионное благосостояние в таком случае будет обеспечиваться произведенным ими соответствующим демографическим и трудовым потенциалом, создающим материальные блага и пополняющим пенсионный фонд. Кто больше создал такого потенциала, тот должен иметь более высокую пенсию.

Библиографические ссылки

1. Лукашенко озабочен демографической ситуацией в Беларуси [Электронный ресурс] // Tut.by. URL: https://news.tut.by/society/554208_print.html (дата обращения: 03.08.2017).
2. Осипов М., Кабышева И., Савицкая О. В нашей семье пришло // Рэспубліка. 2017. № 206. 28 кастр.
3. Осипов М., Кабышева И., Савицкая О. Нас становится больше. И это здорово // СБ. Беларусь сегодня. 2017. № 208. 28 окт.
4. Злотников А. Г. Экстранальность и интрональность современной белорусской демографической политики // Социология. 2014. № 2. С. 70–84.
5. Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси / под науч. ред К. В. Рудого. Минск, 2016.
6. Злотников А. Г. «Финансовая диета» как механизм депопуляционного развития Беларуси // Актуальні проблеми сьогодення у сфері фінансів, обліку та аудиту : тези доповідей інтернет-конференції (Хмельницький, 24–25 травня 2016 р.). Хмельницький, 2016. С. 433–439.
7. Рудый: Экономисты нужны. Но не молчалие от лояльности, а предупреждающие – от патриотизма [Электронный ресурс] // Tut.by. URL: <https://Деньги и власть/print518684.html> (дата обращения: 29.10.2016).
8. Маршалл А. Принципы политической экономии : в 3 т. М., 1983. Т. 1.
9. Минтруда снова анонсировало, что для некоторых белорусов могут пересмотреть страховой стаж [Электронный ресурс] // Tut.by. URL: <https://finance.tut.by/print537496.html> (дата обращения: 30.03.2017).
10. Депутаты: надо включить в страховой стаж декретный отпуск, службу в армии и учебу в вузе [Электронный ресурс] // Tut.by. URL: <https://finance.tut.by/print540087.html> (дата обращения: 19.04.2017).
11. Злотников А. Г. Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное? // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 91–97.
12. Азанович Т. Настоящая леда // Рэспубліка. 2016. № 240. 17 снежня.

References

1. [Lukashenka is concerned about demographic situation in Belarus]. *Tut.by*. URL: https://news.tut.by/society/554208_print.html (date of access: 03.08.2017) (in Russ.).
2. Osipov M., Kabysheva I., Savitskaya O. [We have to become more]. *Respublika [Republic]*. 2017. No. 206. 28 Oct. (in Russ.).
3. Osipov M., Kabysheva I., Savitskaya O. [We are getting bigger. And its great]. *SB. Belarus segodnya. [SB. Belarus Today]*. 2017. No. 208. 28 October (in Russ.).
4. Zlotnikov A. G. Extranality and intronality of modern Belarusian demodraphic policy. *Sotsiologiya [Sociology]*. 2014. No. 2. P. 70–84 (in Russ.).
5. Rudy K. V. (ed.). [Financial diet: reforms of state finance of Belarus]. Minsk, 2016 (in Russ.).
6. Zlotnikov A. G. [«Financial diet» as a mechanism for the depopulation development of Belarus]. [*Current issues of the year in the sphere of finance, regional audit*]: thesis of additional information internet conf. (Khmelnitsky, 24–25 May 2016). Khmelnitsky, 2016. P. 433–439 (in Ukrainian).
7. [Rudy: Economists are needed. But not silent from loyalty, and warning – from patriotism]. *Tut.by*. URL: <https://Money and Power/print518684.html> (date of access: 29.10.2016) (in Russ.).
8. Marshall A. A. [Principle of political economy] : in 3 vol. Moscow, 1983. Vol. 1 (in Russ.).
9. [Again the Ministry of labour has announced that some Belarusians can review insurance experience]. *Tut.by*. URL: <https://finance.tut.by/print537496.html> (date of access: 30.03.2017) (in Russ.).
10. [Deputies: it is necessary to include in the insurance experience maternity leave, military service and studying at university]. *Tut.by*. URL: <https://finance.tut.by/print540087.html> (date of access: 19.04.2017) (in Russ.).
11. Zlotnikov A. G. Balance of migration in Belarus: positive or negative? *J. Belarus State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 91–97 (in Russ.).
12. Republic. 2016. No. 240. 17 Dec. (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 10.08.2017.
Received by editorial board 10.08.2017.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 323.27+177.5

ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А. П. МЕЛЬНИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются различные трактовки социальной справедливости в современной науке. Значительное внимание уделяется Великой Октябрьской революции 1917 г. в России. Анализируются различные модели социального государства: либеральная, консервативно-корпоративистская, социал-демократическая и социалистическая. Описывается белорусская модель социального государства, а также авторское определение социальной справедливости.

Ключевые слова: революция; социальная справедливость; модели социального государства; белорусская модель социального государства.

REVOLUTION AND SOCIAL JUSTICE ISSUES IN MODERN WORLD

A. P. MELNIKOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses different interpretations of social justice in modern science. It pays considerable attention to the October Revolution in 1917 in Russia, as well as to various welfare state models: liberal, conservative and corporatist, social-democratic and socialist. The author describes the Belarusian model of welfare state, as well as gives his own definition of social justice.

Key words: revolution; social justice; welfare state models; the Belarusian model of welfare state.

Образец цитирования:

Мельников А. П. Проблемы революции и социальной справедливости в современном мире // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 69–74.

For citation:

Melnikov A. P. Revolution and social justice issues in modern world. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 69–74 (in Russ.).

Автор:

Адам Петрович Мельников – кандидат философских наук; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Adam P. Melnikov, PhD (philosophy); associate professor at the department of political science, faculty of law. adam.melnikov@gmail.com

В 2017 г. отмечалась 100-летняя годовщина Великой Октябрьской революции – одного из важных событий XX в., оказавших значительное влияние на ход мировой истории. Представители различных социальных сил и политических воззрений дают ей разные, подчас диаметрально противоположные оценки. Если для одних это прорыв в будущее, то для других – катастрофа для России. Возникает вопрос: что же заставляло революционеров всех мастей идти на борьбу, обрекая себя на лишения, тюрьмы и ссылки? Невозможно представить, что это жажда славы, власти или обогащения. Тогда что? Разумный ответ только один: чувство справедливости.

Проблема социальной справедливости веками волновала человечество. Сотни выдающихся умов, начиная с Т. Мора и Т. Кампанеллы, пытались создать универсальную теорию социальной справедливости, которая бы удовлетворяла всех, сглаживала противоречия, предотвращала конфликты, интегрировала общество. К сожалению, до сих пор такая теория не создана. Существует множество подходов к трактовке социальной справедливости. И причины этого самоочевидны. Слишком многообразны, разнородны интересы различных социальных групп: экономические, политические, этнические, конфессиональные, гендерные и иные. По этой причине на протяжении всей истории человечества происходили войны и революции: антифеодально-буржуазные, национально-освободительные, демократические, социалистические и пр.

Проблема социальной справедливости обостряется в так называемые эпохи перемен, т. е. в периоды социально-экономических, политических преобразований и кризисов. Изучение социальной справедливости на постсоветском пространстве представляется как никогда актуальным в связи с падением качества и уровня жизни, усиливающимся социальным расслоением, обострением социальных и межнациональных конфликтов, ростом угрозы новых цветных революций.

Разумеется, под революцией мы понимаем не дворцовые перевороты, путчи, насильственный захват группой лиц государственной власти, а широкое народное движение, приводящее к коренному, качественному, глубинному повороту в функционировании всех сфер общества, способ перехода от одной социально-экономической, политической, культурной системы к другой в результате прихода к власти оппозиционных политических сил [1, с. 318]. Первой революцией, оказавшей наибольшее влияние на умонастроения людей, политическую жизнь Европы, была Французская революция конца XVIII в., свершившаяся под лозунгом свободы, равенства, братства, упразднившая монархию, сословия и провозгласившая республиканскую форму правления. Она, как и другие более поздние

революции в разных странах, не привела к установлению общества социальной гармонии, социальной справедливости. Основная причина этого, с точки зрения сторонников коммунистической идеологии, кроется в сохранении частной собственности на средства производства.

Основоположники марксизма и их последователи считают, что общество социальной справедливости может быть создано только в результате победы социалистической революции, установления диктатуры рабочего класса, обобществления собственности на средства производства, ликвидации эксплуатации человека человеком и реализации принципа «от каждого – по способностям, каждому – по труду».

В 1917 г. первая в мире социалистическая революция победила в России. Общество вступило на путь реализации идеалов социальной справедливости. За относительно непродолжительный период страна достигла значительных успехов. После Гражданской войны была успешно ликвидирована послевоенная разруха, в кратчайшие исторические сроки национализированы средства производства, осуществлены индустриализация, коллективизация и культурная революция. Впервые в мире у людей появилась возможность бесплатно учиться и получать все виды медицинских услуг. Несмотря на огромные потери СССР в годы Великой Отечественной войны, к 1980-м гг. произведенный национальный доход страны увеличился по сравнению с дореволюционным периодом более чем в 75 раз. Продукция промышленности возросла в 125 раз, сельского хозяйства – в 3,5 раза. По объему промышленной продукции страна занимала первое место в Европе и второе – в мире. Если дореволюционная Россия производила 4 % мировой продукции, то СССР – более 20 % [2, с. 178].

Необходимо также отметить, что своим примером, самым фактом своего существования Советский Союз оказывал большое воздействие на мировое развитие. Так, под влиянием СССР правящие элиты западных государств были вынуждены устанавливать 8-часовой рабочий день и идти на другие социальные и политические уступки лицам наемного труда.

О достижениях советской страны свидетельствует хотя бы то, что за половину столетия она прошла путь от сохи до запуска человека в космос. Хотя эти успехи дались нелегко. Они были достигнуты невероятным напряжением сил, потребовали больших материальных и людских потерь, нарушений законности, прав человека, особенно в 1930-е гг.

В послевоенное время СССР была навязана гонка вооружений, необходимо было поддерживать паритет в военной силе с противоположной общественной системой, поддерживать коммунистическое и национально-освободительное движение на международной арене, что в конце концов обе-

скровило страну, привело к падению уровня жизни народа, постоянным дефицитам промышленных товаров и продовольствия. Жесткая регламентация заработной платы вела к уравниловке, лишала людей мотивации к высокопроизводительному труду. Социалистическое соревнование и отдельные трудовые подвиги, искусственные маяки вроде передовиков Алексея Стаханова и Валентины Гагановой погоды не делали, положения не меняли. В то время как экономически развитые страны являли собой пример сытой жизни на Западе. Все это в совокупности, а также назойливая, «трескучая» пропаганда о «преимуществах социализма» раздражали людей, порождали недовольство. Такая ситуация вкупе с непоследовательной эгоистической политикой высшего руководства страны привела к распаду СССР, так называемой «шоковой терапии», к отпуску цен, обвальная приватизация отдельными лицами природных богатств (за бесценок), расхищению общегосударственной собственности, обнищанию населения, разгулу криминала. В таких условиях о социальной справедливости не могло быть и речи – о ней просто забыли, вернее, закрыли эту тему за ненадобностью. Считалось, что «невидимая рука рынка» сама по себе отрегулирует все.

Ныне ситуация на просторах СНГ мало изменилась. Молодые национальные государства несправедливым образом освободили себя от многих фундаментальных обязанностей по отношению к своим гражданам. Положение усугубляется еще и тем, что государственные органы на территории почти всего СНГ не смогли выработать механизмы, создающие благоприятные экономические, правовые, социальные условия для перехода от устоявшейся модели государственного патернализма к обществу личностной самореализации в условиях перехода к рыночной экономике.

Социальная справедливость на постсоветском пространстве оказалась блокированной корпоративными и групповыми интересами. Слишком ограниченными были возможности рядовых граждан, низкостатусных групп добиться успехов на экономическом поприще. Иначе говоря, часто власть концентрируется в руках узкой группы лиц или элиты. Элита гарантирует права собственности лишь себе самой, в то время как для подавляющего большинства граждан эти права остаются нестабильными. Равенство перед законом может существовать для какой-то конкретной элитарной, олигархической группировки, но не для большинства населения. Правительственная политика способна оказывать предпочтение этой элитарной группе, обеспечивая ей налоговые льготы, ренту и монополию, при этом большинство людей оказываются лишенными возможности успешно заниматься предпринимательской деятельностью. Например, Россия является одним из немногих развитых го-

сударств, в которых до сих пор действует плоская шкала налогов, т. е. единая их ставка и для бедных, и для состоятельных. В то время как в Германии верхняя планка подоходного налога для богатых составляет 45 %, во Франции – 40 %, в США – 35 %. В России же и миллиардеры, и бедные платят одинаково – 13 % [3, с. 90], что вряд ли справедливо для подавляющего большинства граждан, особенно если учесть сомнительные способы первоначального накопления капитала, приватизацию через залоговые аукционы и т. д.

По мнению российских исследователей, к настоящему времени в России сформировались две основные точки зрения во взглядах на сущность социальной справедливости. Первая исходит из позиций классического либерализма и предлагает понимание справедливости, основанное «на обмене между свободными и равными индивидами»; вторая – предполагает принцип датируемой, распределительной справедливости, «когда учитываются различия в первоначальных социальных позициях индивидов: работодателей и наемных работников, чиновников и служащих и других общественных слоев» [4, с. 48]. В целом же структурообразующими элементами представлений российских граждан о социальной справедливости на уровне общественного сознания выступают стабильность, порядок, безопасность, равенство, сильная государственность, а также потребность в социальной защите. Примерно такое же представление о социальной справедливости характерно и для Беларуси.

А каковы представления о социальной справедливости в современной западноевропейской и американской науке? Подходов к трактовке множество, однако основных, пожалуй, можно выделить три: либеральный, консервативно-корпоративистский и социал-демократический. Представители либерального направления исходят из невозможности достижения социального равенства. В защиту социального неравенства они приводят два аргумента: с одной стороны, общество без неравенства – это утопия, приводящая к тоталитаризму, потому что видимость социальной бесклассовой гармонии можно достичь только с помощью насилия; с другой – неравенство социального статуса в рамках определенных границ, установленных статусом гражданина, будучи средством развития человека, служит условием свободного развития общества. Иначе говоря, неравенство социального положения в либеральных концепциях как бы компенсируется видимостью свободы, а отсутствие реальной свободы – рассуждениями о равенстве. Консервативно-корпоративистский подход, исходящий из идеи эволюционного развития и традиционализма, рассматривает компенсаторную социальную политику как преимущественно негосударственную сферу деятельности, направленную на поддержание социальной стабильности. Социал-демократический

подход рассматривает сильную социальную политику с позиции государства как средство совершенствования и реформирования социально-политических отношений. В целом в XX в. западное общество стало восприниматься теоретиками социальной справедливости в качестве разветвленной системы коопераций, в рамках которой участники могут достичь общего блага только при условии, что их поведение будет соответствовать ожиданиям, а также установленным правилам и образцам взаимодействия, о которых участники договариваются изначально на партнерских основаниях.

В русле либерального подхода весьма примечательна трактовка социальной справедливости, предложенная американским философом Дж. Ролзом, который считает справедливость главной добродетелью и принципом социальной жизни [5, с. 19]. В основу идеи справедливости Дж. Ролза в противовес утилитаризму (выгоде) положен нравственный принцип честности. Это значит, что если исходная ситуация будет честной, то свободные и автономные индивиды в условиях рационального выбора примут, во-первых, равенство в определении основных прав и обязанностей, а во-вторых, согласятся с социальным и экономическим неравенством, если только оно компенсируется другими преимуществами для каждого человека, в частности для ее непререкающих членов общества. Такая схема распределения преимуществ формировала бы у всех граждан стремление к сотрудничеству. Наличие этих двух принципов позволяет установить социальную систему, основанную на справедливости, в которой никто не приобретает бы и никто не теряет бы из-за своего произвольного места в распределении природных дарований.

При этом реализация принципов справедливости предполагается только с помощью чисто распределительных методов, т. е. через распределение доходов и богатства наиболее обеспеченной части общества в пользу менее имущей, главным образом посредством налогообложения, т. е. без конфискационных и уравнивающих мер. Следовательно, наиболее справедливым общественным устройством может быть западное общество с рыночной экономикой и верховенством права. Если для достижения социальной справедливости необходима корректировка общественно-политических институтов, необходимо проводить соответствующие реформы для нормального функционирования общественной системы.

Немецкий социолог Р. Дарендорф, давая трактовку социальной справедливости, использует понятия «социальные нормы», «социальные санкции» и «господство». По его мнению, общественная жизнь предполагает, что поведение людей упорядочивается посредством норм; это управление гарантируется с помощью стимула либо угрозы

санкций; возможность назначать санкции служит основой всякого господства. Любые санкции предполагают дискриминацию кого-либо. В конце концов ученый приходит к выводу о том, что полной социальной справедливости в обществе быть не может, поскольку люди не равны, это неравенство предполагает выигрыш одних за счет других, и оно в таком случае превращается в стимул, не дающий застывать, окостеневать социальным системам [6, с. 512].

Небезынтересны взгляды по рассматриваемому вопросу лауреата Нобелевской премии по экономике американского ученого Дж. Ю. Стиглица, который при рассмотрении проблемы социальной справедливости основное внимание сосредоточивал на равенстве возможностей. Его подход несколько отличается от либерального принципа равенства, сводящего социальное равенство к юридически провозглашенному, но экономически не гарантированному равенству возможностей индивидов в стихии рыночных отношений. Данная либеральная трактовка противоречит концепции социального государства. Такое равенство возможностей – основная причина перетекания богатств от бедных к богатым, хотя при этом любой бедняк имеет некоторый (весьма небольшой) шанс стать богатым [7, с. 349]. Дж. Ю. Стиглиц выступает за включение в перечень прав человека социальных гарантий [8].

Как видим, по поводу трактовки социальной справедливости в науке нет единого мнения. Существуют разные точки зрения. И трудно сказать, какая из них является наиболее правильной. Объективная действительность, социальная жизнь, по крайней мере на современном этапе развития, не предоставляют достаточно материала для окончательных выводов. Хотя определенную тенденцию можно уловить уже сейчас. По-видимому, она заключается в формировании социального государства.

Что такое социальное государство? Существуют разные его модели. В соответствии с взглядами на сущность социальной справедливости их можно выделить четыре: либеральную, консервативную, социал-демократическую и патерналистско-социалистическую [9, с. 12–13]. Либеральная модель социального государства (в США, Великобритании) строится на социальной политике, сводящей участие государства в регулировании социальных отношений к разного рода компенсациям. Социальная политика не носит упреждающего характера, а реагирует на состояние нуждающихся в помощи. Большая часть социальных обязательств перекладывается на рыночные структуры. Консервативная модель, характерная для некоторых стран Западной Европы и Японии, базируется на принципе прагматизма: государство реагирует на возникающие социальные проблемы и решает их, не

переводя свои действия в плоскость постоянной политики. Для компенсации дестабилизирующих факторов стимулируется взаимодействие между различными социальными группами на основе корпоративности, разделяющей социальные обязательства между государством и работодателями. Социал-демократическая модель социального государства (характерна для Германии, Швеции, Норвегии) строит социальную политику на принципе упреждения социальных проблем и предоставления социальной защиты на равнодоступной основе. Именно для социал-демократических государств характерно установление социальных стандартов, высокие государственные социальные расходы за счет высокого налогообложения, постоянно действующие государственные социальные программы и т. д.

Патерналистско-социалистическая модель была характерна для Советского Союза и других социалистических государств. Она характеризуется обобществлением собственности на средства производства и высокой степенью концентрации социальных функций в руках государственных органов. Государство целиком финансирует социальную сферу и планирует социальные потребности.

В Беларуси, где обошлось без «шоковой терапии», обвальная приватизации и нет сильного социального расслоения, в настоящее время осуществляется разгосударствление социальной сферы, переход от патерналистско-социалистической модели социального государства к адресной, позволяющей дифференцировать субъекты реализации социальной политики и снять с государства большую финансовую нагрузку в социальной сфере. Это полностью соответствует общемировым тенденциям социального развития в условиях рыночных отношений.

Аналогичные процессы, причем с существенным опережением, происходят в современной России, где значительно большее социальное расслоение. Поэтому некоторые ученые предлагают для нее переход к модели этического социализма, т. е. к рыночным отношениям нравственно ответственных индивидов с обобществленной собственностью на основные средства производства, ибо в противном случае, как они считают, «Россия обречена на варварство, т. е. бандитский капитализм» [10, с. 178].

Сторонники этой точки зрения исходят из того, что ныне во взглядах на соотношение экономики и нравственности присутствует два противоположных подхода. Первый заключается в том, что экономика и нравственность существуют каждая сама по себе и несоотносимы в принципе. В целях отделения экономики от нравственности предпринимаются попытки истолковать понятия нравственности и справедливости как исключительно оценочные, эмоциональные и находящиеся вне

компетенции науки. Освобождению экономики от нравственности в конкурентных условиях современной действительности также способствует распространенная формула: «разрешено все, что не запрещено законом». Это означает курс на вседозволенность, аморализм в экономических отношениях. Нравственные соображения отбрасываются. Принимаются во внимание только правовые нормы, которые не могут предусмотреть всех возможных практических ситуаций. Всегда остается множество пробелов, лазеек в законе. А это ведет к их поиску и безнаказанному использованию недобросовестными людьми.

Другая точка зрения на рассматриваемую проблему состоит в утверждении, согласно которому экономика должна быть нравственной, т. е. ориентированной на социальную справедливость. Это предполагает, с одной стороны, минимизацию социального паразитизма, т. е. присвоения незаработанного, с другой – создание оптимальных условий для всестороннего развития человека. Общество, основанное на принципах социальной справедливости, более стабильно по сравнению с другими общественными системами. Нравственно ориентированная экономика позволит избавиться от коррупции, которая ныне разъедает постсоветское пространство. Поэтому так и важна для России модель этического социализма. А. В. Бузгалин пишет: «...сейчас в России нет никаких альтернатив. Сейчас я вижу только одну дорогу в практической жизни. Это – путь этического социализма. На мой взгляд, это единственный путь спасения страны. Идти к этому социализму (я его называю еще демократический социализм, рыночный социализм, наконец, социальная экономика, т. е. совмещение ценностей демократии, свободы, социалистических ценностей и рыночной необходимости <...> это единственный путь» [11, с. 180].

Приверженцы этой точки зрения в обоснование своей позиции ссылаются на Всеобщую декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН, в которой говорится, что власть обязана заботиться о нуждах народа, чтобы он «не был вынужден прибегать в качестве последнего средства к восстанию против тирании и угнетения» [12, с. 706].

Какое же определение можно дать социальной справедливости? Исходя из приведенных позиций, можно прийти к выводу о том, что социальная справедливость выступает как категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов. Справедливое общество есть такое, которое может «найти нравственную меру в распределении благ, а нравственной может считаться такая мера, которая устраивает всех и на которую получено согласие тех, на чью долю

выпадает больше тягот» [13, с. 624]. Иными словами, справедливость – это соответствие должного существу в распределении благ.

Таким образом, в самом общем плане социальную справедливость можно определить как меру соответствия между трудом и вознаграждением за него, приемлемую степень неравенства в распределении доходов, которая способствует совершенствованию общественных отношений, социальному прогрессу в целом.

Однако вернемся к вопросу о роли революций в общественном развитии. Являются ли они двигателями прогресса, «локомотивами истории», по выражению К. Маркса, необходимыми предпосылками установления социально справедливого общества? Весь опыт истории человечества свидетельствует о том, что скорее да, чем нет. Примеров тому немало. Так было до эпохи научно-технической революции, постиндустриального, информационного общества. В условиях же постмодерна, по мнению большинства ученых, на смену революциям приходят социальные эволюции. При наличии

политической воли создать социально справедливое общество можно путем реформ. Об этом свидетельствует опыт скандинавских государств, а также четырех «азиатских тигров», или «драконов».

Подводя итог изложенному, следует отметить, что не существует абсолютных, универсальных и безусловных критериев социальной справедливости. В любом обществе всегда имеется чаще всего несколько представлений, порой альтернативных, о социальной справедливости, выражающих интересы различных социальных групп. Скажем, в социалистических теориях это понятие наполняется уравнительным смыслом, отсюда триада: социализм – равенство – социальная справедливость. Доминанта – равенство. В концепциях либерального толка складывается формула: капитализм – свобода – социальная справедливость – акцент внимания на свободе. Политическим деятелям, практическим политикам приходится прилагать немало усилий, чтобы учесть, сбалансировать, а если удастся, интегрировать интересы всех политических сил, социальных групп и слоев общества.

Библиографические ссылки

1. Социологическая энциклопедия : в 2 т. / под ред. В. Н. Иванова. М., 2003. Т. 2.
2. Тарнаев А. П. Россия: от 1917 – к 2017. М., 2016.
3. Зюганов Г. А. Перед рассветом. М., 2011.
4. Садовая Е. С., Сауткина В. А. Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект. М., 2015.
5. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. и науч. ред. В. В. Целищева. Новосибирск, 1995.
6. Дарендорф Р. Тропы из утопии : пер. с нем. М., 2002.
7. Стиглиц Дж. Ю. Ревущие девяностые. Семена развала : пер. с англ. М., 2005.
8. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора : пер. с англ. М., 1997.
9. Побережная О. Е. Теоретические аспекты формирования социальной политики в современном мире : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01. Минск, 2015.
10. Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала / под общ. ред. А. В. Бузгалина, М. И. Воейкова. М., 2011.
11. Человек и экономика : справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала / редкол. : А. В. Бузгалин [и др.]. М., 2012.
12. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина, А. А. Гусейнова, Г. Ю. Семигина [и др.]. М., 2010. Т. 3.

References

1. Ivanov V. N. (ed.). [Sociological encyclopedia] : in 2 vol. Moscow, 2003. Vol. 2 (in Russ.).
2. Tarnaev A. P. [Russia: of 1917 – to 2017]. Moscow, 2016 (in Russ.).
3. Zyuganov G. A. [Before dawn]. Moscow, 2011 (in Russ.).
4. Sadovaya E. S., Sautkina V. A. [Transformation of the principles of modern world order: social aspect]. Moscow, 2015 (in Russ.).
5. Rolz Dzh. [Theory of justice]. Novosibirsk, 1995 (in Russ.).
6. Darendorf R. [Tracks from a utopia]. Moscow, 2002 (in Russ.).
7. Stiglits Dzh. Yu. [Roaring the ninetieth. Disorder seeds]. Moscow, 2005 (in Russ.).
8. Stiglits Dzh. Yu. [Economy of public sector]. Moscow, 1997 (in Russ.).
9. Poberezhnaya O. E. [Theoretical aspects of formation of social policy in the modern world] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata politicheskikh nauk : 23.00.01. Minsk, 2015 (in Russ.).
10. Buzgalin A. V., Voeikov M. I. (eds). [Person and economy: justice and basic democracy against totalitarianism of the market and the capital]. Moscow, 2011 (in Russ.).
11. Buzgalin A. V. (ed.). [Man and economy : justice and basic democracy against totalitarianism of the rank and capital]. Moscow, 2012 (in Russ.).
12. Stepin V. S., Guseinov A. A., Semigin G. Yu. (eds). [New philosophical encyclopedia] : in 2 vol. Moscow, 2010. Vol. 3 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 28.08.2017.
Received by editorial board 28.08.2017.

УДК 002.2(476)(091)(092)Скорина Ф.+316.7

НЕ ХАВАЦЦА АД ІСЦІНЫ: ДА СКАРЫНАЗНАЎСТВА БЕЗ ЗЫХОДНАЙ ЗАДАДЗЕНАСЦІ

І. А. ЧАРОТА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Выкладаецца абагулены погляд на сучаснае айчыннае скарыназнаўства, якое звывлася з мноствам адкрытых пытанняў; сярод іх тыя, што маюць вялікае значэнне і для жыццяпіснай факталогіі, і для вызначэння асноў светапогляду ўсходнеславянскага першадрукара (імя, веравызнанне, бліжэйшае асяроддзе, пэўныя этапы жыцця і інш.). Паказана, што асобныя з гэтых пытанняў беспадстаўна лічацца невырашальнымі, іншыя паспешліва запісваюцца ў разрад канчаткова вырашаных. Звернута ўвага на нававыяўленыя рукапісныя матэрыялы, паводле зместу якіх жыццё і дзейнасць Ф. Скарыны звязаны з малдаўскімі землямі, а таксама маюць непасрэднае дачыненне да гістарычных асоб Сербіі.

Ключавыя словы: Георгій Францыск Скарына; скарыназнаўства; кнігадрукаванне; стэрэатыпы; нявырашаныя пытанні; імя; веравызнанне; пераклад; новыя звесткі ў выяўленых рукапісах; малдаўская лінія жыццяпісу; *Dacia*; ісціна.

НЕ ПРЯТАТЬСЯ ОТ ИСТИНЫ: К СКОРИНОВЕДЕНИЮ БЕЗ ИСХОДНОЙ ЗАДАННОСТИ

И. А. ЧАРОТА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлен обобщенный взгляд на современное отечественное скориноведение, которое свывклось с множеством открытых вопросов; среди них те, которые имеют большое значение и для жизнеописательной фактологии, и для определения основ мировоззрения восточнославянского первопечатника (имя, вероисповедание, ближайшее окружение, определенные этапы жизни и др.). Показано, что отдельные из этих вопросов беспричинно считаются нерешаемыми, а другие спешно записываются в разряд окончательно решенных. Обращено внимание на рукописные материалы, согласно содержанию которых жизнь и деятельность Ф. Скорины связаны с молдавскими землями, а также имеют непосредственное отношение к историческим личностям Сербии.

Ключевые слова: Георгий Франциск Скорина; скориноведение; книгопечатание; стереотипы; нерешенные вопросы; имя; вероисповедание; перевод; новые сведения в найденных рукописях; молдавская линия жизнеописания; *Dacia*; истина.

Образец цитирования:

Чарота І. А. Не хаватца ад ісціны: да скарыназнаўства без зыходнай зададзенасці // Журн. Беларус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 75–83.

For citation:

Charota I. A. Not hide from the truth: to skorynology without task orientation. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 75–83 (in Belarus.).

Автор:

Иван Алексеевич Чарота – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой славянских литератур филологического факультета.

Author:

Ivan A. Charota, doctor of science (philology), full professor; head of the department of Slavic literatures, faculty of philology.
ivancharota@mail.ru

NOT HIDE FROM THE TRUTH: TO SKORYNOLOGY WITHOUT TASK ORIENTATION

I. A. CHAROTA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Suggested is a generalized view of modern domestic Skorynology (Skoryna studies) that is habituated to a lot of open questions; among them are those that are of great importance for both describing the life and determining the foundations of the worldview of the East Slavic printer (name, religion, nearest environment, certain stages of life, etc.). It is shown that some of these issues are considered unreasonably as unsolvable, and some are hurriedly classed as finally solved. Attention is drawn to newly found handwritten materials, certifying that the life and activities of Skoryna are connected with the Moldovan lands and directly related to some historical personalities of Serbia.

Key words: Georgy Francisk Skoryna; Scorynology; book-printing; stereotypes; unsolved issues; name; religion; translation; new information in manuscripts; *Moldavian* line of biography; *Dacia*; truth.

Да 500-годдзя беларускага і ўсходнеславянскага кнігадрукавання наша краіна падрыхтавалася годна, з адпаведным пяцівекавому юбілею размахам, які забяспечаны рознабаковай падтрымкай улад усіх узроўняў і знаходзіць водгук грамадскасці. Так што ёсць сур'ёзныя падставы ганарыцца многімі запланаванымі і ўжо здзейсненымі справамі. Не бачаць і не цэняць гэтага хіба што сляпяы ці тыя, каму такое зусім не па душы.

Бадай, гэта не азначае, што нам застаецца ўжо толькі трыумфаваць, як мага пафасней абвясчаючы свету пра свае высокія дасягненні. Як заўжды, пры ацэнках вынікаў больш карысці ад здаровага скепсісу і самакрытычнага погляду на зробленае. Асабліва гэта датычыцца стану даследаванняў жыцця і (вы)творчай дзейнасці галоўнага віноўніка ўрачыстасцей – Георгія Францыска Скарыны. А тут у нас, як ні старайся ацэньваць паблажліва, справы далёкія ад ідэальнасці, перспектывы таксама цьмяныя.

Каб пазбегнуць абвінавачванняў у залішняй прыдзірлівасці, мусім адразу ўдакладніць: хоць і не маем гонару належаць непасрэдна да карпарацыі прафесійных скарыназнаўцаў, галіну іх даследаванняў успрымаем як адну з самых прыярытэтных і, адпаведна, паказальных для айчыннай гуманітарнай навукі. Таму адказнасць за ўсе прабелы і недахопы ў гэтай навуковай сферы мы зусім не схільны спісваць толькі на вузкае кола задзейнічаных спецыялістаў. У нашым разуменні пэўная доля віны ляжыць на ўсіх вучоных-гуманітарных, на аўтары артыкула ў тым ліку. Якраз гэта вымушае ўсіх нас цяпер, калі маем гістарычную прывілею быць удзельнікамі паўтысячагадовага юбілею, максімальна мабілізаваць наяўныя сілы і рэсурсы, а перш за ўсё праявіць традыцыйныя для беларусаў памяркоўнасць і абачлівасць, якімі прадугледжваецца і згаданая вышэй самакрытычнасць.

Як ні прыкра, усё ж такі нельга не прызнаць, што ў вялікім корпусе нашага скарыназнаўства

замацавалася недапушчальна многа аздобленых вольнай белетрызацыяй стэрэатыпаў, якія па сваёй прыродзе супярэчаць асноўным навуковым прынцыпам, аднак чамусьці сталі для нас апорнымі і нават незаменнымі. Ужо хіба што толькі прадстаўнікі найстарэйшага пакалення помняць, калі гэта сфера ўзбагачалася істотнымі знаходкамі і адкрыццямі, калі ўводзіліся ў зварот невядомыя раней дакументальныя матэрыялы, калі на падставах сур'ёзнага абмеркавання прымаліся новыя вывераныя звесткі, калі наогул праходзілі плённыя навуковыя дыскусіі... А масавы друк тым часам распаўсюджвае нешта ў жанры аповедаў-дэтэктываў [1]. І гэта не выпадкова, бо нават пры асэнсаванні факталагічнай асновы жыццяпісу Ф. Скарыны ў нас паводле даўняй завядзёнкі празмерна частотнымі сталі тыя мадальныя словы і выразы, якімі выказваюцца не больш чым здагадкі і дапушчэнні: *магчыма, верагодна, напэўна, відаць, хутэй за ўсё, трэба меркаваць, можна дапусціць...* На вялікі жаль, менавіта так мы прывыклі асвятляць пытанні, якія патрабуюць максімальнай дакладнасці і выверанасці. Яшчэ меншбясспрэчнага можна знайсці ў тых меркаваннях, што залежаць ад гэтак інтэрпрэтаванай факталогіі. Як правіла, зноў жа па завядзёнцы яны трымаюцца хіба што на адсылках да папярэднікаў, у якіх знойдзены сугучныя погляды: *пагаджаючыся з X, паводле слушнага меркавання Y, як адназначна лічыў Z...*

Даводзіцца канстатаваць, што ў нас дагэтуль адкрытымі, канчаткова не высветленымі, а то і проста забытымі застаюцца практычна ўсе галоўныя пытанні, звязаныя з жыццём і дзейнасцю Ф. Скарыны: гады нараджэння і смерці, веравызнанне, сапраўднае хроснае імя, бліжэйшае асяроддзе, асноўныя мэты жыцця і здзяйснення спраў, кола прафесійных інтарэсаў і змест канкрэтнай дзейнасці, прызначэнне выдадзеных кніг, сутнасць перакладчыцкай (ці ўкладальніцкай) працы, мова выдадзеных, перакладзеных і асабістых твораў,

месцы пражывання і шляхі падарожжаў, вызначальныя сувязі з айчыннымі і замежнымі дзеячамі свайго часу і г. д. Як прызнавалі нават самыя актыўныя скарызнаўцы, утварыліся вялікія напластаванні фактычных памылак [2, с. 39], якія ледзь не цалкам пакрылі рэальныя факты. Асабліва кідаецца ў вочы вось якая небяспечная тэндэнцыя: свае сучасныя ўяўленні пра грамадства, культуру, веру і духоўнасць, пісьменства, мову, навуку, царкву і ўсё астатняе пераносіць на рэальнасць паўтысячагадовай даўнасці, пераладжваючы яе, тую рэальнасць, паводле навачасных капылоў, а пры гэтым яшчэ і вульгарна актуалізуючы. Прыклады такіх скажэнняў нават пералічыць немагчыма. І ўсе яны абраслі вытворнымі стэрэатыпамі новага часу, якія звычайна падтрымліваліся не менш стэрэатыпнымі тлумачэннямі, у тым ліку і катэгарычна непрымальнымі для навукі: тое, што не адпавядае нашаму разуменню, абвяшчаць памылкамі даўнішніх храністаў, пісараў, гравёраў і друкароў... Само сабой зразумела, што сучасных апанентаў таксама.

Такім чынам, мы самахоць зрабілі праблематычным нават прачытанне шэрагу важных для навуковага скарызнаўства дакументаў, не кажучы ўжо пра іх інтэрпрэтаванне. Прычым ледзь не ўсе гэтыя праблемы сталі глыбакадумна падаваць як цяжка-вырашальныя ці невырашальныя ў прынцыпе. Каб належным чынам разгледзець перспектывнасць такога становішча, дазволім сабе згадаць адзін надзвычай павучальны прыклад з асабістага досведу. Аўтар гэтага матэрыялу, сустрэўшыся з калегам, славацкім прафесарам матэматыкі, якога даўно не бачыў, папытаўся ў яго пра справы і пачуў у адказ, што някепска, у прыватнасці яго выхаванцы-студэнты на прэстыжнай міжнароднай алімпіядзе атрымалі першыя прэміі за рашэнне своеасаблівай задачы. Аўтар, натуральна, павіншаваў калегу. Той удакладніў, што яго заслуга тут зусім сціплая: проста ён сваіх студэнтаў не папярэдзваў, што гэту задачу рашаць няма сэнсу, паколькі агульнапрынята, быццам рашыць яе немагчыма. І студэнты, зыходна не ведаючы пра перашкоду, адолелі яе. А вось у нас усё наадварот. Чамусьці трэба сцвярджаць або нават прыдумляць, быццам бы мы маем справу з невырашальнымі задачамі, тады як у сапраўднасці нам свет засяцяць згаданыя вышэй стэрэатыпы, якія намі самімі шырока распаўсюджаны і даволі трывала замацаваны.

Якраз пад іх уздзеяннем з публікацыі ў публікацыю пераносіцца адны і тыя ж звесткі, большасць якіх даўно, калі не ад самага запачаткавання беларускага скарызнаўства, патрабуе сур'ёзнай праверкі і ўдакладнення. Хоць бы таму ўжо, што яны не здольны вытрымліваць праверкі нават элементарнай логікай. Так, звернем увагу на самую што ні ёсць відавочную алагічнасць

у замацаванай сучаснымі скарызнаўцамі базавай (!) інфармацыі, якую звычайна не прапускаюць школьнікі і студэнты, задаючы элементарныя (нявырашаныя!) пытанні: «Чаму ж гэта слыннага палачаніна без ніякіх агавораў называюць Францыскам, калі імя яго бацькі – Лука, брата – Іван, сына – Сімяон, пляменніка – Раман, сваякоў – Яўхім і Сава, Васка і Еска?... Дык выходзіць жа, што ён не з сям'і Скарынаў, не гэтага роду?!» Сапраўды, атрымліваецца, што Ф. Скарына зусім не з таго «дворышча, што в замьку Полацком суть», што ён ніяк не праваслаўны па хрышчэнні, бо спамянёнае «дварышча» знаходзілася побач з Сафійскім саборам... Праўда, пакуль яшчэ ніхто не даказаў, што ў Полацку на момант нараджэння сына Лукі былі такія храмы, у якіх бы пры хрышчэнні будучаму ўсходнеславянскаму першадрукару далі імя Францыск (якраз яно было не адзін раз выкарыстана самім Ф. Скарынай у выданнях і прысутнічае ў афіцыйных дакументах таго часу – факт, які няма падстаў аспрэчваць; патрэбна высветліць і пераканаўча абгрунтаваць, чаму адбылося так, а не інакш). А самім па сабе названым фактам ніяк не можа адмаўляцца абавязковая наяўнасць хроснага імені, несумненна іншага. Дык чаму ж гэта імя адабрана і за апошнія часы дарэшты выкасавана? З якіх жа прычын яго цяпер нават згадаць перасталі і выкарыстанне яго ўспрымаецца як нейкі маркер або дрымучай недасведчанасці, або дэманстрацыі нязгоды з курсам «перадавой навукі», прыярытэты якой абумоўлены заходне-еўрапейскай арыентацыяй?

Прыкладна тое ж самае можна сказаць пра асвятленне ролі праваслаўнага асяроддзя ў жыцці нашага славутага земляка. І яно затушавана, пакрыта імглою амаль цалкам, так, што зусім не праглядаецца. Апошнім часам непараўнальна большую ўвагу прыцягваюць дзеячы «заканадаўчай» Еўропы: Іаган Гутэнберг, Леон Батыста Альберці, Эразм Ратэрдамскі, Мікалай Кузанскі, Джавані Піка дэла Мірандала, Марсіліа Фічына, Швайпальт Фіель, Філіп фон Хохенхайм (Парацэльс), а яшчэ Ян Аміцынус, Ян Гус, Ян Існер, Ян Камп, Мікалай Капернік, Іеранім Пажскі, Прымаж Трубар, Эразм Вітэлій, Андрэй Волан, Станіславац Рапаліёнис... Што ж, і гэта цалкам дарэчы. Але хіба не мае прыярытэтнасці грунтоўнае асэнсаванне ролі асоб з асяроддзя блізкага, тых, хто меў непасрэднае дачыненне да Скарынавых спраў. А так – усё ж такі тэндэнцыя, якую нельга не заўважыць. Дзіўна, чаму энцыклапедычны даведнік «Францыск Скарына і яго час» (1988) не змяшчае нават упамінавання – вельмі істотнага для рэканструкцыі падрабязнага жыццяпісу – пра тое, што «воевода троцкій, гетман наш, староста брян(лавский) и вениц(кий) Князь Константин Иванович Острожский» прысутнічаў у ліку тых, з каго складалася

«панове рада» пры станоўчым вырашэнні судом маёмаснай справы «о дом в месте Виленском». Як-ніяк, а ў гэтым дакуменце з рэдкай для скарыназнаўчых матэрыялаў канкрэтнасцю засведчана, што там і тады «доктор Францышко от жоны своее молвил и поклал... выпис с книг права гайного...» [2, с. 91–92]. Хоць сам дакумент у даведніку змешчаны, і артыкул пра князя Астрожскага, без згадкі пра яго непасрэднае дачыненне да лёсу Ф. Скарыны, таксама.

Ці возьмем, напрыклад, іншую інфармацыю, якая пакуль што не выклікала ні асаблівых пярэчанняў, ні ўдакладненняў, хоць яе паўтараюць безліч разоў у якасці адназначнай без належнага абгрунтавання. Датчыцца гэта Скарынавых спраў як перакладчыка. Многія з тых, хто закранаў гэты аспект, безапеляцыйна і амаль бяздоказна выказваюць меркаванне пра тое, што Ф. Скарына пераклаў, а не толькі выдаў усе кнігі Старога Запавету. Між тым не лішне было б разважыць або хоць неяк прыкінуць, колькі ж часу патрабуецца на такі пераклад і на які перыяд вядомага нам жыццяпісу Ф. Скарыны гэты час прыпадае. Тут не лішне яшчэ ўдакладніць, што гаворка ідзе пра пераклад не абы-якіх тэкстаў, а Свяшчэннага Пісання! Каб хоць неяк наблізіцца да разумення сутнасці рэчаў, параўнаем: падобную працу «семдзсят талкоўнікаў» выконвалі на працягу III–II стст. да Нараджэння Хрыстова; Іеранімам Стрыдонскім (невядома, ці аднаасобна) у IV–V стст. пасля Нараджэння Хрыстова лацінскі пераклад Старога Запавету здзяйсняўся каля 15 гадоў; Скарынаў сучаснік Марцін Лютэр (мяркуючы па ўсім, з памочнікамі) на нямецкую мову перакладаў Стары Запавет не менш за дзесяць гадоў... А наш сьлінны змяляк мог выканаць гэтую выключна складаную і аб'ёмную працу па перакладзе за дзіўна кароткі час? Акрамя таго, ён сам, як мы звычайна сцвярджаем, здолеў напісаць вялікі шэраг прадмоў і пасляслоўяў, да таго ж адзінаасобна выканаць свой сьлінны партрэт, шматлікія гравюры і многае іншае? Ды ўсё гэта, як у нас пішацца, паралельна з вучобай і самаадданым павышэннем навуковай кваліфікацыі, а ў дадатак і з лекарскай практыкай, мастацкай творчасцю, друкарска-прадпрымальніцкімі справамі? Уласна, нявыверанасць закранутай інфармацыі спалучаецца яшчэ з адным пытаннем, таксама вельмі забытаным: што паслужыла арыгіналам для перакладу (пісьмовы звод ці друкаванае выданне), г. зн. з якой канкрэтна мовы і на якую перакладаў наш Ф. Ска-

рына? Карэктнага адказу на яго так і няма. Ёсць толькі адвольныя, міфалагізаваныя версіі.

Для многіх некарэктнасцей, як правіла, знаходзяцца апраўданні. Часткова зразумелыя. Скажам, нікуды ж цяпер нам не дзецца ад таго, што ў свой час усё падпарадкоўвалася ідэалогіі атэізму і пэўныя тэмы аказваліся пад забаронай або асвятляліся ў адпаведнасці з ваяўніча атэістычнымі ўстаноўкамі. Навуковыя кадры, натуральна, фарміраваліся і выходзілі пад тым жа ўплывам. Аднак дырэктывай ідэалагічнай лініяй савецкага перыяду тлумачыцца далёка не ўсё. Скажам, праваслаўнасць Ф. Скарыны паводле паходжання і хрышчэння прызнавалася як да Кастрычніцкай рэвалюцыі (такой думкі прытрымліваліся А. Віктараў, П. Уладзіміраў, Я. Карскі, М. Круповіч, А. Петрушэвіч, А. Ярушэвіч), так і пасля яе, ажно да самай перабудовы і цяперашняга часу (А. Флароўскі, В. Зайцаў, В. Чапко, М. Прашковіч, У. Анічэнка, В. Дышыневіч, У. Агіевіч, прот. М. Уляхін, прот. С. Гардун). Што ж датчыцца хроснага імені Георгій (нароўні з другім – Францыск), то яно было вернута якраз у савецкі час, пасля Вялікай Айчыннай вайны, а ў 1967 г. спецыяльнай пастановай бюро Аддзялення грамадскіх навук АН БССР нават «узаконена»¹. Аднак потым, у часы перабудовы, зноў адабрана. Не інакш, падзейнічала інерцыя прыцягнення да чарговай «перадавой» ідэалогіі, выявіўшы неадольныя схільнасці носьбітаў. Добра яшчэ, што імя Георгій засталася ў многіх творах літаратуры і назвах твораў выяўленчага мастацтва. Між тым не пакінуты нават асабліва значны напамін – подпіс на помніку ў родным Полацку аўтарства А. Глебава. Многія навукоўцы з такім стаўленнем да імені рашуча не пагаджаліся. Як жорсткую несправядлівасць такую тэндэнцыю ўспрыняў, напрыклад, У. Агіевіч, адзін з самых адданых скарыназнаўству даследчыкаў канца XX – пачатку XXI ст. Ён спрабаваў, дзе толькі мог, супрацьстаяць гэтаму, у прыватнасці захаваўся яго афіцыйны зварот па дапамогу да Мітрапаліта Філарэта². А галоўным сродкам змагання для даследчыка былі артыкулы і кнігі, якія ён, заўзяты палеміст, няўменна прысвячаў самым значным калізіям у сферы скарыназнаўства³. Працы У. Агіевіча змяшчалі скрупулёзны разбор забытаных момантаў, а таксама абгрунтаванне магчымасцей зняць пытанні, якія беспадстаўна залічваюцца ў разрад спрэчных або зусім невырашальных. У сувязі з канкрэтным прадметам нашага абмеркавання асаблівай

¹Дарэчы, у зборніку «450 год беларускага кнігадрукавання» (Мінск, 1968) гэта імя выкарыстоўвалася фактычна ў кожным матэрыяле. Напрыклад, на с. 0, 6, 9, 40, 70, 179, 195, 213, 229, 245, 248, 305, 359, 373, 387, 412, 429; з падкрэсленай адназначнасцю яно ўжыта аўтарытэтным медыявістам А. Коршунавым («Георгій Лукіч Скарына», с. 248).

²Аўтэнтычная копія ліста захоўваецца ў асабістым архіве аўтара публікацыі.

³Агіевіч У. У. Якое было імя ў Скарыны? // *Przegląd prawosławny*. 1992. № 11 (89) S. 17–18 ; Агіевіч У. У. Хто такі быў Скарына? // *Голас часу* (Лондан). 1993. № 27 (6). С. 2–10 ; Агіевіч У. У. Невядомы Скарына... ці неўсвядомлены? // *Весн. Акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук*. 1995. № 4. С. 23–31; Агіевіч У. У. Імя і справа Скарыны. У чых руках спадчына. Мінск, 2002 ; Агіевіч У. У. Еці і фіаліянты // *Літ. і мастацтва*. 2012. 20 студз. С. 7.

увагі заслугоўвае яго кніга «Імя і справа Скарыны. У чых руках спадчына» (2002). Ды паколькі выказанае там сутнасна разыходзілася з многім, што стала дамінаваць у поглядах пераважнай большасці скарыназнаўцаў, яно не прымалася і не прымаецца. На наш погляд, цяпер вельмі карысна было б вярнуць працы У. Агіевіча ў актыўны ўжытак і прачытаць іх уважліва, без забабонаў. Канешне, з належнай крытычнасцю.

Варта адзначыць, хоць мімаходам, што зусім не выпадкова намі быў прыгаданы зварот У. Агіевіча да праваслаўнай царквы. Яе пазіцыя ў многіх пытаннях скарыназнаўства павінна па меншай меры прымацца да ведама, а не суправаджацца «лукавымі» пярэчаннямі, разлічанымі на сучасную секулярызаваную свядомасць: маўляў, Ф. Скарына сваёй дзейнасцю засведчыў талерантнасць да ўсіх канфесій, а вось Руская праваслаўная царква да яго выданняў паставілася варожа, таму цяпер прывязваць яго да традыцый гэтай царквы няправільна... Кіруючыся такой логікай, гэтаксама няправільна прывязваць яго і да ўсіх духоўна-культурных традыцый роду і народа, у тым ліку да карэннай (бела)рускасці, да славянскасці... І мала што мяняюць тут агаворкі, быццам бы гэта робіцца дзеля перасцярогі, распаўсюджваецца на ўсе канфесіі, бо кожная з іх можа цягнуць коўдру на сябе. Што ж, можа. Але не павінна – Бога баючыся. А вось канкрэтныя перадумовы і акалічнасці выдання рэлігійных кніг без уліку рэлігіі – як вызначальнага чынніка – у самім падыходзе да гэтай з'явы разглядаць нельга. Проста немагчыма паводле азначэння. Гэтаксама, як тэмпературу хворага чалавека немагчыма дакладна вызначыць без медыцынскага тэрмометра. Хіба што пры дапушчэнні, што можна ўспрымаць развіццё чалавечага арганізма ў паняццях развіцця амёбы. Але ж тады грош цана такому ўспрымання і разуменню... Думаецца, надыйшла пара выпрацаваць аб'ектыўны погляд на Ф. Скарыну, пераадольваючы як савецкае бязбожніцтва, так і постсавецкую псеўдталерантную секулярнасць, не прымаючы напавер стэрэатыпаў, якую б ступень распаўсюджанасці яны ні мелі. І вядома, прыйшоў час не баяцца папоўніць новае выданне даведніка шматаспектным артыкулам «Рэлігія» ці «Веравызнанне», адсутнасць якога надта ж кідаецца ў вочы.

Зразумела, усе навацыі таксама павінны як след уважвацца, вывясца, суправаджацца навуковымі дыскусіямі з належнай аргументацыяй. Нават тады, калі яны зусім неспадзяваныя. А ў скарыназнаўстве такімі лічыць можна ледзь не ўсе звесткі, якія супярэчаць уведзеным ва ўжытак раней.

Якраз на такі сапраўды неспадзяваны для нашага скарыназнаўства матэрыял і хацелася б звярнуць увагу, і якраз дзеля гэтага давалося

папярэдне выкладаць сваё бачанне стану нашых агульных ведаў пра Ф. Скарыну.

А тут – цэлая гісторыя.

У 2014 г. на святкаванні Дня беларускага пісьменства і друку да мяне прыехаў русін з Малдавіі – Юрый Васільевіч Іваноў. Знаёмства з ім адбылося яшчэ напярэдадні свята падчас круглага стала замежных пісьменнікаў. І на працягу трох дзён, сумесна праведзеных у Мінску і Заслаўі, я хадзіў літаральна ашаломлены: даследчыку ў спадчыну дасталіся ўнікальныя талкавінскія (?) рукапісы, якія змяшчаюць дакладныя звесткі пра знаходжанне на землях сучаснай Малдавіі нашага земляка – кнігадрукара Юргі(!) Скарыны Полацкага... Шчыра прызнацца, пачуццям цяжка было паверыць. Праўда, улічваючы тое, што ў аповедзе новага знаёмага як аб'екты ўвагі, акрамя Ф. Скарыны, фігуравалі таксама прападобная Еўфрасіння, ігумення Полацкая, і Усяслаў Чарадзеі, князь Полацкі, я вырашыў пазнаёміць госця з епіскапам Веніямінам, які на той час быў старшынёю выдавецкага аддзела Беларускай праваслаўнай царквы і вікарыем Мінскай епархіі, прымаў чынны ўдзел у святочных мерапрыемствах і прысутнічаў на ўрачыстасцях у Заслаўі. Прадстаўляючы Ю. Іванова, я сцісла пераказаў асноўны змест яго сенсацыйнай інфармацыі. Як няцяжка было заўважыць, уладцы яна таксама вельмі зацікавіла. Аднак, мяркуючы па ўсім, і ў шаноўнага епіскапа не складвалася адчуванне, што ўсё гэта праўда. У мяне яго дакладна не было. Натуральна, пачуце пра Ф. Скарыну я ўвесь час стараўся звязваць, суадносіць з вядомым раней. Ды нічога не атрымлівалася – новыя звесткі так і заставаліся ў прасторы неверагоднага. А сумненні награвашчваліся чым далей, тым больш. У прыватнасці, моцна бянтэжыла тое, што вызначальнымі асобамі ў лёсе Ф. Скарыны, паводле аповедаў Ю. Іванова, аказваліся прадстаўнікі роду сербскіх уладароў Бранкавічаў. Справа ў тым, што яго заснавальніку, Вуку Бранкавічу, эпічная свядомасць сербаў прыпісвала здрадніцтва ў славянскай Косаўскай бітве і такі зняслаўлены вобраз данесла праз стагоддзі. Уласна, гістарыяграфічныя пацвярджэнні здрады адсутнічаюць, да таго ж пазней з гэтага роду выйшлі святыя кананізаваныя асобы. Ды, як казаў паэт, а ўсё ж, усё ж, усё ж... Між тым, цэлыя тры дні абмяркоўваючы сумнеўныя моманты ў сюжэтах пакуль што фата-марганічных для нас рукапісаў, я вырашыў усё ж такі зблізіцца з калегам-русінам. І ўрэшце рэшт мы абмяняліся адрасамі, дамовіўшыся разам папрацаваць над матэрыяламі, уладальнікам якіх ён з'яўляецца.

Юрый Васільевіч аказаўся даволі актыўным карэспандэнтам: прысылаў свае друкаваныя і падрыхтаваныя да друку матэрыялы па гісторыі роду і роднага краю, нататкі пра талкавінскую міфалогію. Дзякуючы ім я ў дадатак да чутага вусна пашырыў уяўленні пра зусім невядомае

раней талкавінства. Прыняў да ведама, што гэта славянская духоўна-культурная традыцыя, якая зарадзілася ў глыбінях вякоў і працягнулася ажно да сярэдзіны XX ст., праўда, пад уздзеяннем розных акалічнасцей стала замкнёнай, амаль таемнай. А цяпер яна знікае, бо фактычна на дадзены момант Ю. Іваноў з'яўляецца адзіным дасведчаным яе носьбітам. Зразумела, гэта падкідвала дадатковыя сумненні: такі вольны збег умоў і абставін... Аднак разам з Юрыем Васільевічам мы шчыра шкадавалі, што канкрэтная сутнасць і гістарычнае значэнне талкавінства так і застаюцца неадследваемымі. У прыватнасці, толькі з публікацыяй Ю. Іванова можна даведацца, што яно адыграла выключна важную ролю ў жыцці русінаў Малдавіі: пашырала асвету, захоўвала ўсведамленне славянскага адзінства, у тым ліку выразна фіксавала і беларускі вектар. Пэўныя звесткі пра талкавінства сапраўды ўражвалі. Правяраць іх дакладнасць мы не мелі часу, таму прынялі на веру, што талкавіны згадваюцца яшчэ слаўным летапісцам Нестарам і ананімным аўтарам «Слова пра паход Ігараў», што ў этымалогіі самога гэтага наймення прысутнічаюць, верагодней за ўсё, значэнні русінскіх слоў «толк» і «толока» (месца сходак, веча)...

Між тым наша супрацоўніцтва перарвала мая хвароба, сур'ёзная аперацыя і працяглая рэабілітацыя. Але як толькі я вярнуўся ў працоўную каляіну, адразу прапанаваў малдаўскаму калегу засяродзіцца на «талкавінскай Скарынііне» – даць уводныя, агульнаазнамяляльныя звесткі пра тыя рукапісы, якія дасталіся яму ў спадчыну; для нашай працы зрабіць копіі самых важных старонак і адпаведныя выпіскі; а паколькі іх мова наўрад ці даступна цяперашняму чытачу, то перакласці адпаведныя месцы тэкстаў на сучасную рускую мову... Даволі хутка Ю. Іваноў гэта выканаў і прыслаў замоўленае. Так у мяне апынуліся копіі трох старонак рукапісу і пераклад двух фрагментаў тэксту. Неабходна было іх асэнсаваць, а галоўнае – адолець недавер, усё яшчэ прысутны. Аб'ектыўны ён ці суб'ектыўны, гэта вызначыцца, спадзяюся, потым з дапамогай калектыўнага розуму. А цяпер стаіць задача – азнаёміць чытачоў з канкрэтнымі вынікамі здзейсненага супрацоўніцтва.

Перш за ўсё неабходна прачытаваць гістарычна-крыніцазнаўчую даведку: «Гэтыя тэксты з часткай сямейнага архіва перайшлі мне спадчынна ў 1981 годзе ад майго дзеда па бацькоўскай лініі, жыхара сяла Нагараны Рышканскага раёна Малдаўскай ССР Іванова Васіля Канстанцінавіча (1906–1980). У сваю чаргу, да В. К. Іванова архіў перайшоў як спадчына ў пачатку 30-х гадоў мінулага стагоддзя ад яго бацькі Іванова Канстанціна Цімафеевіча (1881–1933) і дзеда па мацярынскай лініі Ратара Якава Дзмітрыевіча (1851–1930), жыхароў сяла На-

гараны Бельцкага ўезда Бесарабскай губерні. Архіў з'яўляўся родавым, належаў вялікім талкавінам Малдавіі, назапашваючыся на працягу многіх гадоў і стагоддзяў. Я. Д. Ратар і К. Т. Іваноў былі апошнімі вялікімі талкавінамі Малдаўскай зямлі».

Разгледзім дасланыя копіі.

Копія 1. Гэта пярэдні бок ліста. Тут з некалькіх выяў скампанавана цэлая карціна. Галоўнымі з'яўляюцца профільныя фігуры двух мужчын на аднолькавых крэслах, адзін супраць другога, пад умоўным малюнкам сонца.

Злева з каронай на галаве – Вялікі Талкавін; справа ў шапцы з пярком – Ф. Скарына. Якраз гэтыя засведчылі надпісы над іх галовамі: «Вялікі Талкавін Цвердабой» і «Юрга Скарына Полацкі». Паміж дзвюма названымі фігурамі намаляваны стос кніг (нельга вызначыць, друкаваныя ці рукапісныя) на невысокай падстаўцы. Дарэчы, у сэнсе напісанага трэба яшчэ разбірацца. Пераклад пакуль што ўдалося зрабіць толькі прыблізна. Але ў рамцы пад малюнкамі змешчаны прыкладна такі тэкст: «І былі Вялікія Гоны Вялікага Ра-Тата на Вялікую Капу ў чатырнаццаць тысяч пяцьсот дваццатым годзе Вялікіх Дароў. І прыбыў у Вялікія Расконы Нагараны да Вялікага Талкавіна Цвердабая ад гаспадара Вялікай Зямлі Малдаўскай і Сучаўскага і Сірэтскага краю Петруча Штэхвана (ава?) *вельмі*

Мал. 1. Копія старонкі рукапісу з выявай Юргі (Георгія) Скарыны
Fig. 1. The copy of the manuscript page with the image Jurga (Georgiy) Skaryna

ўмелы і дасведчаны майстар па друкаванні добрых кніг Юрга Скарына Полацкі¹».

Ю. Іваноў патлумачыў, што названая тут дата («у чатырнаццаць тысяч пяцьсот дваццатым годзе Вялікіх Дароў») паводле талкавінскага летазлічэння адпавядае 1542 г. ад Нараджэння Хрыстова.

Ёсць яшчэ надпіс у рамцы знізу: «Вялікая Зямля Вялікага Ра-Айца Горняга».

Копія 2. Адваротны бок таго ж ліста. У рамцы напісана: «Вялікая Чыра Сіняявая – гоны нашага Вялікага Ра-Айца на Капа Вялікая, бліскучая і яскравая».

А вось асноўны тэкст, які для нас мае асаблівую важнасць, паколькі ў ім паўтараецца Скарынава імя і, апроч гэтага, канкрэтна тлумачыцца прычына яго знаходжання на землях малдаўскіх: «І быў Юрга Скарына Полацкі ў Вялікай Сучаве і Зямлі Малдаўскай, паколькі запрасіла яго з Прагі Чэшскай добрая царыца (уладарка) Малдаўская Елена Сербская – любімая жонка вялікага ўладара (цара) і гаспадара Пятра Стэфанавіча. Бо дала яна сабе зарок (абяцанне, абет), што надрукуе прыгожыя і яскравыя пісанні пра сваіх вялікіх продкаў: Іаана Бранкавіча – вялікага ўладара і гаспадара Сербскага, пра яго вялікіх бацькоў – Стэфана Бранкавіча, вялікага ўладара і гаспадара Сербскага, і яго святую жонку, вялікую ўладарку Ангеліну Сербскую, і пра ўвесь яе ўладарскі род (Бранкавічаў), які прынізілі і (на які) узвалі вялікі паклёп (ілжу), няпраўду і крыўду праклятыя і шалёныя туркі».

Наша супрацоўніцтва з Ю. Івановым атрымала працяг. У лютым гэтага года ён прыехаў на пісьменніцкі форум падчас Мінскага кніжнага кірмашу і прывёз арыгіналы тых тэкстаў, пра якія раскажам і пісаць. Такім чынам, у нас з'явілася магчымасць патрымаць іх у руках, пабачыць сваімі вачыма. У любым выпадку можам засведчыць, што гэта рукапіс, выкананы чорным і каляровымі грыфелямі на паперы, якая выглядае старой, але даўнасць яе паходжання без спецыяльнага аналізу вызначыць няпроста, вадзяныя знакі не заўважаюцца... Ды як бы ні было, паколькі хоць нешта ўдалося эмпірычна высветліць самому, то з'яўлялася ўжо маральнае права перадаваць іншым калі не вопыт, дык уражанні ад загадкавых рукапісаў. Што і было зроблена тройчы ў маі (на канферэнцыях у Шчучыне і Мінску). Калі «напоўнілася чуткамі зямля», многія знаёмыя сталі званіць і пры сустрэчах распытваць пра сенсацыйную знаходку. Вядома ж, хочацца назапасіць як мага больш доказаў яе сапраўднасці.

Жанр гэтай публікацыі не дазваляе грунтоўна разгледзець усё выяўленае, а тым больш разгорнута пракаментавать яго. Таму дазволім сабе пакуль што абмежавацца вытрымкамі з электронных пісем уладальніка такіх незвычайных матэрыялаў

Мал. 2. Копія старонкі рукапісу з тэкстам пра «малдаўскія справы» Юргі (Георгія) Скарыны

Fig. 2. The copy of the manuscript page concerning the «Moldavian activity» of Jurga (Georgiy) Skaryna

пасля наведвання ім Мінска ў лютым гэтага года: «Паспеў пакапацца ў архіве і знайшоў на дадзены момант яшчэ тры дакументы. Адзін – працяг размовы Скарыны з малдаўскай княгіняй Еленай Сербіянкай. Дарэчы, у ім гаворыцца пра перамогу сербаў на Косавым полі дзякуючы мужнасці самога Вука Бранкавіча і стойкасці яго воінаў. Другі – пра прыезд Скарыны ў 1520(!) годзе ў сталіцу Малдаўскага княства. Трэці – пра паспешнае бегства Юргі Лукі Францыска Скарыны Полацкага з Прагі ў Малдавію ў 1550 годзе...».

А яшчэ і такое: «Знайшоў звесткі пра смерць Скарыны ў сказанні (пакуль яшчэ не пераклаў); калі суадносіць з календаром паводле РХ (Нараджэння Хрыстова. – І. Ч.), адбылося гэта 22 верасня 1572 года ў цяперашніх Рышканах; прыблізна месца пахавання я ведаю, згодна з дакументам і тым, што паспеў у канцы 70-х паказаць мой дзед. Дарэчы, тады там быў прамавугольны камень-стол з надпісамі і знакам Скарыны – месяц, які закрывае сонца».

Апошні ліст Ю. Іванова як бы падагульняў вынікі яго пошукаў і змяшчаў наступнае: «Маецца шэсць лістоў талкавінскага летапісу пра знаходжанне

¹Тут і далей курсіў наш. – І. Ч.

і дзейнасць Скарыны ў Малдаўскім княстве ў 1520, 1542 і 1550 гадах. На дадзены момант мною выяўлены таксама восем лістоў талкавінскага сказання “Падарожжы Вялікага Юргі Полацкага па Вялікай Зямлі Траяна”. У іх гаворыцца пра дзейнасць Скарыны ў Малдавіі пасля 1550 года і да 22 верасня 1572 года, калі ён памёр. А яшчэ ў мяне ёсць некалькі дзясяткаў лістоў копій, мною ў свой час знятых з арыгіналаў, якія, па сведчаннях маіх родзічаў, былі надрукаваны Скарынай у Малдавіі <...>. Яны хоць і не арыгіналы, але ўзоры друкарскай работы Скарыны ў малдаўскі перыяд. Не адшуканы мною дагэтуль: 1. Сведчанне талкавінскіх летапісаў пра сустрэчу Скарыны і Івана Фёдарова, усходнерускага першадрукара, у сярэднявечных Расконах, незадоўга да смерці Скарыны. 2. Талкавінскае сказанне (????) пра падарожжы Скарыны на Усход, у Святую Зямлю, у Персію і ў Індыю! У пачатку 1980-х гадоў я іх трымаў у сваіх руках».

Зразумела, такая інфармацыя – нібы снег на галаву ў звыкла цёплыя чэрвень ці ліпень. Таму паспрабуем растлумачыць сваё ўяўленне пра агульныя «метэаралагічныя ўмовы». А ў сувязі з гэтым дарэчы будзе нагадаць пра вядомае-такі раней. Праўда, не ўсімі заўважае і належным чынам не ўлічанае. Нагадаем перш за ўсё для таго, каб упэўніцца, што матэрыялы, пра якія мы вядзем гаворку, – па прыродзе сваёй не містыфікаваны «краледворскі рукапіс» чэшскіх радалюбаў і не «расонскі ідал», створаны хітраватымі беларусамі...

А. Флароўскі, высокааўтарытэтны даследчык распаўсюджання спадчыны Ф. Скарыны, 50 гадоў таму падзяліўся сваімі развагамі вось якога зместу: «...Цяпер перад даследчыкамі Скарыны паўстала новая нечаканая задача – асэнсаваць і даследаваць новую знаходку, якая з’яўляецца пакуль што загадкай. Справа ў тым, што ў 1960 і 1962 гг. вучоным сталі даступнымі новыя, вельмі кароткія запісы аб Скарыне, у якіх ён называецца “secretaries regis Datie” або “Daciae”... Неабходна заўважыць, што мне яшчэ ў 1937 г. было вядома гэта абзначэнне Скарыны як сакратара караля “Дакіі” (“Daciae”, вяртынт “Datie” я не ведаў). Але мне тады было нязручна публікаваць гэты акт. Я чакаў, калі яго надрукуе тая асоба, якая яго першадрукава выявіла. Справа ў тым, што неяк увосень 1937 г. прафесар Этора Ла Гата паказаў мне ў прафесарскай чытальні Карлава ўніверсітэта ў Празе рукапіс невялікага артыкула, які яму прапанавалі надрукаваць у часопісе “L’Europa Orientale”. Прафесар запытаў тады ў мяне, ці вядомы ў друку

прыведзеныя ў гэтым артыкуле падуанскія акты. Сярод тэкстаў, з якімі мне тут жа давялося бегла азнаёміцца, знаходзіўся раней незнаёмы тэкст з абзначэннем таго, што зараз нас цікавіць. Я меркаваў, што ў бліжэйшы час акт гэты будзе надрукаваны, таму ні ў адной з сваіх прац аб Скарыне 1938–1946 гг. не рабіў спасылка на гэты цікавы дакумент, бо лічыў, што прыарытэт знайшоўшага матэрыял павінен быць захаваны. Акт гэты, аднак, настолькі прыцягнуў маю ўвагу, што я тады ж прыняў захады, каб навесці папярэднія даведкі для сябе асабіста і асэнсаваць выключна цікавую знаходку» [3, с. 428–430].

Знаходка сапраўды была цікавай, версія асэнсавання яе таксама. Ды, на жаль, і сама версія, і яе носьбіты, і назва часопіса, які прапаноўваў надрукаваць такі выключна цікавы матэрыял, з поля ўвагі скарыназнаўства зніклі, так ці інакш, іх мы не знаходзім ні ў энцыклапедычным даведніку, ні ў іншых выданнях.

А ў сувязі з матэрыяламі Ю. Іванова ўсё гэта не проста згадваецца, але і досыць лагічна ўвязваецца: Дакія (лац. *Dacia*) – правінцыя, далучаная Траянам да Рымскай імперыі на самым пачатку II ст. н. э. Яе межы – Прут, Ціса, Днестр, Дунай, Карпаты – ахоплівалі значную частку сучасных Румыніі і Малдовы, уключаючы і паўночна-заходнюю частку, пагранічную з Румыніяй, дзе знаходзіцца Рышканы, а таксама частку Сербіі... Хоць і няпроста, канцы ўсё ж такі сыходзяцца.

Звернем увагу на яшчэ адну акалічнасць, якая можа мець дачыненне да згаданай версіі: Валахія і Малдавія ў XVI ст. рэальна былі для сербаў тэрыторыяй, дзе развівалася іх выдавецкая справа, пра што сведчаць розныя факты, у тым ліку і апісаныя (праўда, без упэўненасці) аўтарытэтным скарыназнаўцам Я. Неміроўскім у сувязі з друкаром Макарыем [4]. А тут справа датычыцца надзвычай важнага аспекту: іераманах Макарыў (другая палова XV ст. – пасля 1533 г.) – першы сербскі друкар, дзякуючы якому за два дзесяцігоддзі да першага Скарынавага выдання выйшлі «Октаіх», Трэбнік і Псалтыр у друкарні Црноевіча (Цеціне, 1493–1495), а пасля гэтага ён сышоў у Валахію, дзе ў 1507–1512 гг. надрукаваў яшчэ тры царкоўныя кнігі¹. На верагодныя сувязі выдавецкіх спраў Скарыны з Макарыем і Бажыдарам Вукавічам, а таксама з «тэрыторыяй сучаснай Румыніі і Малдовы» ўказвае таксама А. Наумаў – славіст міжнароднай вядомасці, прафесар Кракаўскага ўніверсітэта і Венецыянскага ўніверсітэта Ка-Фаскары, на цяперашні момант ці не самы аўтарытэтным скарыназнаўца Польшчы².

¹Гл.: Мала энцыклапедыя Прасвета. Четврто издање. Књ. 2. Београд, 1986. С. 552; Leksikon pisaca Jugoslavije. Knj. IV. Novi Sad, 1999. S. 37–39.

²Гл.: Сквозь века и расстояния [Электронны рэсурс] // СБ. Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/skvoz-veka-i-rasstoynaniya.htm/> (дата звароту: 26.08.2017); Naumow A. Czy język jest konfesyjny? – uwagi przy przekładaniu Franciszka Skoryny // Roczniki Humanistyczne. XLIII. 1995. Z. 7. S. 27–35; Naumow A. Doktor Franciszek Skoryna z Połocka jako cerkiewnosłowański hymnograf // Wiara i historia / A. Naumow. Kraków, 1966. S. 81–96; Franciszek Skoryna z Połocka. Życie i pisma / oprac.: M. Walczak-Mikołajczakowa i A. Naumow. Gniezno, 2007.

Зрэшты, недавер да матэрыялаў, пра якія мы вялі гаворку, усё роўна будзе. Каб пазбавіцца ад яго, застаецца хіба што ўцямна адказаць на сакраментальнае пытанне: «А з якой карысці камусьці ў Малдове патрэбна было прысвойваць нашага Георгія Францыска Скарыну?»

Калі ж падагульняць сказанае, то само сабою згадваецца мудрае выслоўе: «Мы жывём у час, калі Ісціна ўжо не схавана ад людзей. Але цяпер людзі ад яе хаваюцца».

Таму ў завяршэнне хацелася б прапанаваць: давайце ад Ісціны не хавацца!

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Трэфілов С. Неожиданный Скорина: агент ВКЛ, дипломат и заключенный // Комс. правда в Белоруссии. 2017. 4 авг. С. 7.
2. Францыск Скарына : зб. матэрыялаў і дак. / прадм., укл., камент., паказ. В. І. Дарашкевіча. Мінск, 1988.
3. Флароўскі А. В. Scoriniana // 450 год беларускага кнігадрукавання / рэдкал.: К. К. Атраховіч [і інш.]. Мінск, 1968. С. 428–430.
4. Неміроўскі Я. Л. Макарыў (Macarie...); Макарыў (Makaruje...) // Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / І. П. Шамякін (гал. рэд.). Мінск, 1988. С. 401–402.

References

1. Trefilov S. [The unexpected Scorina: the agent of diplomat and prisoner]. *Komsomol'skaya pravda v Belorussii*. 2017. 4 August. P. 7 (in Russ.).
2. Darashkevich V. I. (ed.). [Francysk Skaryna]. Minsk, 1988 (in Belarus.).
3. Flarowski A. V. [Scoriniana]. [450 god belaruskaga knigadrukavannja]. Minsk, 1968. P. 428–430 (in Belarus.).
4. Nemirowski Ja. L. [Makaryj (Macarie...); Makaryj (Makaruje...)]. [Francysk Skaryna i jago chas : jencykl. daved.]. Minsk, 1988. P. 401–402 (in Belarus.).

Артыкул пастуніў у рэдкалегію 20.08.2017.
Received by editorial board 20.08.2017.

P. S. 16 сентября Иван Алексеевич Чарота отметил 65-летие. Присоединяемся к многочисленным поздравлениям нашего постоянного автора. Восхищены, дорогой Иван Алексеевич, Вашим мужественным, смиренным служением родной Беларуси. Здоровья, удачи в делах праведных, творческих свершений и радости жизни на долгие годы!

Рэдкалегія

УДК 316.64

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (статья первая)

Т. И. ШАМЯКИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В дискуссионной, нарочито полемической форме рассматриваются некоторые устойчивые, наиболее универсальные социально-психологические стереотипы (паттерны) массового сознания, обусловленные действием архетипов коллективного бессознательного. Устанавливаются причины их устойчивости, а также устанавливаются механизмы их изменений. Приводятся примеры разного рода манипуляционных технологий.

Ключевые слова: паттерн; архетип; стереотип; модель; массовое сознание; коллективное бессознательное; вера; Бог; христианство; Церковь; манипуляция массовым сознанием; реклама; свобода.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL PATTERNS IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE POST-SOVIET SOCIETY (first article)

T. I. SHAMYAKINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In a controversial, deliberately polemical form, some stable, most universal socio-psychological stereotypes (patterns) of mass consciousness are considered, conditioned by the action of archetypes of the collective unconscious. The reasons for their stability, as well as changes due to certain social circumstances, are established. Examples of various kinds of manipulative technologies are given.

Key words: pattern; archetype; stereotype; model; mass consciousness; collective unconscious; faith; God; Christianity; Church; manipulation of mass consciousness; advertising; freedom.

Универсальные паттерны

На современном этапе развития науки одним из важных объектов изучения социологов, историков, филологов, других гуманитариев являются устойчивые паттерны – особая архетипическая констелляция в душе человека. Хотя экономика, согласно марксизму, и базис, но, чтобы ее развивать, следует лучше узнать создателя и потребителя материальных и духовных ценностей. Он стал во многом

иным за постсоветское время. Рассмотрим изменения, произошедшие за последние 30 лет, а также неизменные архетипы, те следы в сознании, а скорее, в подсознании людей, где законы мироздания усвоились на внелогическом уровне.

Английское слово «паттерн» означает модель, образец, шаблон, стереотип. В природе великое множество паттернов, например волны в море,

Образец цитирования:

Шамякина Т. И. Социально-психологические паттерны в массовом сознании постсоветского общества (статья первая) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 84–94.

For citation:

Shamyakina T. I. Socio-psychological patterns in the mass consciousness of the post-Soviet society (first article). *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 84–94 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Ивановна Шамякина – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой теории литературы филологического факультета.

Author:

Tat'yana I. Shamyakina, doctor of science (philology), full professor; head of the department of theory of literature, faculty of philology.
shamyakina@tut.by

песчаные дюны на берегу, пузыри в мыльной пене, снежинки. Скажем, каждая снежинка неповторима и уникальна, но внутри она состоит из повторяющихся симметричных паттернов. *Социально-психологический паттерн* – это устойчивая модель поведения людей, *алгоритм сознания*, а также стиль жизни человека, социума, народа. В формировании этого алгоритма огромную роль играют так называемые *архетипы*. Данный термин введен в психологию швейцарским ученым К. Г. Юнгом и применяется в последние полвека достаточно широко, причем в разных науках. По мнению К. Г. Юнга, переживаемый опыт не исчезает, а фиксируется в определенных структурах мозга отдельного человека, закрепляется генетически, а затем проявляется на инстинктивном уровне в виде архетипов коллективного бессознательного. Архетипы – язык бессознательного, они мотивируют поведение не только отдельного индивидуума, но и целых народов, всего человечества. Это некие мифические образы, неразрывно связанные с эмоциями [1, с. 93–120].

Представление о Боге как о всем управляющем и организующем начале в мире – самый универсальный архетип. Потому прежде всего поговорим о вере.

Еще при советской власти, примерно за год до празднования 1000-летия Крещения Руси (1988), отношение общества к религии изменилось кардинально. Это, возможно, *единственный положительный итог* перестройки. В дальнейшем, в постсоветское время, в Беларуси и России происходил не всегда простой процесс выстраивания взаимоотношений государства и Церкви. Достаточно вспомнить разногласия из-за местонахождения самой сакральной из икон русского православия – Владимирской иконы Божьей Матери. В конце концов пришли к консенсусу: икона принадлежит Церкви, но сохраняется в государственной Третьяковской галерее. Сложным оказался и процесс передачи в 2017 г. властями Петербурга Исаакиевского собора под юрисдикцию Церкви. И все же с начала третьего тысячелетия отношения государства и Церкви можно считать устоявшимися.

Однако далеко не все в этих взаимоотношениях, внешне чрезвычайно пристойных, удовлетворяет верующих. Да, храмы оказались заполненными бывшими советскими атеистами. Церковь, как организация, очень быстро обогащалась. Она сосредоточилась на восстановлении, так сказать, своего «материального тела», совершая при этом множество добрых дел. Однако она никогда не поднимала свой голос против установившегося в результате развала СССР общественного строя – антихристианского, антигуманного, несправедливого. В церковных проповедях и выступлениях, скажем, у нас на факультете, очень многие батюшки и ксендзы

гневно клеймили и клеймят советское прошлое, а также мифологию как модную науку, поскольку она занимается язычеством, т. е. выбирает недостойный объект для изучения. Однако языческий период в истории любого народа – это тысячи, если не десятки тысяч лет, и отбрасывать его – значит *преступно* обеднять историю, лишая народ памяти и культуры. То же относится и к советской эпохе. Более того, в последнее время некоторые православные публицисты обратили свой гнев и против русской классической литературы, которая якобы отвращает, отвлекает верующих от Христа. Вот такую им кто-то подбросил идею... Мало того, что классическая литература в системе образования гонима, в том числе в белорусских школах, так еще и Церкви не угодила...

И все же в 1990-е гг. в плане морального оздоровления общества мы возлагали на Церковь большие надежды. Ничего важного, однако, не случилось. Она занималась устройением своего внешнего облика, приобретением земли, сооружений, капитала. Спорить нельзя: восстановлено огромное количество монастырей и храмов, возведены новые. Впрочем, и в СССР вопреки устоявшемуся негативному мнению восстанавливались культовые сооружения. Так, в начале 1980-х гг. я посетила Кирилло-Белозерский монастырь на Вологодчине, в котором тогда активно велись реставрационные работы, правда, в основном за счет волонтеров. Причем среди них оказалось немало физиков, кандидатов и даже докторов наук. Они говорили: «Мы потому верующие, что физики». Мне было это понятно: многие открытия в науке опровергали примитивные постулаты атеизма, т. е. к действию универсального архетипа – **ощущения присутствия Высшего Разума, Абсолюта в мире** – добавились научные доказательства. Пример физиков и в идеях, и в поступках заряжал оптимизмом. Однако на государственные средства Храм Спаса на Крови в Ленинграде, на месте убийства царя Александра II, реставрировали мучительно медленно, более 25 лет. В постсоветское время все эти процессы происходили гораздо быстрее, можно сказать, стремительно. И поспособствовали украшению наших городов и сел. Появилось огромное количество публикаций, статей, книг – популярных, для массового читателя (скажем, «Детская Библия») и научных, изданы роскошные художественные альбомы.

Ради объективности стоит напомнить, что если в советскую эпоху разрушались церкви, то в постсоветское время уже писателей и их творческие союзы лишили немало имущества, построенного на деньги самих литераторов, – издательств, домов творчества, поликлиник. Как данное явление назовем?

Не раз в эти годы серьезные аналитики высказывали мнение о том, что проект социализма

потерпел крах, потому что не учитывал конфессиональную составляющую *коллективного бессознательного* – веру людей. Она неистребима. И в принципе, возможно возвращение к идеям социализма уже на новой основе – христианской, т. е. в органичном соединении религии и социализма как наиболее *справедливого* строя.

Я бы уточнила эту мысль: не учитывалось коммунистами то, что как раз учтено конкурентами СССР, – архетипы, стереотипы мышления и поведения. Причем ставка сделана на негативные паттерны. О каком слиянии социализма и христианства можно говорить, если, будем честными, народ в результате капиталистических реформ развращен, люди эгоистичны и главная ценность в обществе – деньги? Ведь и Советский Союз рухнул во многом потому, что возобладала обывательская психология. Большевикам не хватило знаний о человеке, его сложности.

В настоящее время две трети белорусов и русских никогда не молятся и не соблюдают постов. Правда, и в православной Российской империи к 1917 г. количество активно и сознательно верующих оказалось 1 человек из 100. А Церковь тогда, что видно как раз по классической литературе, переживала глубокий кризис, обюрократилась, во многом утратила доверие населения, пройдя затем, в советский период, *очищение* – через страдания, гонения, репрессии. Причем мало кто знает, что И. В. Сталин, этот «бич Божий», в сложное военное время, когда властям необходима была поддержка народа, открыл 20 000 церквей, вернул священников из лагерей, восстановил патриаршество. А вот гонения Н. С. Хрущёва на Церковь оказались большими, чем даже в 1920–1930-е гг. Однако священники-проповедники именно о хрущёвском разгоне Церкви упоминают чрезвычайно редко: действует либеральный стереотип в идеологии, укоренившейся после развала СССР. По этому стереотипу о хрущёвской оттепели принято говорить чуть ли не со слезами умиления и безусловным одобрением. Я же всегда о ней вспоминаю в лучшем случае с иронией, поскольку в детстве в нашем доме наслушалась разговоров писателей, в том числе русских и украинских, о «кукурузнике» (тоже паттерн, но уже мой *индивидуальный*, глубоко заложенный в подростковом возрасте). Потому всегда в разговоре об оттепели я спрашиваю: «Для кого оттепель?» Для обобранных непомерными налогами крестьян, которых лишали и приусадебных участков? Для верующих? Я сама девочкой наблюдала, как взрывали храмы в центре Минска.

На рубеже XX и XXI вв. Церковь на постсоветском пространстве переживала ренессанс. Все же кое-что достигнуто. Как чрезвычайно положительное явление нельзя не отметить конфессиональное согласие в Беларуси между католиками и право-

славными, а также увеличение количества верующих в среде молодежи. Я знаю немало молодых людей, которые соблюдают посты, исповедуются, регулярно посещают церковь или костел, совершают паломнические поездки, занимаются благотворительностью. И это отрадно. Причем если позиционируют себя верующими, но нарушают некоторые, даже не заповеди, а моральные постулаты (скажем, невоздержанны в словах), то, когда им указываешь на это, они смущаются, стараются соответствовать, исправляются. Отсюда вывод: если бы Церковь чаще напоминала о базовых ценностях, то общество бы, несомненно, оздоравливалось и общая нравственная атмосфера улучшалась. Работа Церкви в целом ведет к повышению уровня духовности в социуме.

Вообще, есть разные типы верующих, в частности христиан. Искренне верующих, по приблизительным подсчетам, не более 5 %. Есть такие, как я: воспитанные в советское время атеистами, но в атмосфере *культы науки*, а потому *верующие умственно*, с опорой на новейшие научные данные. При этом мы сохраняем чувство долга, любовь к труду, уважение к делам предков, глубоко укорененные именно при социализме. Большинство населения признает себя христианами, так сказать, этнографически, но церковные правила не соблюдают, религиозные догматы не знают. Однако в каждом человеке заложено стремление понять, **зачем он живет, в чем его предназначение, смысл жизни на земле**. Это основной психологический паттерн. Потому я согласна с ощущением этих (их не менее 75 % населения) людей: христианин не тот, кто обязательно причащается и молится каждый день, а тот, кто разделяет соответствующие ценности и ведет себя по совести. Совесть – главная ценность христианства. Совесть – значительная часть нашего народа – проявление его безотчетной религиозности.

Любая религия ориентирована на высшие смыслы. Исходя из них, и государства – Россия, Беларусь – не принимают подрывающие общественную мораль под видом толерантности установления, всей мощью пропагандистской машины насаждаемые на Западе, которые всегда осуждались Церковью и до сих пор категорически отвергаются большей частью населения наших стран. Глубоко внутри себя люди ощущают, что мировые религии на протяжении истории эмпирически выработали систему ценностей, *соответствующую человеческой природе, вообще Природе*. Библия, отцы Церкви смогли эту систему ценностей сформулировать, изложить и в догматах, и художественно – в виде притч, мифов, духовных стихов. Сегодняшняя задача Церкви – доносить религиозные истины до населения. Ведь *архетипы бессознательного и сознание* человека постоянно взаимодействуют, обмени-

ваются энергией. То есть через слова, где-то даже через логические доводы можно воздействовать на моральные установки, поведение людей, сделать жажду добра глубокой внутренней мотивацией.

Однако, повторяю, нет ощущения, что Церковь активно борется со злом. Возможно, у нее своя стратегия: сначала расширить систему теологического образования, обновить храмы, приучить людей к соблюдению религиозных обрядов. При этом Беларусь ушла в этом дальше стран-соседей. Так, в России Радуница не выходной день и людьми особо не отмечается. У нас же – чрезвычайно важная дата на государственном уровне. В 1990-е гг. выходным днем был и понедельник после Пасхи. Затем его отменили. Напрасно. Человеку должно хватать времени, чтобы проникнуться ощущением праздника – главного в году, обновляющего природу и внутренний мир личности. И наконец, будем честными, необходимо просто душевно отдохнуть.

Попытки изменения универсальных паттернов

Правда, в последнее время Церкви самой приходится обороняться. Идет яростное наступление именно на *христианскую религию*. Борьба против христианства вместе с наступлением на традиционную мораль разворачивается в разных формах. Христиане физически уничтожаются на территории Передней Азии. В некоторых христианских странах запрещено носить крестики, отменено упоминание о празднике Рождества, якобы чтобы не оскорблять чувства мусульман. Но если они перебрались жить в то или иное христианское государство, значит, и они должны считаться с его культурой, знать и уважать ее. Однако такой простой контраргумент западными идеологами игнорируется. В последние годы неоднократно и достаточно регулярно проходят разного рода громкие акции: обвинения католических священников в неподобающем поведении, бешеная раскрутка антихристианских книг Д. Брауна и поставленных по ним кинофильмов, внезапное появление «Евангелия от Иуды» и т. п.

Но главные направления уничтожения традиционных конфессий в европейских странах, в том числе постсоветских, – широкая пропаганда оккультизма и укоренение веры в инопланетян, т. е. создание достаточно мощной современной мифологии, *противостоящей христианству*.

Программа приучения высокообразованных советских людей к мракобесию разворачивалась *целенаправленно, последовательно* и очень *продуманно*. Первые пробные шары – всего лишь *слухи* о могуществе Джуны, будто бы эффективно лечившей самого Л. И. Брежнева (народ задумался: «Уж если *такие люди* прибегают к экстрасенсам...»), затем телевизионные сеансы якобы мощных гипнотизеров А. Чумака и А. Кашпировского. Оказалось,

Народ *эмоционально* устал, измучен, измотан далеко не всегда умными реформами, неустроенностью жизни, гораздо большей, чем в СССР, – есть возможность сравнивать.

У наших предков, сначала язычников, затем и христиан, праздники отмечались примерно каждые 40 дней. Учитывались какие-то чрезвычайно *важные ритмы* в жизни природы и человека. Все было устроено разумно и целесообразно, именно по-Божески. По-Божески, как явление глубоко сакральное, святое, высокое, *было бы* и шествие Бессмертного полка на праздник Победы в 2017 г. Но в Минске, столице Беларуси, этого не случилось...

Мне кажется, главная идеологическая задача на данном этапе – более широкий доступ священников к СМИ, не по воскресеньям, не на церковные праздники, а каждый день в той или иной форме. Церковь должна стать более действенной в борьбе за душу человека.

что зрители чрезвычайно податливы. Естественно, ведь время телевизионного камлания (конец 1980-х гг.) – сумбурное, непредсказуемое, в условиях хозяйственного хаоса, искусственно организованного дефицита продуктов и вещей. Но люди очень доверчивы, в сущности, их можно убедить в чем угодно. **Тем более советских людей, привыкших доверять СМИ** (еще один паттерн). Укоренение веры в пророков – из того же ряда.

На рубеже веков пророки – по упоминанию в массмедиа – оказались даже более популярными, чем экстрасенсы. Альберт Великий, монах Абель, Эдгар Кейси... Но наиболее «прижились» в прессе французский средневековый пророк Нострадамус и наша современница болгарская пророчица Ванга. Вера европейцев в способности Ванги сделала известной ничем на международной арене неприемлемую, но, впрочем, прекрасную страну Болгарию. Однако удивительна Ванга даже не сама по себе, а как реализованная идея. Подходящих людей с необычными способностями искали (и нашли среди 200 претендентов) по приказу замечательной женщины, дочери тогдашнего главы государства, генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Болгарии Т. Живкова, Людмилы.

Проект «Ванга» Л. Живковой, окончившей Софийский университет им. святого Климента Охридского, Московский государственный университет и Оксфордский университет, гениален, потому что раскрутка пророчицы шла буквально с нуля, при этом, конечно, учитывалась повышенная чувствительность простой крестьянки, характерная для многих незрячих людей.

И сегодня молодежи кажется, что Ванга, видящая и прошлое (этим укреплялась вера в нее), предсказала буквально все. Серьезные ученые

ссылаются на нее, как раньше марксисты – на К. Маркса и В. И. Ленина. Между тем на добывание сведений для Ванги работала вся округа болгарского города Петрича: горничные в отелях, официанты, таксисты. Учтено в проекте и то, что наше подсознание постоянно предвидит будущее и делает выводы на основе этой информации. Однако будущее определено лишь в общих чертах, вариативно, доступно изменениям. Ванга же переводила его в совершенно определенную плоскость, оформляла вербально. Это завораживало. Сегодня укреплению веры в нее способствует телесериал «Вангелия», созданный в 2010 г. в России, что характерно, так как многие россияне еще сохранили критичность мышления и их нужно *продолжать* соответствующе обрабатывать, а для этого нет лучшего средства, чем *художественное произведение*, причем мелодраматическое, слезливое, бьющее по чувствам.

Что касается Нострадамуса с его книгой «Центурии», то план заключался в следующем: сначала акцентировать внимание на его осуществленных в истории предсказаниях – аналогично знанию судеб людей у Ванги. О прорицателе писали и желтые издания, и вполне серьезные. Он был нужен для ударного информационного вброса в конце 1980-х гг. Тогда вдруг оказалось, что средневековый пророк предсказал падение некой могучей восточной империи, существовавшей в течение 73 лет и семи месяцев, и это подходило к СССР. Все 1990-е гг. Нострадамус продолжал быть на слуху, потому что у него нашлись предсказания и о конце света. А пугать этой страшилкой тоже стало чрезвычайно ценной находкой капиталистического агитпропа. **Продажа страха – супервыгодный бизнес.** Страх затуманивает разум, лишает людей здравого смысла – и они становятся удобными объектами для психологических манипуляций.

По типу раскрутки названных деятелей ныне действуют многие монопольные ведомства. Скажем, в астрофизике сейчас наиболее известно имя ученого С. Хокинга. Слов нет, человечество должно знать о его удивительной судьбе, жизненной стойкости: парализованный, с одним действующим пальцем руки, он продолжает заниматься наукой. Ссылки на его мнение встречаются в прессе все чаще. Читатели и пользователи интернета уже можно сказать, на крючке популярного имени. Как и в предыдущих случаях с «пророками», задействован мощный паттерн. Теперь раскрученный ученый упорно навязывает мысль, ради которой все, видимо, и затевалось: человечество должно готовиться к переселению на другую планету. Значит, вместе того, чтобы, пока не поздно, серьезно заняться экологией родной и все еще прекрасной Земли, мы должны готовиться к катастрофе, а избранные (ведь ясно, что все не переселятся) улетят в космические дали?! Больше всего разговоров о Марсе. Понятно, для чего: определенные ведомства

надеются регулярно получать крупное финансирование на подготовку экспедиций на Марс. С. Хокинг своим научным авторитетом помогает выбивать из Конгресса США шальные деньги.

Брать несчастное население на крючок – очень распространенная практика в любой сфере. Скажем, сначала предприятие выпускает высококачественный бытовой товар или вкусный, полезный продукт. Потребитель доволен. Но вещи и продукты постепенно становятся все хуже, ведь главное достигнуто – люди к ним приучены. Тем более что основной закон капитализма в настоящее время – *запланированное устаревание*. Рассчитанный вроде бы на долгое пользование товар должен – по замыслу производителей – портиться *сразу* после окончания срока гарантии, что и происходит. Так обеспечивается постоянная работа предприятий, но при этом от большого количества выброшенных вещей ускоренными темпами идет загрязнение окружающей среды.

Укоренение веры в пророков, экстрасенсов, культ звезд, широкое распространение, особенно в 1990-е гг., пропаганды различных сект, магии, оккультных практик, т. е. неоязычества в его практической плоскости, являются использованием очень устойчивого архетипа – **глубоко подсознательно-го стремления людей к чуду**. В последние десятилетия это неодолимое тяготение к чуду все чаще удовлетворяется историями об инопланетянах.

Сначала честные исследователи, такие как Ф. Зигель, В. Ажажа, В. Чернобров, изучали разные неопознанные объекты, неоднократно случавшиеся странные явления; затем все эти явления стали связывать с инопланетянами; потом уже другие люди объявили инопланетян богами, которые когда-то создали и постоянно наблюдают за нами, курируют, направляют человечество. Причем их разделили на добрых, злых и нейтральных, придумали им физиологические особенности, драматичную земную историю типа ядерной войны, запечатленной в мифологии (гигантомахия у греков, битва богов в индийских эпосах «Махабхарата» и «Рамаяна»).

Разного рода метеорологические и геофизические аномалии совсем нередки на Земле. Мой бывший студент, сейчас уже доцент, рассказывал о службе в Советской армии в горах Памира и увиденном однажды чуде – выползающем из-за горы огромном огненном шаре, закрывающем буквально полнеба. До сих пор не изучена даже шаровая молния. А Благодатный огонь в Храме Воскресения в Иерусалиме, возникающий только на Пасху? Видимо, это, как считают физики, плазмод, опускающийся на место Голгофы. Но что такое плазмод?

Сегодня мы знаем, что советские военные и ученые активно изучали разнообразные небесные, а также подводные феномены, но агитпроп результаты этого изучения в информационном

пространстве не использовал. Берегли психику населения.

Правда, пробный камешек и тогда был брошен. Феноменальной популярностью во всем мире и в СССР в 1970-е гг. пользовался фильм швейцарского исследователя Э. фон Деникена «Воспоминания о будущем». Ведь кем-то он был дублирован, выпущен на широкий экран. Видимо, в верхах решили, что это невинная сказочка, вреда не принесет, а народ нужно же иногда и развлекать. Но мог быть и дальний прицел.

В постсоветское время все книги Э. фон Деникена были переведены на русский язык, вышли большими тиражами и в прекрасном оформлении. Кроме него, популяризировались и работы З. Ситчина. Его уже нет в живых, однако сегодня это, пожалуй, наиболее часто упоминаемый в гуманитарной области ученый, изданы все его труды.

З. Ситчин – шумеролог-любитель, который сумел сделать из своего хобби весьма прибыльный бизнес. Приобретенная им специальность редкая и в науке востребованная: глиняных табличек с шумерской и аккадской клинописью найдено при археологических раскопках множество, но для их расшифровки катастрофически не хватает специалистов. Именно на основе расшифровки, проверить которую затруднительно, З. Ситчин сделал вывод о существовании планеты Нибиру с очень протяженной орбитой, которая появляется вблизи Солнечной системы раз в 3600 лет. Естественно, она производит на Земле геологическое возмущение – случаются землетрясения, извержения вулканов, провалы в почве и прочие катаклизмы. Более того, Нибиру заселена и с нее пускаются космические корабли. Упоминаемые в шумерской мифологии боги – Ану, Энки, Энлиль – на самом деле, по мысли ученого, инопланетяне. Под руководством Энки и Энлиля, сыновей правителя планеты Ану, так называемые аннунаки (в переводе якобы – «те, кто спустились с неба») добывали на Земле редкие металлы, в основном золото, очень нужное пришельцам для каких-то энергетических целей. Однако простые нибирийцы взбунтовались, не захотели работать в шахтах, и тогда Энки вместе со своей сестрой создали путем генетических экспериментов рабов специально для горных работ – людей. Зиготы самих аннунаков были внедрены в самок земных приматов. Так появилось человечество.

Многочисленным пропагандистам этой фантастической идеи, которая выдается за научную, не приходит в голову, что цивилизация, способная отправлять своих посланцев на далекие планеты, тем более имела бы возможность добывать нужные ей ресурсы, не используя труд рабов.

В книгах З. Ситчина даже приводятся расчеты и карта с маршрутом посадки космических кораблей аннунаков, впервые посетивших Землю 432 000 лет назад. Свообразным ориентиром для

них была гора Арарат, далее посадка обеспечивалась при помощи определенных опознавательных знаков, в том числе специально построенных египетских пирамид. З. Ситчин в своей теории основывался на достижениях в космической технике землян второй половины XX в. – отсюда железные ракеты, их продолжительная и сложная посадка, космодром (платформа из огромных плит в Баальбеке). Но если инопланетяне действительно существуют, они имеют, безусловно, иные возможности для посещения космических объектов, а не архаические ракеты.

В данном случае думающих людей волнует саκραментальный вопрос: зачем идея инопланетян, подменяющих собою христианского Бога, так настойчиво внедряется в умы? Ведь дня не проходит, чтобы пришельцам не была посвящена передача на каком-нибудь из телеканалов.

А. Е. Семенов, президент российской ассоциации «Экология непознанного», замечает на этот счет: «Под видом защиты от вторжения инопланетян можно быстро и абсолютно законно объединять армии, финансы, ресурсы, стратегические системы оружия, глобальные системы связи всех государств. Можно попытаться получить легитимную власть над всей планетой и установить новый мировой порядок. Так что не так страшны инопланетяне, как сами жители Земли» [2, с. 16].

Мало того, все чаще утверждается, что Энки и Энлиль – шумерские боги, а на самом деле якобы посланцы Нибиру – были змееподобными. То есть Землю заселила раса рептилоидов. Доказательством являются и мифологические системы разных народов, и найденные при раскопках артефакты, и подземные ходы по всей планете, и генетика. Так, у некоторых людей под влиянием серебросодержащих препаратов голубеет кожа. Значит, внушается нам, у них сохранился ген от рептилий. Не метафорически, а реально голубая кровь характерна для некоторых земноводных, а также осьминогов и пауков.

Чтобы вызвать доверие простых людей и заставить их в конце концов поклоняться «дракону», появилась идея о змеином гене у всех аристократов и монархов мира. Отсюда и выражение «голубая кровь» – как знак принадлежности к высшей касте. Хотя понятно, что у аристократов, просиживающих в своих мрачных замках, мало бывавших на воздухе, на бледной коже явственнее, чем у крестьян, были видны голубые вены – вот и основание для появления устойчивого словосочетания. Но нет, снова-таки простой довод не действует, а в журналах и по телевидению нам даже показывают «серпентоидов», причем среди известных людей.

Такое массивное давление на сознание и подсознание людей не может быть случайностью. Информационные атаки всегда имеют под собой политические и экономические цели. Но умные

политики и используют их по-умному, как было не раз в Советском Союзе.

Пример – «лунная гонка». В самих США в посещение американцами Луны верит лишь половина населения. В нашей Беларуси – *практически все*, даже ученые (я специально исследовала этот вопрос). Причем доказательств абсолютной *невозможности* такого полета не то что в 1969–1972 гг., но даже сейчас – десятки, если не сотни (есть и научные монографии, и специальные сайты в интернете). Но я всегда в любой аудитории привожу один контраргумент (по-моему, его вполне достаточно): от сумасшедшей на Луне космической, солнечной *радиации* неспособны защитить даже современные скафандры, да и ракеты в то время – просто консервные банки по сравнению с нынешними.

То, что земные космонавты проводят на космических станциях и по году, не доказательство. Обыватель не знает, на какой высоте летают наши станции и ракеты. Не более чем 400 км, а это пространство, хотя и считается космосом, достаточно надежно защищено электромагнитным полем Земли. Да и то опасно. Даже один полет на самолете – получение заряда радиации, равное рентгеновскому осмотру в медучреждении.

Правда, в книге «Парадоксы времени, или Романтика советской эпохи» я со значительной долей скепсиса, но подсознательным восхищением, в том числе советскими властями, знавшими об афере, но использовавшими ее, пишу: «Тем не менее романтическая сказка американцев сыграла свою, несомненно, положительную роль. Прежде всего в политике. После тайного договора США и СССР о разделении приоритетов в космосе и сохранении некоторых тайн последовали Хельсинкские соглашения, вывод американских войск из Вьетнама, продажа Америкой Советскому Союзу зерна по цене, в два раза ниже мировой. Видимо, были и другие тайные договоренности, о которых мы не догадываемся. Во всяком случае они пошли на пользу разрядке, сохранили мир. А главное, этот чудесный миф – полет на Луну – замечательный

стимул для молодых: осуществление вековой мечты человечества. Его и нужно принимать как миф, некую ментально-эстетическую условность, фантастическое, продолжающееся во времени, художественное произведение» [3, с. 50–51].

Правда, есть и другая сторона дела. Чтобы поддерживать этот миф, СМИ, в том числе российские и белорусские(!), время от времени «запускают» его, так сказать, дополнения и уточнения типа того, **что** видели американцы на Луне. В последнее время это все более примитивные сюжеты. Например, один из последних: какой-то из экипажей «Аполлона» встретился на Луне с ракообразными существами, которые телепатически запретили дальнейшие посещения своей планеты. Поэтому американцы отказались от дальнейшего освоения Луны¹.

Бездарные, глупые, абсолютно дикие выдумки, внедряемые через СМИ, – свидетельство углубляющейся *архаизации* нашего сознания, все большего затуманивания здравого смысла. Так, в последнее время в мире ширится движение сторонников плоской Земли. У них своя система доказательств. Необычные облака будто бы свидетельствуют о том, что мы живем внутри искусственно созданной среды под куполом и являемся частью грандиозного эксперимента. Земля не вращается, горизонт у нее искусственный, а совсем небольшое Солнце находится на расстоянии всего 2000 км.

Похуже, ученым скоро предстоит вновь доказывать прописные истины. С одной стороны, хорошо, стимул для развития самой науки, переживающей упадок, а с другой – на уровне массового сознания скатываемся ведь в Средневековье, даже в каменный век, учитывая моду на татуировки и другие архаические безумства. А весь этот хаос в головах (люди не знают, что думать, кому верить), возможно, порожден в *том числе* и грандиозной аферой американцев и одновременно ее разоблачением, поскольку в массовом сознании случается внутренне архетипическая связка позиций, которые внешне проявляются как противоречивые.

Средства и приемы изменения устойчивых паттернов

Однако почему же белорусы больше верят в посещение Луны – эту, несомненно, *мистификацию века*, – чем сами американцы? А дело как раз в устойчивом паттерне – **вере бывших советских людей в науку и технические достижения**. Уважение науки играет на руку и честным бизнесменам, и разного рода мошенникам, которых расплодилось при диком капитализме великое множество. Кроме того, любое благородное, высокое чувство обязательно используется *рекламой* – еще одним мощнейшим средством обработки массового сознания в постсоветское время.

Для понимания лучше всего сравнить современную рекламу, часто бездарную, назойливую и пошлую, с советской. В самом деле, нельзя сказать, что в СССР совсем не использовалась реклама или то, что в наше время называется пиаром. Скажем, поэт В. В. Маяковский – пренатный самопиарщик да и над рекламой работал с удовольствием: «Нигде кроме как в Моссельпроме». Но это в условиях НЭПа, когда так же, как и ныне, нужно было проталкивать тот или иной товар. А существовали и совершенно противоположные или парадоксальные виды использования рекламы.

¹Подробнее см.: www.paronormal-neus.ru.

По воспоминаниям К. Г. Паустовского, в 1920 г. в голодной Одессе нужно было собрать деньги для сирот. Губернский партийный комитет обратился за помощью к поэтам, а их в городе было много. Поэты опубликовали афишу о поэтическом вечере, на которой приписали, что в конце мероприятия будут бить(!) поэта Г. Шенгели. Последнего выбрали потому, что его знал весь город: он постоянно ходил босой в любую погоду (тоже самопиар). Билеты на вечер стоили очень дорого, но были раскуплены за три часа. Так были собраны деньги для детей. С благородной целью использовалось средство манипуляции массовым сознанием.

С самим К. Г. Паустовским случился такой казус. В конце 1930-х гг. он, писатель в то время очень популярный, настолько обаятельно, высокохудожественно, просто «вкусно» описал часть Рязанской области – Мещерский край, – что туда повалили туристы. Они, конечно, во многом уничтожили нетронутость, первозданность, красоту этого места. Так рекламой стало то, что имело совсем другую цель.

Примитивную рекламу шутивно обыгрывают в фильме «Карьера Димы Горина» Ф. Довлатяна и Л. Мирского. Иногда эта реклама замаскирована. Достаточно вспомнить культовую комедию «Полосатый рейс» по сценарию замечательного писателя-моряка В. Конецкого. В очень смешной сцене нашествия тигров на одесский пляж зверь взбирается на крышу автомашины «Волга-21», и та его вес выдерживает. Действительно, «Волга-21» делалась из очень прочного материала. Но если в данном фильме реклама только что выпущенного советского автомобиля могла выйти случайно, то в драме В. Мельникова «Здравствуй и прощай» с талантливыми актерами О. Ефремовым, Л. Зайцевой, Н. Гундаревой совершенно точно рекламируется стиральный порошок «Тайд». Пачка с этой надписью, причем написанной кириллицей, буквально лезет в одном из кадров в глаза. Уже тогда, в 1970-е гг., он поставлялся в СССР.

Или известная комедия Э. Рязанова «Невероятные приключения итальянцев в России». Она создана во время обсуждения и заключения совместного крупного контракта о выпуске «Жигулей» на основе итальянского «Фиата». Лента демонстрировала возможности «Жигулей». Таким образом, весь увлекательный фильм – это реклама, оплаченная итальянской стороной. Наивные итальянцы были уверены, что без рекламы товар не продать.

В суперпопулярной комедии Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» капитан круизного лайнера убеждает главного героя в полезности коньяка. А дело, как мне кажется, в том, что народ коньяк не пил, а только высокие чиновники и рафинированная интеллигенция. Между тем его выпускали и Армения, и Грузия, и Молдавия. Необходим был сбыт. Кроме того, определенные силы уже тогда постави-

ли задачу *алкоголизации* населения, что в общем-то удалось. В том числе через кино.

Фильм Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!» талантлив совсем не тем, за что его принято хвалить. Он отражает проявления инфантилизма среди интеллигенции в СССР и утверждает определенные паттерны. Молодой якобы романтик, сделав предложение девушке, идет в баню и там напивается. Пьяный угар показан настолько заразительно, что целые поколения поддались на внушение и сделали традицией походы в баню перед Новым годом именно с такой целью. А фильм по телевидению повторяли постоянно. В поведении образовался устойчивый паттерн.

СССР был лучшей в мире страной по всем параметрам, кроме одного – количества материальных благ на душу населения. И начиная со времен Н. С. Хрущёва главной целью стало строительство сытого *мещанского* общества под видом коммунизма.

Создался *парадокс*, каковых было немало в то время: миллионы людей уже через десятилетие после Великой Отечественной войны, где проявляли героизм и самопожертвование, становились махровыми мещанами, по существу кулаками по мироощущению и целям в жизни, но жили в условиях системы, где официально отрицались эти цели, а проповедовались коллективизм, альтруизм и приоритет духовных ценностей.

В результате в СССР с потребительством боролись, осуждали и высмеивали его, но фундаментом строя становилась *обывательская* идеология. Люди стали оценивать тот или иной социальный строй исходя из качества носильных вещей типа джинсов. Я помню это джинсовое безумие. Оно осталось до нашего времени. Таким образом, в СССР произошла раздвоенность базовой теории и жизненной практики. Но положение интеллигенции было, конечно, намного лучше, чем сегодня. Люди, создававшие *духовные ценности*, активно и очень щедро поддерживались – именно для того, чтобы жить *достойно*, не заботясь о добывании хлеба насущного. Ныне владельцы издательств вообще позволяют себе за интеллектуальный труд не платить.

В любом случае советская реклама неназойливая, наивная, мягкая и нередко даже остроумная. В полной мере мы познакомились с буржуазной рекламой после развала СССР, когда нас втянули в капиталистическую формацию. Уже в 1990-е гг. мы узнали марки и коньяка, и сигарет, и автомобилей, которые нахально рекламировались в кино, вставлялись в телепередачи, – все атрибуты красивой жизни. В наше время депутаты РФ под влиянием общественности наложили запрет на рекламу, лезущую в глаза. Но осталось очень много замаскированной: упоминания, скажем, в интервью, о том, что едят, что носят, чем себя окружают разные

известные люди, VIP-персоны. Человек им завидует и покупает то же. Обезьянья психология. Маркетологи используют **человеческое честолюбие** – к сожалению, один из самых распространенных негативных паттернов.

Сегодня, в принципе, на всех людей хватает и товаров, и продуктов. В свое время советские социологи говорили о коммунизме как о таком состоянии общества, где предложение сравнивается со спросом. Над ними смеялись. Сегодня так и есть. Но сейчас иной социально-политический строй. У нас не коммунизм – товары и услуги не раздают бесплатно. Их обязательно надо купить, торговцам – продать. Продать невозможно без рекламы. При этом очень небольшой процент людей может купить то, что хочет. Чтобы купить, берут кредиты, залазят в долги – тут много трагедий. А виновата реклама. Вернее, виновата общественная формация, в которой мы оказались не по своей воле и которая давно загнивает, агонизирует, корчится в предсмертных муках.

Человеку не так много и нужно. Он знает свои *реальные* потребности, потому спокойно проживет без рекламы. Вот почему создаются *искусственные потребности*, которые насаждаются через СМИ. Для ложных потребностей и создан маркетинг.

Сегодня в мире ширится движение умного потребления, или антипотребления. Активисты движения утверждают, что человеку достаточно 100 вещей. Составляют их списки. Есть правила: каждая вещь должна быть многофункциональной, покупаешь новую вещь вместо старой – старую выбрасываешь, книгу прочитал – отдал товарищу.

Кстати, первым адептом антипотребления был классик американской литературы М. Твен. Он советовал покупать только землю как наибольшую ценность. Но и умный писатель – продукт своего времени и строя, потому что продажа-покупка земли – тем более кощунство: земля принадлежит всем людям, она общая; белорусские и русские крестьяне всегда считали землю и природные ресурсы Божьими.

Вообще, в любом явлении, даже негативном, присутствует и положительный аспект. Это диалектика жизни. Есть плюсы и у рекламы, пиара. Например, многие люди недовольны строительством в Беларуси небоскребов, на самом деле часто диких, уродливых, а также не слишком востребованных ледовых дворцов. Но на эти траты страна идет в надежде на повышение своего статуса в мире.

В эпоху капитализма реклама стала отдельной сферой производства. Многие сериалы, фильмы финансируются определенными корпорациями, скажем, выпускающими гаджеты. Есть фильмы, где герои каждую минуту говорят по мобильному телефону. Очень многие известные кинофильмы финансировались автомобильными концернами, отсюда – многочисленные детективы с погонями.

Телепередачи о здоровье служат для рекламы лекарств и медицинской аппаратуры, о кулинарии – определенных продуктов и приспособлений для кухни: мощные мировые концерны в наше время выпускают 80 % продуктов питания, ясно, что у них хватает денег на рекламу.

Массовая культура примитивизирует жизнь человека. А реклама – высшее проявление массовой культуры. Человек от ее потребления деградирует. Но вся борьба с деградацией имеет совершенно несерьезный, показушный, формальный характер типа указания возраста, с которого можно смотреть ту или иную передачу. Это абсурд в условиях полной доступности интернета.

На рекламу идут феноменальные средства. Есть ряд товаров, цена которых больше чем наполовину состоит из цены их продвижения на рынок. Так, в цене пива 60 % составляют расходы на маркетинг. Или продается фактически один товар, например шампунь, по разным ценам. Все стиральные порошки, лосьоны, зубные пасты, губные помады и т. д. – одинаковые, только, скажем, с разными ароматизаторами.

Реклама – мощное средство затемнить разум человека. Полезной информации в ней мало. На несчастное постсоветское население сваливается словесный мусор, усвоить который невозможно, но он забивает мозг. Создается переизбыток ненужной информации. А вот нужной в головах наших детей явно не хватает.

В электронных СМИ реклама нередко отбирает до третьей части передачи или фильма, особенно на белорусском телевидении. Причем, как и в торговле, сначала готовится крючок. Скажем, передача так популярна, что ее смотрит больше людей, чем сериалы. Используя интерес зрителей, в последующем через каждые пять минут включают рекламу. Чем передача более рейтинговая, тем больше в ней рекламы.

Это издевательство, насилие над личностью, самый настоящий *психологический геноцид*. Навязывают человеку товар, который ему не нужен, настраивают на то, без чего можно жить. Но такой обман – характерная примета капиталистического общества, основанного на лжи. А кто «отец лжи» – известно...

Заказчики и исполнители рекламы по-хамски лезут в нашу жизнь, крадут наше время, мы фактически оплачиваем непомерные аппетиты торговцев. Деятели телевидения, жирующие благодаря рекламе, заявляют: «Не нравится – не смотри». Но если фильм интересен, из-за регулярных остановок действия разрушается единство восприятия, утрачивается ощущение целостности художественного произведения, а мы, литераторы, знаем, насколько это важно. Человек раздражается, образуются мигрирующие стрессы, за вечер они суммируются, что в конце концов ведет даже к нервным заболеваниям. Это,

по большому счету, *нарушение прав человека*, похищение на его время, ограничение *свободы выбора*. Но с этим в нашей жизни мы сталкиваемся все чаще. И так, нас лишили права выбора. Потому не стоит официальным идеологам вещать про свободу получения информации.

Стремление человека к свободе – мощнейший архетип, глубоко укорененный буквально в каждом. Однако на этом понятии немало спекуляций. В 1990-е гг. стали широко использоваться высказывания «свобода», «демократия», «права человека», «гражданское общество» для противопоставления наступившей безоглядной свободы, раскрепостившей все худшие инстинкты в человеке, бывшему советскому тоталитаризму. С тех пор *мем* о тоталитарном СССР очень глубоко вошел в общественное сознание. Однако об использовании понятий «либерал», «консерватор», «ретроград», «свобода» и подобных, в сущности, мало что говорящих, писал еще умный писатель и общественный деятель начала XIX в. П. Вяземский: «...Все эти клички, все эти литографические ярлыки ничего не значат. Это слова, цифры, которые получают значение в применении. Можно быть либералом и вместе с тем консерватором, быть радикалом и не быть либералом, быть либералом и ничем не быть. Попугай, который затвердит слова “свобода”, “равенство прав” и тому подобное, все же останется птицей немыслящей, хотя и выкрикивает слова из либерального словаря» [4, с. 11]. Прямо в точку – словно о нашем времени и бездумном повторении ярлыков, придуманных для уничтожения геополитического противника.

Один из известнейших современных русских историков А. Фурсов пишет на этот счет: «Перестройка не случайно один из самых замифологизированных отрезков истории СССР. С ней может сравниться лишь оттепель. Один из устойчивых стереотипов (и мифов) по поводу перестройки – это то, что сей процесс есть переход от тоталитаризма к демократии. На самом деле это термины-пустышки, не пригодные для серьезного анализа реальности, – пропагандистские штампы. Термин “тоталитаризм” появился в Италии в 1920-е годы. В середине 1950-х гг. К. Фридрих и З. Бжезинский, реагируя на конъюнктуру холодной войны, распространил термин “тоталитаризм” на советское общество, чтобы представить коммунизм и национал-социализм как два варианта одного и того же явления. <...> С легкой руки перестроечных СМИ и околонучной попсы СССР вместе с гитлеровской Германией стал “тоталитарным обществом”. При этом не удосужились подумать о критериях. Что значит тоталитаризм? Тотальный контроль государства (власти) над обществом (населением)? Но тогда в тоталитаризм надо будет записать Египет

фараонов, Китай от Цинь Шихуанди до Мао Цзэдуна, Римскую империю» [5, с. 3].

От себя спрошу: а чем является нынешнее общество? В СССР, по крайней мере, не готовили в вузах специалистов с тайной целью их работы в Европе, которая ныне остро нуждается в *белой* рабочей силе; не применяли биометрические паспорта; не выкупали за деньги свои квартиры, данные советской властью бесплатно; не отключали квартиросъемщикам электричество, воду и газ за неуплату, тем более не выбрасывали за это из квартир; не выгоняли с работы без объяснения причин в период кампании «оптимизации»; не стояли везде камеры слежения; не ощущалось такой зависимости от банков, как сейчас; жители квартир не устанавливали стальные входные двери... И десятки подобных примеров.

Я помню, в нашем доме по улице К. Маркса, 36, где жили в 1950–60-е гг. в основном писатели, двери вообще не закрывались: соседи постучат – и свободно входят. А ходили друг к другу постоянно, ежедневно, потому что еще с войны сохранилось стремление к общению, обмену новостями, душевным разговорам. Конечно, постепенно человеческие контакты ослабевали, но это результат как раз омещанивания советского общества. Сегодня же мы живем полностью в мире антиутопий (или программ иллюминатов?) О. Хаксли и Дж. Оруэлла. Конечно, в наше время уровень социальных гарантий, защищенности личности значительно ниже, чем в СССР. Ну, а ханжеская *политкорректность*, культивируемая на Западе, – вообще настоящий психологический *террор*.

Эвфемизмы – очень распространенное явление в буржуазных СМИ, а также идеологические клише, слова-пустышки типа *тоталитарный СССР, сталинские репрессии, хрущёвская оттепель, цивилизованный мир*. Все это термины *оценочные*, а не *объективные*. Скажем, тоталитаризм, если исходить из латинского значения слова («всеобщий»), – это общественное согласие, увиденное *чужими, враждебными* глазами (западных либералов). И если уж употреблять расхожий термин, то жестокий финансовый тоталитаризм в ЕС гораздо мучительнее, чем тоталитаризм политический.

Постоянно повторяемые литографические ярлыки – лучший способ сформировать *отношение* к тому или иному явлению. Иногда одно слово образует устойчивый паттерн. Например, этим летом часто говорили о появившейся дочери художника-сюрреалиста С. Дали. При этом неизменно при имени Дали употреблялось слово «великий». Почему вдруг «великий»? Ведь с точки зрения классической эстетики его произведения – обыкновенный китч, пошлые и уродливые. Не случайно его стали подзабывать, вот и оказалось нужным восстановить

закрепившийся за ним имидж – для этого достаточно одного, часто повторяющегося слова. То же касается десятков раздутых деятелей XX и XXI вв.

К СССР, как и к абсолютно *любому* обществу, можно предъявить немало претензий. Но есть претензии принципиальные и неприципиальные. Да, социализм не давал того *раскрепощения* природы человека (под названием свободы) и тех удовольствий, которые существовали на Западе, а сейчас существуют и на постсоветском пространстве. При этом чем большие перспективы и безопасность для жизни обеспечивал советский строй, тем больше люди считали эти надежность и безопасность само собой разумеющимися и не понимали необходимость немалых ограничений, необходимых для их обеспечения.

Для сравнения возьмем сегодняшнее положение Северной Кореи, которую в мировых СМИ, давно централизованных, сделали осмеянным и оплеванным государством-изгоем. Обыватель убежден, что там абсолютный голод и все люди нищие. Однако достаточно открыть интернет – и увидишь красивый, ухоженный Пхеньян, один из самых великолепных городов в мире. И ведь не для туристов, не напоказ строился, так как туристов там (пока) почти не было, а для своих людей, чтобы приучать их к красоте, как в «тоталитарном СССР».

Люди низкого достатка в соседней богатой Южной Корее гораздо беднее и обездоленнее, чем основное население КНДР. Однако честная бедность в истинно независимой (единственной в мире *суверенной*) Северной Корее обусловлена необходимостью этого небольшого анклава настоящей свободы тратить огромные средства и человеческий потенциал на защиту своего суверенитета. Но население КНДР понимает, ради чего идет на жертвы. В СССР не понимали, а тупые (или продажные) идеологи не могли (или не хотели) объяснить.

Сегодняшнее *цифровое рабство*, все большее погружение молодежи в виртуальную реальность гораздо страшнее «тоталитарного» строя в СССР. Да и нынешний социальный порядок, его «демократические» законы, общее устройство жизни все больше закабаляют простого человека. Но уникальность нашего времени в том, что раб – в отличие от всех предшествующих эпох – *не знает*, что он раб.

Существование ненормального, сатанинского строя, в котором создается *иллюзия свободы*, поддерживается информационно. Мы существуем в пиар-цивилизации, где нет места правде. При этом строй, объявленный оплотом свободы, требует постоянной *оптимизации*, т. е. сокращения, ликвидации якобы всего лишнего, прежде всего людей.

Сошлюсь на один – как будто незначительный, но для меня символический – эпизод из нынешнего лета, когда писалась статья. Группа белорусских туристов совершала круиз по Балтийскому морю на эстонском пароме. Питание, удовольствия – все было устроено по высшему разряду. Нынешняя цивилизация умеет развлекать и извлекать прибыль из человеческих недостатков и пороков. Однако среди белорусов оказались люди пытливые. Они не проводили время в барах, а изучали корабль, рассчитанный на 2000 пассажиров. И выяснили, что шлюпок и поясов безопасности хватит только на 500 человек. Обратились с негодующим вопросом по этому поводу ко второму помощнику капитана. Говорящий по-русски эстонец хладнокровно объяснил: «При аварии вы, пассажиры, все равно подавите друг друга в коридорах. Так зачем тратиться на лишние шлюпки?!»

Все! Больше ничего не надо. Это и есть пример отношения к людям при нынешнем строе. *Свобода, демократия, права человека* – красивые, но пустые, давно надоевшие слова...

Библиографические ссылки

1. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Собрание сочинений : в 19 т. М., 1992. Т. 15 : Феномен духа в искусстве и науке. С. 93–120.
2. Семенов А. Е. Изучение НЛО – вопрос глобальной безопасности // Наука и религия. 2017. № 7. С. 14–18.
3. Шамякина Т. И. Парадоксы времени, или Романтика советской науки. Минск, 2015.
4. Вяземский П. Ум любит простор. Из «записных книжек» // Литератур. газ. 2017. № 28. С. 11.
5. Фурсов А. Огонь в парадной раме // Литератур. газ. 2005. № 15. С. 3.

References

1. Jung K. G. [On the relationship of analytical psychology to poetic and artistic creativity]. In: [Collected works] : in 19 vol. Moscow, 1992. Vol. 15 : [The phenomenon of the spirit in art and science]. P. 93–120 (in Russ.).
2. Semenov A. E. The study of UFOs is a matter of global security. *Science and religion*. No. 7. 2017. P. 14–18 (in Russ.).
3. Shamyakina T. I. [Paradoxes of time, or Romance of Soviet science]. Minsk, 2015 (in Russ.).
4. Vyazemsky P. [The mind loves space. From «notebooks»]. *Lit. gaz. [Literary newspaper]*. 2017. No. 28. P. 11 (in Russ.).
5. Fursov A. [The fire is in the front frame]. *Lit. gaz. [Literary newspaper]*. No. 15. P. 3 (in Russ.).

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.34

ОТ ПРОЛЕТАРИАТА К ПРЕКАРИАТУ (о возникновении нового класса)¹

Ж. Т. ТОЩЕНКО^{1), 2)}

¹⁾Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125993, г. Москва, Россия

²⁾Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, 117218, г. Москва, Россия

Обосновывается появление нового социального класса – прекариата, который еще во многом носит черты протокласса, так как формируется из разрозненных социальных групп. Констатируется, что в России, как и во многих других странах, значительно дифференцировались социальные слои, представляющие нестандартные, специфические виды занятости, а именно временную, неполную, частичную, сезонную, эпизодическую, фрагментарную занятость и др.; к ним примыкают такие социальные общности и группы, как мигранты, люди свободных профессий (фрилансеры), часть вступающей в жизнь молодежи. Анализ их социального положения позволяет утверждать, что все эти социальные общности и группы, несмотря на различия, имеют общие характеристики: нестабильность, неустойчивость, негарантированность социального положения. Но как пролетариат в свое время не представлял собой единого целого, так и прекариат находится на стадии постепенного формирования. Объясняются причины возникновения прекариата, рассматривается его структура, определяются основные характеристики. Выявляются главные черты данного протокласса, он сравнивается с другими социальными группами. Раскрываются его специфика, место и роль в современном разделении труда, положение на рынке труда, процесс его превращения из «класса в себе» в «класс для себя».

Ключевые слова: общество; социальная и классовая структура; прекариат; класс; протокласс; пролетариат; труд; рынок труда; занятость; отчуждение.

¹Фрагмент текста готовящейся к выходу в свет монографии Ж. Т. Тощенко «Прекариат: от протокласса к классу».

Образец цитирования:

Тощенко Ж. Т. От пролетариата к прекариату (о возникновении нового класса) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 95–101.

For citation:

Toshchenko Zh. T. From the proletariat to the precariat (about the emergence of a new class). *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 95–101 (in Russ.).

Автор:

Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой теории и истории социологии социологического факультета¹⁾, главный научный сотрудник²⁾, главный редактор журнала «Социологические исследования».

Author:

Zhan T. Toshchenko, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of theory and history of sociology, faculty of sociology¹⁾, principal researcher²⁾, chief editor of the journal «Sotsiologicheskie issledovaniya».
zhantosch@mail.ru

FROM THE PROLETARIAT TO THE PRECARIAT (about the emergence of a new class)

ZH. T. TOSHCHENKO^{a, b}

^aRussian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Avenue, Moscow 125993, Russia

^bFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 24/35 Krzhizhanovskogo Street, 5 building, Moscow 117218, Russia

The article is devoted to the emergence of a new social class – precariat (from the Latin – *precarium*) is justified, which still has many features of the protoclass, as it is formed from disparate social groups. It is stated that in Russia, as in many other countries, the social strata have significantly increased, which represent non-standard specific types of employment – temporary, incomplete, partial, seasonal, episodic, fragmented and others. In the same sphere there are also such social communities and groups as migrants, people of free professions (freelancers), part of young people entering into life. An analysis of their social situation allows us to state that all these social communities and social groups, in spite of differences, have common characteristics – instability, and lack of security of their social status. But, as in its time, the proletariat was not a single whole, so the precariat is at the stage of its gradual formation. The reasons for the emergence of the precariat, its structure, its main characteristics are explained. Identify the main features of this protoclass, compared with other social groups, the first sprouts of transformation from the «class in itself» to the «class for oneself» are revealed.

Key words: society; social and class structure; precariat; class; protoclass; proletariat; labour; labour market; employment; alienation.

Введение в проблему

В конце XX в. стало очевидно, что социально-классовая (стратификационная) структура современных обществ по объективным и субъективным причинам серьезно изменилась: происходят процессы, которые ломают прежние представления об этой структуре. Наступившие рыночные отношения внесли коррективы, сформировав новые социальные группы и общности или увеличив состав и объем некоторых малых групп. В результате возникли и стали расти слои «униженных и оскорбленных». Место пролетариата начало занимать значительное число социальных

общностей и групп, которые в отличие от пролетариата включают в себя не только рабочий класс, но и интеллигенцию, работников сферы образования, культуры, здравоохранения, социальных услуг. Усилился процесс дальнейшего дробления общества по мировоззренческим ориентациям, социальному положению, возможностям реализации материальных и духовных потребностей. Это привело к уникальным противоречивым явлениям, которые отразились в возникновении новых общностей, именующихся прекариатом [1; 2].

Прекариат: опыт моделирования

Из чего состоит современный прекариат (от лат. *precarium* – нестабильный, неустойчивый)? Во-первых, это часть трудоспособного населения, постоянно занятого на временной работе. Эта социальная группа, насчитывающая в России, по экспертным оценкам, от 30 до 40 % трудоспособного населения, в силу своего специфического положения ограничена в правах, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, или даже лишена их. У членов этой группы, как правило, не всегда оплачиваемый отпуск, они не могут рассчитывать на помощь в приобретении жилья, забота о детях, а также получение образования, повышение квалификации становятся их личным делом. Это дополняется тем, что у временных работников практически полностью отсутствуют возможности профессионального роста. *Главное, временная занятость становится постоянной величиной*, которая может сопровождать человека всю жизнь. Стоит отметить, что такая ситуация – удел не только России. По данным К. Дёрре, профессора Йенского универ-

ситета им. Фр. Шиллера, каждый третий работающий по найму в Германии представляет собой прекариат [3].

Во-вторых, *прекариат представлен людьми, работающими неполный рабочий день или перебивающимися сезонными и случайными заработками*. Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. Обычно в подавляющем числе случаев это люди, вынужденно согласившиеся работать неполный рабочий день. Причем, как показывает практика, им приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. Эти люди часто попадают в ситуации, вынуждающие их прибегать к поиску новой работы. Причем интенсивность смены места работы постоянно растет. Так, мониторинговое исследование, проведенное в Новосибирской области, показало: если в 1995 г. только 9,2 % людей несколько раз меняли место работы, то в 2013 г. такой опыт имели уже 21,2 % [4]. Отметим также, что при этой форме занятости происходит расхищение

интеллектуального богатства страны. В ходе все-российского исследования, проводившегося в октябре 2014 г. (были опрошены 1800 человек из восьми регионов страны), почти 50 % респондентов указали, что их образование не соответствует выполняемой работе, или затруднились высказаться на эту тему [5].

В-третьих, *аналогичные характеристики можно отнести и к занятым наемным трудом*. Суть последнего заключается в зачислении в свой штат работников, которые *оказывают услуги другим фирмам* (предприятиям, организациям). Это принципиально новая форма занятости, где каждый участвующий в этой своеобразной логистике имеет прибыль, за исключением самого работника. Причем это касается уже всех видов труда, в том числе и высококвалифицированного. В отличие от рекрутинговых агентств, которые только предлагают те или иные вакансии, вышеуказанные фирмы и нанимают работников, и расплачиваются с ними [6].

В-четвертых, *прекариат представлен безработными*, численность которых также значительна. Эта проблема обострилась после кризиса 2008 г. – безработица выросла почти на 50 % и в 2009 г. составила 6373 тыс. человек [7]. Такая же ситуация характерна и для 2014–2015 гг., в период кризисных явлений в экономике, а также после введения санкций против России и падения цен на нефть. Причем, по мнению экспертов, разрыв между регистрируемой и общей безработицей может колебаться в пределах от 3,5 до 7 раз. Академик С. Глазьев считает, что скрытая безработица составляет до 20 % [8]. Следует отметить, что такая форма безработицы часто маскируется под нежелание регистрироваться, сезонные заработки, эпизодическую занятость в личном, особенно сельском, хозяйстве.

В-пятых, к прекариату примыкает часть мигрантов, численность которых во многих странах мира, в том числе в России, высока. Положение мигрантов также характеризуется ущемлением в правах: их труд низкооплачиваемый, они лишены многих социальных благ. Нередко мигранты подвергаются если не прямой, то косвенной этнической и религиозной дискриминации [9].

В этой структуре следует выделить *кандидатов в состав прекариата*, т. е. тех, кто находится в пограничном состоянии, подвергаясь размыванию своей группы (общности). Это, например, фрилансеры, мигранты, молодежь (в основном студенческая).

Фрилансеры (специалисты, часто представляющие креативные профессии) трудно подвергаются учету. Их нередко пытаются представить приверженцами свободолюбивого духа, независимыми от строгой регламентации официальных (государственных, акционерных, частных) предприятий и организаций [10]. Но их нонконформизм, отсутствие внешнего повседневного контроля на деле

оборачиваются тем, что эта показная независимость порождена беззащитностью, лишением социальных гарантий, стабильности и уверенности в будущем, в случае непредвиденных жизненных обстоятельств человек остается один. То есть и этой категории граждан знакомо неустойчивое положение в противовес постоянной занятости [11].

Проблемную группу в этом отношении представляет и молодежь, особенно студенчество, которое претендует занять в обществе и профессии устойчивое положение. Однако часть молодежи находится в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже возможностей и оправданных претензий занять достойное место в жизни.

В апреле 2013 г. на XIV Международной конференции «Модернизация экономики и общества» вице-премьер Правительства Российской Федерации О. Голодец заявила, что 38 млн человек трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, рынок труда практически нелегитимен и лишь небольшая часть функционирует по правилам [12]. Из свыше 80 млн трудоспособного населения России 38 млн непонятно *где* заняты, *чем* заняты, *как* заняты, в результате чего условия их жизни, доходы не отражаются в официальных статистических данных.

Обзор и анализ этих социальных слоев и общностей позволяет нам согласиться с обобщенным их названием – прекариат, которое образовано от двух слов: лат. *precarium* (неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и *пролетариат* (социальный слой, который представлен значительными социальными группами, имеющими особые характеристики).

Таким образом, в России, как и во всем мире, в конце XX – начале XXI в. началось формирование нового социального класса – прекариата, который в известной степени можно обозначить как преемника пролетариата; его социальное положение определяется временной, частичной занятостью, носящей негарантированный, нестабильный, переходящий характер. Причем численность прекариата постоянно растет, в том числе и за счет людей, пока имеющих постоянную занятость и относимых к среднему классу.

На наш взгляд, возникновение прекариата обусловлено объективными, а не субъективными причинами, а именно изменившейся логикой развития технико-технологических и информационных оснований развития экономики, а также построенной на ее основе политикой владельцев капитала, стремящихся максимизировать прибыль за счет усиления эксплуатации труда, но уже в новых ее формах. Причем эта политика приобретает не временный характер, а нацелена на длительный период функционирования производства и общества в рыночных условиях. Прекариат – это

новый поворот в формировании нового социального класса, который возник объективно и положением которого активно пользуются в реализации (нео)либеральной политики. В отличие от классического рабочего класса, который в вековой борьбе отстаивал свои интересы и добился принятия законов по защите своих прав, прекариат представляет

собой удобный объект для манипуляций и угнетения общества [13].

Итак, что же превращает прекариат из «класса в себе» в «класс для себя»? Это главным образом активные формы защиты своих интересов, иначе говоря, формы и способы классовой борьбы. Рассмотрим их подробнее.

Новые формы классовой самоорганизации прекариата

В отличие от андеркласса (пауперизованных слоев), члены которого мирятся со своей жизненной ситуацией, прекариат активно ищет пути изменения социально-экономических условий своего существования. В его недрах вызревают идеи по преодолению своего ущемленного положения, апробируются действия, которые позволили бы исправить эксплуататорскую сущность сложившихся рыночных отношений.

Что можно сказать о классовом самоощущении прекарных групп? Чем оно отличается от положения подобных слоев в советском прошлом и в других странах?

Во-первых, в отличие от андеркласса представители этого формирующегося класса в большинстве своем олицетворяют гражданскую ответственность и достоинство. Они полны желания и решимости обеспечить себе полноценную жизнь, что предполагает достижение и сохранение ее определенного уровня на основе трудовой деятельности, активное участие в использовании и обогащении материального и духовного богатства.

Во-вторых, прекарные слои не идентифицируют себя ни с обладанием собственностью, ни с бизнесом. У них нет и не предвидится крепких и устойчивых связей с государством и обществом, в результате чего они выступают или пассивной, или (все чаще) активной силой сопротивления.

В-третьих, прекариат не имеет должной социальной защиты в виде постоянной занятости, социального страхования, медицинского обслуживания. Они предоставлены самим себе в условиях, когда новые капиталисты стремительно богатеют и нет никаких шансов по изменению этого положения. Поэтому, несмотря на провозглашаемую поддержку со стороны государства, все больше и больше людей надеются только на себя и своих близких (до 80–87 %). Особенно ощутимо это проявляется среди молодежи, которая в большинстве своем не идентифицирует себя с деятельностью государства, дистанцируется от него [5].

В-четвертых, недовольство, неудовлетворенность прекариата – это реакция не бедных, а нестроенных людей, которые претендуют (и справедливо) на решение жизненно важных проблем, не рассчитывая на подачки со стороны государства, с полной уверенностью в том, что они могут сами удовлетворять свои потребности, но при соответствующей политике властей [15].

В-пятых, прекариату свойственна точка зрения, согласно которой государство в лице чиновников и работодателей интересуют профессиональные и исполнительские способности представителей прекариата, а не их личностные качества и ресурсы. Творческий потенциал этих людей, необходимый для реальных социально-экономических и социально-политических преобразований, не востребован и, более того, нередко ограничивается.

В-шестых, профсоюзы долгое время были не только порождением и результатом экономической и политической борьбы пролетариата, но и результативной формой отстаивания его интересов в повседневной жизни, в первую очередь в трудовой деятельности. Они в течение веков с различной степенью успеха отстаивали права и свободу работников, нередко вступали в конфликт с работодателями, добиваясь результатов и приближая наступление «эры социальных государств». В наступившей эпохе профсоюзы как защитники коллективного благополучия потеряли свою былую роль и стали стремительно терять влияние, тем более что раздробленным слоям прекариата они никак не могли помочь. Из-за неустойчивого и нестабильного положения представителей прекариата не могли объединить для совместных действий, трудно было добиться единого понимания путей и методов решения проблем в сфере занятости и, соответственно, повышения качества жизни.

Сущность прекариата как класса определяют не столько форма собственности, доход, отношение к власти и социальный престиж, сколько менталитет. Этот феномен всегда влиял на происходящие в мире и обществе процессы, но в современную эпоху приобрел совершенно иное звучание и влияние. На жизнь общества, социальных групп и конкретного человека стали влиять историческая память, в том числе и личная, вера, симпатии/антипатии, эмоции. И они стали во многом определять основные мотивы действий людей как при решении проблем публичной, так и приватной жизни [16].

В этих условиях движущей силой сплочения прекариата становится осознание общих интересов, объединяющие надежды на соблюдение государством справедливости, достижение гарантий права на труд, на (со)участие в управлении государством и распределении общественного богатства, достойное потребление материальных и духовных благ.

В основе этих социальных импульсов к действию лежит стремление к справедливости. И хотя ее соблюдение по-разному понимается не только различными социальными группами прекариев, но и даже внутри каждой из этих групп, она обладает мощной объединяющей силой, которая будет выступать мотивом как всех проводящихся акций протестного свойства, так и попыток согласительных действий по решению назревших проблем.

Одним из первостепенных требований прекариата могло бы стать введение базового дохода для каждого работоспособного гражданина. В свое время по плану Бевериджа в Великобритании сразу после Второй мировой войны был введен гарантированный прожиточный минимум, правилам которого последовали многие развитые страны. В России ведутся дискуссии по вопросу гарантий прожиточного минимума, приближения минимальной заработной платы к ее установленному уровню, но бедность до сих пор остается большой проблемой: число людей, находящихся за чертой бедности, не опускалось ниже 10 млн человек, а в 2016 г. составило более 22 млн.

В современных условиях прекариат все в меньшей степени ориентируется на использование не только проверенных в прошлые времена инструментов классовой борьбы (забастовок, митингов, пикетов и т. п.), но и на новые, непривычные и мало апробированные формы. Среди них можно отметить такие, например, как *Евромай* в Западной Европе и Японии, *Оккупай* в США, в ходе которых представители прекариата всеми способами и символами демонстрировали свою незащищенность, нестабильность, иррациональность своего существования.

Средством протеста против существующего общества стали экологические, антиглобалистские, субкультурные объединения, которые взяли на вооружение ранее не практиковавшиеся формы уличного протеста: столкновения с полицией, блокирование улиц, осаду банков и/или привилегированных районов.

Так, определенный резерв для превращения социального движения в политическое представляют собой мигранты, особенно трудовые. В борьбе с российской бюрократией они создают организации по защите своих прав. Так, еще в 1990-е гг. в Вологде тысячи мигрантов консолидировались в рамках благотворительного фонда «Новый берег», который начал координировать совместные усилия с целью добиться элементарной предусмотренной законом помощи. Потерпев неудачу, мигранты стали писать письма в Федеральную миграционную службу РФ и лично российскому президенту, в которых уже не просили, а требовали помочь им,

угрожая голодовкой и всеми доступными средствами протеста [17].

Все большее распространение получают акции, направленные на привлечение внимания не столько политических организаций, сколько широкого общественного мнения. Многие акции осуществляются в том числе при помощи социальных сетей. Завладеть общественным вниманием было призвано перекрытие железнодорожных и автомобильных трасс. Так, протест работников трех предприятий в Ленинградской области против их ликвидации, осуществленный в виде перекрытия важной автомагистрали, привел к вмешательству первого лица государства, вынужденного прибегнуть к силовым методам. Кстати, в этих действиях продемонстрирована вся ущербность проведенной командой А. Б. Чубайса приватизации: эти три предприятия, являвшиеся единым звеном производственного цикла, были приобретены различными собственниками, которые, проводя эгоистичную корпоративную политику, не смогли согласовать свои интересы и закрыли как нерентабельные.

Вместе с тем перед прекариатом остро стоит вопрос: как перейти от случайных эпизодических актов выражения недовольства к скоординированной политической программе действий? Конечно, эти акции далеки от продуманной тактики борьбы за свои права. Тем более что в этом противостоянии еще точно не определено, кто враг, с кем бороться, какими методами.

Показательно, что в борьбе прекариата основные претензии адресуются государству. Это своеобразное проявление патернализма. Работники, даже занятые на частных предприятиях, за любые действия, например невыплату или задержку заработной платы, все же считают основным ответственным органом государство. Даже в приведенном в качестве примера случае претензия выглядит следующим образом: почему власть не воздействует на собственников по соблюдению ими элементарных норм трудового права и позволяет совершать произвол, игнорировать требования государства, провозгласившего себя социальным?

Становлению новых форм классовой борьбы препятствует факт, который характеризуется просто удивительным и поразительным обстоятельством: *многие из тех, кого относят к прекариату, ни разу не видели своего работодателя, не знают, кому принадлежит организация или предприятие*, где они работают, не знают планы по их развитию. Такое положение делает прекариат абсолютно отстраненным от адресного влияния и воздействия на органы хозяйственного управления. Это удивительным образом совпадает с реалиями российской действительности. Напомним, после теракта в Домодедово официальные органы более года устанавливали

личность владельца этого аэропорта. Не менее поразительны случаи незаконного использования нелегалов-мигрантов на многочисленных стройках

столицы и других регионов России, когда часто невозможно установить владельцев и ответственных лиц за эти стройки.

Возможна ли общая идеология у прекариата?

Такая постановка вопроса требует наличия ряда принципиальных условий. Во-первых, для формирования единого или схожего мировоззрения необходима *солидарность*, которая духовно объединит все (или большинство) слои прекариата и продемонстрирует общее намерение в достижении целей, связанных с благополучием людей и их уверенностью в будущем.

Во-вторых, на основе солидарности должны сформироваться *идеи*, которые могут послужить консолидирующим началом. На наш взгляд, эти идеи есть. Все слои прекариата в той или иной форме желают соблюдения и применения к ним принципов социальной справедливости, обладания гарантиями своей защищенности и уверенности в будущем своей семьи. Конечно, эти идеи дополняются требованиями в зависимости от специфики того или иного слоя, той или иной общности.

В-третьих, распространение общих идей, понимание и усвоение общих объединяющих целей должны вести к сотрудничеству, стремлению действовать не порознь, а сплоченно, что в свое время было характерно для пролетариата. Это не сможет сразу коснуться всех слоев прекариата, но именно осознание общности идей может объединить смежные группы, например преподавателей и ученых, что уже нашло отражение в попытках их объединения в рамках не только общественных, но и политических организаций.

И наконец, необходимы *лидеры*, соответствующие профсоюзные, профессиональные, политические объединения, которые сплотят эти разнообразные ряды и будут руководить ими в целях отстаивания социальных интересов.

Но несомненно одно: уровень недовольства в обществе питается в основном из этих рядов, а не из андеркласса и пауперизованных слоев населения. Стоит подчеркнуть, что недовольство копится также среди значительной части молодежи, которая, несмотря на внешнее благополучие и устроенность, не обладает гарантированной стабильностью, возможностью строить карьеру и обеспечивать себе защищенное будущее.

Где искать выход? Прежде всего нужно остановить «расползание» неформальных трудовых отношений. Современные формы трудового права

имеют огромный потенциал, позволяющий упорядочить и оформить любые формы трудового взаимодействия. Нужно вернуть понятия справедливости и гуманизма в экономику, понимание того, что рядовые работники не менее ценны для общества, чем предприниматели или чиновники [18]. Необходим ответственный диалог работников с работодателями. Можно, конечно, ничего этого не делать, продолжать гнаться за снижением трудовых издержек любой ценой. Но следует понимать, что мы формируем новую структуру общества. В написание можно почитать «О дивный новый мир» О. Хаксли или «Облачный атлас» Д. Митчелла, которые расскажут, что будет дальше.

Таким образом, мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием – прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Составляющие его социальные группы не выработали еще чувства солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей политической программы и соответствующей идеологии. Прекариат все еще является «классом в себе», который стоит на пороге превращения в «класс для себя». Но он уже представляет собой устойчивое социально-классовое образование, объединяющее огромные массы людей и закрепляющее их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности своих возможностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат будет превращаться в класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьба страны.

В силу специфики этот класс не станет базой социальной поддержки официальной политики, ибо у него нет никаких оснований испытывать удовлетворенность своим социальным положением, так как оно обусловлено размытостью и неопределенностью. Прекариат непременно будет искать, сначала стихийными, а затем и организованными действиями, выход из положения. Одним из условий постепенного осознания своего статуса станет роль прекариата в олицетворении социальной напряженности. И хотя прекариат еще не осознал себя «классом для себя», это может произойти точно таким же путем, как в случае с пролетариатом, долгое время являвшимся «классом в себе».

Библиографические ссылки

1. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
2. Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социол. исслед. 2015. № 12. С. 99–110.

3. Михельсон-Ткач В. Л., Скляр Е. Н. Процесс согласования ценностей: проблемы и оценка // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 1. С. 71–77.
4. Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В. и др. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // Социол. исслед. 2015. № 5. С. 52–60.
5. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2016.
6. Козина И. М. Работники заемного труда // Социол. исслед. 2013. № 5. С. 19–31.
7. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения : докл. Центра труд. исслед. / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой, С. Рощина. М., 2017.
8. Истомин В. Кризис и безработица угрожают стране социальным взрывом // Версия. 2015. № 3. С. 17.
9. Малахов В. С. Аллохтоны и автохтоны: мигранты как субъект социального (взаимо)действия // Полис. 2015. № 1. С. 111–125.
10. Мурадова А. Фриланс. Как сам себе начальник. М., 2007.
11. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социол. исслед. 2017. № 1. С. 81–93.
12. Голодец О. XIV Международная конференция «Модернизация экономики и общества // Рос. газ. 2013. 3 апр.
13. Бирюков А. А. Появление прекариата или возвращение пролетариата? (о книге Гая Стэндинга «Прекариат – новый опасный класс») // Социол. исслед. 2015. № 10. С. 158–162.
14. Механик А. Униженные и оскорбленные современного мира // Эксперт. 2014. № 1. С. 15–27.
15. Гринберг Р. С. В поисках равновесия. М., 2012.
16. Черныш М. Ф. Классовый анализ и современное российское общество // Модернизация социальной структуры российского общества / отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 1998. С. 9–24.
17. Филиппов В. Отвергнутые государством мигранты становятся новой политической силой // Известия. 1998. 2 сент.
18. Бизюков П. Что такое прекариат? // Газета.ру. 2014. 1 мая.

References

1. Standing G. [Precariat: a new dangerous class]. M., 2014.
2. Shkaratan O. I., Karacharovskiy V. V., Gasiukova E. N. Precariat: theory and empirical analysis (polls in Russia, 1994–2013). *Sotsiologicheskie issled.* 2015. No. 12. P. 99–110 (in Russ.).
3. Michelson-Tkach V. L., Sklyar E. N. [The process of harmonizing values: problems and evaluation]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom.* 2002. No. 1. P. 71–77 (in Russ.).
4. Volovskaya N. M., Plyusnina L. K., Rusina A. V., et al. [Unemployed population and self-employment in Siberian region]. *Sotsiologicheskie issled.* 2015. No. 5. P. 52–60 (in Russ.).
5. Toshchenko Zh. T. (ed.). [The life of the Russians: 25 years later (1980s – mid-2010)]. Moscow, 2016 (in Russ.).
6. Kozina I. M. Workers of borrowed labour. *Sotsiologicheskie issled.* 2013. No. 5. P. 19–31 (in Russ.).
7. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R., Roshchin S. (eds). [The Russian labour market: trends, institutions, structural changes]. Moscow, 2017 (in Russ.).
8. Istomin V. [Crisis and unemployment threaten the country with social explosion]. *Versija.* 2015. No. 3. P. 17 (in Russ.).
9. Malakhov V. S. Immigrants as social agents: allochtones and autochtones. *Polis.* 2015. No. 1. P. 111–125 (in Russ.).
10. Muradova A. [Freelance. As to itself the chief]. Moscow, 2007 (in Russ.).
11. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. Work values of self-employment and organization employment. *Sotsiologicheskie issled.* 2017. No. 1. P. 81–93 (in Russ.).
12. Golodets O. [XIV International conference «Modernization of the economy and society»]. *Ross. gaz.* 2013. 3 April.
13. Biryukov A. A. Emergence of precariat of return of proletariat? (Analysing «The Prekariat: The New Dangerous Class» by G. Standing). *Sotsiologicheskie issled.* 2015. No. 10. P. 158–162 (in Russ.).
14. Mechanic A. [Humiliated and offended by the modern world]. *Jekspert.* 2014. No. 1. P. 15–27 (in Russ.).
15. Grinberg R. S. [In search of balance]. Moscow, 2012 (in Russ.).
16. Chernysh M. F. [Class analysis and contemporary Russian society]. In: Z. T. Golenkova (ed.). [Modernization of the social structure of Russian society]. Moscow, 1998. P. 9–24 (in Russ.).
17. Filippov V. [Migrants, rejected by the state, become a new political force]. *Izvestiya.* 1998. 2 Sept. (in Russ.).
18. Bizyukov P. [What is precariat?]. *Gazeta.Ru.* 2014. 1 May (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.08.2017.
Received by editorial board 09.08.2017.

УДК 316.72.012.32

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ОПЫТ БЕЛАРУСИ

Е. Е. КУЧКО¹⁾, И. В. ЛЕВИЦКАЯ²⁾, Н. П. ВЕРЕМЕЕВА²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Государственный институт управления и социальных технологий БГУ, ул. Обойная, 7, 220004, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты социологического исследования особенностей социального предпринимательства в Беларуси. Выявлена специфика его развития; показаны роль и значение становления института социального предпринимательства. Рассмотрены признаки социального предпринимательства и социального предприятия. Проанализирована проблема мотивации к осуществлению деятельности в указанной сфере. Репрезентированы способы создания и основные характеристики социальных предприятий, а также личностные характеристики социальных предпринимателей.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; социальное партнерство; социальная инициатива; социальная политика.

Благодарность. Данная статья написана на основе материалов, которые были получены в ходе научно-исследовательской работы на тему «Социальное предпринимательство как форма инновационной деятельности в Беларуси и Литве», выполненной при финансовой поддержке БРФФИ в период с 13.03.2015 г. по 31.12.2016 г.

CONTEMPORARY PRACTICES OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP: EXPERIENCE OF BELARUS

A. E. KUCHKO^a, I. V. LEVITCKAYA^b, N. P. VEREMEEVA^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bState Institute of Management and Technologies, Belarusian State University, 7 Abojnaja Street, Minsk 220004, Belarus

Corresponding author: A. E. Kuchko (avesol@yandex.ru)

The article is based on the results of a sociological research into the peculiarities of social entrepreneurship in Belarus; specificity of its development is revealed; the role and importance of the establishment of the institution of social entrepreneurship is shown; indicators of social entrepreneurship and social enterprise are revealed; the problem of motivation to carry out activities in the field of social entrepreneurship is discussed; methods of creating social enterprises are represented, the main characteristics of existing social enterprises are revealed, as well as the personal characteristics of social entrepreneurs.

Key words: social entrepreneurship; social partnership; social initiative; social policy.

Образец цитирования:

Кучко Е. Е., Левицкая И. В., Веремеева Н. П. Современные практики в области социального предпринимательства: опыт Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 102–110.

For citation:

Kuchko A. E., Levitckaya I. V., Veremeeva N. P. Contemporary practices of social entrepreneurship: experience of Belarus. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 102–110 (in Russ.).

Авторы:

Елена Евгеньевна Кучко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Ирина Владимировна Левицкая – кандидат социологических наук, доцент; заведующий научно-исследовательской лабораторией.

Наталья Петровна Веремеева – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории.

Authors:

Alena E. Kuchko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
avesol@yandex.ru

Irina V. Levitckaya, PhD (sociology), docent; head of the scientific-research laboratory.

Nataliya P. Veremeeva, researcher at the scientific-research laboratory.

Acknowledgments. This article is written on the basis of materials, that were got during research work on a theme the «Social enterprise as a form of innovative activity is in Belarus and Lithuania» executed at sponsorship of Belarusian Republican Fund of Fundamental Researches in a period with 13.03.2015 for 31.12.2016.

Социальное предпринимательство, как социальный институт, является элементом социально ориентированной рыночной экономики, сочетающим в себе экономическую эффективность и ориентацию на разрешение или смягчение социальных проблем. Осуществление социально направленной предпринимательской деятельности позволяет частично снять с государства нагрузку, связанную с финансированием социальной сферы.

Обобщая различные подходы к пониманию *социального предприятия*, репрезентируем свойственные ему признаки:

- *социальное воздействие*. Выражается в направленности на решение социальных проблем;
- *инновационность*. Предполагает использование предприятием не только технико-технологических, но и социальных инноваций, которые ориентированы на использование социальных ресурсов (например, вовлечение в деятельность организации социально уязвимых слоев населения);
- *финансовая устойчивость*. Социальное предприятие существует в основном за счет доходов, получаемых от осуществляемой деятельности, при этом доходы реинвестируются в решение социальных проблем;
- *масштабирование и тиражирование*. Масштабирование предполагает «увеличение деятельности социального предприятия в рамках одного юридического лица», а тиражирование означает «применение апробированной социальной бизнес-модели другими организациями в других географических, экономических и социальных условиях» [1, с. 110].

Сегодня интерес к социальному предпринимательству в Европе крайне высок. Это связано с тем, что данный вид деятельности доказал свою эффективность в качестве инструмента повышения устойчивости экономики, а также решения социальных и экологических проблем.

В Республике Беларусь существуют некоторые законодательные условия для развития социального предпринимательства как вида деятельности, направленного на решение социальных проблем. Однако правовое определение терминов «социальное предпринимательство», «социальное предприятие», «социальный предприниматель» в белорусском законодательстве отсутствует. Тем не менее на практике вид предпринимательской деятельности, который формально отвечает принятым в мировой практике критериям отнесения предприятия к категории социального, существует.

Эмпирической базой исследования выступили данные, полученные в ходе глубинных интервью

с руководителями компаний, занимающихся социальным предпринимательством в Республике Беларусь. Были отобраны 11 предприятий, позиционирующих себя как социальные. С их руководителями проведены глубинные индивидуальные интервью. Социальные предприниматели, принявшие участие в исследовании, осуществляют свою деятельность по следующим направлениям:

- создание рабочих мест и обеспечение занятости людей;
- создание специальных услуг для людей с ограниченными возможностями;
- образование, воспитание, помощь в адаптации людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации;
- создание социальных роликов;
- бесплатное обучение людей с инвалидностью;
- развитие предпринимательской культуры, помощь тем, кто хочет открыть собственное дело: обучение азам предпринимательства, поддержка в написании бизнес-планов, а также их реализации;
- развитие инфраструктуры, улучшение экологической ситуации в городе;
- предоставление интернет-ресурсов (веб-сайтов, социальных сетей, баз пользователей) для реализации социальных проектов, оказания консультационных и тренинговых услуг в сфере создания эффективного социального бизнеса;
- создание экологически чистой замкнутой эко-структуры.

Таким образом, деятельность исследованных предприятий направлена на следующие *целевые группы*: люди с инвалидностью; люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации; молодежь; социальные предприниматели. Анализ кейсов показал, что ряд социальных проектов не имеет четко обозначенной целевой группы – их деятельность направлена на широкую аудиторию.

Социальные предприниматели, принявшие участие в исследовании, осуществляют свою деятельность в основном в *сфере услуг*. В кейсах представлены следующие виды деятельности: гостиничный и туристический бизнес; образовательные услуги; ремонт и прокат велосипедов; предоставление интернет-площадок, помощь в реализации социальных проектов.

Таким образом, спектр деятельности и целевые группы хозяйствующих субъектов, позиционирующих себя в качестве представителей социального предпринимательства, разнообразны: от решения проблем социально уязвимых групп (люди с инвалидностью; девушки из неблагополучных семей)

до оказания помощи предприимчивым и успешным людям, имеющим потребность реализовывать социально значимые проекты и участвовать в решении проблем общества.

В основе создания каждого из социальных проектов, инициатив лежит мотив самого предпринимателя. Вопрос о мотивации, т. е. о том, что стало причиной обращения именно к этому виду деятельности, является одним из ключевых при изучении самого феномена социального предпринимательства.

Одной из задач исследования было выяснение *мотивации к занятию социальным предпринимательством*. Выделены следующие *мотивы создания социального бизнеса*:

- 1) стремление оказать помощь в решении проблем ближайшего окружения;
- 2) желание оказать помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации;
- 3) удовлетворение потребности в самореализации, самовыражении и получении общественного признания;
- 4) удовлетворение потребности быть полезным обществу, стремление изменить страну к лучшему.

Поскольку социальное предпринимательство – это бизнес, то одним из мотивов (но далеко не самым важным) является *желание достичь финансовой независимости*.

Есть необходимость реализовывать какой-то проект, который приносил бы мне финансовую независимость, финансовую свободу. Это громко сказано, но, по крайней мере, чтобы кормил меня, семью, чтобы детям можно было дать образование¹... (Кейс 8.)

Однако в отличие от остальных бизнесменов у социальных предпринимателей такой мотив, как повышение личного благосостояния, не является приоритетным. Ни один из проинтервьюированных не назвал получение прибыли в качестве основного побудительного стимула к созданию предприятия/проекта. Таким образом, мотивационная структура предпринимательской деятельности у обычных и социальных предпринимателей различается; у последних мотивация заметно сдвинута в сторону достижения социально полезных целей, а не материального благополучия.

Говоря в терминах группового портрета, можно отметить у социальных предпринимателей – участников исследования не только свойственное большинству людей желание, чтобы жизнь стала лучше, но и готовность активно способствовать ее улучшению, решению социальных проблем, искать новые способы, пути изменения сложившегося социального порядка.

Таким образом, особенностями мотивации социальных предпринимателей можно назвать рас-

пространенность альтруистических мотивов, таких как достижение общественно значимых целей, желание быть полезным обществу, изменить мир к лучшему и т. п., а также потребность в самореализации и личностном росте. Традиционный мотив ведения бизнеса – повышение собственного материального благосостояния – у социальных предпринимателей отходит на второй план.

На основе анализа кейсов можно выделить *три способа создания социальных предприятий*: создание предприятия с нуля; развитие социального предпринимательства на основе профессиональной деятельности лидера; создание социального предприятия материнской организацией.

Создание предприятия с нуля происходит, когда на основе анализа разнообразного опыта и собственного новаторства создается новое предприятие.

Примером может служить «Серебряная лебедь». Основной вид деятельности социального предпринимателя – организация курсов для адаптации и обучения девушек из сельской местности и неблагополучных семей.

Реализация социальной идеи представлена в деятельности социального предпринимателя, руководящего проектом «Мивия», который реализует новую идею – проведение экскурсий для слепых людей.

Примером успешной деятельности в сфере социального предпринимательства может служить некоммерческая платформа *Talaka.by*, поддерживаемая ЧУП «Талака Технологии».

Примером *развития социального предпринимательства на основе профессиональной деятельности лидера* и вычленения из нее одного из направлений в самостоятельное может служить проект некоммерческой организации «Социальное кино», а также проект «Интернет – барьеров нет», который выделился как одно из направлений в предпринимательской деятельности его лидера.

Создание социального предприятия материнской организацией (чаще всего общественной) выглядит следующим образом. Многие из коммерческих предприятий, которые для реализации своих целей учредили некоммерческие организации, имеют значительный опыт работы. Так, предприятия общества инвалидов – это система организаций, созданная еще в советское время. Она по-прежнему является одним из основных элементов системы трудоустройства людей с ограниченными возможностями. Сегодня свои предприятия имеют Белорусское общество инвалидов, Белорусское общество глухих, Белорусское товарищество инвалидов по зрению и др. Примером социального предприятия подобного типа является гостиница «Губернская»,

¹Здесь и далее ответы респондентов даны курсивом.

которая была создана по инициативе Белорусского товарищества инвалидов по зрению, а также частное производственно-торговое унитарное предприятие «АртИдея», открытое в рамках проектной деятельности Белорусской организации помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам.

Одним из важнейших признаков социального предпринимательства выступают самокупаемость, устойчивая коммерческая эффективность, способность решать социальные проблемы за счет доходов, получаемых от собственной хозяйственной деятельности. В ходе интервью респондентам было предложено указать источники финансирования их деятельности. В качестве таковых были названы:

- хозяйственная деятельность предприятия/организации;
- краудфандинг – добровольные пожертвования сторонников проекта, инициативных групп, заинтересованных в его развитии;
- меценатская помощь;
- взносы и собственные средства учредителей, членов организации;
- получение финансирования от доноров (гранты).

В идеале социальный бизнес должен быть прибыльным или по крайней мере самокупаемым. Однако социальные предприниматели *работают в тех сферах, где бизнес изначально не видит какой-то большой выгоды* (кейс 7), они находят неудовлетворенную общественную потребность и удовлетворяют ее не в целях извлечения личной выгоды, а руководствуясь альтруистическими идеями.

Особенностью социального предприятия является то, что оно изначально создается не по законам экономики. Коммерческое предприятие создается на основании потребностей (допустим, дефицита товаров или услуг), за которые люди готовы платить. Бизнесмен использует сложившуюся на рынке ситуацию. Социальное предприятие создается, когда есть какая-то социальная проблема, для ее решения. Ситуация на рынке может быть абсолютно неблагоприятной для создания предприятия. Но оно создается, и приходится преодолевать большие препятствия, потому что при создании социального предприятия приоритеты все равно отдаются не экономическим, а социальным факторам. (Кейс 7.)

Часть услуг социальные предприниматели, руководствуясь идеей первенства социальной миссии и учитывая специфику целевых групп, предоставляют бесплатно либо по льготным ценам.

Понятно, что модель наша не изменилась – это социальный бизнес, намеренный образовывать женщин, которые не могут себе позволить оплатить

образование. По-прежнему те, кто не может, не платят. (Кейс 10.)

Сейчас есть идея организовать курсы по электронному бизнесу. И прежде всего здесь нужны продажи по Минску. А потом уже – социальный бизнес, позволяющий давать бесплатный доступ для людей с инвалидностью. (Кейс 1.)

Выбор коммерческого механизма получения финансовых средств для развития своего дела не всегда приемлем с учетом специфики деятельности и особенностей сотрудников. Так, например, люди с тяжелыми расстройствами физического и психического здоровья не могут и не должны на равных конкурировать на рынке, а потому следует искать некие модели, которые позволят подобным организациям осуществлять общественно полезную деятельность, не создавая коммерческую структуру, работающую по правилам бизнеса.

У нас нет понятия «социальное предприятие»... Нет, например, социально защищенных мастерских¹. И поэтому мы вынуждены были открыть коммерческую структуру. Нас сейчас все трактуют как коммерческую структуру. Начинаю отчеты сдавать – «А почему у Вас такая выручка маленькая? А почему у Вас так люди мало получают?» Я не хочу коммерческое предприятие открывать, я хотела бы, чтобы мои люди хоть как-то положение свое изменили, улучшили. Вот моя цель какая была. Дать этим людям самовыразиться в труде, помочь. А видите, что получается...» (Кейс 2.)

Из-за невысокой доходности организационные расходы социального предприятия (особенно на начальном этапе деятельности) часто бывают неподъемными.

В правовом поле есть статус ИП, казалось бы, регистрируй и занимайся социальным предпринимательством. Но большинство людей, начинающих социальную инициативу с возможностью дальнейшего заработка, поначалу рассматривают это как благотворительное движение. И для них статус ИП не подходит. Потому что уже на второй-третий месяц они будут отчитываться налоговому инспектору, где их выручка. Какой-нибудь альтернативный вариант «индивидуального социального предпринимателя» был бы очень полезен. (Кейс 11.)

За что-то нужно жить. А тем более, когда создаешь какую-то юридическую форму организации <...> скажем, тот же ЧУП. <...> Нужно нанимать человека, бухгалтера, нужен офис. Эти затраты ежемесячные. Если у тебя пока нет ежемесячного дохода, то как ты можешь это оплачивать? (Кейс 5.)

В значительной степени сдерживающим фактором достижения экономической стабильности является недостаток у социальных предпринимателей экономических знаний и опыта работы в условиях рынка.

¹Как, например, в Германии.

Мне кажется, еще недостаточно навыков ведения устойчивого бизнеса. Потому что, если говорить о бизнесе в сфере торговли, там все четко, понятно. А как работать, например, в сфере образования, где ты решаешь социальную проблему и не знаешь, как вывести дело на бизнес-модель? Этих знаний не хватает, и сейчас, может быть, важным было бы перенять зарубежный опыт, апробировать его, создать курсы по устойчивому развитию бизнеса от а до я, рассмотреть все модели: менеджмент, маркетинг, мониторинг. (Кейс 10.)

К трудностям объективного характера относится также ухудшение общей экономической ситуации.

Дела обстоят не очень хорошо. Особенно в последнее время <...> всем тяжело. И предприятия закрываются, и рабочие места сокращаются. И нас это коснулось. За пять лет мы впервые не можем выплатить зарплату в срок, потому что очень мало заказов. Причем мы не стоим на месте, постоянно движемся, открываем новые виды деятельности. (Кейс 2.)

Таким образом, сегодня не все социальные проекты являются финансово устойчивыми, некоторые из них существуют пока за счет личных средств социального предпринимателя, а также за счет средств (либо ресурсов), получаемых от партнеров по проектам. Часто социальные предприятия в значительной степени материально зависят от спонсорской помощи, грантов и благотворительных фондов.

У нас в Беларуси есть несколько особенностей. В первых, у нас социальное предприятие – это не всегда успешный бизнес. Успешный бизнес предполагает, что организации имеют стабильную прибыль и <...> действуют стабильно и успешно с точки зрения бизнеса. (Кейс 7.)

В ходе интервью было отмечено, что в Беларуси по сравнению с другими странами более четко выражена грань между социальной и экономической составляющими социального предпринимательства с явным перевесом социальной.

В Беларуси большинство предприятий создано не представителями бизнеса, а представителями общественных организаций. И соответственно, у них основная ориентация не на бизнес, а на решение социальных проблем. Например, есть задача трудоустроить людей с инвалидностью – трудоустроили. А о каком-то успешном бизнесе речь даже не идет: нет бизнес-плана, нет маркетингового специалиста и т. д. То есть хоть предприятие и пришло в бизнес, оно продолжает использовать модель общественной организации... Конечно, такое предприятие нуждается в поддержке и не показывает те результаты, которые должно показывать бизнес-предприятие. И этот перекоп пока наблюдается. (Кейс 5.)

Вместе с тем современное состояние социального предпринимательства в Беларуси все больше и больше определяется социальными предприятиями, изначально создающимися на основе бизнес-модели.

Сегодня все больше и больше молодежи создает предприятия, которые нацелены на решение социальных проблем. Но они изначально созданы на основании инноваций, на основании понимания, что бизнес необходимо строить по бизнес-модели, а не только держать в голове решение социальной проблемы. Эти предприятия более успешны, чем те, которые работают уже долго, но так и не перестроились на «рельсы» бизнес-модели. (Кейс 9.)

Результаты исследования свидетельствуют: для части социальных предпринимателей хозяйственная деятельность пока не стала основой финансирования их общественно полезной инициативы. Причины, по которым многие социальные предприятия не могут достичь финансовой устойчивости, по мнению самих предпринимателей, следующие:

- работа в невыгодных сферах;
- вынужденное предоставление бесплатных услуг в соответствии с выбранной социальной миссией;
- использование труда людей с ограниченными возможностями (опять же в соответствии с социальной миссией), что не обеспечивает конкурентоспособность на рынке;
- непосильные организационные расходы, особенно на стадии становления предприятий;
- недостаток экономических знаний у самих социальных предпринимателей;
- ухудшение общей экономической ситуации.

Это говорит о том, что социальное предпринимательство в Беларуси только набирает силу и нуждается в поддержке. Речь идет как о правовой, так и о финансовой помощи в виде льготного налогообложения и кредитования, льготных тарифов на оплату коммунальных услуг и аренду помещений, а также прямого субсидирования. Пока далеко не все социальные предприятия осуществляют выполнение своей социальной миссии на средства, полностью или в значительной мере заработанные ими в процессе собственной предпринимательской деятельности.

Широта социальных связей является одним из индикаторов социального капитала личности, ее вовлеченности в систему межличностных взаимодействий. Социальный капитал, в свою очередь, это те ресурсы, которые могут быть использованы для реализации деятельности социальных предпринимателей. Практически все участвовавшие в исследовании организации используют кооперацию и партнерство. По сути, это один из важнейших ресурсов социального предпринимательства,

который является бесплатным и основан на доверии и опыте взаимной работы в предшествующий период.

Согласно самооценкам респондентов, уровень их общественной активности является очень высоким. Во многих организациях партнерство носит характер неформальной дополнительной поддержки.

Зрелость любого сообщества определяется в том числе наличием неких узнаваемых «образцов», «героев», задающих культурные нормы деятельности сообщества. Для сообщества социального предпринимательства такие образцы только создаются, а само сообщество находится в стадии формирования.

Мне кажется, их (социальных предприятий) очень мало. Если говорить уже так глубоко на эту тему, в основном я вижу социально ответственный бизнес. Если говорить о какой-то бизнес-модели, которая начиналась именно как социальный бизнес, я не могу привести даже примера. В Америке – да, я могу привести вам множество примеров. В Беларуси – нет. (Кейс 10.)

Важной составной частью социальных связей являются коммуникации внутри сообщества социальных предпринимателей. Само сообщество сегодня хотя и остается довольно узким, но все же активно расширяется. Опрос показал, что участники исследования в той или иной мере знают о других белорусских социальных предпринимателях, многие знакомы лично, встречаются и взаимодействуют. То есть сообщество социальных предпринимателей существует и не является разрозненным. Большой вклад в развитие сообщества социальных предпринимателей вносят специально созданные для размещения информации о социальных инициативах и проектах интернет-платформы, такие как *Talaka.by*, *StartIdea*, *MacSens*:

Опубликовала свой проект на портале, где такие же, схожие идеи, – на Talaka.by. На тот момент эта белорусская платформа уже действовала года два. Просто предполагалось разместить свой проект и тем самым осветить потребности, в которых нуждается автор проекта. Я действительно перечислила, что мне было необходимо на тот момент, начиная от помещения и заканчивая преподавателями.

Да, еще была платформа StartIdea. Это такое пространство для информационного пиара. Там тоже достаточно много проектов, и люди, которые смотрят странички проектов, могут ставить голос: понравился проект или нет. (Кейс 10.)

Опыт работы платформы *Talaka.by* можно привести в качестве примера одного из наиболее успешно реализуемых белорусских инициатив в сфере социального предпринимательства. Замысел проекта состоит в том, чтобы создать площадку

для функционирования и коммуникации различных социальных инициатив, властных структур, бизнеса и институтов гражданского общества. Организация оказывает помощь в реализации конкретных социальных проектов. Функции организации заключаются в предоставлении площадки, на которой инициативные люди могут заявить о своих идеях, проектах (обязательно связанных с решением какой-либо социальной проблемы), оказании консультационных и тренинговых услуг в сфере создания эффективного социального бизнеса. Методология создания и реализации социальных проектов включает уже готовые, понятные схемы деятельности будущего предприятия в помощь начинающим: модель бизнес-плана, организацию обучения потенциальных участников предприятия, краудфандинг и т. д. Но конечной целью руководитель проекта видит улучшение ситуации в Беларуси.

Есть определенный субъект, мы называем его «Талака». Это большое сообщество, которое складывается из различных инициатив, организаций, социальных предприятий, просто активистов, которые так или иначе знакомы, могут делиться ресурсами, компетенциями и т. д. <...> И этот субъект должен улучшать Беларусь. Он это делает благодаря инструменту – платформе Talaka.by. При помощи маленьких проектов. Понятно, что большие социальные проблемы маленькими проектами не решаются – нужны целые программы. Но если проектов много, если они делаются в разных городах, в разных сферах, различными людьми, то это шаг от Беларуси нынешней к Беларуси лучшей. Мы создаем платформу, мы помогаем этому сообществу включаться в сеть, спланиваться. Если мы сравним ее с заводом, нарисуем платформу в виде черного ящика, где на входе, скажем, люди, идеи, ресурсы. Что оказывается на выходе? Первое – это реализованные проекты, а второе – это сообщество неравнодушных людей, которое само по себе представляет ценность.

Кто влияет из таких важных субъектов на страну? Разумеется, государство, чиновники, структуры власти, бизнес и гражданское общество в широком смысле. Мы хотим, чтобы и государственные структуры, и бизнес, и гражданское общество использовали платформу Talaka.by как некую коммуникационную площадку, где можно выслушать друг друга, договориться и как-то организовать свою деятельность. И тогда можно значительно ускорить развитие страны. (Кейс 4.)

Talaka.by представляет собой не только коммуникационную площадку для социальных предпринимателей, она также стимулирует и популяризирует этот вид деятельности. На базе платформы регулярно организуются мастер-классы, обучающие семинары, обеспечивающие социально активных

граждан информацией, необходимой для развития собственного социального бизнеса.

StartIdea – широко известная интернет-площадка, которая позволяет наиболее социально активным гражданам создавать и продвигать общественно значимые проекты. Платформа предоставляет пользователям возможности бесплатного размещения проектов, поиска единомышленников и инвесторов. При этом площадкой не предусмотрен сбор денежных средств с помощью краудфандинга. Иными словами, *StartIdea* – это в первую очередь именно коммуникативный ресурс, объединяющий социальных предпринимателей по всей стране. Кроме того, основателями платформы регулярно организуются различные конкурсы и стажировки, обеспечивая информационную составляющую развития социального предпринимательства.

Интернет-площадка *MaeSens* – еще один из успешных ресурсов, объединяющих инициаторов социальных проектов. Свою работу платформа начала в октябре 2011 г. Изначально она задумывалась исключительно как краудфандинговая и основной целью ее создания был сбор средств на решение общественно значимых задач. Но с 2013 г. команда *MaeSens* инициировала проведение ежегодного конкурса социальных проектов *Social Weekend*, который позволяет участникам презентовать свои идеи, находить инвесторов, а также получать хорошую информационную поддержку. В рамках конкурса можно отметить тенденцию роста заинтересованности участников в создании устойчивых самокупающихся проектов, которые могут претендовать на статус социального предприятия.

Большое значение имеет коммуникативный потенциал *Social Weekend*. Благодаря конкурсу социально активные граждане имеют возможность объединяться, обмениваться идеями, делиться опытом, заимствовать эффективные решения и бизнес-модели, а также находить любые виды помощи, необходимой для решения общественно значимых проблем. В случае социального предпринимательства ввиду того, что эта практика относительно нова и пока слабо изучена, именно беспрепятственный обмен информацией играет ключевую роль.

Такие интернет-площадки, как *Talaka.by*, *StartIdea* и *MaeSens*, способствуют формированию сообщества социальных предпринимателей посредством предоставления особого коммуникативного пространства. Платформы помогают объединяться наиболее социально активным гражданам, популяризировать общественно ответственную деятельность, привлекать к ней более широкие слои населения. Возможность обучения, стажировок, участия в проводимых конкурсах, обмена информацией – еще один фактор, способствующий концентрации

наиболее инициативных и предприимчивых социальных активистов вокруг рассматриваемых платформ.

Социальные предприниматели – это относительно новый для нашей страны тип предпринимателей, рассматривающих свою деятельность как возможность решения или смягчения социальных проблем, помощи людям. Они осознанно ведут свой бизнес, ставя на первое место социальные цели, а доходную сторону бизнеса – на второй план.

Я считаю, что социальный предприниматель – это такой человек, который приходит в бизнес с идеей, приносящей пользу обществу и делающей мир лучше. Есть такая жилка, ниточка, которая дает тебе понимание, что ты делаешь это в первую очередь для того, чтобы сделать хорошее, реализовать себя, улучшить, скажем, свое окружение. Ну а заработок – на втором месте. Добрый человек делает бизнес, чтобы заработать, а потом – чтобы сделать что-то хорошее. А социальный предприниматель делает сначала хорошее дело и дальше уже зарабатывает, чтобы поддерживать на плаву бизнес и себя. (Кейс 5.)

Сегодня социальный предприниматель – это человек, который очень четко увидел социальную проблему и умеет вести бизнес. (Кейс 4.)

В большинстве своем те, кто решается посвятить себя этой сложной области бизнеса, – новаторы. Они способны сплотить вокруг себя единомышленников, изыскать необходимые ресурсы для решения социальных проблем, объединить собственные знания с самыми современными технологиями. Социальные предприниматели создают точки роста, вокруг которых формируются не только новые предприятия, но и особые общественные отношения.

По мнению социальных предпринимателей, вы сказанному в ходе проведения глубинных интервью, людей, занимающихся социальным бизнесом, отличают определенные личностные характеристики, среди которых: склонность к деятельности, направленной на решение социальных проблем; активная гражданская позиция; инновационность мышления и деятельности; предпринимательская жилка. Социальным бизнесом занимаются люди, которых отличают высокое чувство ответственности, страсть к делу, которым они занимаются.

Это должна быть страсть, любовь к делу. Это звучит громко, но без этого нельзя развиваться. Это как знаки судьбы, которые тебя ведут к делу. Так в основном и начинали все бизнесмены, которые горели своей идеей, видели на 20 лет перспективу своего дела... (Кейс 10.)

Вместе с тем социальных предпринимателей отличают наличие предпринимательского подхода, способность к ведению бизнеса.

Предположим, люди способны хорошо сфокусировать проблему. Как правило, если средств нет, то

возможен только анализ и фиксирование проблемы. Чтобы что-то поменять, нужно проводить серьезную работу. Должны быть финансы, экономическая составляющая. Есть люди, которые могут быть чувствительны к социальной проблеме и переживать об этом, но решить ее они не могут, потому что не нашли спонсоров и сами не зарабатывают на это. И это уже не социальное предпринимательство. Это просто переживания. (Кейс 11.)

Таким образом, социальным предпринимателям характерны определенные личные и морально-нравственные качества, сопричастность к судьбе страны и одновременно – готовность к предпринимательской деятельности, новаторство, стремление сделать жизнь сограждан лучше.

Трактуя понятие «социальное предпринимательство», большинство экспертов говорит о том, что оно должно соответствовать определенным критериям. В ходе анализа из ответов информантов были выделены характерные признаки социального предпринимательства.

Важной характеристикой социального предпринимательства, по мнению участников исследования, является превалирование социальной миссии над коммерческой составляющей. Основной целью социального бизнеса (в отличие от обычного), на взгляд респондентов, выступает решение социальной проблемы, а не увеличение прибыли.

Социальное предпринимательство в моем понимании – это модель устойчивого развития бизнеса, которая направлена на решение социальной проблемы. (Кейс 10.)

Чем отличается социальный бизнес от обычного? У предпринимателя, у бизнеса первая и основная цель – увеличение прибыли, накопление капитала, получение годовой прибыли. У социального предприятия основная цель – решение определенной общественной проблемы. Только на втором месте – финансовый вопрос, но он идет скорее от финансовой стоимости. Это такая альтернативная модель изменения моделей общественной организации. (Кейс 4.)

Участники опроса единодушны в том, что социальное предприятие предназначено для решения или смягчения остроты реальной социальной проблемы. Социальный эффект является не пробным продуктом, а основной целью деятельности социального предприятия.

Результатом деятельности такого бизнеса является социальный эффект. И это не только результат, это и цель деятельности. Соответственно, необходимость достижения этого социального эффекта, как правило, прописана в уставе организации или разделяется всеми учредителями организации. Социальное предприятие существует ради решения социальной проблемы. То есть бизнес все-таки зарабатывает деньги. Когда у него есть деньги, он помогает решать социальные проблемы, нет денег –

не помогает. Социальное предприятие существует ради решения социальной проблемы. Социальное предприятие помогает и решает социальную проблему вне зависимости от состояния. Лучше, хуже <...> но для нее это приоритет. (Кейс 7.)

Весь бизнес-процесс компании, работающей в сфере социального предпринимательства, структурируется двумя доминирующими направлениями. В первую очередь это решение общественно значимой проблемы, а затем уже – получение прибыли. Баланс этих направлений определяет сущность социального предпринимательства.

Конечно, и на наших форумах, и у меня лично всегда возникает вопрос: что первично – бизнес или социальная ответственность? Или я должен быть социально ответственным, а бизнес уже вторичен? Или наоборот: система должна заработать, получится устойчивый бизнес, а уже свои социальные идеи я реализую после? Здесь, наверное, как инь-янь: все взаимодействует. (Кейс 11.)

Повторим, важной характеристикой социального предприятия являются устойчивая коммерческая эффективность, самокупаемость и конкурентоспособность, использование бизнес-механизмов, присущих прибыльному бизнесу. Но следует отметить, что далеко не все участники опроса назвали эту характеристику при определении социального бизнеса.

Конечно, здесь надо избежать и фантазий о том, что люди такие чувствительные, говорят об этом, но у них нет финансовой основы... Это, конечно, тоже не социальное предпринимательство. Если проект не окупает себя – это не бизнес. Это просто инициатива, благотворительная инициатива, с которой я начинала. И они не имеют права называть себя социальными предпринимателями, потому что не выработали модель устойчивого развития бизнеса. Решают социальную проблему, но тем самым к бизнесу еще не приблизились. (Кейс 10.)

Если это предпринимательство, оно подразумевает зарабатывание денег. То есть проект должен окупаться. Если это только социальное направление, нужно искать еще какие-то дополнительные источники финансирования. Иначе благотворительный проект получается. Предпринимательство – это бизнес. То есть это должен быть полноценно построенный бизнес, который приносит прибыль, который не работает за счет каких-то дополнительных источников финансирования. (Кейс 3.)

Социальное предприятие – это обязательно успешный бизнес, который имеет прибыль и развивается, зарегистрирован как бизнес... (Кейс 7.)

Предпринимательство – это бизнес. Полноценно построенный бизнес, который приносит прибыль, не работает за счет каких-то дополнительных источников финансирования. (Кейс 4.)

Отличие социальных предприятий от обычного бизнеса заключается также в том, что доходы от хозяйственной деятельности такого предприятия реинвестируются в социальные программы, достижение социальных целей, а не распределяются между его инвесторами и собственниками.

Он [социальный бизнес] решает какие-то проблемы людей с ограниченными возможностями, например трудоустройство инвалидов. Либо прибыль, которую получает предприятие, отправляется не на частные цели, а на какие-то социальные цели, благотворительность, помощь. (Кейс 3.)

Прибыль предприятия реинвестируется именно в развитие социального предприятия, не распределяется между учредителями, а больше или меньше посвящена решению социальных проблем либо развитию этого социального предприятия. (Кейс 7.)

Социальный бизнес характеризуется также демократичностью управления.

Вообще все ключевые стратегические решения предприятия принимаются демократическими методами, а не авторитарно, как во многих бизнес-организациях. (Кейс 7.)

Таким образом, к числу наиболее важных признаков социального предпринимательства относятся:

- первенство социальной миссии над коммерцией;
- устойчивая коммерческая эффективность, самокупаемость и конкурентоспособность;
- высокая ответственность за результаты деятельности перед обществом;
- демократичность управления;
- инновационный подход.

Выделенные признаки действительно относятся к числу неотъемлемых характеристик этого явления, признаваемых специалистами и экспертами в области социального предпринимательства.

Социальное предпринимательство пока не очень широко развито в Беларуси. Однако существующие примеры позволяют говорить о больших перспективах данного направления. Граждане готовы самостоятельно решать острые социальные

проблемы, о чем свидетельствует успех ряда проектов.

Для достижения заметного прогресса в распространении социального предпринимательства в Беларуси необходимо решить ряд важных задач.

Во-первых, это создание соответствующей нормативной базы и законодательное закрепление понятия «социальное предпринимательство», а также включение государства в процесс финансирования проектов на начальном этапе. Существующие нормативные акты не в полной мере отражают особое положение, которое социальные предприятия занимают в ряду традиционных бизнес-структур. Необходимо четко отграничить эту сферу деятельности, придать ей определенный статус, что позволит более активно продвигать модель социального предпринимательства в регионах. Следует также дать зеленый свет механизмам государственной поддержки этой области. Социальное предприятие на начальном этапе в большинстве случаев требует минимальных вложений. Государственная поддержка данного вида деятельности даст очевидный мультипликативный эффект: одновременно с решением определенной социальной задачи создается и новый источник налоговых поступлений.

Второй важной задачей является активное информационное сопровождение, проведение просветительской кампании. Модель социального предпринимательства позволяет освещать идеи и результаты проектов как в традиционных, так и в новых медиа. В этом заключается радикальное отличие от благотворительности, в случае с которой публичность не всегда уместна. Информационная кампания должна быть ориентирована на три ключевые аудитории: широкую общественность, представителей региональных органов власти и потенциальных социальных предпринимателей. Привлечение внимания широкой общественности должно изменить отношение людей к самому феномену социального предпринимательства, продемонстрировать его жизнеспособность и всеобщую значимость.

Библиографические ссылки

1. Зверева Н. Создание успешного социального предприятия. М., 2015.

References

1. Zvereva N. [Creating a successful social enterprise]. Moscow, 2015 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 11.09.2017.
Received by editorial board 11.09.2017.*

Р. S. 16 октября Елена Евгеньевна Кучко отметила юбилей. Присоединяемся к многочисленным поздравлениям в адрес нашей дорогой именинницы. Также поздравляем Елену Евгеньевну с награждением знаком Министерства образования Республики Беларусь «Отличник образования». Здоровья Вам, счастья, благополучия и новых творческих свершений!

Редколлегия

УДК 316.4

МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА НА МОСКОВСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ

Г. И. ОСАДЧАЯ¹⁾

¹⁾*Институт социально-политических исследований Российской академии наук,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, 119333, г. Москва, Россия*

Показано, что трудовая мобильность граждан государств – членов ЕАЭС соответствует потребностям и особенностям московского рынка труда, обеспечивает замещение наименее востребованных москвичами рабочих мест, не вытесняя их с рынка. Новый правовой статус, который получили представители стран – участниц союза, способствовал в условиях кризиса поддержке трудовой мобильности и изменению структуры в пользу работников из государств – членов ЕАЭС. Выявлено, что эмоционально-оценочная реакция на изменение своего статуса на московском рынке труда позитивна более чем у 65 % мигрантов, которые сумели здесь адаптироваться; при этом наиболее успешно вписались в московские реалии мигранты из Беларуси и Армении; среди не адаптировавшихся в мегаполисе мигрантов маргинальные позиции чаще занимают приехавшие из Кыргызстана. Отмечается, что на социальное самочувствие мигрантов влияет неприятие частью населения столицы трудовой мобильности: 35 % мигрантов из государств – членов ЕАЭС во время своего пребывания в Москве ощущали дискомфорт, сталкивались с дискриминацией по национальному или этническому признаку, при этом отчетлива тенденция: чем дальше культурная дистанция, тем менее желательны мигранты. На основе анализа проблем, с которыми наиболее часто сталкивались мигранты, обоснованы направления совершенствования миграционной и социальной политики Москвы.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; рынок труда; трудовая мобильность; социально-профессиональный профиль; социальное самочувствие.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 16-03-00841/17.

MIGRANTS FROM THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AT THE MOSCOW LABOUR MARKET: SOCIO-PROFESSIONAL BACKGROUND

G. I. OSADCHAYA^a

^a*Institution of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences,
6 Fotievoi Street, 1 building, Moscow 119333, Russia*

The article shows that the citizens' labour mobility of the EEU member States corresponds to the needs and the features of the Moscow labour market. It provides replacing workplaces less demanded by the Muscovites not being forced out of the market. The new legal status, which the representatives of the EEU countries received, in a crisis contributed to supporting labour mobility and changing the structure in favour of the workers from the EEU member States. It has been identified that more than 65 % of the migrants' emotional and appraisal reaction to the change of their status in the Moscow labour market is positive, they could adapt here. Belarusian and Armenian migrants are more successfully harmonized into the Moscow realities. Among not adapted migrants, who take marginal positions in the Moscow megapolis more frequently, are those who come from Kyrgyzstan. The negative attitude of the majority population from the Capital of labour mobility influences

Образец цитирования:

Осадчая Г. И. Мигранты из стран Евразийского экономического союза на московском рынке труда: социально-профессиональный профиль // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 111–119.

For citation:

Osadchaya G. I. Migrants from the countries of the Eurasian Economic Union at the Moscow labour market: socio-professional background. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 111–119 (in Russ.).

Автор:

Галина Ивановна Осадчая – доктор социологических наук, профессор; заместитель директора по научной работе, руководитель Объединенного центра исследований социальных и социально-политических процессов евразийской интеграции.

Author:

Galina I. Osadchaya, doctor of science (sociology), full professor; deputy director for research work; head of the joint center for studies of social and socio-political processes of Eurasian integration.
osadchaya111@gmail.com

migrants' social well-being. 35 % of the migrants from the EEU member States during their stay in Moscow felt discomfort and experienced discrimination for national and ethnic reason. The farther the cultural distance, the less migrants are desirable. Areas have been substantiated for improvement in the migration and social policy of Moscow based on the analysis of such problems as house hunting, difficulties to get a job, bad conditions for further training and professional growth, negative stereotypes and prejudices from other people, which migrants faced most of all.

Key words: Eurasian Economic Union; labour market; labour mobility; socio-professional background; social well-being.

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 16-03-00841/17.

Свобода движения рабочей силы в ЕАЭС и эффективное использование трудового ресурса на одном из самых крупных рынков труда являются важным условием успешной интеграции государств – членов Евразийского экономического

союза. Это определяет значимость аналитического мониторинга трудовой мобильности из стран-членов в Москву, условий трудовой деятельности мигрантов, их адаптации к условиям московского рынка, социального самочувствия.

Особенности московского рынка труда и трудовая мобильность граждан государств – членов ЕАЭС

Состояние современного рынка труда Москвы детерминировано множеством факторов, включая институциональное своеобразие, политические, экономические явления и события. Численность экономически активного населения в Москве относительно стабильна. За февраль – апрель 2017 г. она составила 7113 тыс. человек, уровень экономической активности населения – 74,5 %, безработицы (в соответствии с методологией Международной организации труда) – 1,6 % [1].

По мнению экспертов, московский рынок труда находится в кризисном состоянии, поскольку невысокий уровень безработицы сопровождается увеличением числа работников, которые уходят в отпуск без сохранения заработной платы, находятся в простое или работают неполный рабочий день по инициативе работодателя, имеет место неэффективное распределение специалистов по секторам: сокращение количества сотрудников в промышленности, высокая доля бюджетников [2]. При этом работодатели сетуют на отсутствие высококвалифицированных кадров с высшим и специальным техническим образованием. Сегодня больше половины вакансий, предлагаемых на московском рынке, рабочие: станочники, инструментальщики, сварщики и инженеры.

По данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат), в Москве в последние годы наблюдалась суммарная задолженность по заработной плате. И несмотря на то что она самая низкая по стране, в 2016 г. по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности задолженность составила 142 млн руб. Просроченная задолженность по заработной плате на 1 июня 2017 г. в столице была равна 75,112 млн руб., что на 7,8 % больше, чем на 1 мая 2017 г. [1].

Если говорить об отличиях московского рынка труда от региональных, а также от рынков госу-

дарств – членов ЕАЭС, то следует отметить относительно высокий уровень экономического развития, лучшие возможности в обеспечении населения более достойным качеством жизни. Рынок труда столицы отличается структурой занятости, объемом, что объясняется демографическими факторами, уровнем подготовки и квалификации кадров. Особенности структуры занятости населения столицы характеризуются занятостью большей доли рабочей силы в сферах оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 26,7 %, операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг – 18,2 %, в строительстве – 12,4 %, в обрабатывающем производстве – 7,7 %, на транспорте и в связи – 6,9 %, в финансовой деятельности – 6,0 %. Отличает его и потребление в трудовых ресурсах всех уровней квалификации: высшего, среднего и низкого, но с преобладанием потребности в последнем [1].

К особенностям московского рынка труда следует отнести наличие теневого рынка рабочей силы, который во многом обусловлен последствиями распада СССР и возникновения отдельных национальных рынков труда, повлекших стихийное перемещение больших групп населения из бывших союзных республик при отсутствии необходимой правовой базы, правового статуса, юридических и социальных прав мигрантов.

В перспективе на московском рынке труда скажется прогнозируемое в ближайшие 15 лет снижение численности работников в России [3, с. 79] и других государствах – членах ЕАЭС [4–6]. Это может привести к росту спроса на рабочую силу, а также к конкуренции стран, входящих в Евразийский союз, в борьбе за важнейший экономический ресурс.

Как свидетельствует статистика, в 2016 г. заметная доля свободных рабочих мест, заявленных

¹Рассчитано на основе данных Росстата (URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour).

организациями в службах занятости населения России, приходилась на Москву и Московскую область. Она составила более половины (64,8 %) ¹ от вакансий самого объемного рынка труда страны – Центрального федерального округа. К концу марта 2017 г. потребность столичных организаций в работниках составила 131,9 тыс. человек, нагрузка незанятого населения, состоящего на учете в органах службы занятости, на одну заявленную вакансию составила 0,35 человека, что на 25,8 % меньше, чем в марте 2016 г. [1].

Стратегия трудовой мобильности мигрантов из стран ЕАЭС связана с реальными потребностями московского рынка труда и условиями свободного движения рабочей силы, зафиксированными в Договоре о создании Евразийского экономического союза [7], а также в регулирующих свободу движения рабочей силы нормативных документах [8, с. 16], которые требуют при устройстве трудящихся на работу процедуры признания документов об образовании (в сферах педагогической, юридической, медицинской и фармацевтической деятельности).

На общем фоне активизации трудовой мобильности выходцев из стран – доноров рабочей силы в Россию в 2016 г. [9; 10], обусловленной улучшением ситуации в российской экономике, большинство мигрантов для осуществления трудовой деятельности по-прежнему выбирают московскую агломерацию [11, с. 28], а новые условия трудовой мобильности на постсоветском пространстве привели к замещению трудовых мигрантов из стран, не вошедших в Евразийский союз, трудовыми мигрантами из государств – членов ЕАЭС.

Изменение структуры трудовой миграции в Москве подтверждается и статистикой денежных переводов. Это дает основания утверждать, что членство в ЕАЭС оказалось оптимальной стратегией для стран – доноров рабочей силы [12].

Во многом разделение приезжих на мигрантов из ЕАЭС и мигрантов не из евразийского блока определили издержки, связанные с получением трудового патента и его оплатой в течение года. В 2014 г. в столице они достигали в среднем 30 тыс. руб., а в 2016 г. возросли почти вдвое. В этой ситуации пребывание трудового мигранта в мегаполисе оправданно лишь в том случае, когда заработная

плата превышает указанную сумму и расходы на собственное проживание.

Причины изменения структуры трудовой мобильности могут быть связаны и с тем, что работодатели стали отдавать больше предпочтений мигрантам из стран ЕАЭС, поскольку их трудоустройство связано с меньшими затратами, хотя и здесь остается множество проблем, ограничивающих свободу перемещения трудовых ресурсов и для работодателей, и для мигрантов.

К социально-психологическим факторам следует отнести то, что относительное большинство мигрантов из этих стран хорошо знают русский язык. В ходе интервью, взятых у мигрантов в Москве, выяснилось, что русским языком хорошо владеют 8 из 10 приезжих из Казахстана и Кыргызстана, 9 из 10 приезжих из Армении и все белорусские мигранты ¹. Важным фактором является то, что население государств – членов ЕАЭС имеет общую историческую судьбу, многие – родных и знакомых в России. По данным опроса россиян, у каждого четвертого из них есть родственники или друзья, проживающие в странах – членах ЕАЭС ².

Эти факторы наиболее выгодного применения труда и получения максимальной эффективности поддерживаются общими принципами трудовой мобильности в рамках нового интеграционного пространства. Трудовые мигранты прибывают в Москву в безвизовом порядке, отсутствуют таможенный контроль и квоты на работу.

Однако имеют место и психологические барьеры. Наши исследования показали, что от 32 до 52 % москвичей не поддерживают или скорее не поддерживают трудовую мобильность внутри Евразийского союза. При этом, на их взгляд, чем больше культурная дистанция, тем менее желательны мигранты. Так, если трудовую миграцию из Беларуси поддерживает 60 % опрошенных, то из Кыргызстана – 44 %, а из Таджикистана – 39 %.

Меньше других поддерживают трудовую мобильность молодые люди 25–34 лет и мужчины. Позиция молодежи объясняется тем, что именно в этом возрасте люди чаще сталкиваются с необходимостью поиска работы после окончания учебного заведения, создают семью, делают первые шаги в обустройстве своей жизни, поэтому ощущают или опасаются конкуренции со стороны мигрантов.

¹Исследование «Образ жизни мигрантов из государств – членов ЕАЭС в Москве» было проведено Институтом социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) в июне 2016 г. по гранту РФФИ (проект № 16-03-00841; руководитель проекта – Г. И. Осадчая). Опрос имел форму личного формализованного интервью 100 мигрантов из каждого государства – члена Евразийского экономического союза. Отбор информантов осуществлялся методом «снежного кома» по одному признаку: это мигранты из Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, прибывшие в Москву после 2000 г.

²Исследование «Социально-политическое измерение евразийской интеграции» было проведено ИСПИ РАН в мае и октябре 2014 г., мае и октябре 2015 г., в феврале и ноябре 2016 г., апреле 2017 г. (руководитель проекта – Г. И. Осадчая). Опрос был в форме личного формализованного интервью по месту жительства респондентов. Выборка многоступенчатая, территориальная, стратифицированная, с применением квотного отбора на последней ступени, объем выборки – 1500 интервью, статистическая ошибка: +2,5 %.

Жители столицы чаще, нежели другие россияне, оценивают межэтнические отношения, сложившиеся в районе их постоянного проживания, между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза как напряженные или враждебные (в Москве доля населения, отмечающего это обстоятельство, на 18 % больше).

Наиболее позитивно оценивают такие межэтнические отношения люди старше 60 лет: 68 % называют их дружескими и мирными. Негативно оценивают (как напряженные и враждебные) – молодые люди в возрасте 25–34 лет (37 %).

Выступая против мобильности граждан государств союза, респонденты полагают, что привлечение значительного числа трудовых мигрантов ведет к усложнению этнокультурной и этносоциальной дисперсности, повышению уровня преступности, создает угрозу безопасности, вызывает межнациональную и социальную напряженность.

На самом деле в последние годы удельный вес преступлений, совершенных гражданами государств

СНГ (по странам ЕАЭС нет отдельной статистики), от числа расследованных преступлений в 2014–2016 гг. сохраняется на уровне 3,2–3,3 % [13–15]. Эксперты отмечают, что меры, обеспечивающие принцип свободы перемещения в ЕАЭС трудовых ресурсов, способствуют снижению уровня нелегальной трудовой миграции и преступности. Так, по данным мэра Москвы С. Собянина, криминальная активность среди иностранных граждан в Москве продолжает снижаться. Число совершенных ими преступлений в 2016 г. сократилось на 17 % [16].

Совершаются преступления и против иностранных лиц, лиц без гражданства. Их удельный вес составлял в последние годы 0,6–0,7 % от числа зарегистрированных преступлений [13–15].

Наши исследования, к сожалению, свидетельствуют о росте числа этнонетолерантных москвичей. Так, по оценке респондентов, в кругу их знакомых за последние 25–30 лет в 2,9 раза выросло число тех, кто плохо относится к людям других национальностей (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов-москвичей на вопрос: «Как Вы полагаете, те люди, которых Вы постоянно встречаете в своей жизни (на работе, в семье, кругу знакомых), плохо относятся к представителям других национальностей?», %

Table 1

Distribution of responses given by the respondents from Moscow to the question: «Do you think that the people you constantly meet in your life (at work, in family, as acquaintances) badly treat the people of other nationalities?», %

Вариант ответа	Год	
	1982 ¹	2016 ²
Меньшинство	89	74,2
Большинство	8,9	25,8

Произшедший в апреле этого года теракт в петербургском метро при участии граждан Средней Азии может привести к усилению ксенофобии и мигрантофобии среди москвичей, риторики противников интеграционных процессов в ЕАЭС, призывов к ограничению свободы передвижения рабочей силы. В такой ситуации важны взвешенность, профилактическая работа среди москвичей

и приезжих. Проявления враждебности по отношению к иностранцам и ксенофобские настроения служат препятствием для интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе, привлечения рабочей силы, необходимой для обеспечения развития Москвы, сказываются на социальном самочувствии мигрантов из стран Евразийского союза.

¹Всесоюзное исследование советского образа жизни было проведено Институтом социологических исследований Академии наук СССР в 1982 г. В России были опрошены 5522 человека, в том числе в Москве – 600. Анкетный опрос, выборка многоступенчатая, территориальная, стратифицированная, с применением квотного отбора на последней ступени. Признаки репрезентации: пол, возраст, пространственная локализация.

²Опрос «Образ жизни россиян в советской и постсоветской России: сравнительный анализ и оценка изменений» был проведен в июне 2016 г. по гранту РФФИ № 16-03-00841 методом личного формализованного интервью по месту жительства респондентов. В исследовании применена многоступенчатая территориальная стратифицированная выборка с применением квотного отбора на последней ступени. Выборка репрезентирует взрослое, наличное, постоянно проживающее население Москвы по следующим основным признакам: административные округа Москвы, пол, возраст респондентов. Опрошены 600 мужчин и женщин в возрасте старше 18 лет, постоянно проживающих в Москве. Статистическая ошибка: +2,5 %.

Профессиональный профиль и социальное самочувствие мигрантов из государств – членов ЕАЭС на московском рынке труда¹

Большинство мигрантов из государств – членов Евразийского экономического союза в столичном мегаполисе (6 и более из 10 информантов) – это миграционно активные молодые люди в возрасте до 40 лет (наибольшая доля среди них – в возрасте 25–34 лет), чаще мужчины, вынужденные работать в Москве из-за кризисной ситуации в своих странах и чаще всего ориентированные на материальное обеспечение жизни своих семей. Из них 21,6 % имеют среднее образование, 36,2 % – среднее специальное, 35,3 % – высшее образование; 76,3 %

приехали в столицу из городов, 72,7 % имели профессиональный опыт, 56,4 % не планируют возвращение в страну исхода.

Подавляющее большинство информантов демонстрируют траектории горизонтальной профессионально-отраслевой мобильности. Опираясь на предыдущий опыт, они работают в тех же отраслях, что и в своей стране: в торговле, строительстве, транспортной сфере, замещая наименее востребованные москвичами вакансии, что типично для принимающих стран (табл. 2).

Таблица 2

Профессионально-отраслевая мобильность трудовых мигрантов из государств – членов ЕАЭС, %

Table 2

Professional-sector mobility of labor migrants from the member-states of the Eurasian Economic Union, %

Сфера приложения профессиональных знаний	Армяне		Белорусы		Казахи		Киргизы	
	Страна исхода	Москва						
Промышленность	3,7	6,1	5,7	9,6	11,1	6,8	5,6	9,3
Строительство	9,3	11,0	10,5	13,7	12,0	18,2	13,9	21,3
Транспорт	7,4	8,5	6,7	16,4	9,3	11,4	11,1	9,3
Сельское хозяйство	2,8	1,2	9,5	4,1	9,3	1,1	15,7	6,7
Торговля	21,3	39,0	18,1	32,9	23,1	37,5	15,7	33,3
Образование	10,2	6,1	7,6	5,5	2,8	3,4	7,4	2,7
Здравоохранение	6,5	18,3	7,6	9,6	9,3	8,0	7,4	9,3
Другое	4,6	9,8	1,9	8,2	2,8	13,6	,9	8,0
Нет профессионального опыта	34,3	—	32,4	—	20,4	—	22,2	—

Однако 35 % приехавших из государств – членов ЕАЭС считают, что работа в Москве не соответствует их знаниям, способностям и возможностям, среди представителей Кыргызстана такого мнения придерживаются 40,5 % респондентов. Это больше, нежели среди москвичей. С данным утверждением не согласны 28 % жителей столицы. Это свидетельствует о снижении профессионально-должностного статуса трети мигрантов после переезда в Москву.

Главные проблемы, с которыми мигранты сталкиваются в Москве, – это проблемы с жильем и трудности в поиске работы. Правда, у выходцев из разных стран они проявились с разной интенсивностью (табл. 3).

Наиболее сложными в условиях работы на московском рынке труда информанты называют условия для повышения квалификации, профессионального роста.

Главной ценностью, разделяемой большинством респондентов, является стремление создать крепкую семью, воспитать детей. Они полагают, что наиболее востребованными обществом ценностями, позволяющими добиться успеха (по признаку «очень важно»), являются связи с нужными людьми, умение приспособиться и деньги, что созвучно мнению москвичей.

Очень часто исследователи трудовой мобильности относят мигрантов к андерклассу [17] – классу

¹Выводы сделаны на основе результатов двух проектов. Первый – исследование «Образ жизни мигрантов из государств – членов ЕАЭС в Москве». Опрос (личное формализованное интервью 100 мигрантов из каждого государства – члена Евразийского экономического союза) проведен ИСПИ РАН в июне 2016 г. по гранту РФФИ (проект № 16-03-00841; руководитель проекта – Г. И. Осадчая). Отбор информантов осуществлялся методом «снежного кома» по одному признаку: это были мигранты из Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, прибывшие в Москву после 2000 г.

Второй проект – «Социальное самочувствие приезжих из стран – членов ЕАЭС в Москве». Индивидуальные фокусированные интервью проведены в январе – феврале 2017 г. (руководители проекта – Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина). Опрошены 58 респондентов из Казахстана и 58 – из Кыргызстана, отобранных методом «снежного кома» по одному признаку: это мигранты, приехавшие в Москву после 2000 г.

людей, находящихся в некотором смысле на дне общества или отделенных от большей его части, или прекариату [18] – социальному классу работников, которые, с одной стороны, играют исключительно

важную роль в производстве как материальных, так и нематериальных ценностей, а с другой – оказываются лишенными большинства социальных и политических прав и гарантий.

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«С какими проблемами Вы столкнулись в России?», %**

Table 3

**Distribution of responses given by the respondents from Moscow to the question:
«What problems did you face in Russia?», %**

Проблема	Страна исхода			
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан
Поиск жилья	37,3	39,1	43,6	53,6
Поиск работы	43,6	29,1	40,9	35,5
Трудности в развитии собственного бизнеса	13,6	12,7	4,5	8,2
Нехватка информации о правах и обязанностях	5,5	14,5	16,4	16,4
Поборы, взятки	22,7	12,7	10,0	9,1
Напряженные отношения с соседями	5,5	8,2	7,3	6,4
Проблемы с получением медицинских услуг, их недоступность	7,3	16,4	18,2	20,9
Незаконная эксплуатация труда	1,8	5,5	3,6	7,3
Дискриминационное поведение властей, включая полицию	8,2	3,6	1,8	10,0
Негативные стереотипы и предубеждения со стороны окружающих	21,8	8,2	15,5	15,5
Недоступность социальных услуг	5,5	8,2	8,2	7,3

Наше исследование свидетельствует о том, что мигранты из государств – членов ЕАЭС представляют собой неоднородный слой. На основании ранжирования ответов на вопросы об удовлетворенности профессиональными, экономическими и социальными изменениями в жизни после приезда в Москву можно выделить две группы мигрантов: адаптированные и неадаптированные.

Первую группу составляют более 65 % информантов. Они удовлетворены своей работой в Москве, тем, как она оплачивается (ответы на эти вопросы созвучны оценкам коренных или укоренившихся москвичей), состоянием своего здоровья, питанием, отношениями в семье, имеют полис обязательного медицинского страхования, у них сложились хорошие отношения с коллегами.

Наиболее успешно вписались в московский рынок труда мигранты из Беларуси и Армении. К факторам такой успешности следует отнести их высокий уровень образования, хорошее знание русского языка, устоявшиеся социальные связи в столице и опыт мобильности в обществе.

Во второй группе, насчитывающей чуть менее 35 %, преобладают мигранты из Кыргызстана и Казахстана. Так, например, по главному показателю «удовлетворенность работой в целом в Москве» следующая ситуация: не удовлетворены или удовлетворены не в полной мере по 25 % мигран-

тов из Армении и Беларуси, 40 % – из Кыргызстана и 37 % – из Казахстана.

Чаще маргинальные позиции в московском мегаполисе занимают приехавшие из Кыргызстана. В этой социальной группе также больше, нежели в других группах, тех, кто не удовлетворен оплатой труда, жилищными условиями. Одним из факторов такой неудовлетворенности может быть большее, по сравнению с мигрантами из других государств – членов ЕАЭС, количество тех, кто не оформляет трудовые отношения, не платит налоги, проживает в промзонах в условиях антисанитарии [19]. Они хуже, по сравнению с мигрантами из других стран-членов, знают русский язык, имеют меньший опыт жизни и работы в большом городе. В этой группе информантов в 1,5–2 раза больше тех, кто живет и работает в Москве до года и, соответственно, меньше тех, кто живет и работает более четырех лет. Здесь еще не сложились социальные сети, способные на первых порах оказать поддержку, кыргызские диаспоры в России действуют неэффективно: они не переориентировали свою деятельность на адаптацию соотечественников в обществе принимающей страны.

Проведенное нами индивидуальное интервью представителей двух менее успешных групп на московском рынке труда позволяет дать характеристику субъективного самовосприятия мигрантов

из Кыргызстана и Казахстана в столице России, уточнить мотивацию, цели и стратегии мобильности. В этом исследовании внимание информанта фокусировалось на проблеме, выявленной в ходе массового опроса. Информанту предлагалось дать свою интерпретацию той или иной ситуации. Это создало дополнительный ракурс для более глубокого понимания и объяснения смыслов и результатов их перемещения, дало возможность уточнить характеристики трудовой мобильности.

Как показал опрос, субъективный смысл трудовой мобильности большинства приехавших из Кыргызстана и Казахстана заключается не в стремлении к самореализации, а в желании закрыть экономическую брешь в семейном бюджете. Они демонстрируют модель поведения, которую можно назвать выживанием.

Так, из 58 информантов – представителей Кыргызстана 16 (около трети) не удовлетворены своей работой. Причинами указываются недостаточная оплата труда, тяжелая, грязная работа, задержка заработной платы. Но три информанта отметили и другие причины неудовлетворенности работой. Приведем в качестве примера наиболее развернутый ответ.

Респондент – мужчина 37 лет, родом из села Баетово, образование среднее, работает водителем маршрутки, уровень владения русским языком – разговорный, женат, двое детей.

*Работа меня не устраивает. Я водитель маршрутки, и все думают, что это я всегда во всем виноват! Медленно еду, быстро еду, стою, проезд дорогой, много народу в машине – кричи на водилу. Начальство недовольно, штрафуют, бензин приходится иногда за свои деньги покупать. Разве так можно работать? Денег еле хватает на жизнь, но платят все равно больше, чем дома. Я почти все деньги отправляю жене в Баетово, семья у меня там живет. У нас дом свой и хозяйство небольшое, я б работал там на полях, но так я точно семью не прокормлю. Поэтому и работаю тут, терплю, делать нечего. Да ничего удивительного, это город, в котором можно себя только гробить: работай, работай, работай, работай и все, ничего больше. Не то что у нас в селе. Там и отдохнуть можно, и люди добрые. Да и жить там приятнее!*¹

Среди мигрантов из Казахстана неудовлетворенность работой высказали 11 из 58 опрошенных и также объяснили это низкой оплатой труда, физически тяжелой работой. Но есть и особые мнения.

Респондент – мужчина 25 лет, родом из Астаны, образование среднее, работает грузчиком, русским языком владеет на базовом уровне.

Хотелось бы работу посерьезней. Меня кто угодно заменить может, и никто не вспомнит, что был тут такой вообще. Я же приехал образование полу-

чать, но не сложилось с поступлением, хочу накопить, но не получается пока. Все домой отправляю, родным там сложно. Мужики, с которыми работаю, намного старше, они говорят, что и не помнят уже, как там на родине. Привыкли тут ко всему: и к деньгам, и к отношению.

В ходе массового опроса мигрантов из стран – членов ЕАЭС и индивидуальных интервью приезжих из Казахстана и Кыргызстана когнитивные суждения о социальном самочувствии в столице России были дополнены эмоциональными оценками отношения к событиям, людям.

У большинства опрошенных преобладает нормальное, ровное настроение, у каждого третьего – хорошее, оптимистичное. Но пятая часть опрошенных мигрантов из Казахстана и Кыргызстана в последнее время часто испытывают беспокойство, раздражение, страх, отчаяние, безысходность. Практически каждый третий-четвертый среди десяти опрошенных мигрантов из государств – членов ЕАЭС во время своего пребывания в Москве ощущал дискомфорт, сталкивался с дискриминацией. Чаще это были мигранты из Казахстана и Кыргызстана.

По самооценкам опрошенных в рамках индивидуального интервью, дискомфорт во время пребывания в Москве испытывали 24 мигранта из 58 респондентов – представителей Казахстана и 32 мигранта из 58 респондентов – представителей Кыргызстана. В основном он был связан с незнанием языка, сменой места жительства, большим, шумным городом, спецификой традиций коммуникации, плохой водой, необходимостью трудоустройства и поиска жилья, другой культурой, отсутствием друзей, тоской по дому и близким людям, проверками правоохранительных органов, косыми взглядами, недоброжелательным, недружелюбным, презрительным, высокомерным отношением москвичей, а иногда и поведением соплеменников.

Если говорить о дискриминации, то ее в столице ощущали 27 из 58 информантов – выходцев из Казахстана и 32 из 58 информантов – выходцев из Кыргызстана. Все ответы свидетельствуют об этнических причинах.

Респондент – мужчина 35 лет, родом из Петропавловска (Казахстан), образование высшее, владеет русским языком свободное, работает менеджером по закупкам, женат.

Дискриминация по национальному или этническому признаку проявляется в виде агрессии в отношении лиц другой национальности или, например, отказе при приеме на работу или сдаче жилья. Я часто вижу объявления, в которых говорится, что арендодатели готовы рассматривать предложения только славян. К сожалению, это происходит повсеместно, и противостоять этому невозможно.

¹Здесь и далее ответы респондентов даны курсивом. – Г. О.

Респондент – женщина 23 лет, родом из Джалал-Абада (Кыргызстан), образование среднее, работает поваром в заводской столовой.

В основном не хотят брать на работу граждан не славянской внешности. Тяжело снять нормальное жилье: когда тебя видят, сразу отказывают. Да и вообще, и на работе с этим сталкиваешься, и в жизни. Даже прохожие очень часто косо смотрят. Мне кажется, что нас вообще за людей не считают. Рабочая масса, да и только.

На социальное самочувствие мигрантов влияют коммуникативные процессы на бытовом и официальном уровне, присутствующие как явно, так и латентно. И если, по общей оценке информантов, 39,5 % москвичей встречают приезжих дружелюбно, 42,7 % – безразлично и только 7,9 % – недруже-

любно или даже враждебно, то отношение представителей власти в Москве к ним как недружелюбное и даже враждебное оценили в два раза больше информантов – 14,3 %, а дружественное – 28,6 %. Особенно высока доля негативных оценок отношения к ним власти среди мигрантов из Кыргызстана (23,7 %).

Полагаем, в свете проведенного анализа неудивительно, что информанты из Беларуси ощущают себя гражданами мира (19,1 %), ЕАЭС (17,3 %), СССР (18,2 %); Армении – гражданами своей страны (60 %) и гражданами мира (20,9 %), а каждый второй мигрант из Казахстана и Кыргызстана – гражданином своей страны, каждый четвертый информант – мигрантом в чужой стране (24,5 и 25,5 % соответственно).

Библиографические ссылки

1. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по городу Москве. URL: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics/ (дата обращения 30.06.2017).
2. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения : докл. Цети и ЛИРТ НИУ ВШЭ. М., 2017.
3. Коровкин А. Г. Динамика занятости и рынка труда в РФ в перспективе до 2030 г. // Проблемы прогнозирования. 2013. № 4. С. 79–96.
4. Социально-экономическая статистика. Рынок труда [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/default.aspx (дата обращения: 24.01.2017).
5. Евразийский экономический союз в цифрах : стат. сб. М., 2017.
6. Кулекеев Ж. А. 10 особенностей рынка труда Казахстана [Электронный ресурс] // Центр исследований прикладной экономики. URL: <https://cipe.kz/articles/macroeconomics.html?id=107> (дата обращения: 24.01.2017).
7. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ (дата обращения: 03.03.2015).
8. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. М., 2016.
9. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году : стат. бюлл. М., 2015.
10. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году : стат. бюлл. М., 2016.
11. Итоги деятельности Главного управления по вопросам миграции МВД России и подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за 2016 год. М., 2016.
12. Трудовая миграция в ЕАЭС на начало 2016 года (доклад ЕАК) [Электронный ресурс] // Евразийский аналитический клуб. URL: <http://evrazklub.ru/analitik/trudovaya-migratsiya-v-eaes-na-nachalo-2016-goda-doklad-eak.html> (дата обращения: 22.01.2017).
13. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2014 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации. М., 2014.
14. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2015 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации. М., 2015.
15. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации. М., 2016.
16. Преступность среди мигрантов в Москве сократилась на 17 процентов [Электронный ресурс] // Москва 24. URL: <http://www.m24.ru/articles/121431> (дата обращения: 29.02.2017).
17. Castells M. Immigrant Workers and Class Struggles in Advanced Capitalism: the Western European Experience // Polit. Soc. 1975. No. 5, issue 1. P. 33–66.
18. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
19. Собянин прокомментировал ситуацию с мигрантами в Москве [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/moscow/538890> (дата обращения: 27.01.2017).

References

1. [Official Statistics]. *The Federal Agency for State Statistics*. URL: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics/ (date of access: 30.06.2017) (in Russ.).
2. [Russian Labour Market: tendencies, institutions, structural changes : the report of the Center and Laboratory for Labour Market Studies under the National Research University «Higher School of Economics»]. Moscow, 2017 (in Russ.).

3. Korovkin A. G. Employment and labour market in the Russian Federation until 2030 // Forecast. probl. 2013. No. 4. P. 79–96 (in Russ.).
4. [Socio-economic statistics. Labour market]. *EEU*. URL: <https://cipe.kz/articles/macroeconomics.html?id=107> (date of access: 24.01.2017) (in Russ.).
5. [Eurasian Economic Union in figures]. Moscow, 2016 (in Russ.).
6. Kulekeev Zh. A. [10 features of the labour market in Kazakhstan]. [*Center for Applied Economics Studies*]. URL: <https://cipe.kz/articles/macroeconomics.html?id=107> (date of access: 24.01.2017) (in Russ.).
7. [Eurasian Economic Union Agreement]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ (date of access: 03.03.2015) (in Russ.).
8. [Labour migration and social security of workers in the Eurasian Economic Union. The United Attestation Commission]. Moscow, 2016 (in Russ.).
9. [The population size and migration of the Russian Federation in 2014] : stat. bull. Moscow, 2015 (in Russ.).
10. [The population size and migration of the Russian Federation in 2015] : stat. bull. Moscow, 2016 (in Russ.).
11. [The Results of the General Directorate for Migration of the Minister of Internal Affairs of Russia and the Units for Territorial Bodies Migration of the Minister of Internal Affairs of Russia for 2016]. М., 2016 (in Russ.).
12. [Labour migration in the Eurasian Economic Union for early 2016 (the Report of the United Attestation Commission)]. URL: <http://evrazklub.ru/analitik/trudovaya-migratsiya-v-eaes-na-nachalo-2016-goda-doklad-eak.html> (date of access: 22.01.2017) (in Russ.).
13. [Criminality in Russia for January – December 2014. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Moscow, 2014 (in Russ.).
14. [Criminality in Russia for January – December 2015. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Moscow, 2015 (in Russ.).
15. [Criminality in Russia for January – December 2016. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Moscow, 2016 (in Russ.).
16. [Crime among migrants in Moscow has decreased]. URL: <http://www.m24.ru/articles/121431> (date of access: 29.02.2017) (in Russ.).
17. Castells M. Immigrant Workers and Class Struggles in Advanced Capitalism: the Western European. *Polit. Soc.* 1975. No. 5. P. 33–66.
18. Standing G. [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow, 2014 (in Russ.).
19. [Sobyanin commented on the situation dealt with migrants in Moscow]. URL: <http://www.interfax.ru/moscow/538890> (date of access: 27.01.2017) (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 09.08.2017.
Received by editorial board 09.08.2017.

ГОРОДСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ЙОРАНА ТЕРБОРНА

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Посвящена теме города как фокуса урбанистических исследований. Отмечается, что социолог М. Вебер и историк Л. Мамфорд заложили фундамент исследований города, а современные ученые в разных ракурсах проанализировали как национальные столицы, так и города, ставшие центрами глобальной цивилизации в XX в. Рассматривается подход шведского социолога Й. Терборна, автора монографии «Города власти», представившего разные города – от европейских столиц и глобальных агломераций, символизирующих власть в мире, до коммунистических и посткоммунистических цитаделей, которые сначала застраивались как символ победы коммунизма, а затем перестраивались, чтобы уничтожить следы канувшего в Лету прошлого. Анализируются указанные в монографии различные пути возвышения национальных государств и способы презентации их власти, а также социальные силы, переплетением которых определяется динамика городского развития.

Ключевые слова: город; власть; национальное государство; глобальное развитие.

URBAN SOCIOLOGY OF GÖRAN THERBORN

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

City as a focus of urban studies has become a scientific research topic more than hundred years ago. Sociologist Weber and historian Mumford constructed the basis of urban studies, while modern scholars gave multilateral analysis of the national capitals and the centers of global civilization in the XX century. Swedish sociologist Therborn, an author of new monograph «Cities of Power», presented the different cities – from the European capitals to the global agglomerations that symbolize the world power, as well as communist and post-communist citadels that at first had been constructed as a symbol of communist victory and then have been rebuilt in order to destroy the traces of the past that has sunk into oblivion. The monograph reveals various ways of elevating nation-states and tools of presenting their power, as well as social forces that determine the dynamics of urban development by their intertwining.

Key words: city; power; nation state; global development.

Новая книга известного шведского социолога Йорана Терборна посвящена городу как месту репрезентации разного уровня власти и средоточию взаимосвязанных социальных сил [1]. Монография написана в рамках быстро развивающегося в настоящее время направления – социологии города,

или, шире, исследования урбанистики. Книга весьма внушительна по объему и интересна по содержанию, хотя представляет собой далеко не первое научное исследование данной темы. До Й. Терборна многие социологи обращались к проблемам города в самых разных ракурсах. Так, М. Вебер указывал

Образец цитирования:

Титаренко Л. Г. Городская социология Йорана Терборна // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 120–125.

For citation:

Titarenko L. G. Urban sociology of Göran Therborn. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 120–125 (in Russ.).

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larisa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
larisa166@mail.ru

на важную роль городов в развитии капитализма и становлении эпохи модерна. По его мнению, город позволил перейти от аграрной цивилизации к индустриальной, а затем, в эпоху становления национальных государств, стал центром развития экономики, культуры, политических институтов и национального самосознания народа [2]. После М. Вебера в социологии 1920-х гг. о городах и их роли в национальном развитии писали многие авторы. В середине XX в. новым классиком исследования города стал американский историк Л. Мамфорд. Его монументальный труд «Город в истории: его происхождение, трансформация и перспективы» получил в 1961 г. национальную американскую премию [3]. Автор ратовал за города, где был бы соблюден баланс между технологическим прогрессом и природой (так называемые органические города).

Подробную историю становления городов на этапе феодализма и зарождения капитализма дал французский историк Ф. Бродель, работы которого были переведены на многие языки, включая русский [4].

Известность получили исследования города, принадлежащие французскому мыслителю А. Лефевру. Он сфокусировал рассмотрение проблемы на философском ракурсе. В 1974 г. вышла его работа «Производство пространства», которая была переведена на многие языки и неоднократно переиздавалась. Философ попытался совместить рассмотрение реального социального пространства с его эпистемологической рефлексией в философии пространства. Он подчеркнул, что пространство города может быть не только «прочитано», но и сконструировано, что в нем закодирована определенная информация, доступная тем, кто сведущ в ее расшифровке. А. Лефевр отмечал также роль капитализма в конструировании городского пространства и таким образом связал рассмотрение последнего с властью: определенные города конструируются и переконструируются именно для того, чтобы продемонстрировать чью-то власть [5, р. 10].

В 1970-е гг. М. Кастельс [6] и Д. Харви [7] произвели революцию в области изучения урбанизации. Они провели исследование процесса формирования и развития городов в рамках конкретного периода истории – индустриального капитализма. Это означало отказ от прежнего рассмотрения городов во фрейме социальной экологии, идущего от Р. Парка [8] и делавшего акцент на сочетании действия сил природы и социума на народонаселение и освоение пространства. Новый акцент был сделан на город как продукт специфических социальных сил, направляемых развитием капиталистического производства. В этих работах классовые конфликты и социальные движения внутри города рассматривались как движущие силы развития.

Когда центр внимания урбанистов был перенесен из Европы в глобальный мир и охватил города Азии, Африки, Латинской Америки, список ученых, изучающих городское пространство, пополнился новыми именами исследователей Сингапура, Токио, Пекина, Гонконга, Дели.

В 1980-е гг. американский географ и урбанист Дж. Фридман инициировал исследования глобальных городов и их особой роли в развитии глобальной экономики и современной цивилизации. Урбанизация и рост городов были включены в контекст глобального экономического развития. Основная идея состояла в том, что страна может активно развиваться только в том случае, если ее крупные города участвуют в глобальной экономике и выполняют те или иные функции, важные для всего мира, а не только для своего государства. Города, становящиеся базовыми опорными точками глобального развития, эффективно стимулируют рост экономики своей страны и выполняют новые функции в глобальном разделении труда [9, р. 317]. Таким образом, акцент на город как средоточие власти расширяется: город рассматривается как центр противоречий между интересами глобальной экономики и национальной политики, а также как клубок различных связей и пересечение многих линий развития – политических, промышленных, торговых, культурных и проч. Эту линию анализа городов продолжили многочисленные исследования. Назовем лишь несколько всемирно известных имен: С. Сассен, Э. Соджа, Дж. Джакобс, П. Тейлор, Э. Кинг и др. Сразу отметим, что в новой монографии Й. Терборна работы этих авторов проанализированы и систематизированы, что дает читателю возможность представить всю историю развития исследований в этой области.

Особой группой стоят исследования городов-столиц, их роли в судьбе нации и государства. Основное внимание в этой сфере урбанистики привлекали так называемые мировые столицы – Вашингтон, Рим, Лондон, Париж. Москва тоже попала в этот ряд [10]. Привлекали внимание и другие города России [11; 12].

Й. Терборн занялся серьезным изучением городов как центров власти не сразу. Теоретические взгляды и предшествующие исследования шаг за шагом вели к данной теме. Еще в университете он сформировался как ученый-неомарксист. Й. Терборн вспоминал позднее, что А. Грамши был настолько интересен для него в годы учебы, что он даже выучил итальянский язык и читал «Тюремные тетради» в оригинале [13, с. 7]. Позднее на Й. Терборна оказали влияние французский марксист Л. Альтюссер и другие левые авторы. Реальная западная политика и ее анализ привели к тому, что антиимпериализм стал твердым политическим убеждением ученого на всю жизнь. В этом

русле в 1970-е гг. им была опубликована трилогия по марксистской теории, обращенной к эмпирическим социальным исследованиям: «Наука, класс и общество» (1976), «Что делает правящий класс, когда он правит?» (1978) и «Идеология власти и власть идеологии» (1980).

В последующие годы Й. Терборн дополнил свои теоретико-методологические взгляды идеями, почерпнутыми из теории экономического и политического институционализма, теории действия, теории государства, значительно расширил круг научных интересов, включив в них также теорию искусств и науки, темы семьи и демографии, образования, архитектуры и культурной географии. От марксизма он перешел к глобальным исследованиям (в 1990-е гг. даже возглавил шведский междисциплинарный исследовательский комитет по глобальным исследованиям). Новые интересы Й. Терборна нашли отражение в публикациях: «Европейская современность и за ее гранью. Траектория европейских обществ, 1945–2000» (1995), «Между полом и властью. Семья в мире, 1900–2000» (2004), «Глобальные неравенства» (2006), «Мир. Путеводитель для новичка» (2011). К последнему конгрессу Международной социологической ассоциации (2014), посвященному проблемам социальной несправедливости, он издал монографию [14], в которой раскрыл сущность своей теории социального неравенства. Ученый рассматривает неравенство как совокупность трех измерений – витального, экзистенциального и ресурсного, – что позволяет раскрыть механизмы воспроизводства системы равенства/неравенства и обосновать релевантность признания классов (а не других социальных общностей) главной действующей силой современности в борьбе с социальным неравенством. Й. Терборн утверждает, что такие социальные феномены, как существующие различия в медицинском обслуживании, продолжительности жизни, детской смертности, низведены до периферии социологии, тогда как они чрезвычайно необходимы для анализа современности. Отдавая должное ученым прошлого, он предложил широкий эмпирический анализ проблемы и раскрыл новые «поля неравенства» (например, ограничение возможностей человека), которые часто остаются незамеченными в современном научном и публичном дискурсе. Приведенные им данные мировой статистики показывают, как изменяются человеческие перспективы в зависимости от доступа к образованию (так, при уровне образования ниже колледжа продолжительность жизни в США снижается на три года у мужчин и на пять лет у женщин), не говоря о неравенстве между расами. Й. Терборн утверждает, что только ВИЧ-кризис в Южной Африке и становление дикого капитализма в России в 1990-е гг. принесли больше смертей и социальной поляризации, чем амери-

канская практика повседневности начиная со времени президента Б. Клинтона [14, р. 7].

Не меньше неравенства сохраняется сегодня и в Западной Европе, где ежегодно сотни безработных людей умирают на улице. Но пафос книги не в индивидуальных случаях неравенства, а в массовых процессах обнищания большинства населения мира при том, что определенные группы продолжают чрезмерно богатеть. Й. Терборн раскрывает скрытые механизмы конструирования социальных неравенств, однако сохраняет некоторый оптимизм: верит в возможность деконструкции неравенства. Он предлагает четыре механизма деконструкции: аппроксимация, включение, деиерархизация, перераспределение для реабилитации [14, р. 64]. Наиболее важным он считает инклюзию лиц и групп, ранее отлученных от власти, образования, здравоохранения, хорошей работы и т. п. По его мнению, равные права и возможности граждан способствуют развитию общества.

Выбирая актуальные темы для своих исследований, Й. Терборн каждый раз старается по-новому раскрыть их в своих книгах. При этом он опирается не только на собственные идеи, напротив, Й. Терборн очень много читает, чтобы быть в курсе исследований своих коллег. К числу современных социологов, чьи труды он особо высоко ценил и у которых учился, ученый относит П. Бурдьё, М. Кастельса, Дж. Коулмена, У. Гуда, Дж. Голдторпа, Т. Скочпол, Ч. Тилли, И. Валлерстайна и Э. О. Райта. Эти авторы работали в разных парадигмах, но их труды имеют общую с трудами Й. Терборна критическую линию, по содержанию объединяют социологию с историей, обогащены ссылками на другие близкие дисциплины. К К. Марксу он сохранил огромное уважение как к интеллектуалу прошлого, хотя в XXI в., по его мнению, марксизм больше не является силой, способной объединить большие социальные группы людей. Этому посвящена его работа «От марксизма к постмарксизму?».

Две темы, красной линией проходящие через все его творчество, – критический анализ власти и государства и социальная экономика капитализма. Именно в русле второй находятся его исследования городов. Й. Терборн увлекся этой темой еще в 1990-е гг. Толчком к началу «городских» исследований, как он пишет об этом во введении к новой книге [1, р. 3], стало чтение лекций в Будапеште в 1996 г., где он случайно наткнулся на историческую монографию о Площади Героев в Будапеште и ее драматической истории в XX в. Й. Терборн захотел продолжить исследования городов, соединив их с историей борьбы за власть, ее укрепления и репрезентации посредством городской архитектуры, скульптуры, топонимики и т. п. Чем дальше он изучал разные города, тем больше его захватывала тема.

В начале XXI в. исследование под руководством Й. Терборна в рамках проекта *INTAS* позволило детально изучить постсоветские столицы, многие из которых были ранее неизвестны на глобальном уровне. В этом проекте участвовали социологи трех постсоветских стран – Беларуси, Азербайджана и Литвы. Результаты исследования изложены в монографии «Постсоветские столицы. Вильнюс, Минск, Баку» [15]. Чтобы дополнить проект новым материалом, Й. Терборн исследовал также Тбилиси, Ереван, Астану. Появились его статьи о роли постсоветских столиц в развитии своих стран и о том, как новая власть преобразует городское пространство, подчиняя его своим политическим интересам. Й. Терборн объездил города Южной Африки, Латинской Америки, посетил Гонконг и Тайвань. Результатом столь масштабной работы и стала новая монография.

О чем новая книга Й. Терборна? Безусловно, о городах эпохи модерна, столицах мировой торговли и политики, национальных государствах. В десяти главах автор последовательно раскрывает историю становления городов, изменения их ролей, выполняемых в контексте развития конкретной страны и процессов мировой урбанизации.

Первая глава «Города, власть и модерн» раскрывает базовые вопросы монографии. Последующие главы репрезентируют историю становления городов от первоначальных поселений к национальным центрам, главным городам государства (столицам), до глобальных городов мировой власти. Параллельно историческому повествованию развития цивилизации Й. Терборн характеризует такие ее ступени, как общество модерна и глобальное общество, а также те многочисленные силы, которые действовали на разных этапах развития городов.

Автор раскрывает взаимодействие главных, по его мнению, социальных сил: давно идущей в мире урбанизации, относительно новой (всего 200–300 лет) силы национализма, которая превратила города-столицы в центры национальных государств, наделила их особыми властными характеристиками. Эти национальные государства стали частью мощного эпохального сдвига – модерна как новой исторической эпохи, попытавшейся создать новое общество, культуру и даже новый мир. Национальные элиты могут провоцировать подъемы массовых движений. Последние Й. Терборн также считает одной из важнейших социальных сил современности, которая может действовать как негативно, так и позитивно. Однако глобальные силы по-прежнему играют решающую роль в мировой географии, в которой города манифестируют и репрезентируют национальную, региональную, мировую власть.

Говоря о современных городах и их функциях, ученый доказывает их возрастающую роль в раз-

витии. Так, город предлагает гражданам такие возможности и услуги, которые недоступны в сельской местности, хотя в нынешнем веке они представляются очевидными (снабжение водой, светом, энергией и т. п.). Главная функция города связана с властью и конструированием в обществе значимых, доносимых до населения через городскую архитектуру, монументы, музеи, топонимику и др. Важным является вывод Й. Терборна о том, что формирование национальных государств и их столиц осуществлялось четырьмя основными путями: европейским путем (революции или реформы, иницируемые внутри страны), путем создания стран в Новом Свете (перенос туда европейских традиций), колониальным путем (захват территорий и осуществление колониальной модернизации) и, наконец, путем реактивной модернизации (характерна для стран, пытающихся догнать далеко ушедших вперед соседей) [1, р. 31]. Это своего рода идеальные типы, однако в реальной жизни всегда имели место гибридные пути развития стран и их национальных столиц. Описывая эти типы, автор приводит интересные примеры из разных регионов мира. Например, анализирует совершенно разные регионы Европы и их траектории развития (центр, Восточные страны, Балканы, Латинская Европа, Скандинавия), показывая, чем отличается репрезентация власти в столицах. Описывая страны-колонии и их столицы, он обращает внимание на то, что в этих городах имели место жесткие конфликты между коренным населением и потомками колонизаторского меньшинства. Индия, Индонезия, Египет – типичные примеры таких стран [1, р. 108]. В качестве примеров реактивной модернизации и конструирования власти столиц в таких государствах он называет Токио, Бангкок, Тегеран, Аддис-Абебу и др. [1, р. 150–161]. В качестве апофеоза власти государства, репрезентированной в городском пространстве, автор описывает Рим под властью Муссолини (возведение помпезных дворцов и статуй, реконструкция грандиозного Форума) и сходную манию величия Берлина под властью Гитлера (гл. 7). До сих пор в этих европейских столицах сохраняются некоторые творения, созданные для возвеличивания фашизма.

Отдельная глава посвящена приходу и заката коммунизма, воплощенному в странах Европы и Азии в своеобразных столичных постройках (например, высотки в Москве), памятниках, названиях улиц, неоднократно переименовывавшихся во всех столицах бывших социалистических государств. О российском пути в эпоху модерна он говорит как о гибридном соединении европейского развития и реактивной модернизации сверху [1, р. 237], подчеркивая огромную роль модернизации и урбанизации в становлении советской власти. Пути России и Китая несколько отличались, однако обе страны пришли к строительству коммунизма

в результате жестокой классовой борьбы и эксплуатации народа. Имея общее имперское прошлое, ни Советский Союз, ни Китай не собирались подорвать устои национального государства, однако трансформировали его в процессе своего развития. Описывая «два центра мирового коммунизма» [1, р. 238], Й. Терборн подчеркивает важнейшую роль реконструкции столиц. Москва, как столица мировой революции, должна была демонстрировать величие и мощь новой власти, она преобразовывалась, чтобы стать новым «городом солнца» и поражать своими широкими проспектами, шедеврами конструктивизма, монументами вождем. Однако, по мнению автора, роль коммунизма в развитии современных городов меньше, чем роль этих стран в социальной динамике XX в. [1, р. 243].

Посткоммунистический этап развития столицных городов ознаменован, по мнению Й. Терборна, двумя тенденциями – реставрацией религиозных зданий (Храм Христа Спасителя в Москве, монастыри и соборы в Киеве, Вильнюсе) и консервативным поворотом к монархистскому или средневековому прошлому (Венгрия). В отличие от Европы приход посткоммунизма в Азии ознаменован видимым поворотом в городском строительстве к капитализму и глобализму (Пекин, Ханой).

Размышляя о будущем национальных государств и их столиц, Й. Терборн полагает, что массовые социальные движения по-прежнему остаются важной силой, способной привести к улучшению жизни населения, что подтверждается прежде всего массовыми выступлениями и социальными изменениями на глобальном Юге [1, р. 356]. Однако прогнозов развития городов и глобального капитализма в ближайшем будущем Й. Терборн не дает. Будущее остается открытым, хотя нет сомнения

в том, что роль городов в процессе строительства этого будущего останется очень важной.

Подводя итоги рассмотрения вклада Й. Терборна в развитие социологии города, подчеркнем несколько моментов. Во-первых, его работы, несмотря на социологичность, отличаются междисциплинарностью. В анализ проблем города автор привлекает материал из истории, географии, экономики, демографии, т. е. ставит исследование проблемы в широкий контекст. Во-вторых, посредством анализа городов он раскрывает социальную динамику эпохи модерна; отмечает взаимодействие главных социальных сил в мире, их влияние на города и отдельные государства; показывает, что в контексте разных типов модернизации национальное и глобальное сталкиваются в национальных столицах, которые становятся важными рычагами развития глобального капитализма. В-третьих, монография содержит систематизированную версию рассмотрения роли города в становлении коммунизма в разных странах мира, а также историю их последующей деконструкции в эпоху посткоммунизма. Й. Терборн рассматривает коммунистические страны как часть цивилизации модерна, выделяет их особые характеристики, показывает общее и особенное в их столицах и формах репрезентации власти. В-четвертых, в монографии представлен социологический анализ нынешних «супергородов», репрезентирующих развитие современного национального государства в условиях позднего модерна, а также раскрывается связь развития городов с ростом социальной несправедливости во всем мире – главной проблемой современности. Тем самым автор и теоретически, и эмпирически вписывает проблемы города в общий контекст современного мирового развития.

Библиографические ссылки

1. *Therborn G.* Cities of Power. The urban, the national, the popular, the global. London, 2017.
2. *Вебер М.* Город. Избранные произведения / под общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1990.
3. *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. New York, 1961.
4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. 2-е изд. М., 2007.
5. *Lefebvre H.* The production of space. Oxford, 1991.
6. *Castells M.* City, Class and Power. London ; New York, 1978.
7. *Harvey D.* Social justice and the city. Baltimore, 1973.
8. *Park R., Burgess E., McKenzie R.* The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment. Chicago, 1925.
9. *Friedmann J.* The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. No. 17, issue 1. P. 69–83.
10. Москва рубежа XIX и XX столетий. Взгляд в прошлое издаека / пер. с англ. Л. Седова. М., 2004.
11. *Ruble B.* Leningrad: Shaping a Soviet City. Berkeley, 1990.
12. *Ruble B.* Money Sings: The Politics of Urban Space in Post-Soviet Yaroslavl. Cambridge ; Washington, 1995.
13. *Терборн Й.* Социология: призвание и профессия / беседовала Л. Г. Титаренко // Журн. социологии и социал. антропологии. 2013. Т. 16, № 1 (66). С. 5–19.
14. *Therborn G.* The killing fields of inequality. London, 2013.
15. Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку / под ред. Й. Терборна; науч. ред. Л. Г. Титаренко и Ж. М. Грищенко. Минск, 2009.

References

1. *Therborn G.* Cities of Power. The urban, the national, the popular, the global. London, 2017.
2. *Weber M.* [City. Selected works]. Moscow, 1990 (in Russ.).
3. *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. New York, 1961.

4. Braudel F. [Material civilization, economy and capitalism] : in 3 vol. 2nd ed. Moscow, 2007 (in Russ.).
5. Lefebvre H. The production of space. Oxford, 1991.
6. Castells M. City, Class and Power. London ; New York, 1978.
7. Harvey D. Social justice and the city. Baltimore, 1973.
8. Park R., Burgess E., McKenzie R. The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment. Chicago, 1925.
9. Friedmann J. The World City Hypothesis. *Development and Change*. 1986. No. 17 (1). P. 69–83. DOI: 10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.X.
10. Sedov L. (transl.) [Moscow at the turn of the XIX и XX centuries]. Moscow, 2004 (in Russ.).
11. Ruble B. Leningrad: Shaping a Soviet City. Berkeley, 1990.
12. Ruble B. Money Sings: The Politics of Urban Space in Post-Soviet Yaroslavl. Cambridge ; Washington, 1995.
13. Therborn G. Sociology: vocation and profession. Interview. *J. Sociol. Soc. Anthropol.* 2013. Vol. 16, No. 1 (66). P. 5–19 (in Russ.).
14. Therborn G. The killing fields of inequality. London, 2013.
15. Terborn I., Titarenko L. G., Grishchenko Zh. M. (eds). [Post-Soviet capitals: Minsk. Vilnius. Baku]. Minsk, 2009 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 05.07.2017.
Received by editorial board 05.07.2017.

ENVOI: GLOBAL CAPITAL, THE FUTURE OF NATIONAL CAPITALS AND OF THEIR PEOPLE¹

G. THERBORN²

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ГЛОБАЛЬНАЯ СТОЛИЦА, БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ И ИХ ЛЮДЕЙ

Й. ТЕРБОРН

The future of capital cities will depend, first of all, upon the future of nation-states.

In time, this future will turn out to be bright, contrary to global city consultancies. At the time of writing, this was underlined by the British referendum on leaving EU, where the Conservative government was risking tearing its party asunder on a referendum pitting two conceptions of the British nation-state against each other. That the outgoing mayor of London, Boris Johnson, challenged his own party government in campaigning for «Brexit» adds a nice embarrassing twist to the argument of global cities as unmoored from their original nation-states; so does the fact, that his successor, Sadiq Khan, was actively campaigning for Britain to stay in the EU.

The rise of immigration and border control as central political issue in most of Europe is not only redrawing national political maps to the right, it also hammers home that nations and nation-states are emerging, unlucky South Sudan being the most recent (in 2010). The demand for them is still growing: Catalonia and Scotland in Europe, Kurdistan and perennial Palestine in West Asia are the most visible. The international and national uproar against Russia's

reincorporation of Crimea (a Russian-speaking, largely pro-Russian, historically Russian peninsula which, following an internal 1950s Soviet redivision, became part of Ukraine) reaffirms the classical ideology of state nationalism:* The soil of the national territory is sacred, however recently and contingently acquired. The new Cold War between the United States and its NATO clientele, on one hand and Russia, on the other; the increasing national assertiveness of China and the reactions to it: all point more to a world of national-state geopolitics than to a stateless world economy of capital flows and business services.

Recent «globalization» has not drained capitalist nation-states of resources and capacity, even if it has changed their complacency. Between 200 and 2014, total public expenditure in the six largest economies of the rich OECD area increased from average increased from an average 41.8 per cent of GDP to 46.2³. Public social expenditure has risen substantially in Asia as well as in Latin America. Neither the nation-state nor the welfare state is shrinking, although the demand for the latter from populations of increasing age and with growing numbers of poor children are mounting ever faster.

Capitals and Other National Cities

National capital cities are in general very well placed in urban hierarchies and networks, international as well, as national and they are well connected in the global corporate networks.

Seven of the top ten are national capitals; only New York, Hong Kong and São Paulo are not. Among the fifteen with more than 60 per cent of possible index value, ten are capitals of nation-states.

Not all capitals are dominant cities of their nations, but most of them are, many of them very heavily so, such as Addis Abba, Athens, Bangkok, Budapest,

Buenos Aires, Cairo, Dakar, Dhaka, Jakarta, Manila, Lima, Paris, Santiago, Seoul, Tehran and Vienna, for example. Since São Paulo overtook Rio some eighty years ago, no second city has overtaken the capital since then in demographic or economic weight. Instead, the predominance of many capital cities has been reinforced: of London over the cities of the industrial north, of Tokyo over Osaka and virtually of all the post-Communist capitals of Eastern Europe over second cities, including Moscow in relation to Saint Petersburg. Some originally specialized political

¹Глава из книги: *Therborn G. Cities of Power: the Urban, the National, the Popular, the Global*. London, 2017. P. 349–357.

²*Göran Therborn*, professor of sociology at the Linnaeus University (Sweden); professor Emeritus of sociology at the University of Cambridge (United Kingdom).

³*Йоран Терборн* – профессор социологии Линнеусского университета (Швеция); почетный профессор социологии Кембриджского университета.

⁴OECD iLibrary. «General government expenditure statistics». The economies are France, Germany, Italy, Japan, UK and United States.

capitals have grown into multifunctional metropolises, such as Ankara, Brasília, Delhi and Washington. Abuja and Astana are well under way. New constructions of a national capital have rapidly become the dominant city of their country, such as Gaborone in Botswana, Nouakchott in Mauritania, and Kigali in Rwanda. The future of specialized capitals built after independence is less certain and more dependent on vicissitudes of national politics, but some of them, like Dodoma in Tanzania and Lilongwe in Malawi, have already

shown the resilience transcending the lifespans of their original sponsor. Polycentric and bifocal national city systems certainly exist, most importantly in Western Europe – Germany, Italy the Netherlands, Spain and Switzerland – but also in Cameroon, China, Colombia, India, Libya, and Vietnam, among others. In the examples just mentioned, the capital makes up one important node of the system, but Canberra and Ottawa do not, and Tshwane, Washington and Wellington not quite.

The best corporately connected cities of the world in 2013: index values¹

The Top Ten		Other Cities >0.60	
New York	1.000	Madrid	0.725
Singapore	0.976	Shanghai	0.717
London	0.966	Buenos Aires	0.660
Hong Kong	0.959	Sydney	0.634
Tokyo	0.957	Mexico city	0.633
Beijing	0.849		
Paris	0.847		
Moscow	0.745		
Seoul	0.728		
São Paulo	0.726		

Summing up, while capital cities show a fascinating variety, the great majority of them have major, absolutely non-negligible social, economic and cultural importance in their countries alongside their defining functions as the seat of national power. Furthermore, this broad importance is not in decline. On the contrary, more often than not, it is increasing. In terms of political economy, within any foreseeable future, the world is not going to be run

from supposedly supra-national global cities like New York, Shanghai, Hong Kong or Dubai, but from national capitals: Washington and Beijing, first of all, but also Berlin, Deli, London, Moscow, Paris and Tokyo, and in a longer perspective perhaps also Brasília, Jakarta, Mexico, Seoul and other national capitals. Brussels is likely to remain a place of important decisions, not a supra-national city but as a site of international deal-making and cooperation.

National Symbolism in the Global Era

Are nations and national symbolism losing their meaning in more heterogeneous, multicultural societies? Will national monuments become as invisible as in Robert Musil's *Kakanien*? It might very well happen. I remember driving around with Brazilian friends in Rio twenty years ago, looking at monumental statues, and I was the only one who knew anything about the figures. However, general amnesia is not for a foreseeable future. Berlin is still developing its new national moment, with its semi-resurrected imperial castle and its Humboldt Forum and its plans for a major anti-Communist commemoration. All post-Communist Europe has invested heavily in nationalist and nation-religious iconography as we saw above; Skopje, Macedonia, has indulged in a monumental spree, from Alexander the Great onwards.

Madrid is cleansing the city of the remnants of Francoism. In Washington a very belated African-American museum opened in September 2016. Buenos

Aires, Lima and Santiago are remembering their recent dictatorship and repression. South Africa's Freedom Park is the crown of national iconography worldwide in twenty-first century.

In a number of cities around the world, political urban iconography is still hotly controversial, which is the surest sign of its vitality and meaningfulness. Above, we took note about iconographic controversies in Budapest, Madrid and Kyiv. Other may be added: about the Arab Spring in Cairo's Tahrir Square, Macedonian history in Skopje or whether Ottawa should monumentalize victims of Communism. The *statuemanie* of the Third French Republic is probably Ebbing after its revivals by European Communism and post-Communism. But the interest in public symbolic and museum representations and narratives of national and world history as well as the present clearly remains, and I see no signs of its disappearance any time soon.

¹Ni et al., Global Competitiveness Report 2013, chapter 16.

The Capital of the Early Twenty-First Century

This century is young and will in due course, without doubt, deliver its full capacity of surprises and unexpected turns. But at least for its first fifteen years, the best place to see the opportunities and intertwining of national and global urbanism and the political economy of the early twenty-first century on the display and in interaction has been Astana, the new capital of Kazakhstan.

Astana («capital city» in Kazakh) was laid out as a national project of the least nationalist of the former Soviet republics. Like the rest of Soviet Central Asia, the country's cities were predominantly Russian in language and culture. The capital of the republic, Almaty (Russian Alma-Ata, once internationally famous for its fast skating track) was dramatically off-centre in this country the size of Western Europe, now with 17 million inhabitants, in the extreme south, close to the Chinese border. A move of the capital was announced in 1994, motivated by ethno-political as well as geopolitical interests. The ethno-political subtext was to create a Kazakh capital in the center of the country, in the largely Russian-speaking regions.

The capital project was driven by one of the great (and authoritarian) political entrepreneurs of the small countries of the early twentieth and early twenty-first centuries, along with Lee Quan Yew of Singapore, Mahathir Mohamad of Malaysia, and Paul Kagame of Rwanda, Nursultan Nazarbayev, the last leader of Soviet Kazakhstan. It was made financially possible by the oil and mineral boom, now ending and casting its shadow over Astana.

On the northern steppe, the nineteenth-century Russian garrison town of Akmolinsk – later the rustback Soviet Tselinograd, which Khrushchev once dreamed of as the centre of a solution to the perennial problems of Soviet agriculture – on the river of Ishin (in Kazakh, Esil), a stunning new capital has been constructed in about fifteen years, starting in 1998. The «metabolist» Japanese architect Kisho Kurokawa won the international competition for a master plan, which has not played a much of a master role, and it was deliberately intended as a platform for organic growth – in that sense somewhat similar to Doxiadis's conception of Islamabad – not as a city blueprint, like Costa's Plan Piloto for Brasília.* (More important and effective was Kurokawa's emphasis on urban metabolism in prioritizing water and sewage infrastructure and forest belt around the city to placate the harsh climate.)

The government district is laid out in a grand west-east axis with a clear association to the Washington Mall. It starts with a headquarters of the main state oil and gas company, an almost circular building in classical Soviet style, with an archway to the east. A green mall leads you to the central national symbol, the Bayterek, a sleek 105-metre-tall construction

representing a tree with a golden egg (the sun) on the top, taken from an old legend. Then the mall continues, flanked on both sides by long rows of ministerial buildings ending in two golden towers, making the entrance to the next square, with parliament and court buildings on one side, the presidential administration and concert hall on the other, and, at the end of the axis, Ak Orda (the White Camp), the Presidential Palace, under the blue dome looking like double sized Washington White house.

This is monumental nationalism, obviously inspired by both of the superpowers of the Cold War, though to be long gone. There is much more post-Communist nationalism. The concentration camps in Kazakhstan and cruel collectivization famine of the 1930s are remembered. There is a big monumental ensemble to national defenders, with one side referring to World War II and the defence of the USSR against Nazi Germany and the other to Kazakh nomadic warriors against the (Tsarist) Russians. National independence is celebrated by two big monuments: one from 2008, a tall column topped by an eagle, with president Nazarbayev standing at its base. The other from 2011, in the form of a triumphal arc. In good Stalinist tradition, several institutions and buildings are named after the president. Lenin was stowed away in the early 1990s, replaced by the Kazakh poet Abay; Marx and Soviet leaders have disappeared from the streets. Curiously enough, the 1980 Communist leader Dinmukhamed Kunayev, whom Mikhail Gorbachev fired for corruption and unwisely replaced with ethnic Russian (before turning to Nazarbayev), has survived in a major street.

However, this nationalism is only one part of the Astana story. From the beginning the city has simultaneously been conceived as a globalist project, including its own «Special Economic Zone» of corporate tax breaks. Part of the urban nationalism has actually been sub-contracted. The first big mosque, on the government hall (Nur Astana), was a gift from Qatar. The Chamber of Deputies was built by a Turkish firm – Astana is part of the Turkish State Convention for Architecture and Urban Planning – and the Senate building was a gift from Saudi Arabia.

The little river was dammed up and widened up to Thames-Seine proportions, with a riverside promenade. After the first round of national buildings, which left me quite unimpressive on my first visit in 2005, Nazarbaev's Astana has embarked on globalist imagery and iconicity, including seductive image-capitalism offers of «country club villas», an «English quarter» and «Europolis». Norman Foster has been recruited for two big projects. One is a Place of Peace and Reconciliation, a pyramid full of number symbolism which looks much better from afar than close by and inside, as a meeting ground for an inter-religious encumene, one of Nazarbaev's great international projects* (Post-Soviet Kazakhstan is about 70 per cent

Muslim and 25 percent Christian (mainly Orthodox). Other religious are tiny, but a prominent synagogue is included in the new cityscape.). Another, Khan Shatyr, is a standard globalist shopping and entertainment centre, with an indoor pool and a beach of sand from the Maldives inside, spectacular 150-metre-high marquee or transparent tent, closing the governmental axis to the west (across the river from the Presidential Palace). Currently the big building projects are a new commercial centre, Abu Dhabi Plaza, made with Gulf money, and the 2017 World Expo, designed by Chicago firm of Adrian Smith and Gordon Gill.

Astana has come to house a very high number of spectacular post-modernist buildings, most of them for culture and sports. Some of the best have been designed by a local architect, Shokhan Makyabetov, the chief city architect from 2005 to 2007.[†] (My picture of Astana derives first of all from two visits, in 2005 and 2011, which (thanks to the kind collegial help of my two interpreters, Tapani Kaakuriniemi and Larisa Titarenko) included a number of interviews. The literature is not large but includes an excellent architectural guide edited by Philipp Meuser (*Astana: Architectural Guide*, Berlin: DOM, 2015).

What Astana shows in its abundant splendor is, first of all, the possible intervening of national and

global. They remain distinct but are not necessarily incompatible. Above we noted the wisdom of the Asian conception of globalizing as an active verb. To globalize in Asia has been a national choice of political and business leaders. The rulers and architects of Astana have been much more sophisticated than the skyscraper developers of Mexico or Jakarta – precisely for that reason, they demonstrate more convincingly how globalist economics and nationalist political symbolism can coexist.

The Nazarbayev regime is now entering the stormy waters. The long commodities boom has ended and people are obviously quite angry at the new long-term lease of national lands to foreigners, protesting in the spring of 2016. The typical post-Communist turn to religion has not prevented the emergence of militant Islamism. Whether the World Expo of 2017 will make Astana into a «global city» looks increasingly uncertain. However, Astana has become part of world urbanism. True, Almaty remains the economic and cultural capital of Kazakhstan, but Astana has grown into a social fact. According to the 2014 census it had 835 000 inhabitants, up from about 250 000 in 1980s and two-thirds are Kazakhs instead of one-sixth. The city is not likely to disappear with regime change. It will remain an architectural monument.

Globalism and the Future of the People

The future of globalism, of skyscrapers as well as of global corporations, looks pretty sure and well laid out: continuing and, most probably, increasing in impact. The main difficult question is the future of the people. Will the *people* have the future in the world of ruthless global capitalism? Almost a lifetime of political commitment, observation and analysis has taught me not to expect anything inclusive and egalitarian from unbridled capitalism, and that rebellions are impossible to predict – but that they do occur again and again.

In fact, I think there are two reasons for moderate optimism about the prospects of future popular moments.

One is the recent return of popular urban revolutions. The international costs of national repression have increased and are likely to stay high. Such revolutions or regime changes by popular street protests will remain unlikely in consolidated electoral democracies, but there they might mutate into movement-parties successfully playing the electoral game. Recent southern European embryonic examples show that such scenario is not beyond the pale of political realism. Outside countries with intact constitution and electoral legitimacy, repetitions of recent successful uprisings will happen again and might very well spread in sub-Saharan Africa, where armed violence has so far decided most contested political outcomes.

The other is the possibility of urban reformism. It was pioneered by European «municipal socialism», but in recent times the main thrust of radical socially transformative urban reformism has come from the Global South, with long-term input in Montevideo and Mexico City and recent breakthroughs in Delhi and Jakarta. It is a very vulnerable project, dependent on the national economy, often under pressure of hostile national government and facing the volatile metropolitan electorate, now that the historically stable European working-class base is largely done. But it should not be forgotten «that its major achievements in the South are of this century». A tri-continental multiplication of the projects of AMLO, Jokowi and Kejriwal is certainly not impossible.

After Ken Livingstone's first mayoralty? Euro-American urban politics has been much more cautious; Euro-American city governments are usually boxed in by superior state governments. What will come out of, for instance, Manuela Carmena's government of Madrid remains to be seen. However, the possibility of social change is not to be ruled out. Ordinary people are not going away. They will continue to disturb the visions of global image capitalism. Their chances of social transformation are better in the cities than elsewhere – and for urban social change, capital cities of power turned into cities of transformation are likely to be decisive.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Предыдущая статья, посвященная любви как феномену культуры, описывала сущность средневекового антифеминизма и рассматривала векторы его проявления. Обозначены были и причины, породившие в средневековой культуре этот феномен. Однако правомерно поставить вопрос и о более глубоких культурных истоках оформления данной тенденции, корни которой выходят далеко за пределы Средневековья...

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

ОТ БОГИНЬ К СУККУБАМ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ДЕМОНИЗАЦИИ ЖЕНЩИНЫ В МЕДИЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Посвящена выявлению причин формирования антифеминистских установок средневекового мировоззрения. Ставится вопрос о наличии объективных закономерностей развития культуры (в частности, религиозного сознания), повлиявших на этот процесс. Показано, что оформление негативной установки в отношении видения женщины имело глубокие историко-культурные причины, выходящие далеко за пределы культуры Средневековья и имеющие корни, как это ни парадоксально, в сакрализации женщины в архаических аграрных культурах.

Ключевые слова: мифологическое сознание; аграрные культуры; культ плодородия; матриархат; хтоническая мифология; сакрализация женских сил; персонификации Великой Матери; лунарные мифы; мифологема змея; патриархат; эпическая мифология; змеборчество; демонизация женских персонификаций.

Образец цитирования:

Можейко М. А. От богинь к суккубам: исторические корни демонизации женщины в средневековой культуре // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 130–137.

For citation:

Mojeiko M. A. From goddess to succubus: historical roots of demonization of a woman in Medieval culture. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 130–137 (in Russ.).

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

FROM GODDESS TO SUKKUBUS: HISTORICAL ROOTS
OF DEMONIZATION OF A WOMAN IN MEDIEVAL CULTUREM. A. MOJEIKO^a^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkorawskaia Street, Minsk 220007, Belarus

The article is devoted to identifying the causes of the formation of anti-feminist position in medieval worldview. It discussed question about the existence of objective trend in development of culture (in particular, the religious consciousness), influenced this process. It is shown that the appearance of the negative attitudes towards women had deep historical and cultural reasons that go far beyond the Medieval culture, and its roots upward, paradoxically, to the phenomenon of sacralization women in archaic agrarian cultures.

Key words: mythological consciousness; agrarian culture; the cult of fertility; matriarchy; chthonic mythology; sanctification of female power; the personification of the Great Mother; Moon's myths; mythology of snake; patriarchy; epic mythology; fighting against the snake; demonization of female personifications.

Процесс демонизации женщины средневековой культурой имеет глубокие дохристианские корни. Он отражает общую закономерность развития религиозного сознания, которая заключается в том, что то или иное верование, отрицая предшествующее, впитывает в себя многие его мотивы и сюжеты, но в плане аксиологической альтернативы: образы прежних божеств, которые еще долгое время не изживаются из массового сознания повседневности, модифицируются в демонов.

В неявном виде эта закономерность была зафиксирована еще Тертуллианом: «Мы поклоняемся единому Богу. <...> Относительно других существ, которых вы именуете богами, мы знаем, что они не что иное, как демоны» [1, с. 173]. Аналогичную позицию демонстрирует в поэме «Потерянный рай» Дж. Мильтон [2].

Историки религии показывают, что христианство, сменяя собой язычество, либо включало языческих богов в свой пантеон, переосмыслив их и возведя в ранг святых [3, с. 344], либо низводило их до статуса нечистой силы [4, с. 6–9]. По мнению Сольдана, «для всех отцов церкви <...> не было сомнения, что боги греков и римлян были демонами» [5, с. 65]. Как пишет С. Г. Лозинский, «наравне с падшими ангелами армию дьявола составляли языческие божества древнего мира, превратившиеся в процессе развития христианства в презренных и коварных демонов. Подобно тому, как в Персии при переходе от старого язычества доисторических иранцев к религии Зороастра прежние боги, носившие имя “дева”, стали дьяволами, подданными губительного Аримана, и их культ был запрещен, а самое имя “дева” стало употребляться для наименования дьявола, точно так же греко-римские божества, как и слово “даймон”, некогда обозначавшее божество, были низведены торжествующим христианством с божественного пьедестала и низринуты в пучину дьявольской преисподней» [6, с. 11]. По оценке Б. Рассела, «в писаниях отцов церкви под “демонами” подразумевались языческие божества, которые, как считалось, были очень

рассержены распространением христианства. Ранние христиане не отрицали существования олимпийских богов, но полагали при этом, что они служат сатане»; более того, Б. Рассел сообщает, что даже «в 1522 году, в самый расцвет Возрождения, римляне вначале неправильно определили причину чумы, охватившей город, – они думали, что чума была вызвана демонами, то есть античными богами, и потому зарезали быка в жертву Юпитеру» [7, гл. IV. Демонология и медицина].

Аналогичный процесс наблюдается и в восприятии женщины средневековым массовым сознанием. Это связано с особым статусом женщины в архаичных культурах, где ее роль в воспроизводстве рода мыслилась в категориях сакрального. Женщина воспринималась как средоточие жизнедарующей силы, олицетворение плодородия, что в условиях земледельческих культур выступало предметом особого почитания и поклонения. Между способностью женщины к деторождению и плодородием полей носитель первобытного сознания видел непосредственную магическую связь, что выражается в обрядах, призванных *зачать* будущий урожай. Именно поэтому, как отмечает Деби-прасад Чаттопадхья, земледельческой магией занимались сугубо женщины [8, гл. V, разд. 2].

Разумеется, в этой системе отсчета особой магической силой женщина обладает в те моменты, когда ее женская сущность проявляется наиболее выражено и полно. Как пишет Дж. Томсон, для всех архаичных культур характерна «вера в животворные свойства беременности и менструаций» [9, с. 203]. У африканских зулусов существовал обычай, предписывающий менструирующим девушкам обходить нагими поля [9, с. 202]; такие воззрения приписываются Плинием и Колумеллой Демокриту: якобы он полагал, что менструальная кровь содержит заряд плодотворной энергии, и требовал, чтобы девушки во время менструаций трижды обегали поля перед жатвой [10, с. 19]. Древнегреческие Фесмофории, сельскохозяйственные праздники оживления зерна, включали в себя

обряд тайного выноса менструальной крови (впоследствии замененной кровью жертвенного животного) из зернохранилища. Аналогичным образом к магии, связанной с плодородием женщины, восходит и выполняемый женщинами обряд Аррефорий в культе Деметры [9, с. 217–219]. Смысл описанных ритуальных действий, по Дж. Томсону, «заключался в том, чтобы сообщить посевам ту плодородящую силу, которой, как полагали, должно быть пропитано в этот период тело женщины. Повсюду эта сила считается неотъемлемой принадлежностью их пола» [9, с. 202].

Семантическими коррелятами указанных ритуалов являются многие сохранившиеся в культуре Европы сельскохозяйственные обряды: Дж. Фрезер описывает праздники Матери риса, Хлебной Матушки, Матери картофеля и т. п. [11, с. 385–386]. К описанным архаическим представлениям относятся и германское поверье о том, что «в <...> полях в полночь можно видеть Мать Хлеба в виде одетой в белое платье куклы, сделанной из последнего снопа; проходя по полям, она оплодотворяет их. А если крестьянин чем-нибудь ее обидит, она погубит его урожай» [11, с. 274].

С точки зрения первобытного мышления животворная сила женской сущности в указанные периоды настолько велика, что обладает способностью иррадиировать, передаваясь окружающему. В силу этого считалось, что если мужчина приблизится в это время к женщине, то даже он может быть вовлечен в поле действия ее магии и превратится в женщину, лишившись своих мужских качеств. Эволюция этой идеи результируется в мифологической фигуре *инфицирования* [12]. Гесиод в поэме «Труды и дни» предостерегает мужчин купаться в тех водоемах, где непосредственно перед этим купалась женщина [13, стих 753]. С указанным моментом связано табуирование только что родившей, менструирующей, беременной (а иногда и кормящей) женщины в архаических культурах. В течение определенного количества дней после менструации и родов женщина не допускалась в храм, а из Элевсинских мистерий исключался равно и тот, кто совершил убийство, и тот, кто прикоснулся к роженице [9, с. 204].

Кроме того, в мифологическом мировоззрении момент родов скоррелирован также со смысловой фигурой встречи с небытием: женщина как бы вырывает ребенка из неживого состояния к живому, начало жизни мыслится как прикосновение к смерти. Как отмечает Дж. Томсон, «в Древней Греции считалось, что осквернение, причиняемое женщиной родами, столь же сильно, как пролитие крови или соприкосновение с трупом» [9, с. 204].

С одной стороны, первобытное мышление полагало, что ребенок рождается из менструальной крови, в силу чего последняя выступала символом жизни, с другой – она воспринималась в рамках

идеи инфицирования и как знак запрета. В силу этого на табуируемый предмет или лицо ставили знак кровью (или цвета крови) – одновременно и как символ передачи жизненной силы, и как знак ограждающего запрета. Дж. Томсон перечисляет ритуальные церемонии с использованием такого знака: «Во всем мире распространен обычай, что менструирующие или беременные женщины мажут тело красной охрой, которая одновременно служит предостережением для мужчин и средством повышения плодovitости женщин. У многих народов принято окрашивать лоб невесты красной краской в знак наложения на нее запрета для всех мужчин, кроме ее мужа, и в знак гарантии, что она родит ему детей. <...> По окончании родов ею смазывают мать и ребенка; это делается, чтобы ребенок жил, а мать возвратилась к жизни. При инициации девушку с головы до ног обмазывают красной краской, чтобы она родилась вновь и не была бесплодной. По окончании траура, переступив через костер, вдова окрашивает тело в тот же цвет; так она снимает с себя осквернение от соприкосновения со смертью» [9, с. 205–206].

В данном случае применительно к женщине мы имеем классический набор атрибутов, характерных для табуированного предмета: сакральность и запретность. Дж. Томсон говорит о восприятии первобытным сознанием женской способности к продолжению жизни: «само ее могущество заставляет бояться ее» [9, с. 201]. Позднее применительно к религиозному сознанию Р. Отто введет понятие нуминозного (от лат. *numen* – божественное волеизъявление), отражающее важнейший аспект религиозного опыта, согласно которому соприкосновение с сакральным переживается одновременно и как притягивающее, влекущее, и как устрашающее [14].

Таким образом, в парадигме архаического мышления женщина выступает как могучая и животворная, но грозная и опасная сила.

В контексте матриархального мировоззрения мифологическое сознание доэпического периода представлено хтоническими мифами (от греч. *htonos* – земля, плодородная почва), где центральной персонификацией (наряду с хтоническими чудовищами и змеями, символизирующими землю и воду как женские начала) выступает образ Великой Матери. Это Иштар – центральное божество аккадской мифологии, «богиня плодородия и плотской любви» [15, с. 595]; западно-семитская Астарта, воплощающая в себе чувственную любовь и плодородие [16, с. 115–116]; древнегреческая Геката, наделенная в доолимпийской древнегреческой мифологии великой и тайной силой, связанной как со способностью внушить любовь (именно благодаря ее помощи Медея смогла воспламенить Ясона), так и с чародейством [17, с. 269–270], – ряд может быть продолжен...

Вместе с тем сама мифологема земли (как женского начала) двузначна – это и субстрат плодородия, и путь в Аид: Деметра и Персефона связаны как с плодородием, так и с царством мертвых; Геката понималась одновременно как ночная (*Хтония*), так и дневная, ясная (*Урания*) [17, с. 269], что, безусловно, интересно в свете более позднего разделения Афродиты на *Уранию* и *Пандомос*. В целом персонификации Великой Матери – это и дарительницы жизни, и богини, связанные со смертью: недаром Геката бродит ночами по кладбищам, и в этом свете – в этом мраке! – ее чары не могут не внушать ужас.

Очень важный момент: в восприятии архаического сознания женщина – именно в силу якобы присущих ей сакральных свойств – самым непосредственным образом связывалась с магией и потому воспринималась как опасная. Это наглядно проявляется в семантике лунарных мифов, которые занимали в системе хтонической мифологии важное место.

С одной стороны, луне приписывались функции регуляции ритмов женского тела. В древнекитайской мифологической традиции луна скоррелирована с женским началом *инь* [18, с. 79]. На Муррейских островах луну представляли в образе молодого мужчины, который раз в месяц насилует женщин, вызывая в них таким образом кровотечения [9, с. 208]. Будучи в глазах первобытного человека причиной менструаций, луна выступает и причиной беременности. Как считали маори, подлинным мужем всех женщин является луна, которая, соответственно, обладает способностью приводить женщин в состояние экзальтации [9, с. 208].

С другой стороны, луна в архаическом мировоззрении является источником чар и волшебства, покровительницей гаданий и магии (в первую очередь любовной) [18, с. 79]. В древнегреческой мифологии Селена одновременно олицетворяет луну и выступает в качестве богини чародейства, прежде всего любовных чар, причем в полнолуние они особенно сильны [19, с. 424]. Прочно ассоциируется с луною и Геката: с целью сохранить лунный свет ей делались подношения в виде лунообразных лепешек с воткнутыми в них свечами, три лика Гекаты соответствуют трем фазам лунного цикла; наряду с этим Геката выступает покровительницей родов и рожениц [9, с. 225–226]. В орфической литературе три фазы луны связывались с Селеной, Артемидой и Гекатой [9, с. 227].

В целом сексуальная сила женщины и ее связь с магией в системе архаического мировоззрения являются основанием сакрализации женщины. Важно отметить, что магические силы и способности приписывались в архаическом мировоззрении женщине как таковой, т. е. каждой женщине, а не только жрицам соответствующих богинь.

Именно эти два сакрализованных момента в переосмыслении массовым сознанием Средневековья выступают основанием демонизации женщины: сакральная магия мыслится как злокозненное колдовство и ассоциируется в основном с ядами, порчами и выкапыванием мертвецов из могил; сексуальная привлекательность и сила женщины фальсифицируются: ведьма мыслится как старуха, с помощью чар принимающая ложный облик красавицы. Словом, Средневековье отнимает у женщины последний аргумент...

Однако нужно сказать, что существенные трансформации в восприятии женского начала происходят еще в дохристианский период. Так, при переходе от матриархата к патриархату происходит существенное изменение в мифологическом сознании: хтоническая мифология сменяется эпосом. Это связано с тем, что земледелие в качестве женского занятия уходит на второй план, с ним на второй план уходит и персонификация Великой Матери. Перенос акцента на ремесло как на мужское занятие приводит к оформлению эпосов, связанных в первую очередь с героями-цивилизаторами и придавших персонажам пантеона своего рода профессиональную принадлежность: бог-кузнец Гефест, Прометей, обучивший людей ремеслам, и т. п. [20, с. 664–666].

Космогонии, понятые как космогенез (рождение космоса как продукта сакрального брака земли и неба), сменяются своего рода ремесленными космогониями – космотворениями (ближневосточные гончарные космогонии, мир как вышивки Зевса и т. п.).

Естественным образом сдвигались и аксиологические акценты в восприятии женской сексуальности. Это может быть прослежено в развитии фольклорной традиции. Так, В. Я. Пропп исследует широко распространенный в Европе сказочный сюжет об опасности первой брачной ночи женщины для ее партнера: это опасность «чисто сексуального характера. Женщина имеет в промежности зубы <...> эти зубы – символ, образное выражение ее могущества, превосходства над мужчиной» [21, с. 327–330]. Семантический план, как видим, остается прежним, но аксиологические акценты расставлены противоположным образом: в первую брачную ночь женщина должна быть обезврежена. В этом контексте В. Я. Проппом переосмыслен традиционный ритуал дефлорации, осуществлявшийся в первобытных культурах жрецом в ходе специального ритуала и интерпретировавшийся как оплодотворение девушки предками рода. Согласно архетипическому сказочному мотиву в первую брачную ночь место жениха также занимает другое лицо, причем мотив дефлорации вуалируется, заменяясь сюжетами о различных испытаниях героя. По мнению В. Я. Проппа, «ритуальная дефлорация до брака, проводимая “божеством”, и брачная ночь

с мужем, некогда разъединенные во времени, позднее были соединены в один момент. <...> Человеческая брачная ночь слилась с тотемической дефлорацией. Дефлорацию совершает “лесной дух”, т. е. в сказке – помощник героя, и из его рук герой получает невесту. <...> Это дает возможность нового толкования практикующегося до сих пор воздержания в первую ночь. <...> Возможно, такое воздержание ведет свое начало от представления, что в эту ночь женщина оплодотворяется тотемным предком. Отсюда же идет право первой ночи. Это право от магически более сильного впоследствии переходит к социально более сильному и становится средством узурпации супружеских прав» [21, с. 330].

В нашем контексте важен этап *магически более сильного*: с переходом от матриархата к патриархату жреческие функции переходят к мужчине и сексуальные проявления женщины, прежде (в системе отчета хтонической мифологии) трактовавшиеся как ритуально-сакральные, в новом контексте начинают восприниматься негативно. Переосмысливается и сам факт запрета: не запретное, ибо сакральное, а запрещенное, так как нечистое.

Однако сакральность всегда амбивалентна, и как бы ни превалировал ее отрицательный момент (запрет, опасность, нечистота), восприятие собственно женского сексуального начала в дохристианских культурах остается далеким от демонизации: в мифологически фольклорной языческой традиции мы сталкиваемся все же с богинями, христианство же – как новая религия – переводит их в разряд темных сил.

Эта общая тенденция обнаруживает себя применительно к развитию любой конкретной мифологемы данного плана. Например, в труде «Пениципенталия германских церквей» описано поверье о женщинах-ведьмах, летающих с дьяволами на их шабаш: «народная глупость именуется такую ведьму Хольдой» [22, с. 142]. В средневековой германской культуре повседневности Хольда (фрау Холле, Берта, Перхта) утверждается как страшная старуха-ведьма, воплощающая смерть [22, с. 142–144]. Однако дохристианский культурно-исторический пласт содержит иной образ Хольды: *Holda, Huld* как персонаж дохристианской германской и скандинавской мифологии – женское божество, дающее плодородие полям; она же помогает в родах, поощряет женские промыслы (пряжание, ткачество и т. п.), а также обладает магическим даром прорицания, предсказывая судьбу новорожденным и в целом покровительствуя младенцам (что показательно, даже некрещеным) [23, с. 595]. В дохристианской традиции, по оценке А. Я. Гуревича, Хольда воспринималась как «мирное, милостивое создание», на что указывает и само ее имя: древнеисландское *hollr*, древневерхненемецкое и древнеанглийское *hold*, норвежское *hult*, шведское

и датское *huld* (в переводе на русский – *милая, милостивая, добрая, благосклонная, доброжелательная, полезная, верная*) [22, с. 143–144].

Аналогично Бефана в низшей итальянской мифологии – ведьма в образе вредоносной старухи, бродящей по земле в день богоявления. Воплощающая ее тряпичная кукла ритуально сжигается на площади. Однако исходным для этой мифологемы образом является архаичная персонификация Бефаны как доброй волшебницы, приносящей детям новогодние подарки [24, с. 171].

Типологические корреляты могут быть обнаружены и в славянской мифологии: например, Марена [25, с. 110] или Мара [26, с. 110] как воплощение ночных кошмаров, смерти при сохраняющейся семантике плодородия.

Интересно отметить, что ценностно-смысловому оборачиванию подвергаются не только сами женские персонажи, но и отдельные детали их атрибутов и символики. Так, например, дикая охота Хольды вершится в рождественские дни [27, с. 378], злые происки Бефаны вписаны в общую тенденцию появления на земле ведьм и злых духов в новогоднюю ночь, т. е. в календарный праздник, когда должен начаться новый космический цикл, чему они стремятся помешать [28, с. 227]. Считалось, что ведьмы особенно опасны в календарные праздники, ибо пытаются воспрепятствовать наступлению весны и могут навредить будущему урожаю.

Показательна в этом отношении дата Вальпургиевой ночи, непосредственно совпадающая с народным праздником майских календ, ибо украшение майского деревца исходно имеет семантику воздвижения мировой вертикали, воссоздания космоса в сакральную дату календарного праздника, что уходит корнями в архаические магические ритуалы (рецитации сакрального брака земли и неба, семантически равного космотворению). В рамках массового сознания Средневековья глубинная символика сохранившегося языческого обряда практически утрачена и он воспринимается просто как праздник весны, наступления нового сельскохозяйственного года. Однако определение этой даты как даты охоты на ведьм примечательно: из богини, дающей плодородие полям, женщина превращается в ведьму, губительницу урожая, из олицетворенного в Афродите космосозидания – в угрозу календарю.

Аналогичные метаморфозы претерпевает и сопряженная с анализируемыми сюжетами мифологема змея. Практически во всех мифологиях змей (змея) выступает символом, связанным с женской животворной силой, плодородием, домашним очагом, с землей и дающей жизнь влагой. Одна из наиболее характерных черт хтонической мифологии древнейших земледельческих культур – значение змея как символа плодородия [29, с. 469]. В данном

контексте можно упомянуть кипрские и критские изображения женщин со змеями, минойские статуэтки Эриний со змеями в руках [9, с. 252], представление египетской богини плодородия и урожая зерна Рененутет как коброголовой [30, с. 378], изображение Гекаты со змеями в волосах [17, с. 269]. Семантическая сопряженность мифологемы змея с мудростью (змея Афины) и целительной силой (змея Асклепия) придут позже – уже в рамках эпической мифологии.

Любопытно отметить, что переход от характерной для матриархата хтонической мифологии к характерному для патриархата эпосу специфически отражен в мифах о змеборцах (от шумеро-аккадского Гильгамеша до славянского Георгия Победоносца): герой-мужчина разит змея как существо хтоническое, прямо-таки *земноводное*...

Возвращаясь к доэпической мифологии, следует отметить, что образ змея изначально амбивалентен: он семантически сопряжен и с оплодотворяющим мужским началом. Так, с храмом Асклепия в Эпидавре связана легенда о женщине, желающей излечиться от бесплодия и с этой целью согласно обычаю проведшей ночь в храме: в эту ночь она видела во сне змея, с которым имела интимное общение, и спустя девять месяцев родила близнецов [9, с. 212–213].

Дж. Томсон высказывает предположение о том, что оформлению этого семантического вектора мифологемы змея способствовала фаллоподобная форма животного [9, с. 209]. В жизнеописании Александра Македонского Плутарх, имея в виду божественное происхождение своего героя, рассказывает о его матери: «Однажды увидели также змея, который лежал, вытянувшись вдоль тела спящей Олимпиады. <...> Говорят также, что Филипп потерял тот глаз, которым он, подглядывая сквозь щель в двери, увидел бога, спавшего в образе змея с его женой» [31, с. 262, 363].

В этих смысловых рамках змей иногда отождествлялся с луной, которую, как было указано, архаические культы трактуют как подлинного мужа всех женщин. В Древней Греции, например, считалось, что у змея столько ребер, сколько дней в лунном месяце; в Австралии и Меланезии считалось, что луна по-змеиному каждый месяц меняет кожу [9, с. 209–212].

Двойственная семантика змея в мифологическом мировоззрении обуславливает и двоякую роль змеи в магической практике. С одной стороны, она используется в аграрных ритуалах, призванных обеспечить плодородие полей. Например, в целях получения хорошего урожая западноафриканским племенем пангве осуществляется следующий ритуал: «...каждая женщина должна поймать одну из маленьких змеек, которые живут между корнями мангра; после этого они срывают с себя всю

одежду и, держа в руках змей, запевают возбуждающие похоть песни и поют и пляшут всю ночь напролет, пока не упадут на землю от изнеможения» [9, с. 210]. Аналогично в орфических оргиях и донисиях (вакханалиях) использовались прирученные змеи. Плутарх, например, сообщает об участии в вакханалиях матери Александра Великого: «Олимпиада ревностнее других была привержена этим таинствам. <...> Во время торжественных шествий она несла больших ручных змей, которые часто наводили страх на мужчин, когда, выползая из-под плюща и из священных корзин, они обвиняли тирсы и венки женщин» [31, с. 363]. С другой стороны, мужская семантика змея проявляется в иных ритуалах. Участницы древнегреческих Фесмофорий, которые должны были в течение трех дней до праздника соблюдать воздержание, спали на постелях из ивовых прутьев, якобы обладающих способностью отпугивать змей [9, с. 216–217].

Будучи причастным и к женскому, и к мужскому началу, змей выступает в качестве символа как земной влаги, так и небесного огня. Неслучайно внешний облик змея в развитых мифологиях включает в себя элементы как собственно змеи, так и птицы (дракон как крылатый змей), т. е. животных, символизирующих собою нижний и верхний миры. В этом смысле образ змея обнаруживает семантический параллелизм с мифологемой мировой вертикали, связующей/разделяющей землю и небо.

С учетом сказанного представляется правомерным сделать вывод о том, что библейское древо познания добра и зла с притаившимся возле него змеем вырастает на почве глубокой мифологической традиции и генетически восходит к древу – мировой вертикали – с символизирующим его змеем. Семантика во многом сохранена, но аксиологические акценты диаметрально противоположны: мифологема змея в христианстве коррелирует с дьявольским началом. Текст заклинания, читавшегося над бесноватыми в ходе экзорцизма, включает в себя следующие формулировки: «Изыди, злой дух, полный кривды и беззакония; изыди, исчадь лжи, изгнанник из среды ангелов; изыди, змея (курсив наш. – М. М.) <...> изыди, черный демон; изыди, дух ереси, исчадь ада, приговоренное к вечному огню; изыди, негодное животное, худшее из всех существующих; изыди, вор и хищник, полный сладострастия» [32, с. 159].

В контексте нашего исследования важно, что в древних космогониях (в частности, в евразийских и американских) змей нередко выступает как мироустроитель, разъединивший небо и землю и тем самым создавший космос. В этом плане образ змея, символизирующего собой разделение (в мифологическом сознании дающее возможность брачного соединения) земли и неба, семантически коррелирует с образом Афродиты. Эта изначальная

соотнесенность мифологемы змея с любовью как космосозидающей силой (вспомним Эрос как протопотенцию космогенеза у Гесиода) в контексте христианского Средневековья приводит к его интерпретации в качестве символа *luxuria*: змей осмысливается как провокация искушения. С библейским предостережением: «Беги от греха, как от лица змея» (Сирах. 21: 2) перекликается фраза Иеронима об искушении: «Играл со мной древний змей» [33, с. 39]. Змей предстает как моральный искуситель, в чьем облике является сам Сатана. Впрочем, только ли морального? Следы архаической традиции обнаруживают себя в агадической легенде, согласно которой змей имел сексуальный

контакт с Евой. В этом плане показательна также метафорическая система средневековой религиозной поэзии, в которой образ змея непосредственно сопряжен с сексуальностью и в этом плане несет на себе мощный отрицательный аксиологический заряд. Так, Марбод Реннский в «Книге десяти глав» пишет о женщине: «Хоть и старается быть на вид непорочною девой <...> она вся змеиным наполнена ядом» [34, с. 231]. Иногда через змея (горло змея) практически обозначается *vagina*. В религиозном стихотворении «Секвенция об одиннадцати тысячах дев» Хильдегарда Бингенская, отмечая факт девственности своих героинь, выстраивает следующую метафорику:

...Да восславят
Агнца Божия,
Что заградил гортань древнего Змия
Веществом Слова Божия
В сих жемчужинах... [35, с. 237].

Таким образом, даже частные моменты и атрибуты, связанные с позитивным восприятием женщины в первобытном мировоззрении, подвергаются

в Средневековье оценочной инверсии: не только языческие богини, но и женщина как таковая демонизируется и становится олицетворением зла.

Библиографические ссылки

1. Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.
2. Мильтон Дж. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. М., 1976.
3. Крывелев А. И. История религии. Очерки : в 2 т. М., 1975. Т. 1.
4. Шейнман М. М. Вера в дьявола в истории религии. М., 1977.
5. Панкин С. Ф. Сатанизм. История, мировоззрение, культ. Ростов н/Д, 2010.
6. Лозинский С. Г. Роковая книга Средневековья // Шпренгер Я., Инститориус Г. Молот ведьм. Руководство святой инквизиции. М., 2016. С. 8–47.
7. Рассел Б. Наука и религия [Электронный ресурс] // Lib.RU. URL: http://lib.ru/FILOSOF/RASSEL/n_and_r.txt (дата обращения: 16.03.2017).
8. Чаттопадхья Д. Локаята даршана. История индийского материализма. М., 1961.
9. Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества : в II т. М., 1958. Т. I. Доисторический Эгейский мир.
10. Боннар А. Греческая цивилизация : в 3 т. М., 1958. Т. 1. От Илиады до Парфенона.
11. Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986.
12. Краулей Э. Мистическая роза. Изслѣдование о первобытном бракѣ / пер. с англ. М. Чепинской. СПб., 1905.
13. Гесиод. Полное собрание текстов. Поэмы (Теогония. Труды и дни. Щит Геракла). Фрагменты. М., 2001.
14. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. А. М. Руткевича. СПб., 2008.
15. Афанасьева В. К., Дьяконов И. М. Иштар // Мифы народов мира : в 2 т. М., 1980. Т. 1.
16. Шифман И. Ш. Астарта // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 1. С. 115–116.
17. Тахо-Годи А. А. Геката // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 1. С. 269–270.
18. Иванов В. В. Лунарные мифы // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1982. Т. 2. С. 79.
19. Тахо-Годи А. А. Селена // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1982. Т. 2. С. 424.
20. Мелетинский Е. М. Эпос и мифы // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1983. Т. 2. С. 664–666.
21. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
22. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
23. Юсим М. А. Хольда // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1982. Т. 2. С. 595.
24. Юсим М. А. Бефана // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 1. С. 171.
25. Иванов В. В., Топоров В. Н. Марена // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1982. Т. 2. С. 110.
26. Иванов В. В., Топоров В. Н. Мара // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1982. Т. 2. С. 110.
27. Юсим М. А. Дикая охота // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 1. С. 378.
28. Юсим М. А. Ведьмы // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 1. С. 227.
29. Иванов В. В. Змей // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 1. С. 468–471.
30. Рубинштейн Р. И. Рененутет // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1982. Т. 2. С. 378.
31. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. М., 1987. Т. 2.
32. Григулевич И. Р. Инквизиция. 3-е изд. М., 1985.

33. Иероним. Письмо к Евстохии // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1970. С. 36–42.
34. Марбод Реннский. Из «Книги десяти глав» // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 230–232.
35. Хильдегарда Бингенская. Секвенция об одиннадцати тысячах дев // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 236–327.

References

1. Ranovich A. B. Pervoistochniki po istorii rannego khristianstva. Antichnye kritiki khristianstva. Moscow, 1990 (in Russ.).
2. Mil'ton Dzh. Poteryanniy rai. Stikhotvoreniya. Samson-borets. Moscow, 1976 (in Russ.).
3. Kryvelev A. I. Istoriya religii. Ocherki : in 2 vol. Moscow, 1975. Vol. 1 (in Russ.).
4. Sheinman M. M. Vera v d'yavola v istorii religii. Moscow, 1977 (in Russ.).
5. Pankin S. F. Satanizm. Istoriya, mirovozzrenie, kul't. Rostov on Don, 2010 (in Russ.).
6. Lozinskii S. G. Rokovaya kniga Srednevekov'ya. In: Ya. Shprenger, G. Institoris. *Molot ved'm. Rukovodstvo svyatoi inkvizitsii*. Moscow, 2016. P. 8–47 (in Russ.).
7. Rassel B. Nauka i religiya. URL: http://lib.ru/FILOSOF/RASSEL/n_and_r.txt (date of access: 16.03.2017) (in Russ.).
8. Chattopadkh'ya D. Lokayata darshana. Istoriya indiiskogo materializma. Moscow, 1961 (in Russ.).
9. Tomson Dzh. Issledovaniya po istorii drevnegrecheskogo obshchestva : in II vol. Moscow, 1958. Vol. I. Doistoricheskii Egeiskii mir (in Russ.).
10. Bonnar A. Grecheskaya tsivilizatsiya : in 3 vol. Moscow, 1958. Vol. 1. Ot Iliady do Parfenona (in Russ.).
11. Frezer Dzh. Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii. Moscow, 1986 (in Russ.).
12. Kraulei E. Misticheskaya roza. Izsl'edovanie o pervobytnom brak'e. Saint Petersburg, 1905 (in Russ.).
13. Gesiod. Polnoe sobranie tekstov. Poemy (Teogoniya. Trudy i dni. Shchit Gerakla). Fragmenty. Moscow, 2001 (in Russ.).
14. Otto R. Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym. Saint Petersburg, 2008 (in Russ.).
15. Afanas'eva V. K., D'yakonov I. M. Ishtar. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1980. Vol. 1 (in Russ.).
16. Shifman I. Sh. Astarta. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1980. Vol. 1. P. 115–116 (in Russ.).
17. Takho-Godi A. A. Gekata. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1980. Vol. 1. P. 269–270 (in Russ.).
18. Ivanov V. V. Lunarnye mify. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1982. Vol. 2. P. 79 (in Russ.).
19. Takho-Godi A. A. Selena. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1982. Vol. 2. P. 424 (in Russ.).
20. Meletinskii E. M. Epos i mify. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1983. Vol. 2. P. 664–666 (in Russ.).
21. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. Leningrad, 1986 (in Russ.).
22. Gurevich A. Ya. Problemy srednevekovoi narodnoi kul'tury. Moscow, 1981 (in Russ.).
23. Yusim M. A. Khol'da. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1982. Vol. 2. P. 595 (in Russ.).
24. Yusim M. A. Befana. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1980. Vol. 1. P. 171 (in Russ.).
25. Ivanov V. V., Toporov V. N. Marena. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1982. Vol. 2. P. 110 (in Russ.).
26. Ivanov V. V., Toporov V. N. Mara. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1982. Vol. 2. P. 110 (in Russ.).
27. Yusim M. A. Dikaya okhota. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1980. T. 1. C. 378 (in Russ.).
28. Yusim M. A. Ved'my. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1980. Vol. 1. P. 227 (in Russ.).
29. Ivanov V. V. Zmei. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1980. Vol. 1. P. 468–471 (in Russ.).
30. Rubinshtein R. I. Renenutet. In: S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira* : in 2 vol. Moscow, 1982. Vol. 2. P. 378 (in Russ.).
31. Plutarkh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya : in 2 vol. Moscow, 1987. Vol. 2 (in Russ.).
32. Grigulevich I. R. Inkvizitsiya. Moscow, 1985 (in Russ.).
33. Ieronim. Pis'mo k Evstokhii. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury IV–IX vv.* Moscow, 1970. P. 36–42 (in Russ.).
34. Marbod Rennskii. Iz «Knigi desyati glav». In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury IV–IX vv.* Moscow, 1972. P. 230–232 (in Russ.).
35. Khil'degarda Bingenskaya. Sekventsia ob odinnadtsati tysyachah dev. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury IV–IX vv.* Moscow, 1972. P. 236–327 (in Russ.).

УДК 316(438)(091)

ОТКРЫТЫЙ МАРКСИЗМ И ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ: РОЛЬ ЮЛИАНА ХОХФЁЛЬДА И ЗИГМУНТА БАУМАНА

ЕЖИ ВЯТР^{1), 2)}

¹⁾Европейская высшая школа права и управления,
ул. Гродзенска, 21/29, 03-750, г. Варшава, Польша

²⁾Варшавский университет, пр. Краковское Предместье, 26/28, 00-927, г. Варшава, Польша

Посвящена послевоенному периоду развития польской социологии, ренессанс которой приходится на середину 1950-х гг. и в этом смысле на десятилетие опережает советский опыт возрождения социологического знания. В центре внимания – ключевые идеи концепции открытого марксизма Юлиана Хохфёльда, вошедшего в анналы истории социологии своей попыткой отхода от ортодоксального марксизма и разработкой принципов демократичного и гуманного варианта социализма. Параллельно тщательному анализу подвергаются идеи обновленного марксизма Зигмунта Баумана – первого автора полного курса лекций по теории социологии, способствовавшего утверждению университетской социологии в послевоенной Польше, а также становлению дисциплины «Социология политики». Представленный в статье ретроспективный анализ истории польской социологии расширяет горизонты понимания методологических истоков формирования польской социологической школы.

Ключевые слова: ренессанс социологии; открытый марксизм; методологический вызов; политический реализм; демократический вариант социализма; социологическая школа; ортодоксальный шаблон; парламентский путь к социализму; революционный путь к социализму; социология политики; академические свободы.

Образец цитирования:

Ежи Вятр. Открытый марксизм и возрождение социологии: роль Юлиана Хохфёльда и Зигмунта Баумана // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 138–145.

For citation:

Jerzy Vyatr. Open Marxism and revival of sociology: the role of Julian Hochfeld and Zygmunt Bauman. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 138–145 (in Russ.).

Автор:

Ежи Вятр – доктор социологии, почетный ректор¹⁾, почетный профессор²⁾.

Author:

Jerzy Vyatr, doctor of sociology, honorary rector^a, honorary professor^b.
zhanna0607@mail.ru

OPEN MARXISM AND REVIVAL OF SOCIOLOGY: THE ROLE OF JULIAN HOCHFELD AND ZYGMUNT BAUMAN

JERZY VYATR^{a, b}

^aThe European Higher School of Law and Management, 21/29 Grodzieńska Street, Warsaw 03-750, Poland

^bUniversity of Warsaw, 26/28 Krakowskie Przedmieście Avenue, Warsaw 00-927, Poland

The article is dedicated to the post-war period of the development of Polish sociology, the renaissance of which falls on the mid-1950s and in this sense it is for a decade ahead of the Soviet experience of the sociological knowledge revival. The focus is on the key ideas of the conception of open Marxism of Julian Hochfeld who entered the annals of the history of sociology by his attempt to move away from orthodox Marxism and development of the principles of a democratic and humane version of socialism. In parallel, the ideas of the renewed Marxism of Zygmunt Bauman, the first author of a full course of lectures on the theory of sociology that promoted the adoption of university sociology in post-war Poland, and formation of Sociology of Politics as a discipline, are subjected to thorough analysis. The retrospective analysis of the history of Polish sociology presented in the article expands the horizons of understanding the methodological origins of the formation of the Polish sociological school.

Key words: renaissance of sociology; open Marxism; methodological challenge; political realism; democratic version of socialism; sociological school; orthodox template; parliamentary path to socialism; revolutionary path to socialism; Sociology of Politics; academic freedoms.

Польская социология, единственная из всех стран социалистического лагеря, 60 лет назад в условиях частичной либерализации после знаменитого октябрьского заседания Центрального комитета Коммунистической партии (1956) с триумфом вернулась в университеты. Это было возвращение сложившихся еще до войны принципов – как в теоретическом, так и в личностном плане. Главную роль в этом ренессансе играли ученики, которые начинали свою научную карьеру перед войной, а уже в послевоенный период создали сильные социологические сообщества в Варшаве (Станислав и Мария Оссовские, Стефан Новаковский), Лодзи (Юзеф Галасинский, Ян Шчепанский), Кракове (Казимир Добровольский, Павел Рыбицкий). Для них и их учеников возвращение социологии попросту означало возможность продолжения работы, прерванной годами ранее.

По-другому сложилась ситуация для группы марксистских социологов, сосредоточенных вокруг Юлиана Хохфельда (1911–1966) – сначала в Институте исторического материализма, а с 1957 г. – на кафедре социологии политических взаимоотношений Варшавского университета. Для этой группы ренессанс социологии стал методологическим вызовом. Это было связано с необходимостью пере-

осмысления отношения марксизма к социологии, ведь еще совсем недавно она позиционировалась в качестве буржуазной дисциплины.

Именно так можно охарактеризовать контекст формирования в Польше среды марксистских социологов, работы которых были встречены с живым интересом иностранными социологами, точно так же, как и с острой критикой со стороны марксистских ортодоксов. Автор статьи принадлежал к этой группе, поэтому содержание материала во многом является личным отношением. Говоря об этом отношении, мы сосредоточиваемся в первую очередь на роли, сыгранной двумя самыми главными личностями этой группы – Ю. Хохфельдом и Зигмунтом Бауманом (1925–2017). Первый был нам примером – равным образом как в научной работе, так и в формировании отношения к явлению, названному благодаря ему открытым марксизмом. Второй ученый – наиболее яркий и интеллектуально плодовитый – очень быстро стал одним из главных представителей этой школы вместе с Ю. Хохфельдом, а после отъезда последнего в Париж (1962) – ее неформальным лидером. Нужно также отметить, что всесторонний анализ достижений школы Ю. Хохфельда заслуживает отдельной публикации.

Наследие Ю. Хохфельда

Среди знаменитых социологов, руководивших социологическими площадками после 1956 г., когда социология вернулась в польские университеты, Ю. Хохфельд занимал особое положение. Он уже имел опыт политической деятельности на высоком уровне в качестве ведущего теоретика Польской партии социалистов (ППС), посла сейма, а также главного редактора изданий *Przegląd Socjalistyczny* («Социалистический обзор») и *Robotnik* («Рабочий»).

На путь политики он вступил очень рано и быстро стал известным и достаточно авторитетным политиком-социалистом. В предвоенной ППС принадлежал к левому крылу и выступал практически до московских процессов за сотрудничество с коммунистами. Был единственным из социалистов, кому разрешили после Ялтинской конференции вернуться из Великобритании в страну и включиться как в деятельность ППС, так и в государственную работу.

В предисловии к изданному в 1946 г. собранию публичных выступлений он писал: «Из двух неотъемлемых атрибутов современного социализма – гуманизма и реализма – в этой книге акцент сделан на реализме» [1, S. 5]. Он искренне считал, что Польше, прошедшей через тяжелый опыт войны, необходим политический реализм. В этом он был не одинок, за реализм в это время ратовало также католическое сообщество, сформировавшееся вокруг издания *Tygodnik Powszechny* («Всенародный еженедельник»). Однако социалистический реализм Ю. Хохфёльда отличало то, что он был уверен в возможности реализации принципов социалистического гуманизма в тех условиях, которые тогда существовали. Было ли это проявлением наивности, ошибочной оценки создавшейся в Польше ситуации? Мы не рассматриваем это в таком ключе. После возвращения в страну на встрече со студентами – активистами ППС Ю. Хохфёльд открыто говорил о том, что Польша войну проиграла и что нужно делать максимум из того, что можно в сложившихся условиях. У него не было иллюзий в отношении отправившей его в тюрьму (на счастье, ненадолго) сталинской системы. Вернувшись в страну, Ю. Хохфёльд не ждал легкой жизни или быстрой карьеры. Отлично образованный, он был в хороших отношениях с наиболее авторитетными представителями британской партии лейбористов (в этом автор статьи смог убедиться во время первого пребывания в Англии, когда письма от Ю. Хохфёльда открыли возможность контактов со многими известными парламентариями-социалистами). Он имел все условия для интересной и комфортной жизни на Западе, но избрал иную, полную риска дорогу, потому что видел в этом свой долг перед Польшей. Ю. Хохфёльд рассчитывал, скорее всего, на то, что «польская дорога к социализму» пройдет вне советского господства. Ее реализация означала создание отличного от советской системы, более демократичного и гуманного, варианта социализма. В качестве доказательства этого может выступать дискуссия о социалистическом гуманизме. Именно Ю. Хохфёльд вместе с Яном Стжелецким был основным теоретиком этой идеи [2]. Обострение международной ситуации, начало холодной войны и требования подчинения государств Центрально-Восточной Европы Советскому Союзу привели к тому, что этим надеждам сбыться было не суждено, по крайней мере в первые послевоенные годы. Нужно, однако, помнить, насколько существенным был вклад активистов ППС в перемены «Гомулковской оттепели» (1956). Социалисты имели в Коммунистической партии Польши гораздо больший авторитет, чем их соратники в других государствах советского блока. Особенно это касается Юзефа Цыранкевича, который своим личным решением обеспечил реформаторскому большинству поддержку Корпуса внутренней безопасно-

сти, а также Оскара Ланге, Адама Рапацкого, Генриха Яблонского и самого Ю. Хохфёльда. В том, что Польша порвала со сталинизмом и стала на много лет одним из наименее репрессивных государств советского блока, есть явная заслуга социалистов и Ю. Хохфёльда.

Это не означает, что в послеоктябрьской Польше его политическая карьера строилась абсолютно беспрепятственно. Очень быстро оказалось, что его постулаты постепенного углубления либеральных перемен не соответствуют политике правительства Владислава Гомулки. В 1959 г. Ю. Хохфёльд был освобожден от должности директора Польского института международных отношений, на которую был назначен двумя годами ранее. Через пару лет он получил должность директора от ЮНЕСКО. Это в определенной мере было попыткой решить ситуацию, при которой отсутствовали возможности реализации принципов углубления демократизации. Также он не хотел (в отличие от своих коллег) занять позицию открытой критики политического руководства страны, потому что считал, что делает для Польши все возможное. На ситуацию он смотрел с точки зрения политического реализма.

Чем меньше он имел возможностей для реализации политических амбиций, тем больше энергии вкладывал в преподавательскую и исследовательскую деятельность. К академической работе Ю. Хохфёльд приступил в 1948 г., после того как сопротивление объединению ППС и Польской рабочей партии привело его к устранению от ведущих политических функций. В 1951 г. он стал профессором Варшавского университета, автор настоящей статьи был его студентом. Даже в эти темные для науки времена Ю. Хохфёльд смог придать своей дидактике характер, далекий от ортодоксальных шаблонов. Всплывает в памяти подготовленный нами по книге Франца Боркено реферат: профессор одолжил книгу из собственной библиотеки. Наверное, это были единственные семинары на восток от Лабы, где упоминались работы ведущих западных социологов без идеологической твердолобости. Ю. Хохфёльд был знаменитым преподавателем, любимым и высоко ценимым студентами. Он также был инициатором исследований мемуаров рабочих, а через несколько лет инициировал эмпирические исследования сознания нового рабочего класса. Программа была представлена в августе 1956 г. на Третьем мировом социологическом конгрессе в Амстердаме, инициатива встретила живой интерес западных коллег.

В предшествовавший «Гомулковской оттепели» период польского сталинизма Ю. Хохфёльд оказался в достаточно трудной ситуации: ему самому пришлось идти на компромиссы, о которых он потом жалел. На пленарном заседании Коммунистической партии Польши в ноябре 1949 г. он выступил с уничтожающей самокритикой

и косвенно приобщился к критике линии В. Гомулки. В одной из статей, опубликованной на страницах *Myśli Filozoficznej* («Философская мысль»), – здесь он занимал должность заместителя главного редактора – философ сурово и несправедливо атаковал работу Ю. Галасинского и С. Оссовского, посвященную проблематике народа. Это отразилось на его отношениях с вышеупомянутыми учеными, а именно с Ю. Галасинским, однако не коснулось их учеников. Оценивая по прошествии многих лет этот род публикаций, нужно учитывать масштабы репрессий и даже физической опасности, которая угрожала людям той политической формации, из которой происходил Ю. Хохфёльд.

Начало послесталинской «оттепели» застало Ю. Хохфёльда в сейме и университете. В это время он развил достаточно активную деятельность, выступая за демократизацию системы. Осенью 1956 г. в преддверии октябряского заседания Коммунистической партии Польши он выступил с докладом в Королевском институте международных отношений с идеей о двух дорогах к социализму – британской и польской. Польский перевод появился уже после смерти автора (1982). Лондонское выступление было очень важным, но недооцененным вкладом в теорию социалистических изменений. Так, Ю. Хохфёльд утверждал, что демократизация социалистических государств может привести к сближению «двух путей к социализму» – парламентского и революционного. С точки зрения ортодоксального коммунизма это было очевидной ересью.

Одним из наиболее важных последствий изменений, происшедших в Польше в 1956 г., было значительное расширение академических свобод. Проявилось это в реабилитации социологии, которая все еще рассматривалась в других социалистических государствах (кроме Югославии) в качестве буржуазной науки. Ю. Хохфёльд вместе с М. и С. Оссовскими в Варшаве, К. Добровольским в Кракове, Ю. Галасинским и Я. Шчепанским в Лодзи представлял пионеров возрождения польской социологии. Ю. Хохфёльд отличался от них по возрасту (только Я. Шчепанский был моложе на два года), уровнем образования (был единственным ученым с образованием в области права и политологии, а не социологии), а также высоким уровнем политической деятельности. У него был талант собирать вокруг себя множество учеников, из которых в дальнейшем выросла польская школа социологии политики. Институциональным выражением этой школы было создание в Варшавском университете кафедры социологии политических отношений. Из школы Ю. Хохфёльда вышли социологи, сыгравшие важную роль в становлении польской науки, прежде всего З. Бауман, которому предстояло стать одним из самых знаменитых польских социологов. Также следует упомянуть Марию Гиршович, Алек-

сандру Ясинскую-Каню и Владимира Весоловского. Эту школу объединяли общность темы исследований, ценностная система, политические взгляды и, конечно, личность учителя, который был для всех не только проводником в научной работе, но и другом с огромным авторитетом. Издававшийся в 1958–1968 гг. журнал *Studia Socjologiczno-Polityczne* («Социологические и политические исследования») был единственным специализированным изданием среди периодики в области социологии политики того времени даже в международных кругах. Школа польской социологии политики имела отделения в других учебных заведениях, а именно: в Ягеллонском университете, Институте философии и социологии Польской академии наук, Военной академии и (на короткое время) в Высшей школе общественных наук при ЦК Коммунистической партии Польши. Эти отделения действовали под руководством учеников Ю. Хохфёльда и оставались в тесных отношениях с материнской кафедрой. В те времена это было уникальным явлением для социологии.

Мы были не только учениками и коллегами философа, но также его друзьями. Этот элемент личной связи имеет, на наш взгляд, значение для понимания того явления, какой была школа Ю. Хохфёльда. В польской социологии были ученики со значительно большим вкладом в науку, но, кроме Я. Шчепанского, они не создали ни одной научной школы с такими четкими очертаниями, как школа Ю. Хохфёльда. Автор данной статьи сам вышел из нее, и по отношению к ней осталось чувство огромного долга и благодарности. Ю. Хохфёльд был примером ученого, проводящего исследования не только для чистого познания, но и для изменения реальности; показал, как можно связать научную работу с государственной деятельностью; привил ученикам определенный этос науки, показав, что она должна служить на благо общества. В этой аксиологии мы видим общую черту всех исследований школы Ю. Хохфёльда.

Разрабатывая фундаментальные принципы социологии политики в Польше, Ю. Хохфёльд был в то же время единственным инициатором международного сотрудничества в этой области науки. Когда в 1960 г. появился (в рамках Международной социологической ассоциации) Комитет социологии политики, ученый был его единственным основателем. Здесь необходимо обозначить состав первой группы комитета, чтобы показать, в каком окружении были сделаны первые шаги в этой области [3]. В первый состав входило 17 человек (не более чем по два представителя каждой страны). Это были Джино Джермани (Аргентина), Эрик Аллардт (Финляндия), Раймонд Арон (Франция), Отто Штаммер (Германия), Шмуэль Н. Эйзенштадт (Израиль), Джованни Сартори (Италия), Штейн Роккер (Норвегия),

Юлиан Хохфёльд, Ежи Вятр (Польша), Хуан Линц (Испания), Роджер Жиро (Швейцария), Марк Адамс, Роберт Т. Маккензи (Великобритания), Моррис Яновиц, Сеймор Мартин Липсет (США), Радомир Лукич (Югославия). Автор статьи обязан Ю. Хохфёльду за то, что имел возможность быть в этом кругу, своеобразном интеллектуальном «доме» много лет.

Иницилируя появление в Польше сообщества социологии политики, Ю. Хохфёльд акцентировал внимание на особой роли марксизма как лучшей теории для интеграции в отношении целого ряда политических наук. Именно поэтому марксизм в интерпретации ученого представляет особый интерес.

Ссылаясь на своего любимого автора Казимира Келлес-Крауза, Ю. Хохфёльд использует понятие «открытый марксизм». Эта открытость, по нашему мнению, состоит из трех элементов. Во-первых, это трактовка всех утверждений марксизма как требующих верификации в качестве научных, а не квазирелигиозных догматов, принимаемых благодаря авторитету исследователя, что было характерно для раннего марксизма-ленинизма, а также следов этого явления в официальном марксизме Второй мировой войны (критика ревизионизма Эдварда Бернштейна). Во-вторых, готовность ассимилировать и выдержать научную критику идей немарксистской мысли, что, в свою очередь, требует отказа от искусственного раздела на марксистскую и буржуазную социологию. В-третьих, готовность к обогащению и изменению марксистской теории в свете новых фактов, что обосновало необходимость эмпирических социологических исследований. Исследования эти сами по себе не являются ни марксистскими, ни антимарксистскими – их место в сформулированной Ю. Хохфёльдом программе открытого марксизма логически вытекало из признания необходимости обогащения теории познания новыми социальными явлениями.

Программа открытого марксизма является важнейшим вкладом Ю. Хохфёльда в польскую и мировую научную мысль. Мы разделяем точку зрения Мирослава Галубинского (автора самой полной биографии польского ученого), что это была «важная и успешная попытка защиты интеллектуальных и моральных ценностей марксизма, защита, которая реализовалась через развитие марксистской социологии благодаря ее сотрудничеству с другими направлениями социологии» [4]. Имеет ли еще значение эта концепция марксизма? Яцек Рациборски очень точно, на наш взгляд, обращает

внимание на возрождение интереса к марксистской перспективе среди молодого поколения польских социологов (особенно заметно это в кругу издания *Krytyka Polityczna* («Политическая критика»)), в этом можно увидеть отдаленное влияние и самих идей марксизма, важнейшим представителем которых в послевоенной польской науке был Ю. Хохфёльд.

Добавим к этому собственные наблюдения. В наших работах, в том числе и неоднократно переизданном труде «Социология политики», влияние открытого марксизма значительно. Мы никогда от него не отходили независимо от неблагоприятной для марксизма политической конъюнктуры в последнюю четверть века. Именно наша книга по социологии политики сыграла определенную роль в создании социологии политики в русскоязычных странах благодаря переводу Федора Бурлацкого [5], в чем мы многократно смогли убедиться во время общения в среде русских, украинских и белорусских научных сообществ. Не без удовлетворения можем заметить, что эта дорога была вдохновлена идеями Ю. Хохфёльда о марксистской интерпретации социологии политики и сыграла определенную роль в развитии этой дисциплины к востоку от Польши.

Создавая устои социологии политики, Ю. Хохфёльд подчеркивал важность эмпирических исследований и поддерживал их, был автором пионерской работы о Польском сейме (1957), конфискованной цензурой и увидевшей свет только в 1982 г. в редактированных нами избранных работах [6]. Он также выступил с инициативой проведения социологического исследования мнений по международным вопросам. Хотя его личное участие в эмпирических проектах было скромным, следует иметь в виду то, что эмпирическая ориентация польской социологии политики, особенно среди молодого поколения, уходит корнями в методологические подходы и исследования именно Ю. Хохфёльда.

Оценивая с точки зрения исторической перспективы в 50 лет роль ученого, мы должны помнить, как быстро изменился мир. То, что мы помним о его вкладе в науку, свидетельствует о бесспорной важности, даже если количественно этот вклад был достаточно скромным. Современная социология политики, развивающаяся через споры огромного количества талантливых социологов младшего и среднего поколения, восходит к школе Ю. Хохфёльда. Это ценный капитал и основательный фундамент для сегодняшних и будущих начинаний.

Ревизионистский марксизм З. Баумана и социология политики

З. Бауман появился в офицерском мундире в Варшавском университете осенью 1952 г. Он уже имел опыт пребывания в СССР, куда попал из род-

ной Познани в начале войны, затем прошел боевой путь в рядах 1-й армии Войска Польского, был ранен под Колобжегом. После войны его дивизия вошла

в состав Корпуса внутренней безопасности и принимала участие в борьбе с польским и украинским подпольем, что ему до конца жизни (а также и после смерти) ставили в упрек сторонники декоммунизации. В это время он был убежденным коммунистом, о чем открыто говорил в интервью в конце жизни. От ортодоксального коммунизма он отошел на волне смены идей после смерти И. В. Сталина и выступления Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС о преступлениях его предшественника. Однако членом Коммунистической партии он остался до конца 1967 г., когда вышел из нее в знак протеста против усиливавшейся антисемитской кампании. Вместе с тем мы можем охарактеризовать его как представителя левых до конца жизни. В результате репрессий в Варшавском университете после студенческих протестов 1968 г. его уволили (по решению министра высшего образования) и заставили эмигрировать. В течение короткого периода он преподавал социологию в Тель-Авиве, а в 1971 г. переехал в Лидс, где до ухода на пенсию заведовал специально созданным для него Институтом социологии. Этот период его биографии выходит за рамки обсуждаемой темы, к тому же он хорошо описан во многих монографиях [7; 8].

Возвращение социологии в польские университеты было встречено с энтузиазмом. По инициативе З. Баумана была написана статья с предложением программы марксистской социологии, свободной от диктата идеологии, в котором все мы видели источник «стагнации и отступления от знания общества, рожденного под эгидой марксизма» [9]. Мы постулировали в этом тексте внимательное отношение к немарксистским подходам в социологии, открытость к предыдущим достижениям марксизма (а не их отрицание), а также опору политики строительства социализма на основе научных изысканий. Легко заметить, что на позицию автора данной статьи повлияли взгляды Ю. Хохфёльда, хотя единственным упомянутым в этом тексте социологом был С. Оссовский (применительно к статье, опубликованной в 1947 г.). Наши постулаты, с сегодняшней точки зрения почти очевидные, наткнулись на прямую атаку представителей СССР (Владимира Касьянова на страницах журнала «Вопросы философии») и Болгарии (Николая Ирибаджаква на страницах издания «Новое время»), что способствовало популяризации текста в кругах критически настроенных по отношению к официальному марксизму западных интеллектуалов.

Проблема обновления марксизма нашла отражение в публикациях З. Баумана, в том числе в его монументальном труде «Очерки марксистской теории общества» [10]. Это первый в польской литературе полный курс лекций теории социологии, инспирированный марксизмом, но абсолютно свободный от его догматической трактовки. Работа

была переведена на другие языки, а в 1966 г. вновь переиздана. Она имела огромное значение для происходящего в середине 1960-х гг. возрождения чехословацкой социологии. В предисловии автор сделал важное для темы нашей статьи заявление: «Мои теоретические взгляды формировались благодаря профессору Юлиану Хохфёльду, чье вдохновение и критика, широкие интеллектуальные горизонты и вечная творческая тревога во многом повлияли на меня» [10]. Это не было простой благодарностью. В отношениях между Ю. Хохфёльдом и З. Бауманом прослеживался интересный парадокс. Конечно, Ю. Хохфёльд был вдохновителем как для З. Баумана, так и для своих учеников. Но сам он писал мало, поэтому разработанная им методология марксистской социологии лучше всего представлена З. Бауманом.

В это же время З. Бауман пропагандировал неизвестную в Польше концепцию Антонио Грамши [11]. Итальянский философ гораздо раньше, чем его западноевропейские коллеги, например Луи Альтюссер (1918–1990), представил трактовку марксизма, предвосхитившую и вдохновившую ревизионистский подход Ю. Хохфёльда. Исследование, посвященное А. Грамши, стало важной частью реконструкции марксистской социологической теории З. Бауманом.

Тем не менее З. Бауман не ограничивал свои научные интересы только теорией марксизма. В соответствии с основным направлением школы Ю. Хохфёльда он проводил исследовательскую работу в области социологии политики (или, как мы тогда говорили, социологии политических отношений). Она была представлена двумя направлениями.

Первое направление было посвящено британскому социализму. Эта проблематика представлена в его работах на соискание степени кандидата и доктора наук. Причем одна из работ через 12 лет была опубликована на английском языке [12] и получила широкое признание среди британских социологов политики. З. Бауман использовал в ней новаторский подход, соединив две теоретические перспективы: с точки зрения классового конфликта и теории элит. Это был очень интересный пример применения открытого марксизма к исследованию эволюции британского рабочего движения как социального феномена.

Вторым направлением были исследования актива Коммунистической партии Польши и местных органов власти. Первые из них были реализованы в течение нескольких лет в Научно-исследовательском институте социологии Высшей школы общественных наук при ЦК Польской объединенной рабочей партии. Это была, насколько знаем, единственная такая площадка в социалистических странах. В 1960 г. под руководством З. Баумана был реализован исследовательский проект,

охватывающий 170 промышленных предприятий, на 36 из них использовалось анонимное анкетирование. В сумме было собрано почти 3000 ответов. Результатом этих исследований для З. Баумана был важный вывод о господстве прагматической, а не идеологической мотивации для вступления в ряды Коммунистической партии технической элиты, а также выявления наиболее идеологизированной части населения – рабочих [13; 14]. Прогностическая подлинность этих исследований была подтверждена позднее, когда рабочие массово покидали ряды Коммунистической партии Польши, в то время как интеллигенция оставалась там до самого конца. Выводы работ З. Баумана пришлось не по вкусу партийным властям, поэтому продолжать их не стали.

В эмпирических исследованиях З. Баумана и его учеников поднималась также проблематика локальной власти. Этой темой занимались ставшие впоследствии знаменитыми социологи: Якуб Карпинский, Винцент Нароек, Ядвига Станишкис и Кшиштоф Загорский. Концептуализация этих исследований была предложена З. Бауманом на страницах журнала *Studia Socjologiczno-Polityczne* («Социологические и политические исследования») [15]. В этой области ученый (а также автор статьи) работал

вместе с лабораторией социологии политических отношений Института философии и социологии Польской академии наук. Уже после ухода З. Баумана эта лаборатория участвовала в международных исследованиях, посвященных локальному лидерству в Индии, Югославии и США. Здесь сделали свои первые шаги в науку Кшиштоф Островский и Адам Пжеворский. Этот великий исследовательский проект во многом обязан З. Бауману.

К середине 1960-х гг. интересы З. Баумана явно перешли от социологии политики к социологии культуры. Он посвятил этой проблематике две книги [16; 17]. История последней, появившейся за несколько дней до смерти автора, может лечь в основу остросюжетного романа. Работа была подготовлена к печати в издательстве *Ossolineum*, но после увольнения ученого из Варшавского университета издательство разорвало с ним контракт и уничтожило весь тираж. Копия рукописи З. Баумана была перехвачена сотрудниками таможи во время эмиграции. Долгое время считали, что эта работа безвозвратно утеряна. После долгих лет Дариуш Бжезинский нашел копию, спрятанную в библиотеке философского факультета Варшавского университета ее тогдашним директором Янушем Краевским.

Наследие

Принципы польской социологии политики, основанные Ю. Хохфёльдом и З. Бауманом, были главными на протяжении долгого времени. Яцек Рачиборский точно отметил, что, хотя круг Ю. Хохфёльда как единая группа функционировал очень короткий период, «он оказал большое влияние на форму всей польской социологии» [18]. Это была самая выразительная школа в послевоенной польской идеологии как с точки зрения методологии, так и программы. Ее оригинальность происходила

из уникального соединения открытого марксизма с социологией политики. Ю. Хохфёльд и З. Бауман играли главные роли в этих двух пересекающихся областях. Смерть Ю. Хохфёльда и эмиграция З. Баумана нанесли этой дисциплине удар, но он не был смертельным. Сегодня молодое поколение социологов политики, хорошо подготовленное и известное в своей области, должно знать о том, что пришлось пережить двум великим пионерам этой дисциплины в нашей стране.

Библиографические ссылки

1. *Hochfeld J.* My socjaliści (ze stanowiska socjalistycznego realizmu). Warszawa, 1946.
2. *Grochowska M.* Strzelecki: śladem nadziei. Warszawa, 2014.
3. *Rokkan S.* International Cooperation in Political Sociology: Current Efforts and Future Possibilities // *Mass Politics: Studies in Political Sociology* / ed. by E. Allardt, S. Rokkan. New York ; London, 1970. P. 3–4.
4. *Chałubiński M.* Polityka i socjologia: studium koncepcji Juliana Hochfelda. Warszawa, 1991.
5. *Wiatr J.* Socjologija polityczeskich odnoszenji. Moskwa, 1979.
6. *Hochfeld J.* Marksizm. Socjologia. Socjalizm. Wybór pism. Warszawa, 1982.
7. *Brzeziński D.* Myślenie utopijne w teorii społecznej Zygmunta Bauman. Warszawa, 2015.
8. *Tester K., Jacobsen M. H.* Bauman Before Postmodernity: Invitation, Conversations and Annotated Bibliography. 1953–1989. Aalborg, 2005.
9. *Wiatr J., Bauman Z.* Marksizm a socjologia współczesna // *Myśl Filozoficzna*. 1957. Nr. 1 (27). S. 3–23.
10. *Bauman Z.* Zarys marksistowskiej teorii społeczeństwa. Warszawa, 1964.
11. *Bauman Z.* Wizje ludzkiego świata: studia nad społeczną genezą i funkcją socjologii. Warszawa, 1964.
12. *Bauman Z.* Between Class and Elite: The Evolution of the British Labour Movement: A Sociological Study. Manchester, 1972.
13. *Bauman Z.* Członkowie partii i aktyw partyjny w zakładzie produkcyjnym // *Kultura i Społeczeństwo*. 1962. Nr. 4. S. 55–70.
14. *Bauman Z.* The Social Structure of the Party Organization in Industrial Works // *The Polish Sociol. Bull.* 1962. Nr. 1–2 (3–4). S. 50–64.

15. Bauman Z. Struktura władzy społeczności lokalnej // *Studia Sociologiczno-Polityczne*. 1962. Nr. 12. S. 7–30.
16. Bauman Z. Kultura a społeczeństwo. Preliminaria. Warszawa, 1966.
17. Bauman Z. Szkice z teorii kultury. Warszawa, 2017.
18. Raciborski J. Badania postaw i zachowań politycznych w kręgu Juliana Hochfelda // *Kultura i Społeczeństwo*. 1999. Nr. 4. S. 94.

References

1. Hochfeld J. [We are socialists (from the position of socialist realism)]. Warsaw, 1946 (in Polish).
2. Grochowska M. [Strzelecki: with hope]. Warsaw, 2014 (in Polish).
3. Rokkan S. International Cooperation in Political Sociology: Current Efforts and Future Possibilities. In: E. Allardt, S. Rokkan (eds). *Mass Politics Sociology*. New York ; London, 1970. P. 3–4.
4. Chalubinski M. [Politics and sociology: Julian Hochfeld's Concept Study]. Warsaw, 1991 (in Polish).
5. Wiatr J. J. [Sociology of political relations]. Moscow, 1979 (in Polish).
6. Hochfeld J. [Marksizm-sociology-socialism. Selected publications]. Warsaw, 1982 (in Polish).
7. Brzezinski D. [Utopian thought in Zygmunt Bauman's social theory]. Warsaw, 2015 (in Polish).
8. Tester K., Jacobsen M. H. Bauman Before Postmodernity: Invitation, Conversations and Annotated Bibliography. 1953–1989. Aalborg, 2005.
9. Wiatr J., Bauman Z. [Marxism and the sociology of the community]. *Mysl' Filozoficzna [Philosophical Thought]*. No. 1 (27). P. 8 (in Polish).
10. Bauman Z. [Outline of Marxist theory of society]. Warsaw, 1964 (in Polish).
11. Bauman Z. [Visions of the Human World: Studies on the Origin and Function of Sociology]. Warsaw, 1964 (in Polish).
12. Bauman Z. Between Class and Elite: The Evolution of the British Labour Movement: A Sociological Study. Manchester, 1972 (in Polish).
13. Bauman Z. [Party members and party activists in the factory]. *Kultura i Społeczeństwo [Culture and Society]*. 1962. No. 4. P. 55–70 (in Polish).
14. Bauman Z. Social Structure of the Party Organization in Industrial Works. *The Polish Sociol. Bull.* 1962. Nr. 1–2 (3–4). S. 50–64.
15. Bauman Z. Struktura władzy społeczności lokalnej. *Studia Sociologiczno-Polityczne [Sociological and Political Studies]*. 1962. No. 12. P. 7–30 (in Polish).
16. Bauman Z. [Culture and society. Preliminaries]. Warszawa, 1966 (in Polish).
17. Bauman Z. [Sketches from Cultural Theory]. Warszawa, 2017 (in Polish).
18. Raciborski J. [The Study of Attitudes and Political Behaviors in the Cult of Julian Hochfeld]. *Kultura i Społeczeństwo [Culture and Society]*. 1999. No. 4. P. 94 (in Polish).

Статья поступила в редколлегию 04.09.2017.
Received by editorial board 04.09.2017.

Перевод с польского кандидата философских наук А. И. Климович.

КОММЕНТАРИЙ К ПЕРЕВОДУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КНИГИ Э. ДЮРКГЕЙМА «ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ»

И. С. СУЛЬЖИЦКИЙ¹

THE COMMENT TO THE TRANSLATION OF THE CONCLUSION OF «THE ELEMENTARY FORMS OF RELIGIOUS LIFE» BY E. DURKHEIM

I. S. SULZHYTSKI

В настоящем номере вниманию читателя предлагается перевод заключения одного из наиболее фундаментальных трудов французского социолога Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни». Несмотря на свою исключительную значимость, книга так окончательно и не переведена на русский язык. В публикуемом заключении излагаются основные выводы масштабного исследования религиозной системы австралийских аборигенов, предпринятого классиком. Между тем идеи, излагаемые на страницах издания и косвенно затронутые в заключении, отображают весь размах данного предприятия, выходящего далеко за пределы анализа религиозных представлений конкретного архаического общества. В работе мыслителя мы можем обнаружить широкий спектр концепций, связанных с социологией религии, теориями ритуала, сакрального, социальной эпистемологией, социологией знания.

В комментарии к данному переводу мы сочли необходимым кратко обозначить влияние работы «Элементарные формы религиозной жизни» на современную социологическую теорию, а также осветить ряд серьезных противоречий, осложняющих восприятие названного труда в научном сообществе. С другой стороны, нам хотелось бы обратить внимание читателя на то, что представленный перевод выполнен не с языка оригинала, а с английского перевода книги за авторством К. Филдс². Безусловно, этот факт необходимо учитывать, если мы хотим всерьез подойти к анализу произведения. Однако, несмотря на все возможные неточности, этот первый шаг на пути к позднему Э. Дюркгейму является необходимым и полезным, особенно для тех читателей, которые незнакомы с данным этапом творчества французского социолога ввиду отсутствия русскоязычных изданий. Се-

годня наиболее крупным переводом произведения на русский язык остается перевод введения и первой главы А. Б. Гофманом³. На русский язык также не переведены лекции Э. Дюркгейма «Прагматизм и социология», которые дают более основательное понимание его работ, особенно в части, которая связана с социальной эпистемологией и социологией знания. Относительно недавно был опубликован перевод статьи Э. Дюркгейма «Дуализм человеческой природы и его социальные условия»⁴, которая долгое время оставалась недоступной для русскоязычного социологического сообщества.

С момента выхода в свет последней фундаментальной работы Э. Дюркгейма в 1912 г. прошло чуть более 100 лет. Несмотря на столь почетный возраст, «Элементарные формы религиозной жизни» продолжают прямо или косвенно определять траектории научных изысканий современных социологов по всему миру. Т. Парсонс, внесший существенный вклад в популяризацию⁵ идей Э. Дюркгейма в американском научном сообществе, начинает свою работу «Структура социального действия» цитатой профессора К. Бринтона: «Многие ли нынче читают Спенсера?»⁶. Мы можем задать аналогичный вопрос в отношении Э. Дюркгейма, и ответ, который мы получим, вероятно, будет утвердительным.

В действительности дюркгеймианское наследие, особенно в части, которая связана с книгой «Элементарные формы религиозной жизни», остается центральным для целого ряда «мейнстримных» социологий. Например, Дж. Александер ставит творчество классика в центр собственных научных изысканий в области культурсоциологии: «поздний Дюркгейм, в частности “Элементарные формы религиозной жизни”, был не столько попыткой заложить фундамент антропологических исследований простых обществ, сколько работой

¹Илья Станиславович Сульжицкий – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. E-mail: ilya_sulzhickiy@mail.ru.

²Durkheim E. The elementary forms of religious life / transl. by K. Fields. New York, 1995.

³Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / пер. А. Б. Гофмана // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения / под ред. А. Н. Красникова. М., 1998.

⁴Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социол. обозр. 2013. Т. 12, № 2. С. 133–144.

⁵Т. Парсонс, тем не менее, отдавал явное предпочтение функционализму Э. Дюркгейма.

⁶Parsons T. The Structure of Social Action. A Study of Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers by Talcott Parsons, Assistant Professor of Sociology Harvard University. New York ; London, 1937.

по конструированию базовых понятий понимания религиозной или ориентированной на смысл природы современной жизни»¹. Определенную преемственность дюркгеймианской исследовательской традиции демонстрируют социология практик Л. Болтански и Л. Тевено, социология знания Д. Блура и ставшие уже классическими теории П. Бурдьё, Т. Парсонса, Г. Гарфинкеля, Р. Коллинза, И. Гоффмана. Дюркгеймианский социологический проект остается предметом изучения и интерпретации не только в контексте интенций отдельных ученых, но и на институциональном уровне: функционирует Британский центр дюркгеймианских исследований в Оксфорде (*British Centre for Durkheimian Studies in Oxford*), там же выпускается журнал «Дюркгеймианские исследования» (*Durkheimian Studies*).

Со стороны различных социологов мы можем встретить весьма высокие оценки произведения. К примеру, американский социолог Р. Белла в своем комментарии по поводу выхода в свет нового англоязычного перевода книги высказался о ней как о «величайшей работе по социологии из когда-либо написанных»². Другой американский социолог, Р. Коллинз, называя дюркгеймианскую традицию центральной для современной социологической мысли, отдает дань уважения именно поздней работе классика: «Дюркгеймианцы ведут нас в джунгли, только этими джунглями являемся мы сами, и из них нет исхода. Бьют тамтамы, нас опутывают лианы и окатывают эмоциональные волны. Это и есть то магическое представление, которое мы называем жизнью»³.

Несмотря на многочисленные положительные отклики, среди всех работ Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» остаются одной из наиболее неоднозначных и оспариваемых. Именно после выхода этой книги творчество социолога перестало ассоциироваться исключительно с позитивизмом, а его самого стали попеременно обозначать как идеалиста, функционалиста, позитивиста, «идеалистического постмодерниста или прагматиста»⁴. Неоднозначная ситуация с прочте-

нием труда во многом связана с весьма противоречивыми оценками и критикой его изысканий в момент выхода книги. Большая часть критических отзывов, как ни странно, обнаруживается не среди социологов, которые в определенном смысле оставили произведение без должного внимания, а среди антропологов и этнографов⁵. Именно они и сформировали самые первые, во многом негативные впечатления о поздней работе Э. Дюркгейма, подвергли автора нападкам за «кабинетные исследования» и наивность в отношении наличия развитой системы мышления у первобытных племен⁶. В свете многочисленных неверных трактовок французский социолог был вынужден даже опубликовать отдельную статью, призванную конкретизировать его основную задумку. Дальнейшее положение дел только осложнилось серьезными противоречиями между континентальными интерпретаторами Э. Дюркгейма, развивавшими конструктивистское и идеалистическое прочтение работы, и его американскими последователями, которые приняли за основу функционалистскую трактовку⁷. Вследствие подобных разногласий появилась так называемая гипотеза о двух Дюркгеймах⁸, согласно которой разделение творчества социолога на ранний, позитивистский, и поздний, идеалистический, периоды стало для некоторых своего рода аксиомой⁹.

Дебаты вокруг книги «Элементарные формы религиозной жизни» происходят не только в контексте различных конкурирующих прочтений основных положений теории Э. Дюркгейма, но и вокруг самого предмета его изысканий. Даже разработки ученого в области социологии религии, которые являются общепризнанными и отражены в самом названии труда, иногда ставятся под сомнение. Более того, для подобной неопределенности есть серьезные основания: во введении к тексту сам автор обозначает предмет своей работы как социологию религии, так и теорию познания. В этом контексте Э. Роулз видит предмет исследования Э. Дюркгейма отнюдь не в религии, а в социальной эпистемологии; в русле последней религия является

¹Александр Дж. Об интеллектуальных истоках «сильной программы». Предваряя спецвыпуск журнала Центра фундаментальной социологии «Социологическое обозрение», посвященный культурсоциологии // Социол. обозр. 2010. Т. 9, № 2. С. 5–10.

²Durkheim E. The elementary forms of religious life / transl. by K. Fields. New York, 1995.

³Коллинз Р. Четыре социологических традиции / пер. В. Россмана. М., 2009. С. 192.

⁴Роулз Э. У., Корбут А. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социол. обозр. 2014. Т. 13, № 2. С. 84–140.

⁵Там же; Куракин Д. Ю. На пути к поздней дюркгеймианской программе культурсоциологии. Перцепция «Элементарных форм» Э. Дюркгейма в социологической мысли // Социол. журн. 2009. № 3. С. 15–28.

⁶По этому поводу Э. Роулз справедливо замечает: «Среди ранних исследователей существовало единодушное мнение, что Дюркгейм зашел слишком далеко, провозгласив базовое равенство всех людей. Эта «ошибка» только делает Дюркгейму честь» (Роулз Э. У., Корбут А. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социол. обозр. 2014. Т. 13, № 2. С. 84–140).

⁷Во второй половине XX в. ситуация меняется. Так, например, Дж. Александр положил в основание культурсоциологии именно идеалистическое и конструктивистское прочтение работ Э. Дюркгейма.

⁸Pickering W. S. F. Emile Durkheim: Critical Assessments of Leading Sociologists. Routledge, 2001.

⁹С чем опять же согласны не все социологи. Упомянутая Э. Роулз высказывается на этот счет достаточно резко: «Проблема со всеми этими спорами заключается в том, что двух Дюркгеймов никогда не существовало» (Роулз Э. У., Корбут А. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социол. обозр. 2014. Т. 13, № 2. С. 84–140).

лишь материалом, на примере которого строятся дальнейшие рассуждения. Второй пункт разночтений вокруг предмета работы сосредоточивается на тонком различии между его социологией знания и социальной эпистемологией, которое опять же отчетливо проблематизируется в работах Э. Роулз. В них она отбрасывает конструктивистские и функционалистские интерпретации произведения как несостоятельные: «Противостоящие друг другу функционалистская и идеалистическая трактовки позиции Э. Дюркгейма проистекают из непонимания отношений между его различными аргументами: социологией знания и эпистемологией»¹. В связи с этим акцент исследователей на эпистемологической, а не на религиозной проблематике представляет социологию как науку «о логических институтах, стремящуюся продемонстрировать то, что категории мышления исходят из общественной жизни и что такое знание является по своей природе социальным»². Такое видение отличается от общепринятых трактовок предмета социологии, характерных для ранних воззрений Э. Дюркгейма, что еще более усугубляет указанный эпистемологический конфликт.

Следует заметить, что в творчестве ученого действительно наблюдается определенная двойственность, например в вопросе, который касается его теории солидарности³. Однако мы склонны видеть за этой противоречивостью лишь развитие социологом своих собственных идей, отбрасывание старых и принятие новых гипотез, другими словами, подлинно научный поиск. Вопреки многим интерпретаторам Э. Дюркгейма в этом научном поиске сохраняются методологические ориентации автора с опорой на идеалы рационализма и позитивизма. В своей работе он продолжает дальнейшее обоснование социологии как подлинной науки о человеке,

которая в противовес метафизике будет опираться на эмпирически достоверное и экспериментально проверяемое знание.

В итоге публикуемый в настоящем номере перевод заключения к произведению позволяет читателю несколько приблизиться к масштабам научных изысканий французского социолога. В определенной степени сама структура заключения отражает тот спектр вопросов, которые затрагиваются в основном тексте. Здесь мы видим исследовательские интуиции, касающиеся социологической теории религии *per se* (с лат. – сама по себе), размышления автора о соотношении религии и науки, развертывание масштабного проекта дюркгеймианской социологии знания, изложение эпистемологического аргумента о социальном происхождении основных категорий мышления.

Таким образом, очевидно, что попытки дать единственно правильный ответ на вопрос о предмете работы «Элементарные формы религиозной жизни» оказываются несостоятельными. Стремления трактовать его идеи только с позиции социологии религии лишь отдаляют нас от адекватной оценки фундаментального вклада Э. Дюркгейма в социологическую науку, наиболее полно обозначенному именно на страницах его поздней работы. (Пере)открытие научного труда для отечественной социологии еще ждет своего часа и требует координации усилий всего научного сообщества. В этом свете мы надеемся, что представленный в номере перевод (пусть и не с языка оригинала) положит начало масштабным исследованиям в этом направлении. Это позволит по-новому взглянуть на основания социологической науки и расширить ее предметную область теми феноменами, которые долгое время выпадали из поля зрения белорусских ученых.

¹Роулз Э. У., Корбут А. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социол. обозр. 2014. Т. 13, № 2. С. 84–140.

²Oegin A. Durkheim as a sociologist of knowledge: Rudiments of a reflexive theory of the concept // J. Class. Soc. 2016. Vol. 16 (1). P. 7–20.

³Юдин Г. Б. Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма // Социол. обозр. 2013. Т. 12, № 2. С. 122–132.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ¹

THE ELEMENTARY FORMS OF RELIGIOUS LIFE. CONCLUSION

В начале книги прозвучала мысль о том, что религия, изучение которой мы предприняли, содержит наиболее характерные элементы религиозной жизни. Истинность этого утверждения может быть проверена. Какой бы простой ни была система, которую мы изучили, нам все же удалось найти в ней великие идеи и основные формы ритуального поведения, на которых основаны даже самые передовые религии: различие между сакральными и профанными вещами, идеи души, духа, мифической личности, национальной и даже интернациональной божественности, отрицательный культ с аскетическими практиками, которые являются его крайней формой, обряды жертвоприношения и причастия, миметические, памятные и искупительные обряды. Мы не упустили ничего существенного. Таким образом, есть причины быть уверенными в том, что достигнутые результаты не являются специфическими для тотемизма, но могут помочь понять, что такое религия в целом.

Некоторые возразят, что одна религия независимо от ее географического распространения является недостаточной основой для такой индукции. Это никоим образом не означает, что мы намерены игнорировать то, что дополнительное исследование может добавить к убедительности теории. Но не менее верно и следующее: когда закон был доказан одним тщательно проведенным экспериментом, это доказательство универсально. Если ученым удалось открыть секрет жизни только в единственном случае, то полученные таким образом истины могли бы применяться ко всем живым существам, в том числе к самым высшим, даже если бы этот случай был самой простой протоплазматикой, какую можно было бы вообразить. Соответственно, если в самых простых изученных нами обществах удалось выхватить некоторые элементы, которые составляют самые фундаментальные религиозные идеи, нет оснований не распространять наиболее общие результаты этого исследования на другие религии. На самом деле немислимо, что один и тот же эффект в зависимости от обстоятельств может возникать сначала по одной, а потом по другой причине за исключением случаев, когда в основании двух причин лишь одна. Одна идея не может выражать две разные реальности, если только эта двойственность не будет очевидна. Если среди определенных народов такие идеи, как «сакральное», «душа» и «боги», можно объяс-

нить социологически, то с научной точки зрения мы должны исходить из того, что одно и то же объяснение действительно для всех народов, которым присущи одни и те же идеи практически с теми же характеристиками. Если предположить, что мы не ошибаемся, то по крайней мере некоторые из наших выводов могут быть законно обобщены. Пришло время очертить их. И индукция такого рода, основанная на четко определенном эксперименте, менее безрассудна, чем множество беглых обобщений, которые в своем стремлении достичь сущности религии одним махом, не обосновывая себя в анализе какой-либо конкретной религии, рискуют полностью уйти в пустоту.

I

Чаще всего теоретики, которые решили показать религию в рациональных терминах, рассматривали ее прежде всего как систему идей, которая соответствует определенному объекту. Последний понимался по-разному: это могла быть природа, бесконечность, непознаваемое, идеал и т. д., но различия не сильно важны. В каждом случае представления, т. е. верования, считались существенным элементом религии. В свою очередь, обряды появились, чтобы быть не более чем внешним, контингентным и физическим переводом тех внутренних состояний, которые, как считалось, представляли собой единственную существенную ценность. Эта позиция настолько широко распространена, что в большинстве случаев дискуссии на тему религии вертятся вокруг вопроса о том, может ли она быть согласована с наукой, другими словами, есть ли место наряду с научными знаниями для другой формы мысли, считающейся специфически религиозной.

Но верующие – люди, которые, живут религиозной жизнью и имеют прямое представление о том, что представляет собой религия, – возразят, что с позиции их повседневного опыта эта точка зрения не соответствует действительности. Они считают, что истинная функция религии заключается не в том, чтобы заставлять нас думать, обогащать свои знания или добавлять новые представления к тем, которым мы уже обязаны науке. Ее истинная функция – заставить нас действовать и помогать нам жить. Верующий, который общается с Богом, не просто человек, видящий новые истины, которых не знает неверующий; он является человеком, который сильнее². Внутри себя он чувствует боль-

¹Перевод с англ. И. С. Сульжицкого по: *Durkheim E. The elementary forms of religious life / transl. and with an introd. by K. Fields. New York, 1995.*

²*Qui peut davantage.* Буквально: кто способен на большее. (Примеч. К. Филдс.)

ше сил, чтобы выдержать жизненные испытания и преодолеть их. Он выше человеческих страданий, потому что выше своего человеческого состояния. Он верит, что избавлен от зла независимо от его формы. Первая заповедь любой веры – это вера в спасение через веру.

Но трудно понять, как простая идея может обладать такой властью. На самом деле идея – это лишь один из элементов нас самих. Как она может наделять нас силами, которые превосходят нас в нашем естественном облике? В качестве богатой эмоциональной силы, которой может быть идея, она не может ничего добавить к нашей естественной витальности, она может только высвободить эмоциональные силы, которые в нас уже есть, не создавая и не увеличивая их. Тот факт, что мы представляем себе объект, достойный быть любимым и востребованным, не означает, что мы должны чувствовать себя сильнее. Энергии, большие, чем те, которые в нашем распоряжении, должны исходить от объекта, и, более того, мы должны уметь овладеть ими. Для этого недостаточно думать о них – необходимо поместить себя под их влияние, повернуть себя в направлении, в котором можно лучше всего почувствовать это влияние. Короче говоря, мы должны действовать и потому повторять необходимые действия так часто, как это необходимо для обновления их эффекта. С этой точки зрения очевидно, что множество регулярно повторяющихся действий, составляющих культ, вновь обретает свою важность. Фактически любой, кто по-настоящему практиковал религию, прекрасно знает, что именно культ стимулирует чувства радости, спокойствия и энтузиазма, которые для верующих являются экспериментальным доказательством их убеждений. Культ – это не просто система знаков, посредством которых вера выражена внешне, – это совокупность средств, с помощью которых эта вера периодически создается и воссоздается. Независимо от того, является культ физическими или умственными операциями, он всегда является культом, который эффективен.

Наше исследование основывается на постулате о том, что единое чувство верующих на протяжении веков не может быть просто иллюзией. Поэтому, как и недавний апологет веры¹, автор этих строк согласен с тем, что религиозная вера основывается на определенном опыте, демонстративная ценность которого не уступает научным экспериментам, хотя и является иной по своей природе. Мы тоже считаем, что необходимо «узнавать дерево по его плодам»² и его плодородие является лучшим доказательством ценности его корней. Но только из того, что существует религиозный опыт, который каким-либо образом обоснован (есть ли, кста-

ти, такой опыт, который не обоснован?), отнюдь не следует, что реальность, которая его обосновывает, может объективно соответствовать идее, которой по поводу него придерживаются верующие. Самого факта того, что способ, которым эта реальность мыслилась, бесконечно изменялся в разные времена, достаточно, чтобы доказать, что ни одна из этих концепций не выражает ее адекватно. Если ученый устанавливает как аксиому то, что ощущения тепла и света, которые испытывают люди, соответствуют какой-то объективной причине, он таким образом не делает вывод о том, что эта причина идентична той, что проявляется в ощущениях. Подобным образом, даже если чувства верующих не являются мнимыми, они по-прежнему не являются привилегированными интуициями. Нет никакой причины думать, что они лучше информируют нас о природе их объекта, чем обычные представления о природе тел и их свойствах. Чтобы узнать, из чего состоит этот объект, мы должны применить к этим ощущениям анализ, подобный тому, который заменил чувственное представление мира научным и концептуальным.

Это именно то, что мы пытались сделать. Реальность, которую мифологии представляли в самых разных формах, но которая является объективной, универсальной и вечной причиной тех чувств *sui generis* (с лат. – единственный в своем роде), из которых создан религиозный опыт, есть общество. Мы показали, какие моральные силы он развивает и как пробуждает чувства поддержки, безопасности и покровительственного руководства, которые связывают человека веры с его культом. Именно такая реальность заставляет его воспарить над собой. Действительно, это та реальность, которая создает его, потому что человек – это совокупность интеллектуального багажа, который является цивилизацией, а цивилизация – это работа общества. Таким образом объясняется выдающаяся роль культа во всех религиях, какими бы они не были. Это происходит потому, что общество не может осуществить свое влияние, если не находится в действии. Это происходит только в том случае, если люди, которые его составляют, собираются и действуют совместно. Благодаря общим действиям общество осознает и утверждает себя. Общество – это прежде всего активное сотрудничество. Как мы показали, даже коллективные идеи и чувства возможны только через очевидные движения, которые их символизируют. Таким образом, это действие, которое доминирует в религиозной жизни по той причине, что общество является его источником.

Для обоснования этой концепции можно добавить еще одно обстоятельство, выходящее из этой книги в целом. В ходе исследования мы установили,

¹William James. The varieties of Religious Experience. London, Longmans, 1902.

²Ibid.

что фундаментальные категории мышления и, следовательно, сама наука имеют религиозное происхождение. То же самое было показано в отношении магии и, соответственно, различных техник, основанных на магии. Кроме того, давно известно, что до относительно продвинутого момента эволюции нормы морали и права не отличались от ритуальных предписаний. То есть почти все значимые социальные институты появились в рамках религии¹. Поскольку основные черты коллективной жизни восходят к различным особенностям религиозной жизни, очевидно, что религиозная жизнь должна была быть, по-видимому, выдающейся формой и воплощением коллективной жизни. Если религия породила все то, что имеет большое значение в обществе, то это потому, что идея общества – душа религии.

Религиозные силы – это человеческие, моральные силы. Наверное, потому что коллективные чувства осознаются, только оседая на внешних объектах, эти самые силы не могли организоваться, не перенимая некоторые из своих черт от вещей. Таким образом они приобрели своего рода физическую природу, они стали смешиваться с жизнью физического мира. И через них стало возможным объяснить события, происходящие в этом мире. Но когда они рассматриваются только с этой точки зрения и в этой роли, мы видим в них только самое поверхностное. На самом деле их основные элементы заимствованы из сознания. Они не имеют человеческого характера, кроме случаев, когда мыслятся в человеческой форме², но даже самые безличные и анонимные из них являются объективированными чувствами.

Только рассматривая религию таким способом, можно постичь их реальный смысл. Если мы полагаемся на внешний вид, обряды часто кажутся чисто ручными операциями – помазаниями, очищениями, трапезами. Чтобы освятить вещь, необходимо поместить ее в контакт с источником религиозной энергии. Аналогично, чтобы нагреть или электрифицировать тело, оно помещается в контакт с источником тепла или электричества. Процедуры, используемые в этих двух случаях, существенно не различаются. Понимаемая таким образом религиозная техника кажется своего рода мистической механикой. Но эти физические операции – лишь внешняя оболочка, в которой скрыты умственные операции. В конце концов дело не в том, чтобы проявлять какое-то физическое воз-

действие на слепые и, более того, воображаемые силы, а в том, чтобы охватить, укрепить и дисциплинировать сознание. Низшие религии иногда называют материалистическими. Этот термин неверен. Все религии, даже самые грубые, в некотором смысле спиритуалистичны. Силы, которые они приводят в движение, прежде всего духовны и их основная функция – воздействовать на моральную жизнь. Таким образом, то, что было сделано во имя религии, не могло быть сделано напрасно, это было необходимо для общества людей.

Можно спросить: «Каково же общество, которое таким образом становится субстратом религиозной жизни? Является ли оно реальным обществом, каким оно существует и функционирует на наших глазах, с той моральной и юридической организацией, которую оно сотворило для себя в течение истории?» Но это общество полно изъянов и недостатков. В нем добро идет рука об руку со злом, несправедливость всегда находится на троне, а истина постоянно затемнена ошибками. Как могло столь грубо созданное существо вдохновлять чувства любви, горячего энтузиазма и самоотверженности, которые все религии требуют от своих последователей? Те совершенные существа, которые являются богами, не могли бы извлечь черты из такой посредственной, иногда даже базисной реальности.

Разве оно не было бы идеальным обществом, в котором царили бы справедливость и истина и было бы уничтожено зло во всех его формах? Никто не оспаривает, что это идеальное общество тесно связано с религиозными чувствами, поскольку религии стремятся к его созданию. Однако это общество не является четко определенным и наблюдаемым эмпирическим фактом, это фантазия, мечта, с которой люди «убаюкивали» свои страдания, но никогда не испытывали в действительности. Это просто идея, которая выражает наши более или менее неясные устремления к добру, прекрасному, идеалу. Эти устремления уходят своими корнями в нас. Поскольку они происходят из самых глубин нашего существа, ничто вне нас не может их объяснить. Более того, сами по себе они уже религиозны, следовательно, далекое от того, чтобы объяснить религию, идеальное общество включает их в себя³.

Но видеть только идеалистическую сторону религии – это произвольное упрощение. По-своему религия реалистична. Нет никакого физического

¹Только одна форма социальной активности еще не была явно связана с религией – экономическая деятельность. Тем не менее в силу этого факта магические техники имеют косвенное религиозное происхождение. Кроме того, экономическая ценность – это своего рода сила или эффективность, и нам знакомы религиозные источники идеи силы. Поскольку мана может быть дарована богатством, у самого богатства есть некоторая сила. Из этого мы видим, что идея экономической ценности и религиозной ценности не может быть несвязанной, но природа этих отношений еще не изучена.

²Именно по этой причине Дж. Фрейзер и даже К. Т. Прейс установили безличные религиозные силы вне религии или, самое большее, на ее пороге, чтобы связать их с магией.

³[Emile] Boutroux. *Science et religion* [dans la philosophie contemporaine, Paris, E. Flammarion, 1907]. P. 206–207.

или морального уродства, никакого порока и никакого зла, которое не было бы обожествлено. Существовали боги воровства и хитрости, похоти и войны, болезни и смерти. Христианство, возвышенное в своей идее божественности, было обязано оставить место в своей мифологии для духа зла. Сатана является неотъемлемым компонентом христианской машинерии, однако, даже если он является скверным существом, он не является профанным. Антибог – это бог, низший и подчиненный, но вместе с тем наделенный обширными силами, он даже является объектом обрядов, по крайней мере негативных. Далекая от игнорирования и пренебрежения реальным обществом религия – это его образ, отражающий все его особенности, даже самые вульгарные и отталкивающие. В нем есть все, и если мы чаще всего видим победу добра над злом, жизни над смертью и сил света над силами тьмы, то потому, что в действительности это не так. Если бы отношения между данными силами были обратными, жизнь была бы невозможной, тогда как на самом деле жизнь сохранялась и даже имела тенденцию развиваться.

Но совершенно верно, что даже если мифологии и теологии позволяют увидеть реальность, то реальность, которую мы в них находим, расширена, преобразована и идеализирована. Самые примитивные религии в этом отношении не отличаются от самых современных и самых утонченных. Например, мы видели, как племя арунта в начало времен помещает мифическое общество, организация которого точно воспроизводит ту, что существует сегодня. Оно состоит из тех же кланов и фратрий, оно подчиняется тем же правилам брака и практикует те же обряды. Но персонажи, составляющие его, являются идеальными существами. Они наделены способностями, на которые простые смертные не могут и претендовать. Принадлежа одновременно к животному и человеческому, их природа не только выше, но и отличается от них. Злые силы в этой религии подвергаются схожей метаморфозе. Как будто само зло подвержено рафинированию и идеализации. Возникает вопрос: откуда эта идеализация?

Один из предложенных ответов состоит в том, что человек обладает естественной способностью идеализировать, т. е. заменять реальный мир другим, в который он путешествует в мыслях. Но такой ответ изменяет условия проблемы, не решая и даже не развивая ее. Эта настойчивая идеализация является фундаментальной особенностью религий. Поэтому объяснять религии в терминах врожденной способности идеализировать – просто заменять слово эквивалентным. Это то же самое, что сказать: «Человек создал религию, потому что обладает религиозным характером». Однако животное знает только один мир – мир, который

воспринимает через опыт, как внутренний, так и внешний. Только человек способен представить идеальный мир и добавить его в реальность. Откуда же это примечательное различие? Прежде чем считать его первичным фактом или таинственной добродетелью, которая ускользает от науки, нужно убедиться, что это примечательное различие не возникает из условий, которые могут быть определены эмпирически.

Предлагаемое объяснение религии имеет особое преимущество в предоставлении ответа на поставленный вопрос, поскольку то, что определяет сакральное, заключается в том, что сакральное добавляется к реальности. И так как идеал определяется таким же образом, мы не можем объяснить одно без того, чтобы объяснить другое. На самом деле мы видели, что, если коллективная жизнь пробуждает религиозную мысль, когда та достигает определенной интенсивности, это происходит потому, что она вызывает состояние бурления, которое изменяет условия психической деятельности. Жизненные энергии становятся гипервозбужденными, страсти – более интенсивными, ощущения – более мощными. Действительно, некоторые из них производятся только в этот момент. Человек не узнает самого себя, он преобразуется и, следовательно, преобразует свое окружение. Чтобы учесть эти весьма специфические впечатления, человек приписывает вещам, с которыми наиболее тесно связан, свойства, которых у них нет, исключительные полномочия и добродетели, которыми не обладают объекты обычного опыта. Короче говоря, на реальный мир, где проходит профанная жизнь, человек накладывает другой, который в известном смысле существует только в его мыслях, но которому он приписывает более высокое достоинство. В обоих отношениях, впрочем, этот другой мир является идеальным.

Таким образом, формирование идеала отнюдь не является неким нередуцируемым фактом, который ускользает от науки. Оно основано на условиях, которые могут быть обнаружены посредством наблюдения. Это естественный продукт общественной жизни. Если общество должно осознать себя и сохранить чувство себя, которое оно имеет при необходимой интенсивности, оно должно собираться и концентрироваться. Эта концентрация приводит к поднятию моральной жизни, выражаемой набором идеальных концепций, в которых изображена новая жизнь, пробужденная таким образом. Эти идеальные концепции соответствуют наплыву психических сил, добавленных в тот момент к тем, которые уже есть в нашем распоряжении. Общество не может ни создавать, ни воссоздавать себя, не создавая своего рода идеал. Этот процесс не является дополнительным шагом, посредством которого общество, будучи уже создан-

ным, просто добавляет завершающие штрихи. Это акт, посредством которого общество периодически делает и переделывает себя. Таким образом, когда мы ставим идеальное общество в оппозицию к реальному подобно двум антагонистам, якобы ведущим нас в противоположных направлениях, мы выступаем против абстракций и конкретизируем их. Идеальное общество не находится за пределами реального, а является его частью. Будучи далеко от нашего разделения между ними как между двумя полюсами, мы не можем держаться за одно, не держась за другое. Общество конституировано не только массой отдельных людей, которые его составляют, землей, которую они занимают, вещами, которые они используют, или движениями, которые они совершают, но превыше всего идеей, которую оно имеет о самом себе. И нет сомнений в том, что общество иногда колеблется по поводу того, как оно должно себя мыслить. Оно чувствует себя разрываемым на части. Когда такие конфликты вспыхивают, они находятся не между идеалом и реальностью, а между разными идеалами, между идеалом вчерашнего и сегодняшнего дня, между идеалом, который имеет авторитет традиции, и тем, который только возникает. Изучение того, как развиваются идеалы, конечно, имеет свое место, но независимо от того, как решается эта проблема, все это разворачивается в мире идеалов.

Поэтому коллективный идеал, который выражает религия, далек от какой-то врожденной у индивида способности. Скорее, именно в школе коллективной жизни человек научился формировать идеалы. Именно ассимилируя идеалы, разработанные обществом, человек способен сформировать идеал. Именно общество, вовлекая его в сферу своего действия, дало ему возможность подняться над миром опыта и в то же время предоставило ему средства для воображения другого мира. Именно общество создало этот новый мир, создавая себя, потому что именно общество выражает новый мир. Нет ничего загадочного в способности к идеализации, будь то в индивидууме или в группе. Эта способность не является своего рода роскошью, без которой человек мог бы обойтись, но выступает условием его существования. Если бы он не приобрел ее, он не был бы социальным существом, т. е. человеком. Разумеется, коллективные идеалы становятся индивидуализированными, поскольку воплощаются в индивидах. Каждый человек понимает эти идеалы по-своему и дает им индивидуальный отпечаток, некоторые элементы извлекаются, другие – добавляются. Поскольку личность развивается и становится автономным источником действия, личный идеал расходится с социальным. Но если мы хотим понять способность жить за

пределами реального, которая кажется столь примечательной, все, что нам нужно сделать, – связать ее с социальными условиями, на которых она покоится.

Последнее, что нужно сделать, – увидеть эту теорию религии как простую реставрацию исторического материализма. Это было бы полное непонимание нашей мысли. Указывая на принципиальную социальную составляющую религии, мы никоим образом не хотим сказать, что религия просто переводит материальные формы и неотложные жизненные потребности общества на другой язык. Мы действительно считаем очевидным, что социальная жизнь зависит от материальных оснований и носит их отпечаток, точно так же, как ментальная жизнь человека обусловлена мозгом и даже всем телом. Но коллективное сознание – нечто иное, чем просто эпифеномен его морфологической базы, так же как индивидуальное сознание – нечто иное, чем просто продукт нервной системы. Если коллективное сознание появляется, должен произойти синтез индивидуальных сознаний *sui generis*. Продукт такого синтеза – целый мир чувств, идей и образов, которые следуют их собственным законам с момента их рождения. Они взаимно притягивают и отталкивают друг друга, сливаются, подразделяются и размножаются, и ни одна из этих комбинаций напрямую не управляется и не обуславливается состоянием низлежащей реальности. В самом деле, жизнь, высвобожденная таким образом, обладает такой большой независимостью, что иногда играет в формах, которые не имеют никакой цели или полезности любого рода, но только ради удовольствия самоутверждения. Именно это часто правдиво в отношении ритуальной деятельности и мифологической мысли¹.

Но если религия имеет социальные причины, как можно объяснить индивидуальный культ и универсалистский характер определенных религий? Если она родилась *in foro externo*², как она могла перейти во внутреннее ядро индивида и стать имплантированной в него? Если это работа определенных и конкретных обществ, то как она могла стать достаточно оторванной от них, чтобы быть понятой как общее содержание всего человечества?

Поскольку в ходе нашего исследования мы натолкнулись на первые семена индивидуальной религии и религиозного космополитизма и увидели, как они были сформированы, у нас есть самые общие элементы ответа на этот двоякий вопрос.

Религиозная сила, оживляющая клан, становится индивидуализированной через воплощение себя в индивидуальном сознании. Этим способом образуются вторичные сакральные существа, каждый человек имеет свое существо, которое создано по

¹См. статью на аналогичную тему: *Representations individuelles et representations collectives*. RMM. Vol. VI. 1898. P. 273ff.

²Во внешнем мире. (Примеч. К. Филдс.)

его собственному образу, части его интимной жизни и связано с его судьбой. Это душа, индивидуальный тотем, охраняющий предок и т. д. Эти существа являются объектами обрядов, которые поклоняющийся может вести сам по себе, вне какой-то группы, так что это на самом деле примитивная форма индивидуального культа. Культ, выражающий индивидуальную личность, не может быть достаточно развит, что обусловлено тем, что индивидуальная личность на этом этапе обозначена все еще очень незначительно и ей приписывается низкая ценность. По мере того как люди становились более дифференцированными и ценность человека росла, соответствующий культ сам занимал более значительную роль в религиозной жизни в целом, в то же время все больше герметизируя себя от внешней среды.

Однако существование индивидуальных культов не противоречит социологическому объяснению религии и не усложняет его. Религиозные силы, к которым обращаются эти культы, являются лишь коллективными силами в индивидуализированных формах. Даже там, где религия на первый взгляд полностью находится внутри человека, источник жизни, который ее питает, можно найти в обществе. Теперь мы можем судить о ценности радикального индивидуализма, который стремится сделать религию чисто индивидуальной: он неверно описывает фундаментальные условия религиозной жизни. И если этот радикальный индивидуализм до сих пор оставался в состоянии нереализованного теоретического устремления, то это потому, что на самом деле оно неосуществимо. Философия вполне может быть разработана в тишине внутренней медитации, но не вера. Вера – это прежде всего теплота, жизнь, энтузиазм, усиление всей умственной деятельности, поднятие личности над собой. Кроме выхода за пределы самого себя, как человек мог прибавить что-либо к энергии, которой он обладает? Как он мог превзойти себя? Единственный очаг, в котором мы можем согреться нравственно, – это очаг, созданный компанией наших ближних; единственные моральные силы, которыми мы можем питать наши собственные, – это силы, которые мы получаем от других. Они даже позволяют нам даровать бытие существам более или менее похожим на то, что изображают для нас мифологии. Если они имеют полезное влияние на душу, что и является их *raison d'être*¹, мы должны верить в них. Верования действуют только тогда, когда они коллективно разделяемы. Мы вполне можем сохранить их в движении на какое-то время посредством исключительно личных усилий, но они не рождаются и не приобретаются таким образом и вряд ли могут быть сохранены в подобных ус-

ловиях. Фактически человек, имеющий истинную веру, чувствует неудержимую потребность в ее пространстве. Чтобы сделать это, он выходит из своей изоляции, обращается к другим, стремится их убедить, и пыл убеждений, которые он использует, в свою очередь, укрепляет его собственные. Этот пыл быстро рассеивается, если человек остается один.

То, что верно в отношении религиозного индивидуализма, относится и к религиозному универсализму. Конечно, он не был исключительно чертой нескольких великих религий, но мы нашли его в австралийской системе, не в ее основаниях, но на ее вершине. *Bunjil, Daramulun и Baiame* – не просто племенные боги, поскольку каждый из них признан множеством разных племен. Их культ в некотором смысле международный. Таким образом, эта концепция довольно близка к той, которая найдена в самых современных теологиях. В результате, некоторые авторы чувствовали обязанность отрицать ее подлинность, даже несмотря на то, что эта подлинность неоспорима.

Но мы смогли показать, как эта концепция была сформирована.

Племена, соседствующие друг с другом и принадлежащие к одной и той же цивилизации, не могут не иметь постоянных отношений друг с другом. Всевозможные обстоятельства дают возможность для контакта. Помимо деловой сферы, которая по-прежнему носит рудиментарный характер, существуют браки. Интернациональные браки очень распространены в Австралии. В подобных союзах люди, естественно, осознают моральное родство, которое их объединяет. Они имеют одну и ту же социальную организацию, одно и то же разделение на фратрии, кланы и брачные классы, они проводят одни и те же или подобные ритуалы инициации. Эффект взаимных заимствований или соглашений заключается в консолидации спонтанных сходств. Боги, к которым были привязаны такие явно идентичные институты, едва ли могли оставаться различными в сознании людей. Все собралось вместе, и, следовательно, даже предполагая, что каждое племя независимо от других разработало свое собственное представление о богах, они должны были, как правило, иметь склонность к слиянию. Помимо этого, вероятно, что боги были впервые задуманы в этих межплеменных собраниях, поскольку они в первую очередь являются богами инициации, а на церемониях инициации обычно представлены различные племена. Таким образом, если были созданы сакральные существа, не связанные с каким-либо территориально ограниченным сообществом, это произошло не потому, что они имели внесоциальное происхождение. Скорее,

¹Смысл существования (лат.). (Примеч. И. С. Сульжицкого.)

это произошло потому, что над этими территориальными группировками находятся другие, с более изменчивыми границами. Они не имеют фиксированных границ, но включают в себя большое число более или менее родственных племен. Появляющаяся в итоге особая социальная жизнь имеет тенденцию распространяться по территории без четких границ. Вполне естественно, что соответствующие мифологические персонажи имеют один и тот же характер. Их сфера влияния не определена, они возвышаются над отдельными племенами и землями. Это великие международные боги.

Ничто в этой ситуации не чуждо австралийским обществам. Нет такого народа или государства, которое не было бы связано с каким-либо другим более или менее неразграниченным обществом, которое включает в себя все народы и все Государства¹, с которыми оно прямо или косвенно находится в контакте; нет национальной жизни, которая не находится под влиянием международной коллективной жизни. Чем больше мы продвигаемся в истории, тем важнее становятся эти международные сообщества. Очевидно, что в некоторых случаях универсалистская тенденция может развиваться до такой степени, что затрагивает не только высшие идеи религиозной системы, но и принципы, на которых она основывается.

II

Таким образом, в религии есть что-то вечное, чему суждено пережить последовательность отдельных символов, в которые религиозная мысль себя обозначает. Не может существовать общество, которое не испытывает потребность в том, чтобы через регулярные промежутки времени поддерживать и укреплять коллективные чувства и идеи, обеспечивающие его согласованность и индивидуальность. Это моральное обновление может быть достигнуто только путем проведения встреч, собраний и конгрегаций, в ходе которых отдельные лица, находясь близко друг к другу, подтверждают в общих чертах их общие настроения. Таково происхождение церемоний, которые по целям, результатам, а также используемым методам не отличаются от церемоний, являющихся сугубо религиозными. Какие существенные различия есть между христианами, празднующими основные даты жизни Христа, евреями, празднующими исход из Египта или обнаружение Декалога, и собранием граждан в память о пришествии нового морального устава или какого-либо другого великого события национальной жизни?

Если сегодня мы с трудом представляем, как-то будут праздники и церемонии будущего, то это потому, что переживаем переходный период и нам характерна моральная посредственность. Великие

идеи прошлого, которые возбуждали наших отцов, уже не вызывают такого же рвения среди нас, потому что настолько глубоко укоренились в обычаях, что мы теряем осведомленность о них, или потому, что больше не соответствуют нашим устремлениям. Между тем замена им еще не создана. Мы больше не восхищаемся теми принципами, от имени которых христианство заклиняло господ относиться к своим рабам гуманно; кроме того, идея христианства о человеческом равенстве и братстве кажется нам сегодня оставившей слишком много места для несправедливости и неравенства. Жалость христианства к угнетенным кажется нам слишком платонической. Мы хотели бы, чтобы оно было более энергичным, но пока не ясно, что оно должно делать и как оно может быть реализовано на самом деле.

Короче говоря, старые боги стареют или умирают, а новые еще не родились. Это аннулировало попытку О. Конта организовать религию, искусственно возродив старые исторические воспоминания. Только сама жизнь, а не мертвое прошлое может породить живой культ. Но это состояние неуверенности и путанного беспокойства не может длиться вечно. Наступит день, когда наши общества снова познают творческое бурление, в ходе которого снова появятся новые идеалы и новые формулы, чтобы на какое-то время вновь направить человечество. И когда этот период завершится, люди будут спонтанно ощущать необходимость оживлять его в мыслях, т. е. сохранять свою память посредством торжеств, которые регулярно воссоздают свои плоды. Мы уже видели, как [Французская. – примеч. К. Филдс] революция установила целый цикл торжеств, чтобы сохранить принципы, которые вдохновляли ее быть вечно молодой. Это учреждение быстро погибло потому, что революционная вера продолжалась недолго, разочарование и уныние быстро заменили энтузиазм. Хотя этот шаг и потерпел неудачу, он помогает нам представить, что могло бы быть в других условиях, и заставляет нас думать, что эта работа рано или поздно будет начата снова. Нет никаких бессмертных Евангелий, и нет оснований полагать, что человечество неспособно задумать новые в будущем. Что касается того, какими будут символы новой веры, будут ли они напоминать прошлое, будут ли они больше соответствовать реальности, то эти вопросы превосходят человеческие способности предсказания и, кроме того, не имеют значения.

Но праздники и обряды, т. е. культ, не вся религия. Религия – это не только система практик, но и система идей, целью которой является выражение мира, ведь даже самые примитивные религии имеют собственные космологии. Эти два элемента

¹Э. Дюркгейм писал *Церковь и Государство* с большой буквы. (Примеч. К. Филдс.)

религиозной жизни могут быть связаны, тем не менее они совершенно разные. Один обращен к действию, которое он вызывает и регулирует, другой – к мысли, которую обогащает и организует. Поскольку эти элементы не опираются на одни и те же условия, есть основания спросить, соответствуют ли идеи универсальным и постоянным потребностям так, как практики.

Когда мы приписываем религиозной мысли определенные черты и считаем, что ее функция заключается в том, чтобы выразить своими собственными методами целый аспект реального, который ускользает от обычных знаний и науки, мы, естественно, отказываемся признавать, что спекулятивная роль религии может быть опровергнута. Но нам не кажется, что анализ фактов продемонстрировал эту специфику религии. В изученной нами религии используемые символы являются наиболее тревожными для разума. Все в ней похоже на тайну. На первый взгляд, те существа, которые одновременно проживают в самых разрозненных царствах, размножаются, не переставая быть единым целым, распадаются, не уменьшаясь, и, похоже, принадлежат к миру, совершенно отличному от того, в котором мы живем. Некоторые ученые даже дошли до того, что утверждают, что мысль, создавшая эту религию, совершенно не знала законов логики. Возможно, никогда различия между разумом и верой не были столь выражены. Если в истории был момент, когда разница между ними четко отражалась, то это был именно этот момент.

Но мы заметили, что вопреки таким явлениям реалии, к которым применялись религиозные спекуляции, впоследствии будут служить объектами рефлексии ученых. Это природа, человек и общество. Тайна, которая окружает их, поверхностна и исчезает при более пристальном рассмотрении. Чтобы они казались такими, какие есть, достаточно приоткрыть завесу, которая покрывала их мифологическое воображение. Религия стремится облечь эти реалии в понятную форму, которая не отличается по своей природе от той, что используется наукой. И религия, и наука пытаются связать вещи друг с другом, установить внутренние отношения между ними, классифицировать и систематизировать их. Основные понятия научной логики имеют религиозное происхождение. Конечно, наука адаптирует эти понятия, чтобы использовать их. Она отсекает всевозможные посторонние элементы, ее усилия носят критический дух, неизвестный религии; она с предосторожностью избегает поспешности и предвзятости и на расстоянии держится от страстей, предрассудков и всех субъективных влияний. Но этих усовершенствований метода недостаточно, чтобы отличать науку от религии. Обе

преследуют ту же цель; научная мысль – это более совершенная форма религиозной мысли. Поэтому естественно, что религия должна терять почву, поскольку наука лучше справляется со своей задачей.

На самом деле нет сомнений в том, что этот регресс произошел в ходе истории. Будучи плодом религии, наука, как правило, заменяет ее во всем, что связано с познавательными и интеллектуальными функциями. Христианство окончательно санкционировало эту замену в сфере физических явлений. Что касается материи как профанной вещи *par excellence*¹, то христианство легко отказалось от этого знания в пользу дисциплины, чуждой ей, *tradidit mundum hominum disputi*². Таким образом, науки о природе с относительной легкостью сумели установить свою власть и обеспечить ей признание. Но христианство не могло позволить миру душ выйти из-под его власти так же легко, потому что Бог христиан хочет править прежде всего над душами. Именно поэтому идея подвергнуть психическую жизнь научному осмыслению долгое время была своего рода профанацией, даже сегодня эта позиция по-прежнему неприемлема для многих. Сегодня существует экспериментальная и сравнительная психология, и это должно быть принято во внимание. Но мир религиозной и нравственной жизни по-прежнему остается запрещенным. Подавляющее большинство людей по-прежнему полагает, что есть порядок вещей, в который интеллект может «входить» только по особо отведенным «маршрутам». Отсюда – сильное сопротивление, с которым сталкиваются каждый раз, когда кто-либо пытается трактовать религиозные и моральные явления с научной точки зрения. Тем не менее эти усилия сохраняются. Несмотря на оппозицию, эта настойчивость позволяет предвидеть, что последний барьер будет разрушен и наука займет господствующее положение даже в этом качестве.

Это и есть суть конфликта науки и религии. Люди часто имеют о нем ошибочное представление. Говорят, что наука отрицает религию в принципе. Но религия существует, это система данных нам фактов, короче говоря, реальность. Как наука может отрицать реальность? Поскольку религия – это действие и средство для того, чтобы заставить людей жить, вероятно, наука не может занять ее место. Хоть наука и объясняет жизнь, она не создает ее. Наука может стремиться объяснить веру, но тем самым она предполагает веру. Следовательно, конфликт существует только в ограниченном виде. Из двух функций, выполняемых религией, только одна все больше и больше стремится избежать этого конфликта. Речь идет о спекулятивной функции. Наука спорит с религией, но это не ее право на существование, а ее право догматизировать

¹По преимуществу. (Примеч. И. С. Сульжицкого.)

²Оно оставило мир в спорах между людьми. (Примеч. К. Филдс.)

природу вещей, ее притязания на особую экспертизу в объяснении человека и мира. На самом деле религия сама не знает себя. Она не знает ни того, из чего сделана, ни того, что ей нужно. Далекая от того, чтобы быть способной диктовать науке, что делать, религия сама становится объектом науки! И поскольку помимо реальности, которая ускользает от научной рефлексии, религиозная спекуляция не имеет особого объекта, религия, очевидно, не может играть такую же роль в будущем, как играла в прошлом.

Тем не менее религии, судя по всему, суждено преобразовать себя, а не исчезнуть.

Так, в религии есть вечные категории – культ и вера. Но люди не могут ни проводить церемоний, для которых они не видят никакого обоснования, ни принимать веру, которую они никоим образом не понимают. Чтобы распространять религию или придерживаться ее, нужно ее оправдать, т. е. разработать ее теорию. Теория такого рода обязательно должна опираться на различные науки, прежде всего социальные, поскольку корни религиозной веры лежат в обществе, а также на психологию, так как общество является синтезом человеческих сознаний, и, наконец, на науки о природе, поскольку человек и общество связаны со Вселенной и могут быть абстрагированы от нее только искусственно. Но несмотря на важность этих заимствований, только одних наук недостаточно, вера – это в первую очередь стимул к действию, тогда как наука независимо от того, насколько она развита, всегда дистанцирована от действия. Наука фрагментарна; она достигает своих целей, но медленно, это бесконечный процесс, а жизнь не может ждать. Поэтому теории, призванные заставить людей жить и действовать, должны забегать вперед науки. Они возможны только в том случае, если требования практичности и жизненных потребностей, например те, которые мы чувствуем, не понимая их явно, толкают мысль за пределы того, что позволяет утверждать наука. Таким образом, даже самые рациональные и секуляризованные религии не могут обойтись без неких спекуляций, которые не могут быть научными, хотя и имеют те же объекты для изучения, что и наука. Неясные интуиции ощущений и чувствительности часто заменяют логические причины.

Таким образом, с одной стороны, эта спекуляция напоминает спекуляции, которые имели место в религиях прошлого, а с другой – отличается от них. Реализуя право выйти за пределы науки, она должна начинаться со знаний, черпать вдохновение из науки. Как только устанавливается авторитет науки, с ней необходимо считаться. Если есть необходимость, можно выйти за рамки науки, но начинать нужно с нее. Никто не может утверж-

дать ничего, отверженного наукой, отрицать ничего, что подтверждает наука, и не устанавливать ничего, что прямо или косвенно не опиралось бы на принципы, заимствованные из науки. С тех пор вера¹ уже не имеет такого же влияния, как имела в прошлом, на систему представлений, которые по-прежнему можно назвать религиозными. Власть над религией исходит из системы представлений, и даже несмотря на религиозное происхождение, эта система использует свою собственную критику и свое собственное испытание религии. Все указывает на перспективу того, что эта проверка будет становиться более обширной и эффективной и ее влияние ничем не будет ограничено.

III

Если фундаментальные понятия науки имеют религиозное происхождение, как религия могла породить их? На первый взгляд сложно найти точки соприкосновения логики и религии. Поскольку реальность, выражаемая религиозной мыслью, является обществом, вопрос может быть сформулирован в терминах, которые нам более четко раскрывают проблему, а именно: что могло сделать социальную жизнь таким важным источником логической жизни? Казалось бы, ничто не предрасполагало общество к этой роли, поскольку очевидно, что люди не собирались вместе для удовлетворения спекулятивных потребностей.

Некоторые подумают, что мы опрометчиво обсуждаем проблему такой сложности. Для решения ее социологические условия познания должны быть известны как можно лучше. Мы можем только начать различать некоторые из этих условий. Тем не менее вопрос настолько важен и прямо подразумевается всем, что было до этого, что мы должны приложить усилия, чтобы найти на него ответ. Изложим несколько общих принципов, которые могут пролить свет на ситуацию.

Основным материалом логической мысли являются понятия. В ходе попыток выяснить, какую роль общество сыграло в генезисе логического мышления, возникает вопрос: как оно могло принять участие в формировании понятий?

Если мы рассматриваем понятие только как общую идею, как это обычно бывает, проблема кажется неразрешимой. Самостоятельно человек может сравнить свои восприятия или образы и найти точки их соприкосновения, другими словами, он может их обобщить. Поэтому нелегко понять, почему обобщение должно быть возможным только в обществе и через него. Но, во-первых, недопустимо, чтобы логическое мышление характеризовалось исключительно широким охватом представлений, которые его составляют. Если в конкретных идеях отсутствует логика, почему общие идеи должны чем-то отличаться? Общее существует только

¹В первом издании *la foi* – вера, во втором *la loi* – закон. (Примеч. К. Филдс.)

в частности, оно является упрощенным и урезанным. У общего не может быть добродетелей и привилегий, которых нет и у частного. Если концептуальная мысль может быть применена к роду, видам и множеству, сколь бы мала она ни была, почему она не может распространиться на человека, т. е. до предела, к которому идея стремится пропорционально, поскольку ее объем сужается? На самом деле существует множество понятий, которые имеют отдельные объекты. Во всех религиях боги – это индивидуальности, отличные друг от друга, они выдуманы, а не воспринимаются. Каждый человек представляет исторических или легендарных героев определенным образом, что варьируется исторически, и эти представления концептуальны. Наконец, у каждого из нас есть определенное понятие об индивидах, с которыми мы контактируем, об их характере, внешности и отличительных чертах темперамента. Такие понятия являются истинными. Несомненно, в целом они довольно грубо сформированы. Но даже среди научных понятий есть ли много, которые вполне адекватны их объектам? В этом отношении наши собственные и научные понятия различаются только по степени адекватности. Поэтому понятие должно определяться другими признаками. От материальных представлений любого рода – ощущений, восприятий или образов – его отмечают следующие свойства.

Чувственные представления постоянно меняются, они приходят и уходят. Каждое из них связано с конкретным моментом. Мы никогда не уверены в том, чтобы восстанавливать восприятие так же, как мы чувствовали его в первый раз; потому что, даже если воспринимаемая вещь не изменится, мы сами уже не будем прежними. С другой стороны, понятие – это что-то вне времени и изменений, оно защищено от всех трансформаций, можно сказать, что оно находится в другом пространстве разума, более спокойном и безмятежном. Понятие само по себе недвижимо внутренним, спонтанным развитием, напротив, оно сопротивляется изменениям. Это способ мышления, который в любой момент времени может быть зафиксирован и кристаллизован¹. Понятие неизменно в той степени, в которой это должно быть. Изменения возможны не из-за его природы, а потому, что мы обнаружили в нем какое-то несовершенство, которое необходимо ис-

правлять. Система понятий, в рамках которой мы мыслим в повседневной жизни, является тем, что выражает словарь нашего языка, поскольку каждое слово воплощает собой понятие. Язык зафиксирован, он изменяется, но медленно, следовательно, то же самое происходит с концептуальной организацией, которую он переводит. Ученый оказывается в том же положении по отношению к специальной терминологии, используемой наукой, к которой он относится, и, следовательно, к специальной системе понятий, которой соответствует эта терминология. Конечно, он может внести новшества, но его нововведения всегда совершают определенное насилие в отношении привычных способов мышления.

В то же время, будучи относительно неизменным, понятие универсально или может стать универсальным. Понятие не является понятием для сугубо одного индивида, оно общее и для других людей, по крайней мере может быть сообщено им. Невозможно, чтобы мы переводили ощущения своего сознания в чужое; они тесно зависят от тела и личности человека и не могут быть отделены. Все, что мы можем сделать, это пригласить другого человека, чтобы он предстал перед тем же объектом, что и мы, и открыл себя для его влияния. Беседы и интеллектуальные отношения между людьми заключаются в обмене понятиями. Понятие, по сути, является безличным представлением. С его помощью общаются человеческие умы².

Определенный таким образом характер понятия отражает его происхождение. Оно является общим для всех, потому что это работа сообщества. Оно не несет в себе отпечаток какого-либо индивидуального интеллекта, поскольку сформировано одним интеллектом, в котором встречаются все остальные и к которому они приходят за поддержкой. Если понятие обладает большей стабильностью, чем ощущения или образы, то это потому, что коллективные представления более стабильны, чем индивидуальные; в то время как индивид чувствителен даже к незначительным изменениям в своей внутренней или внешней среде, только весомые события могут преуспеть в изменении психического равновесия общества. Всякий раз, когда мы находимся в присутствии типа³ мышления или действия, которое равномерно воздействует на индивидуальные умы или волю, это воздействие на индивида обнаружи-

¹William James. The Principles of Psychology, I [New York, Macmillan, 1890]. P. 464.

²Эту универсальность понятия нельзя путать с общностью. Эти категории весьма различны. То, что мы называем универсальностью, – свойство, которое понятие должно сообщать множеству умов и всем умам в принципе. Такая коммуникабельность совершенно не зависит от объема понятия. Понятие, применимое только к одному объекту и чья область действия поэтому минимальна, может быть универсальным в том смысле, что оно одинаково для всех умов, – понятие божества именно такого рода.

³Некоторые возразят, что способы действий или мышления часто становятся фиксированными и кристаллизованными как привычки, которые противостоят изменениям посредством эффекта повторения. Но привычка – это только тенденция повторять действие или идею автоматически, когда одни и те же обстоятельства вызывают ее; привычка не означает, что идеи или действия составлены в форме типических образцов, накладываемых на ум или волю. Только когда такой тип заранее установлен, т. е. когда устанавливается правило или норма, можно и должно полагаться на работу общества.

вает в себе вмешательство коллектива. Кроме того, мы уже говорили о том, что понятия, которыми мы мыслим в повседневности, – это понятия, которые хранятся в словарном запасе. Несомненно, речь и, следовательно, система понятий, которые она переводит, являются результатом коллективной разработки. То, что она выражает, – это то, как общество в целом воспринимает объекты опыта. Поэтому представления, соответствующие различным элементам языка, являются коллективными.

О том же свидетельствует и содержание этих понятий. В самом деле, едва ли есть какие-либо слова (даже среди тех, которые мы обычно используем), смысл которых не выходит за рамки нашего личного опыта. Часто термины выражают предметы, которые мы никогда не воспринимали, и переживания, с которыми мы никогда не сталкивались. Даже когда нам известны определенные объекты, к которым относится некий термин, они предстают перед нами как конкретные примеры, которые служат для иллюстрации идеи, но этого было бы недостаточно, чтобы сформировать понятие само по себе. Существует целая наука, сжатая в словах, наука, которая более чем индивидуальна, и она настолько превосходит нас, что мы не можем даже сделать все результаты своими. Кто из нас знает все слова языка, на котором говорит, и все значения каждого слова?

Это обстоятельство позволяет нам определить, что понятия выступают коллективными представлениями. Если они являются общими для всей социальной группы, это не потому, что они простое среднее соответствующих индивидуальных представлений; если бы это было так, они были бы более низкого интеллектуального содержания, чем отдельные представления, тогда как на самом деле они изобилуют знаниями, превосходящими знания среднего человека. Понятия – это не абстрактные категории, которые реальны только при определенных обстоятельствах. Они представляют собой такие же конкретные представления, какие могут создать индивиды в своей собственной среде, поскольку соответствуют тому, как особое существо, которым является общество, думает об элементах собственного опыта. Если понятия чаще всего являются общими идеями, если они выражают категории и классы, а не конкретные объекты, то потому, что индивидуальные и переменные характеристики существ редко представляют интерес для общества. Из-за своего масштаба общество вряд ли может быть описано такими характеристиками, если только самыми общими. Следовательно, этот аспект обуславливает внимание общества. Именно в природе общества чаще всего воспринимают вещи в больших массах и в той форме, которую они

принимают в целом. Однако эта общность не является обязательной; во всяком случае, даже если эти представления имеют общий характер, они являются работой общества и обогащены его опытом.

Указанное обстоятельство делает концептуальную мысль ценной для нас. Если бы эти понятия были просто общими идеями, они бы не обогатили знания, поскольку общее содержит в себе не больше, чем частное. Но если они представляют собой коллективные представления, они соединяют всю мудрость, которую общество накопило на протяжении столетий, с личным опытом. Мыслить понятиями – это не просто видеть реальность в самых общих характеристиках, но и проникнуть в ее суть, трансформировать ее. Это необходимо для того, чтобы концептуализировать предмет, лучше понять его основные элементы, поместить в группу, к которой он принадлежит. Каждая цивилизация имеет свою собственную систему понятий. Перед этой системой индивидуальный интеллект находится в той же ситуации, что и *νοῦς*¹ Платона перед миром идей. Он стремится ассимилировать идеи, потому что нуждается в них, но эта ассимиляция всегда неполная. Каждый из нас видит их по-своему. Некоторые понятия закрыты для нас, в то время как другие проявляют лишь некоторые из своих аспектов. Многие из них мы искажаем в процессе размышления о них. Поскольку по своей природе понятия являются коллективными, они не могут стать индивидуализированными, не будучи модифицированными. Вот почему мы испытываем столь много трудностей в общении, и часто лжем непреднамеренно. Это происходит потому, что мы используем одни и те же слова, не придавая им одинакового значения.

Таким образом мы можем увидеть участие общества в происхождении логической мысли. Логическое мышление стало возможным только тогда, когда человеку удалось выйти за пределы мимолетных представлений, которые он ощущал, получая опыт, и в конце концов придумал целый мир устойчивых идеалов, общую основу интеллектов. Думать логически, по сути, всегда в какой-то мере думать безлично, т. е. думать *sub specie aeternitatis*². Безличность и стабильность – таковы две характеристики истины. Логическая жизнь, очевидно, предполагает, что человек знает, что существует истина, которая отличается от чувственных проявлений. Но как он мог прийти к такой идее? Люди чаще всего действуют так, как будто логическая жизнь должна была возникнуть спонтанно, как только человек открыл глаза на мир. Но в непосредственном опыте предпосылок для возникновения таких выводов нет, все выступает против этого. Таким образом, у детей и животных нет даже намека на это. Кроме

¹Нус (греч. *νοῦς* – разум, мысль, дух). (Примеч. И. С. Сульжицкого.)

²С точки зрения вечности. (Примеч. К. Филдс.)

того, история показывает, что потребовались столетия, чтобы логическая жизнь возникла и сложилась. В нашем западном мире только с великими мыслителями Греции логическая жизнь впервые стала ясно осознавать себя и те последствия, которые она подразумевает. Когда произошло это открытие, оно вызвало удивление, которое Платон выразил великолепным языком. Но даже если только тогда идея была выражена в философских формулах, она обязательно существовала до этого как смутное осознание. Философы стремились разъяснить это осознание, но не создали его. Чтобы иметь возможность задуматься и проанализировать его, они должны были быть наделены им, и вопрос заключается в том, откуда взялось это осознание, т. е. на каком опыте оно основывалось. Ответ: коллективный опыт. Именно в форме коллективной мысли безличная мысль впервые открыла себя человечеству, и трудно предположить иной путь возникновения этого откровения.

Исключительно потому, что существует общество, кроме ощущений и образов существует также целая система представлений, обладающая этими чудесными свойствами. С их помощью люди понимают друг друга, умы получают доступ друг к другу. У них есть своего рода сила и моральный авторитет, с помощью которых они воздействуют на индивидуальное сознание. Индивид осознает, что над его частными представлениями существует мир типовых идей, согласно которым он должен регулировать свои собственные. Он видит весь интеллектуальный мир, в котором участвует, но который больше, чем он. Это первая интуиция царства истины. Как только он осознал эту высшую интеллектуальность, он приступает к тщательному изучению своей природы, пытаясь выяснить, как эти выдающиеся представления получили свои привилегии. И когда он обнаружил их причины, он взялся за то, чтобы заставить эти причины работать самим и самим сделать выводы, к которым они ведут, т. е. он дал себе право создавать понятия. Таким образом была индивидуализирована способность концептуализации. Происхождение этой способности обусловлено социальными условиями.

Некоторые возражают, что мы представляем понятие только в одном аспекте, согласно которому его роль заключается в том, чтобы обеспечить не только согласие между умами, но и, более того, их согласие с природой вещей. Очевидно, что понятие не будет осуществлять свой *raison d'être*, если не будет истинным, т. е. объективным, и его безличность будет следствием его объективности. Умы должны коммуницировать, и это в порядке вещей. Мы не отрицаем, что концептуальная эволюция частично движется в этом направлении. Понятие, которое

сначала считается истинным, потому что оно коллективно, как правило, не становится коллективным, пока не считается истинным: мы требуем от него гарантий, прежде чем оказать ему доверие. Во-первых, мы не должны упускать из виду тот факт, что даже сегодня подавляющее большинство понятий, которые мы используем, не сконструированы методично. Мы заимствуем их из языка, т. е. из общего опыта, и не подвергаем их какой-либо предварительной критике. Понятия, которые научно выверены и критично осмыслены, всегда находятся в меньшинстве. Во-вторых, существуют различия между этими понятиями и теми, которые черпают свои полномочия только из того, что являются коллективными. Коллективное представление, лишь потому что оно коллективно, представляет гарантию своей объективности. Недаром оно смогло обобщить и сохранить себя с такой настойчивостью. Если бы оно было в несогласии с природой вещей, ему не удалось бы получить продолжительное господство над умами. Научные концепции можно методично проверить, это то, что позволяет им внушать уверенность. Коллективное представление обязательно проходит бесконечную проверку. Люди, которые придерживаются коллективных представлений, проверяют их на собственном опыте. Таким образом, оно не может быть полностью неадекватным его объекту. Конечно, оно может объяснить этот объект в несовершенных символах, но научные символы сами по себе приближительны. Метод, которого мы придерживаемся при изучении религиозных явлений, основан на этом принципе. Мы считаем аксиоматичной следующую формулировку: иногда могут появляться странные религиозные верования, но они содержат свою собственную истину, которая должна быть раскрыта¹.

И наоборот, даже когда они построены в соответствии со всеми правилами науки, понятия далеки от того, чтобы черпать свой авторитет только из их объективной ценности. Чтобы в них поверили, недостаточно их истинности. Если они не согласуются с другими убеждениями и другими мнениями, т. е. со всем набором коллективных представлений, они будут отвергнуты, умы будут глухи к ним; в результате они будут существовать и в то же время нет. Если сегодня наличия ярлыка научности обычно достаточно, чтобы получить своего рода привилегированное доверие, то это потому, что мы верим в науку. Но эта вера существенно не отличается от религиозной веры. Ценность, которую мы приписываем науке, в конечном итоге зависит от идеи, которую мы имеем о ее природе и роли в жизни, другими словами, которая отражает наше мнение. Причина в том, что все в общественной жизни зависит от мнения, в том числе и сама наука.

¹На основании того факта, что представление имеет социальное происхождение, мы видим, насколько оно далеко от невозможности иметь объективную ценность.

Разумеется, мы можем сделать мнение объектом изучения и создать науку о мнении – это то, в чем преимущественно и заключается социология. Тем не менее наука о мнении не создает мнения, может только его прояснить и сделать более осознанным. Таким образом, наука может привести к изменению мнения, но остается продуктом мнений даже в тот момент, когда, кажется, управляет мнением, поскольку черпает силу, которую использует для воздействия на мнение, из самого мнения.

Мнение о том, что понятия выражают то, как общество понимает вещи, тождественно мнению, согласно которому концептуальная мысль современна человечеству. Поэтому мы отказываемся рассматривать их как продукт культуры модерна. Человек, который не мыслил понятиями, не был бы человеком, потому что он не был бы социальным существом. Ограниченный только индивидуальными восприятиями, он не будет отличаться от животного. Можно было опровергнуть противоположный тезис только потому, что понятие было определено чертами, которые не являются фундаментальными для него. Понятие было отождествлено с общей идеей¹ и с четко ограниченной и очерченной общей идеей². В этом случае низшие общества могут казаться неосведомленными о понятии должным образом, поскольку у них есть только неразвитые процессы обобщения и используемые ими понятия, как правило, недостаточно четко определены. Тем не менее большинство современных понятий также не имеет четкого определения, мы едва ли можем заставить себя определять их кроме как в дебатах и научном исследовании. Кроме того, концептуализация – это не то же самое, что обобщение. Думать концептуально – это не просто изолировать и объединять особенности, общие для определенного количества объектов. Это также означает включать переменное в постоянное и индивидуальное в социальное. И поскольку логическое мышление начинается с понятия, из этого следует, что логическая мысль существовала всегда; не было исторического периода, когда люди жили в хронической путанице и противоречии. Разумеется, нельзя придавать чрезмерное значение разным особенностям логики в разные исторические периоды: логика развивается по мере развития самих обществ. Но как бы ни были реальны различия, они не должны заставлять нас опускать сходства, которые не менее фундаментальны.

IV

Мы видели, что по крайней мере некоторые из категорий – это социальные вещи. Вопрос состоит в том, где они получили эту особенность.

Несомненно, поскольку они сами являются понятиями, они являются и работой коллективности. Действительно, никакие понятия не демонстрируют отличительные знаки коллективного представления в той же степени. Действительно, их стабильность и безличность таковы, что они часто воспринимаются как абсолютно универсальные и неизменные. Кроме того, поскольку они выражают фундаментальные условия понимания между умами, очевидно, что они могли быть созданы только обществом.

Но проблема с категориями мышления сложнее, чем кажется, поскольку они являются социальными в другом смысле. Они не только происходят из общества, но и вещи, которые они выражают, также являются социальными. Дело не только в том, что они сформированы обществом, но и в том, что их содержание – это различные аспекты социального бытия. Категория рода была поначалу нечетким отражением понятия человеческой группы; категория времени имеет в качестве своего основания ритм социальной жизни; пространство, занимаемое обществом, послужило материалом для категории пространства; коллективная сила была прототипом понятия эффективной силы, существенным элементом категории причинности. Тем не менее приложение к социальной сфере не является единственной функцией категорий, они распространяются и на реальность в целом. Почему же тогда модели, на которых они построены, были заимствованы у общества?

Ответ заключается в том, что это превосходящие других понятия, которые имеют преобладающую роль в познании. Действительно, функция категорий состоит в том, чтобы управлять и вмещать в себя другие понятия. Они формируют перманентную рамку ментальной жизни. Но чтобы охватить такой объект, они должны быть смоделированы на реальность столь же широкого масштаба.

Несомненно, отношения, которые они выражают, существуют неявно в индивидуальном сознании. Человек живет во времени и, как мы сказали, имеет определенное чувство временной ориентации. Он находится в определенном месте в пространстве, и вполне возможно, что все ощущения имеют пространственный аспект³. У него есть чувство подобия. Схожие представления притягивают друг друга и объединяются, а новое представление, образованное их объединением, имеет определенное качество. Мы также ощущаем некоторую закономерность в порядке последовательности явлений; даже животное неспособно на это. Но все эти отношения являются личными для индивида,

¹[Lucien] Levy-Bruhl, *Les Fonctions mentales dans les sociétés inférieures*. Paris, E. Akan, 1910. P. 131–138.

²Ibid.

³James. *Principles of Psychology*. Vol. I. P. 134.

который вовлечен в них, и, следовательно, понятие, которое он может получить от них, ни в коем случае не может выходить за пределы его узкого горизонта. Общие образы, которые формируются в нашем сознании через сближение схожих образов, репрезентируют только те объекты, которые мы воспринимали непосредственно, в них нет ничего, что могло бы дать нам идею класса, т. е. рамку, способную охватить целую группу всех возможных объектов, которые отвечают одному и тому же критерию. Нам все же нужно было заранее обладать идеей о группе, идеей, для которой простого развертывания нашей внутренней жизни не может быть достаточно, чтобы пробудиться в нас. Прежде всего, нет индивидуального опыта, независимо от того, насколько он широк или длителен, что может заставить нас даже предположить существование целого рода, охватывающего универсальность существ, и в котором другие роды будут представлять собой только виды, координируемые друг другом или подчиненные друг другу. Это понятие целого, лежащее в основе приведенных нами классификаций, не может прийти к нам от индивида самого по себе, который является лишь частью целого и никогда не соприкасается с более чем бесконечно малой частью реальности. И все же, возможно, нет более фундаментальной категории. Поскольку роль категорий состоит в том, чтобы охватить все другие понятия, категория *par excellence* действительно была бы концепцией тотальности. Теоретики познания обычно постулируют тотальность, как будто она самоочевидна, но на самом деле она выходит за пределы содержания каждого индивидуального сознания.

По тем же причинам пространство, которое мы знаем посредством своих чувств, в центре которого мы находимся и где все упорядочено по отношению к нам, не может быть пространством в целом, которое содержит все отдельные пространства и в котором эти отдельные пространства координируются в отношении безличных контрольных точек, общих для всех людей. Точно так же конкретная продолжительность, которую мы чувствуем протекающей внутри нас и вместе с нами, никогда не могла дать нам идею времени в целом. Первое время выражает только ритм нашей индивидуальной жизни; второе время должно соответствовать ритму жизни, не относящемуся к какому-либо конкретному человеку, но то, в котором участвуют все¹. Таким же образом закономерности, которые мы можем воспринимать так, как наши ощущения следуют друг за другом, могут иметь для нас высокую ценность.

¹О пространстве и времени часто говорят так, словно бы они были только конкретными расширением и продолжительностью, как может воспринять их индивидуальное сознание, но обнищавшие посредством абстракции. На самом деле они являются представлениями совершенно другого вида, построены из разных элементов, следуют совсем другому плану и имеют разные цели.

²По всей вероятности, понятия тотальности, общества и божества суть лишь различные аспекты одной и той же идеи.

³См.: *Classifications primitives* [Emile Durkheim, «De Quelques formes primitives de classification» AS. Vol. VI. 1903. P. 40ff.

Они объясняют, почему мы склонны ждать второе явление, когда нам передается первое из двух явлений, постоянное соединение которых мы испытывали. Но это состояние личного ожидания не может быть ассимилировано концепцией универсального порядка последовательности, который навязал себя всем умам и событиям.

Поскольку мир, выраженный всей системой понятий, – это мир, который общество понимает, только общество может предоставить нам самые общие понятия, в терминах которых должен быть понят этот мир. Только субъект, охватывающий каждого индивидуального субъекта, обладает способностью охватить такой объект. Поскольку Вселенная существует только в той мере, в какой осмысливается и поскольку она осмысливается в своей полноте только обществом, она занимает свое место в обществе, становится элементом внутренней жизни общества и, таким образом, сама по себе является совокупным родом, вне которого ничего не существует. Понятие тотальности – это понятие общества в абстрактной форме. Это целое, которое включает в себя все вещи, верховный класс, который содержит все другие классы. Таков основополагающий принцип, на котором покоятся те примитивные классификации, которые классифицируют существ всех царств, в том же праве, что и людей². Но если мир находится в обществе, пространство, которое занимает общество, сливается с пространством в единое целое. Каждая вещь имеет свое место в социальном пространстве. То, что раскрывает степень отличия общего пространства от тех конкретных пространств, которые наши чувства заставляют нас воспринимать, свидетельствует о том, что локализация идеальна и никоим образом не напоминает то, что могло бы быть, если бы она была продиктована нам чувственным опытом³. По той же причине ритм коллективной жизни управляет различными ритмами всех элементарных жизней, результатом которых он является; следовательно, время, которое выражает его, регулирует и содержит все отдельные времена. Это время в целом.

В течение долгого времени история мира была лишь другим аспектом истории общества. Одно начинается с другого, мировые периоды определяются периодами общества. Измерение этой безличной и глобальной продолжительности и установление контрольных точек, по отношению к которым оно разделено и организовано, – это общественные движения концентрации/рассеивания или, в более общем смысле, периодическая потребность

в коллективном обновлении. Если эти критические моменты чаще всего привязаны к некоторому физическому явлению, например к регулярному появлению определенной звезды или чередованию сезонов, это потому, что объективные признаки необходимы, чтобы сделать эту, по существу, социальную организацию осязаемой для всех. Точно так же причинно-следственная связь становится независимой от любого индивидуального сознания с того момента, когда она коллективно устанавливается группой, она парит выше всех отдельных умов и событий. Это закон, имеющий безличную достоверность. Мы показали, что закон причинности, похоже, родился именно таким образом.

Есть еще одна причина, по которой составляющие элементы категорий должны быть взяты из общественной жизни: отношения, которые они выражают, не могут стать сознательными отношениями кроме как внутри общества и посредством его. Даже если они в каком-то смысле имманентны жизни индивида, у последнего не было ни причин, ни средств осознать их, размышлять о них, сделать их ясными и облачить в рамки отдельных понятий. Ориентируя свое индивидуальное «я» в пространстве и зная, в какое время удовлетворять различные физические потребности, человек не нуждался бы в концептуальном представлении времени или пространства раз и навсегда. Многие животные знают, как найти путь назад к тропам, ведущим к знакомым им местам, они возвращаются туда в нужное время без каких-либо категорий, т. е. ощущений достаточно, чтобы производить действия автоматически. Этого было бы достаточно и для человека, если бы его движения призваны были удовлетворять только индивидуальные потребности. Чтобы признать, что одна вещь напоминает другие, с которыми мы уже знакомы, нам не нужно располагать их в родах и видах. Того, как похожие образы вызывают друг друга и сливаются в один, достаточно, чтобы создать ощущение сходства. Дежавю не подразумевает никакой классификации. Чтобы различать те вещи, которые мы должны искать, и те, которых мы должны избегать, нам не нужно объединять эффекты обоих с их причинами логической связью, если на карту поставлена только индивидуальная выгода. Чисто эмпирические последовательности, сильные связи между конкретными представлениями – одинаково хорошие ориентиры для воли. У животного нет других ориентиров, но наша собственная индивидуальная практика довольно часто не предполагает

ничего более. Мудрый человек – тот, у кого есть четкое представление о том, что он должен делать, но что он не сможет перевести в закон.

Иначе обстоит дело с обществом. Общество возможно только в том случае, если индивиды и предметы, которые его составляют, разделяются между группами, т. е. родами¹, и эти группы сами по себе классифицированы по отношению друг к другу. Таким образом, общество предполагает сознательную организацию себя, которая является ни чем иным, как классификацией. Эта организация общества, естественно, отражается в занимаемом им пространстве. Чтобы предотвратить конфликт, определенная часть пространства должна быть предназначена для каждой отдельной группы. Другими словами, пространство должно быть дифференцировано и ориентировано, и этот порядок должен быть известен всем. Кроме того, каждый призыв к празднеству, охоте или военной экспедиции подразумевает, что даты фиксированы и согласованы и установлено общее время. Наконец, сотрудничество нескольких в достижении общей цели возможно только в том случае, если есть договоренность о связи между этой целью и средствами, которые делают ее достижение возможным, т. е. если единое отношение принимается всеми. Поэтому неудивительно, что социальное время, социальное пространство, социальный род и коллективная причинность должны быть основой соответствующих категорий, поскольку именно в их социальных формах категории были впервые задуманы с любой степенью ясности посредством человеческого сознания.

Подводя итог, можно сказать, что общество отнюдь не является нелогичным или алогичным, непоследовательным и изменчивым существом, как люди слишком часто хотят его вообразить. Напротив, коллективное сознание выступает высшей формой психической жизни, поскольку является сознанием сознания. Будучи вне индивидуальных и локальных обстоятельств, коллективное сознание видит предметы только в их постоянном и фундаментальном аспектах², кристаллизуемых в идеях, которые могут быть переданы. Оно охватывает всю известную реальность. Вот почему оно может дать интеллекту рамки, которые применимы ко всей совокупности существ и позволяют нам формировать понятия о них. Оно не создает эти рамки искусственно, но находит их в себе, просто осознавая их. Они выражают способы бытия, которые встречаются на всех уровнях реального, но об-

¹Здесь и далее в параграфе (а также дважды ранее в этой главе) Э. Дюркгейм переходит к слову *dasse*. Поскольку английский термин «класс» может означать экономическую дифференциацию, которая вывела бы аргумент из его нынешнего контекста, мы везде использовали термин «род». Тем не менее следует учитывать то, что экономический смысл термина «класс» может добавить или отнять, например в конце последнего предложения в этом параграфе. (Примеч. К. Филдс.)

²Наблюдается сходство между этой формулировкой о коллективном сознании как «постоянном и фундаментальном» аспекте общества и аналогичной формулировкой о религии как о «фундаментальном и постоянном аспекте человечества» во введении книги. (Примеч. К. Филдс.)

наруживаются с полной ясностью только на вершине, потому что чрезвычайно сложная психическая жизнь, которая там разворачивается, требует более высокоразвитого сознания. Следовательно, приписывать социальное происхождение логическому мышлению не означает очернить его, уменьшить его ценность или свести его не более чем к системе искусственных комбинаций, но, наоборот, отнести его к причине, которая естественно подразумевает его. Разумеется, это не означает, что понятия, разработанные таким образом, могут быть непосредственно адекватны их объектам. Если общество является чем-то универсальным по сравнению с индивидом, оно по-прежнему является индивидуальностью, имеющей собственную форму и особенности; это особый субъект, который определяет то, о чем он думает. Таким образом, даже коллективные представления содержат субъективные элементы, и если они должны стать ближе к вещам, их необходимо постепенно усовершенствовать. Но несмотря на то, какими грубыми эти представления, возможно, были вначале, остается верным, что с ними появились зачатки нового способа мышления, которые человек никогда бы не взрастил в одиночку. Путь был открыт для стабильного, безличного, упорядоченного мышления, которое с этого момента должно было развивать свой собственный особый характер.

Более того, факторы, которые привели к этому развитию, по-видимому, не отличаются от тех, которые изначально вывели его вперед. Если логическое мышление все больше и больше тяготеет к субъективным и личным элементам, которые были запущены им, то причина заключается не в том, что проявились внесоциальные факторы, а в том, что постепенно развивается новый вид социальной жизни – международная жизнь, эффектом которой даже тогда была универсализация религиозных убеждений. Поскольку эта международная жизнь расширяется, расширяется и коллективный горизонт, общество больше не проявляется как целое, *par excellence*, а становится частью целого более обширного, с границами, которые неопределенны и способны изменяться бесконечно. В результате вещи больше не могут вписываться в те социальные рамки, в которых они были первоначально классифицированы; они должны быть организованы в соответствии с их собственными принципами. Таким образом, логическая организация отличает себя от социальной организации и становится автономной. Похоже, что связь, которая сначала соединяла мысли с определенными коллективными сущностями, становится все более и более отчужденной и, следовательно, становится все более безличной и универсализующей. Мысль, которая истинна и своеобразна для человека, не является

примитивно данной, но является продуктом истории, это идеальный предел, к которому мы приближаемся, но которого, по всей вероятности, никогда не достигнем.

Таким образом, подобная антиномия, которая так часто принималась между наукой, с одной стороны, религией и моралью, с другой стороны, далека от этого. На самом деле эти разные способы человеческой деятельности происходят от одного и того же источника. И. Кант хорошо понимал это, потому что считал, что спекулятивный разум и практический разум – это два разных аспекта одной и той же способности. По его словам, их объединяет ориентация на универсальность. Думать рационально – значит думать в соответствии с законами, которые являются самоочевидными для всех разумных существ; действовать морально – значит действовать согласно максимам, которые могут быть расширены без противоречия на все воли. Другими словами, как наука, так и мораль подразумевают, что человек способен подняться выше своей собственной точки зрения и участвовать в безличной жизни. И действительно, здесь мы, несомненно, имеем черту, которая является общей для всех высших форм мысли и действий. Но то, что не объясняет кантианство, так это то, где возникает противоречие, которое воплощает в себе человек. Почему он должен совершать насилие над собой, чтобы выйти за рамки своей индивидуальной природы, и наоборот, почему безличный закон ослабевает, когда он становится воплощенным в людях? Будет ли сказано, что существуют два антагонистических мира, в которых мы одинаково принимаем участие: с одной стороны, мир материи и смысла, а с другой – чистый и безличный разум? Но это означает повторить вопрос в терминах, которые едва ли отличаются друг от друга: поскольку речь идет именно о том, чтобы понять, почему мы должны¹ вести эти две жизни одновременно. Два мира, кажется, противоречат друг другу, почему же они не останутся отделенными друг от друга и что делает необходимым их взаимопроникновение, несмотря на их антагонизм? Гипотеза о *Падении* со всеми вытекающими из этого трудностями является единственным объяснением той исключительной необходимости, которая когда-либо была предложена, и здесь нет надобности ее излагать.

Тайна рассеивается, когда мы признаем, что безличный разум – это коллективное мышление, названное по-другому. Коллективное мышление возможно только через сближение людей, следовательно, оно предполагает отдельных людей и они, в свою очередь, предполагают его, потому что не могут поддерживать себя, кроме как в совокупности. Царство безличных целей и истин не может быть реализовано кроме как через сотрудничество

¹Во втором издании указано *fl nous fait instead of il nous faut*. Это, безусловно, типографская ошибка. (Примеч. К. Филдс.)

индивидуальной воли и чувств; причины, по которым они участвуют, и причины, по которым они сотрудничают, одинаковы. Короче говоря, в нас есть что-то безличное, так как в нас есть что-то социальное, и поскольку социальная жизнь охватывает как представления, так и практики, эта безличность распространяется вполне естественно на идеи, а также на действия.

Некоторые, возможно, удивятся, увидев, что мы соединяем высшие формы человеческого разума с обществом. Причина кажется довольно скромной по сравнению с тем значением, которое мы приписываем эффекту. Столь же велика дистанция между миром чувств и appetitов, с одной стороны, и миром разума и морали, с другой стороны, что, кажется, второе могло быть добавлено к первому только актом творения. Но приписывать обществу эту доминирующую роль в происхождении нашей природы не значит отрицать это творение. Общество действительно имеет в своем распоряжении творческую силу, с которой не может сравниться ни одно наблюдаемое существо. Каждое творение, если оно не является мистической процедурой, которая ускользает от науки и интеллекта, на самом деле результат синтеза. Если синтезы конкретных представлений, происходящих в каждом отдельном сознании, уже сами по себе являются создающими новое, насколько эффективнее должны быть общества – эти обширные синтезы всех сознаний! Общество – это самая мощная «коллекция» физических и моральных сил, которые мы можем наблюдать в природе. Такие богатства различных материалов, столь высококонцентрированных, нигде больше не встречаются. Поэтому неудивительно, что из них развивается высшая жизнь, жизнь, которая действует на элементы, из которых она соз-

дана, тем самым преобразуя и возвышая их до высшей формы жизни.

Таким образом, призвание социологии заключается в том, чтобы открыть новый путь к науке о человеке. До сих пор мы стояли перед этими альтернативами: либо объяснять высшие и конкретные способности человека, связывая их с низшими формами бытия – разум с чувствами, ум с материей, – что сводилось к отрицанию их специфичности; или связывая их с некоторой реальностью над опытом, которую мы постулировали, но чье существование не может быть обнаружено. То, что помещало ум в эту трудность, состоит в том, что индивидуум был принят как *finis naturae*¹. Казалось, что за ним ничего не было, по крайней мере ничего, что наука могла бы обнаружить. Но новый способ объяснить человека становится возможным, как только мы признаем, что над индивидом существует общество, а общество – это система активных сил, не номинальное существо и не создание ума. Чтобы сохранить отличительные атрибуты человека, больше не нужно размещать их вне опыта. Прежде чем очертить столь радикальный вывод, лучше выяснить, может ли то, что находится в индивиде, не превосходит его, не прийти к нему из этой сверхчеловеческой, но конкретно переживаемой реальности, которая является обществом. Разумеется, в настоящий момент нельзя сказать, насколько эти объяснения могут быть расширены и могут ли они решить любую проблему. В равной степени, однако, невозможно заранее указать предел, за который они не могут выйти. Что нужно сделать, так это опробовать гипотезу и проверить ее как можно скорее с помощью фактов. Это то, что мы попытались сделать.

¹Кульминация природы. (Примеч. К. Филдс.)

«ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ПРИВИВКИ» И НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ XVII–XIX ВЕКОВ: ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ МЕДИЦИНЫ

«PARADIGMAL INOCULATIONS» AND SCIENTIFIC REVOLUTIONS OF XVII–XIX CENTURIES: HISTORY AND PHILOSOPHY OF MEDICINE

Рецензируемая монография (Стёпин В. С., Сточик А. М., Затравкин С. Н. История и философия медицины. Научные революции XVII–XIX веков. М. : Академический проект, 2017. 236 с.) известных ученых во многом уникальна: объединились специалисты разных отраслей знания. Академик Вячеслав Семенович Стёпин – известный российский фи-

лософ, имеет один из самых высоких рейтингов цитирования среди российских обществоведов, его труды переведены на основные языки мира, многие из полученных В. С. Стёпиным научных результатов коллеги оценивают как значимые открытия, формирующие новые подходы и направления в современной философии. Для академика Андрея Михайловича Сточика (1939–2015), энциклопедиста, известного специалиста в области истории медицины, издателя, эта книга стала последней крупной научной работой. Сергей Наркизович Затравкин – ученик А. М. Сточика, продолжатель его дела, доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделом истории медицины Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н. А. Се-

машко. Сплав интеллекта ученых разных наук позволил успешно реконструировать изменения парадигм и междисциплинарных трансплантаций методологических практик как истоков научных революций в историческом развитии медицины.

Методология столь сложного исследования основывалась на разработанной В. С. Стёпиным концепции структуры и динамики научного знания как социально детерминированной, исторически развивающейся системы. Эта концепция в основных чертах была сформулирована им еще в период научной и преподавательской деятельности в Белорусском государственном университете. Она была апробирована на материале истории классической и неклассической физики, а затем истории химии, биологии, технических и социально-гуманитарных наук.

Важным аспектом данной концепции являлись представления о научных революциях как закономерном этапе развития научного знания. Как известно, в западной философии науки на эту тему наибольшую популярность приобрели исследования Т. Куна, в которых на основе принятой парадигмы (нормальная наука по Т. С. Куну) различались этапы роста научного знания, а также этапы научных революций, определяемые как смена парадигм. Оппоненты Т. С. Куна критиковали его за отсутствие четкого определения понятия «парадигма» и ее структуры. Хотя уже после издания своей основной книги он предложил уточнение

ключевого понятия, но задача выявить структуру парадигмы не была решена.

Она нашла свое решение в концепции В. С. Стёпина, который выделил в организации научного знания системообразующий блок – основания науки, по своим функциональным признакам соответствующие признакам парадигмы, описанным Т. С. Куном. Составляющие парадигмы в концепции В. С. Стёпина были определены иначе. Основания науки в качестве своих компонентов включали научную картину мира, идеалы и нормы исследования, философский фундамент. Именно связи между этими компонентами и определяют структуру парадигмы.

С позиций этого подхода в анализе механизмов научных революций были получены новые результаты. Кроме прослеженных Т. С. Куном внутридисциплинарных процессов, связанных с накоплением аномалий и кризисов, был выделен еще один не описанный им тип научной революции. Он связан с междисциплинарными взаимодействиями, основанными на трансплантациях парадигмальных идей и принципов из одной науки в другую. В. С. Стёпиным было показано, как взаимодействуют данные типы революций в историческом развитии науки. Этот методологический инструмент открывал новые возможности анализа истории науки и был успешно применен при исследовании становления и развития классической медицины XVII–XIX вв.

В рецензируемой книге показано, что исторический процесс этого развития не был линейным, связанным с постепенным приростом знаний об организме человека, его заболеваниях, методах и средствах лечения. На обширном фактическом материале доказывается, что в течение XVII в. – 70-х гг. XIX в. в европейской медицине произошли три дисциплинарные научные революции, каждая из которых привела к радикальному пересмотру представлений о фундаментальных основах жизнедеятельности, причинах и сущности болезней.

Книга выстроена логично. Введение и первая глава определяют методологический подход к анализу исторического материала, построению теоретических реконструкций, объясняющих обнаруженные исторические факты.

Во второй и третьей главах прослежено, как в XVII–XVIII вв. были пересмотрены представления греко-арабской медицины, господствовавшие на протяжении предыдущих столетий, как формировалась новая картина исследуемой реальности в медицине, основанная на принципах механического видения природы. Выявлена логика формирования новой парадигмы как трансляции в медицину представлений механики – доминирующей

области естествознания XVII–XVIII вв. – и их постоянного сопоставления с новыми фактами, возникающими из медицинских наблюдений и биомедицинских экспериментов над подопытными животными. В этих главах авторы по-новому интерпретируют уже накопленный эмпирический материал истории медицины, анализируя и логически систематизируя его с позиции представлений о «парадигмальных прививках» в медицину новой методологии научного познания, завершившихся возникновением и утверждением новой картины исследуемой реальности и формированием новых подходов к предупреждению болезней.

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает четвертая глава рецензируемой монографии. В ней авторы раскрывают содержание очередной научной революции в медицине, механизмом которой послужили две последовательные «парадигмальные прививки» из химии и биологии: влияние на медицину, во-первых, положений химической революции А. Лавуазье, во-вторых, идей и принципов клеточной теории строения живых организмов. Результатом всех этих парадигмальных трансплантаций стало то, что в картину исследуемой реальности были внесены кардинальные изменения: в сознании специалистов возникли и укрепились новые представления о принципах устройства и механизмах функционирования человеческого организма, о болезни, повсеместно были внедрены новые принципы диагностики. Все это в совокупности привело к изменению подходов к лечению и предупреждению болезней.

В заключении авторы уже в контексте проведенных исторических реконструкций намечают пути дальнейших историко-научных исследований, нацеленных на осмысление перехода от классической медицины к современной и связанных с утверждением в современной медицине неклассического и постнеклассического типов научной рациональности.

В целом проведенное исследование дает новое видение развития классической медицины XVII – первой половины XIX в., акцентируя внимание на механизмах междисциплинарного взаимодействия в становлении новых теоретических идей в медицине и их влиянии на медицинскую практику.

В истории науки были разные периоды. Каждая эпоха рождала свои представления о мире, методологические и мировоззренческие установки, формы организации научного знания, которые изучает история науки. На границе XX и XXI вв. даже появились мнения о том, что наука исчерпала себя, несет отрицательный эффект

и вообще погружает человечество в глобальный хаос. Но сама жизнь всякий раз опровергала опасения пессимистов. Природная любознательность *Homo Sapiens* неистребима. И этот факт доказан историей.

Время всегда вносит свои коррективы... Современный мир, естественно, изменяет свои запросы к науке, что приводит к трансформации ее функций как социального института, существенно из-

меняет предметную область истории науки. В таких условиях историко-научные исследования, к примеру естественных наук, предстают перед нами одновременно как социально-гуманитарные исследования, где в полной мере используются достижения как философии, так и всех социально-гуманитарных наук...

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

«СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ»

«THE SLEEP OF REASON PRODUCES MONSTERS»

В последние десятилетия не умолкают споры о том, что представляет собой сегодня наше общество, куда мы идем, на что надеемся. С одной стороны, решительной поступью движется и расширяет свой ареал рыночная экономика, а значит, страна идет по пути развития капитализма. С другой – в Беларуси проводится социально ориентированная политика,

благодаря которой сохраняются принципы социальной справедливости и относительного равенства. Осмысливая балансировку общества и власти между этими двумя альтернативами, обществоведы и гуманитарии предлагают разные концептуальные построения: одни ученые считают, что главное – это развитие технологического и экономического потенциала страны; другие – призывают ничего не менять, а сохранять то, что есть; третьи – отмечают, что если и менять, то исключительно посредством осторожного реформирования; четвертые – призывают ускорить шаг на пути к классическому капитализму, более решительно побуждать население к овладению рыночными способами деятельности и сознания, вплоть до их радикальной ломки. Появляются теории, утверждающие, что можно легко изменить экономическое сознание и поведение людей волевыми решениями: достаточно объяснить всем неправильность их образа жизни и преимущества другого, капиталистического, общества для индивида и для страны в целом. И тогда, возможно, «капиталистический рай» наступит. Есть также концепции, обосновывающие идею невозможности по желанию отдельных людей, пусть даже великих личностей, и в интересах новых социальных групп произвести радикальное изменение привычных, исторически отработанных способов деятельности и сознания. Российский ученый С. Г. Кирдина, например, выдвигает теорию институциональных матриц, определяющих исторически устойчивые способы взаимодействия людей, которые обеспечивают выживание обществ, их целостность, а также непрерывность хозяйственной и политической деятельности социальных субъектов. Все эти направления научной мысли разработаны профессионалами, обоснованы историческими фактами, социологическими и статистическими данными и поэто-

му представляют собой научный фонд различных проекций настоящего и возможного будущего, истинность которых может подтвердить только общественная практика.

Рецензируемая нами книга – «Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» (Минск, 2017) – под редакцией ставшего с некоторых пор известным другой своей книгой «Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси» бывшего помощника президента К. В. Рудого также решает ряд проблем, связанных с возможностью выбора дальнейшего пути экономического роста Беларуси [1]. Пытаясь разработать и предложить свой вариант национальной идеи белорусского общества, автор утверждает, что главным фактором нестабильности белорусской экономики является неадекватная современным глобальным процессам культурная матрица, основными чертами которой является врожденная отсталость сознания и поведения соотечественников, изменив которые, можно наконец-то создать полноценное классическое капиталистическое общество. Для этого, по мнению автора, необходимо прежде всего изучить культурный код белорусов и – ни много ни мало – радикально изменить его, раскодировать, чтобы вывести экономику на траекторию роста. И, конечно, вывести не просто так, а посредством «внедрения универсальных международных ценностей (например, с помощью иностранных инвесторов, институционализации, просветительного патернализма, общественного подталкивания и так далее)» (с. 2). Это позволит, сформировав коллективное самосознание и ответственность белорусов, самостоятельно выбрать путь социально-экономического развития именно «потому, что так решили мы!». Видимо, этим можно объяснить внимание, которое автор сосредоточил в своей концепции на таких понятиях, как «ментальность», «национальный дух», «культурный код», «культурная матрица» и т. п.

Цель и задачи, конечно, благородные, но каким образом они решаются авторами книги (кроме К. В. Рудого в авторский коллектив входят несколько социологов и экономистов)? Так как заявка на разработку национальной идеи слишком серьезна и претенциозна, более того, способна при определенных условиях повлиять на ход сложившихся трендов развития Беларуси, то это обязывает рецензентов к строгому и не всегда лицеприятному анализу книги в части четкости мышления, логики изложения, точности понятийного аппарата, эмпирической достоверности и теоретической обоснованности идей. В связи с этим попытаемся

рассмотреть основные идеи и способы их доказательства внимательно и критично, как требует того научный подход.

Книгу можно разделить на две части – социогуманитарную, представляющую видение авторами реалий нашего отечества, и экономическую, обосновывающую выдвинутую К. В. Рудым стратегию экономического роста страны. Логика книги подчиняется обоснованию трех главных идей: показать с помощью собственных наблюдений и данных социологических опросов состояние культурной матрицы белорусского народа, т. е. вскрыть основные черты национального характера, мешающие более активно строить капитализм; показать, какая культурная матрица более подходит для этого; рассказать, как переломить привычные мысли и действия белорусов, встроив в них новую матрицу.

Так как идейным вдохновителем данной книги является именно К. В. Рудый, в ее анализе целесообразно апеллировать к идеям, изложенным им в первых двух главах – «Культурная матрица: немного теории и практики» и «Поведенческая экономика Беларуси» – и представляющим теоретическую основу всех последующих глав. Несмотря на кажущуюся искренность и простоту изложения, внимательное прочтение изложенных идей порождает массу вопросов как теоретического, так и методологического плана. Посмотрим, что все-таки скрывается за таинственным названием книги. Хотя она называется просто – «Потому что так решили мы: поведенческая экономика и ее раскодирование», из названия непонятно, автор так решил или читатель и что такое поведенческая экономика в авторской интерпретации. Термин «поведенческая экономика» используется в достаточно специфической области психологии человеческого поведения, связанной с выяснением того, какие психологические ошибки допускает человек в обмене и операциях с деньгами, как вследствие этого знания устранить их, после чего делать на этом деньги. Известные книги в этой области так и называются: *Ариели Д.* Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. М., 2013; *Талера Р.* Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать». М., 2017. В этом смысле хотелось бы заметить, что уж если автор берется трактовать социальную реальность в системе понятий и категорий определенного направления знания – психологии, то стоило быть относительно последовательным в их использовании. Но автор, рассуждая о поведенческой экономике, делает ошибку – путает психологические основания нерационального, по его мнению, поведения белорусов с культурологическими и социальными. Причем и то, что можно назвать культурологическими основаниями,

в книге представляется не более чем суммой личных впечатлений и предпочтений автора. Это уже другая сфера, а вовсе не поведенческая экономика. На самом деле в книге идет речь о социально-экономическом поведении белорусов: их отношении к собственности, рыночным отношениям, предпринимательству, деньгам, труду, накопительству и др. Уже не одно десятилетие изучают эту тему экономисты и социологи. Автор же, используя принципы и закономерности, утверждаемые поведенческой экономикой, на материале не психологии человека, а социологии и культурологии приходит к совершенно нерелевантным выводам.

Не меньшей загадкой выступает понятие раскодирования, являющееся ключевым в обосновании авторской концепции. Что же такое раскодирование? Если бы автор полагал, что экономическое поведение людей есть нечто вроде сказочной спящей красавицы, которую пробуждает некий герой, то можно было бы понять его озабоченность и старания пробудить от «спячки» белорусов. Но, как видно из дальнейших рассуждений автора, раскодирование белорусского народа (фраза нелепа сама по себе) означает его отказ от своей самости, системы ценностей и социальной субъектности, а по существу, от культурного суверенитета в пользу принятия иных, совершенно чуждых национальному характеру и культуре принципов и норм жизнеустройства, ценностей и идеалов, но, по мнению К. В. Рудого, наиболее эффективных в современных условиях. Эти кажущиеся новыми идеи книги на самом деле представляют собой многократно повторенные и давно уже неоригинальные идеи либерально ориентированных экономистов: белорусский народ и власть неспособны мыслить и действовать так, как принято в развитых странах. Уж слишком люди *памяркоўныя*, ленивые и безответственные, а политика власти – директивная и патерналистская! С такой политикой и такой властью экономического роста не добьешься! Соответственно, у К. В. Рудого, как и у всех сторонников современных либеральных представлений, один диагноз и один способ выхода из социальной спячки: не изменения в материальной жизни общества и практические действия в сфере экономики и культуры, а «создание понятного и благоприятного климата, прежде всего для иностранных инвесторов». Именно иностранные инвесторы – спасители страны (они уже «спасли» Украину!) служат, по мнению автора, механизмом по передаче не только денег, технологий и опыта, но и главного – универсальных международных ценностей (с. 15). Эти ценности позволят трансформировать аборигенную экономику и национальные модели поведения, выявить преимущества, сформировать черты, необходимые для преобразования поведенческой экономики в классическую.

Так в книге появляется понятие культурной матрицы и начинается путаница, которую не спасает даже междисциплинарный подход. Легкость мышления и необремененность категориальной ответственностью приводят автора к смешению понятий, противоречиям и туманным, малопонятным текстам. Он рассуждает о матрице то как о габитусе (П. Бурдьё) – коллективном программировании мышления и поведения, то как о национальном характере, то как об общих для группы людей ценностях, привычках, нормах, правилах, поведенческих практиках, стереотипах, культурных смыслах, то как о менталитете. Можно лишь догадываться, о чем говорит автор. Но чем дальше, тем туманнее. Для характеристики культурной матрицы автор неожиданно обращается к нейрофизиологии, помещая матрицу в лимбическую часть мозга (где находятся еще две – рептильная и когнитивная!) – все это не более чем дурно понятые выводы из нейропсихологических МРТ-исследований, где автор опять же путает нейропсихологические реакции с социально-психологической и социокультурной обусловленностью поведения людей. Так как на уровне психологии культурная матрица изучается, по мнению К. В. Рудого, как элемент бессознательного поведения человека, то бессознательная культурная матрица срабатывает, когда информации больше, чем возможности ее осмыслить, и человек пытается подогнать реальность под свои привычки, нормы и стереотипы. Тем самым человек ведет себя иррационально и «ходит по кругу» (с. 25). Почему «бессознательно» – обязательно «иррационально», понятно только автору этих строк. И почему культурная матрица, которую автор относит к некоей «коллективной бессознательной этничности», т. е. ментальности, исключительно «формируется под влиянием повседневности и бессознательно обучает человека, “что такое хорошо” и “что такое плохо»» (с. 26). Спрашивается, а разве книги, театр и кино, просто дидактика по отношению к научаемому, где прямым текстом и вполне осознанно и рационально объясняется, что такое хорошо, а что такое плохо, не обучают человека? А культурный опыт других стран и народов? Разве не формируют нашу ментальность, т. е., учат нас тому, что такое хорошо и что такое плохо, сонеты В. Шекспира, романы Л. Толстого, Дж. Лондона и др.?

Но вершиной «научного» теоретизирования и словесной эквилибристики является характеристика автором культурной матрицы как предмета исследования других социально-гуманитарных наук. Дословно: «В социологии, социальной психологии культурная матрица рассматривается с точки зрения, как соприкасаются ментальности индивидуумов и складываются общественные ориентиры» (с. 26). Полная неразбериха начина-

ется и тогда, когда автор приступает к анализу культурной матрицы в политологии: «В политологии культурная матрица чаще всего встречается в исследованиях, посвященных неформальным институтам, национализму, авторитаризму. При институциональной неразвитости, низком уровне доверия к государству и обществу повышается ценность родственных, дружественных, неформальных, традиционных связей, социального капитала. В таких условиях культурная матрица становится определяющей в поведении. На этой почве проявляется национализм, популизм и авторитаризм. Они противопоставляются мультикультурности, рационализму и демократии» (с. 27). Во-первых, автор, видимо, так увлекся, что не заметил, что это понятие встречается в совершенно разных исследованиях. Во-вторых, данное утверждение противоречит высказанной ранее точке зрения, согласно которой культурная матрица определяет поведение независимо от «доверия государству» и иных факторов. На самом же деле в ситуации институциональной неразвитости, происходящей, как правило, либо вследствие революционных социальных изменений, либо заимствований, когда происходит «переборка» вариантов социальных институтов, на определенном этапе еще недостаточно развитых, культурная матрица в меньшей степени воздействует на людей, ибо поддерживается главным образом социальными организациями, которые могут карать и награждать только по формальным основаниям. Заявление о том, что в политологии понятие культурной матрицы объясняет природу неформальных институтов, национализма и авторитаризма, заводит автора в еще более дремучие дебри: «Чем сильнее укоренилась в обществе культурная матрица, тем сложнее воспринять другие культуры и тем медленнее движение общества к демократии» (с. 27). К. В. Рудый, наверное, совсем забыл, а может быть, и не знал, что противоположностью «укорененности в культурной матрице» является аномия (Э. Дюркгейм; Р. К. Мертон), т. е. состояние беззакония, «безнормности», обуславливающее рост отклоняющегося поведения (суицидальные настроения, апатия, разочарование, противоправное поведение). То, что именно оно, по мнению автора, является дорогой к демократии, весьма дурно характеризует последнюю. При этом автор постоянно противоречит себе. То культурная матрица является тормозом развития личности, общества и экономики (с. 27), то вдруг она из тормоза превращается в гибкую систему: «С учетом своей открытости культурная матрица постоянно рефлексивирует и адаптируется, поэтому является непредсказуемой. Она может изменить структуру своих субъектов, веса ценностей в системе» (с. 29).

Создается впечатление, что книга, особенно первая и вторая главы, выражают скорее верования,

субъективные предпочтения и фантазии автора, чем его научные суждения. Говоря о возможности отсутствия у власти в периоды кризисов воли к политике экономического роста, К. В. Рудый пишет: «Однако в связи с тем, что политическая воля проявляется под влиянием не экономических, а политических, социокультурных факторов, она может оказаться в ловушке культурной матрицы. Чем ближе политики к культурной матрице, тем лучше они воспринимаются и поддерживаются населением и тем сложнее выйти из нее, чтобы снять культурные барьеры для роста экономики» (с. 28). В частности, он говорит: «Во многом поэтому популярные лидеры (популисты, демагоги, националисты) часто остаются на долгое время в коллективной памяти, хотя, как правило, доводят свои страны до экономической катастрофы (например, И. В. Сталин)». К. В. Рудый, видимо, забыл, что И. В. Сталин, при всех его недостатках, довел страну до состояния динамично развивающейся сверхдержавы, второго мирового полюса. При этом есть множество непопулярных лидеров, которые довели свои страны до экономической катастрофы. В истории известно немало популярных лидеров, чье правление было вполне успешным для страны. Более того, популярные лидеры далеко не всегда являются популистами, демагогами и националистами. Например, И. В. Сталин и А. Линкольн такими не являлись. Так что никакой прямой связи между популярностью, успехами/неуспехами, популизмом и национализмом нет. А нечеткость понятийного аппарата у автора просматривается вполне определенно.

Странен способ обоснования автором теоретических рассуждений эмпирическими данными, в частности социологическими. Так, заявляя о прямой связи между институциональной неразвитостью, низким уровнем доверия к государству и обществу и повышением ценности родственных, дружественных, неформальных, традиционных связей, социального капитала и не найдя ей эмпирического подтверждения, К. В. Рудый интерпретирует ее в угоду своей концепции, что методологически совершенно недопустимо. Так, в характеристике культурной матрицы белорусов появляются такие негативные черты, как семейственность, двойственность сознания и поведения, патернализм и др. Откуда автор взял данные, например, о семейственности? Оказывается, что данные социологического опроса Института социологии НАН о том, что для большинства белорусов основной жизненной ценностью является семья, К. В. Рудый, не мудрствуя лукаво, интерпретировал как проявление семейственности, благодаря которой, по его мнению, «воспитывается коллективизм и противопоставление “мы против них”» (с. 30). Но любой образованный человек знает, что смысл по-

нятия семейственности в общественном сознании заключается в злоупотреблении служебным положением ради интересов семьи, продвижении родственников в ущерб меритократическим принципам т. п., а вовсе не в признании семьи важной жизненной ценностью. Так можно ли серьезно относиться к этим и другим «открытиям» К. В. Рудого в характеристике белорусов, воплощенной в так называемой культурной матрице?

Различая культурные матрицы по масштабности (глобальная, региональная и др.), автор заявляет: «Региональная матрица может подавлять национальные. Например, такой была советская матрица. После распада СССР казалось, что произойдет региональное раскодирование, возродятся национальные матрицы. Спустя 25 лет очевидно, что региональная матрица для ряда постсоветских стран не исчезла, а трансформировалась» (с. 31). Такое суждение заставляет нас предположить, что автор считает, будто нации имеют премордиальный характер. Тем самым он демонстрирует себя как весьма экстремальный националист, что на фоне его антинационалистических высказываний производит странное впечатление. Впрочем, автор, скорее, попросту не понимает того, о чем пишет. В частности, говоря, что «действительными примерами глобальной мультикультурной матрицы можно назвать из прошлого Венецию и Геную» (с. 31–32), он забывает, что первая глобализация как эпоха обозначается в науке с 1870 г. до начала Первой мировой войны. Расцвет же и Венеции, и Генуи пришелся на XIV–XVI вв. Спрашивается: какое отношение имеет позднесредневековая культура североитальянских городов к глобализации, которая якобы «мультикультурна и проповедует универсальные ценности: открытость, прозрачность, толерантность, плюрализм и прочее»? Напротив, итальянская культура позднего Средневековья была вовсе не открыта, не толерантна и не плюралистична, даже в сравнении с культурами некоторых других европейских народов.

Нужно сказать, что, для того чтобы доказать идею о том, что пресловутое раскодирование белорусского общества (в смысле отказа от своей культуры, ценностей и образа жизни) есть единственное спасение для страны и ее экономики и основным фактором этого выступает открытость страны для иностранного инвестирования, К. В. Рудый идет на все: в книге наблюдаются неадекватные интерпретации не только социологических данных, но и исторических событий. Например, говоря о Швеции, автор пишет: «До открытости и реформ, проведенных министром финансов И. Грипеншдетом в 1860-х гг., это была бедная страна не только по европейским меркам, но даже беднее Конго. Лишь после раскодирования, открытия страны и ее экономики в Швеции наступила продолжающаяся

до сих пор так называемая эпоха “100 лет роста» (с. 36). Автор этих строк вряд ли знает, что Швеция, которая до Северной войны с Россией была могучей североевропейской империей, конечно, обеднела по результатам многолетней войны и поражения в ней, но исторически быстро пришла в норму, понятно, не будучи уже империей. Ее преуспевание начинается с 1920–30-х гг., когда усилился английский (в первую очередь, но не только) спрос на шведское железо. Производство железа обусловило рост производства железных изделий внутри Швеции, что привело к укрупнению сельского хозяйства и увеличило его производительность. Эти факторы плюс демографический рост привели к переизбытку населения, его миграции в города и росту промышленности. К 1960-м гг. промышленная буржуазия усилилась настолько, что смогла побороть старую, полуфеодальную земельную аристократию, а значимым результатом этой борьбы стали реформы в экономике и властных институтах. Причем тут пресловутое раскодирование, совершенно непонятно? Причиной реформ стало не какое-то нелепое раскодирование, а социально-экономические изменения. То же – с Аргентиной. К. В. Рудый пишет: «В 1870–1914 годах у Аргентины был самый высокий прирост ВВП в мире – порядка 6 % в год, что было обусловлено открытостью ее экономики, миграцией трудовых ресурсов из Италии, притоком иностранных инвестиций, экспортом говядины и пшеницы. К 1914 году Аргентина входила в десятку богатейших стран мира, опережая Германию и Францию. Ситуация изменилась после введения защиты национальных ценностей, импортозамещения, ограничений по движению капитала, усиления государственного контроля. Это привело к столетнему отставанию Аргентины» (с. 36). Во-первых, политика импортозамещения была вынужденной. Проблема аргентинской экономики заключалась в ее сельскохозяйственном характере, и уже в 1920-е гг. стало очевидным, что факторы роста исчерпаны, а глобальный кризис 1929 г. нанес удар в первую очередь по сырьевым экономикам. Политика импортозамещения была попыткой индустриализации страны и перевода экономического роста на другие рельсы. Именно импортозамещение, согласно предположениям реформаторов, должно было эволюционировать в промышленный экспорт. Но поскольку рынков сбыта Аргентине никто не уступил – из-за них шли мировые войны, все закончилось так, как закончилось. Любопытно, почему автор не стал рассказывать об Аргентине конца XX в. – любимом детище МВФ? О том, как страна, исполняя все рекомендации МВФ, т. е. делая, по сути, все, к чему призывает автор, с треском обанкротилась, как только после десятилетий роста в мировой экономике ударил кризис?

Пример же Японии, который также приводит автор, вовсе нелеп, ибо апеллировать к открытости

государства во второй половине XIX в., сравнивая эту открытость с открытой экономикой в современных экономических теориях, не научно, поскольку это совершенно несравнимые вещи. Кроме того, автор умалчивает о том, что японская экономика весь XX в. и сегодня отличается крайне закрытым характером: иностранный бизнес там практически, за редкими исключениями, не в состоянии работать. Пример Японии очень полезен и для того, чтобы понимать всю нелепость идей перекодирования целых народов. Если обратиться к 1950-м гг., можно видеть, что все западные экономисты и промышленники были уверены в неспособности японцев к промышленному производству. Например, газета *The Times* отмечает: «в 1981 году в Лондоне был опубликован отчет делегации английских бизнесменов и экономистов, скрупулезно изучавших промышленное производство в Японии. В отчете указывалось, что совсем недавно на Западе смутно представляли себе, что делается в японских фирмах. Американцы, например, были твердо убеждены в том, что японские фирмы управляются несведущими в теории менеджмента людьми, которые только тем и занимаются, что неотступно следят за работой своих слабоквалифицированных соотечественников, вручную копирующих изделия американского массового производства. Но вот когда в 70-х годах в американских портах стали ежедневно разгружать по 5–6 тысяч первоклассных автомобилей, мнения резко изменились» [2–4].

Под идеологию открытости и мирового разделения труда идеологи либерализма в послевоенной Японии требовали встраивания японской экономики в мировую в виде придатка, где основными отраслями были бы сельское хозяйство и рыбная ловля с переработкой. Тогда и в Японии бродили идеи, как изменить японский характер и стать похожими на американцев. Сейчас об этом вспомнить попросту смешно. Но тогда либерально настроенные политики и интеллигенция, например Х. Ичимада, управляющий банком Японии, заявляли: «Развитие автомобильной промышленности в Японии является бессмысленным. Наступило время международного разделения труда. Сейчас, когда мы можем получать недорогие автомобили превосходного качества из США, почему бы нам в этом на них не положиться?» [5]. Ничего эти слова не напоминают?

С чего же началось японское экономическое чудо? С того, что в Японии в 1950-е гг. были очень влиятельны коммунистические идеи и наблюдалось сильное социальное напряжение. Американцы, убежденные в том, что согласно распространенной теории домино они могут потерять Японию, решили поддержать японскую экономику и открыли японцам свои рынки. Вот, собственно, и все. Никакого перекодирования не понадобилось. Более того, знаменитый японский менеджмент не изменил

свою утрированно национальную природу. Те самые качества, которые еще недавно, как казалось японским политикам, мешали экономическому развитию, сделали важнейшим фактором успеха.

В общем, обсуждать все примеры, что приводит автор, не стоит. Обилие необоснованных утверждений слишком велико, и нет необходимости тратить время на их подробный анализ. Стоит обратить внимание лишь на принципиальные вопросы. Так, автор, критикуя государственный протекционизм, приводит в пример страны, которые добились успеха в ситуации экономической открытости. Даже закрывая глаза на неточности, необходимо заметить, что с точки зрения логики такое обоснование ошибочно. Дело в том, что можно привести в пример множество стран с открытой экономикой, которые не добились никаких успехов. Например, Гаити имеет одно из самых свободных экономических законодательств и при этом является одной из самых нищих латиноамериканских стран. И таких государств немало. При этом в истории немало стран, где именно протекционизм привел к успехам. Еще Д. И. Менделев в 1897 г. писал Николаю II «о покровительственной системе»: «Если же Англия лет 50 фритредерствует в наше время, то нельзя забыть, что лет 200 в ней действовал усиленный протекционизм, начало которому положено навигационным актом (1651), что она и поныне превосходит другие страны промышленно-торговым развитием, выросшим на почве протекционизма» [6].

Также можно привести в пример Германию конца XIX в., где политика протекционизма была вполне успешной и полезной для развития германской промышленности. Про Японию уже шла речь, причем протекционизм там осуществлялся не законодательно, а в результате действия негласных механизмов, связывающих японский бизнес и власть. То есть на самом деле, если не ударяться в нездоровую фиксацию на проблемах открытости/протекционизма, можно сказать, что вовсе не этот фактор является основным для экономического роста. И именно разнообразие примеров из реальной жизни это подтверждает.

Анализировать главу, посвященную культурному коду белорусов, довольно сложно, ибо она вся пронизана негативизмом по отношению к национальным особенностям белорусского народа. При этом она не является научной ни по форме, ни по содержанию. То есть в ней нет ни четких определений, ни описания методик, с помощью которых получены умозаключения. Только личные мнения и фантазии автора. Суть утверждений автора заключается в том, что белорусский культурный код бесповоротно испорчен русским (советским) кодом. Вот основные черты этого «вредоносного» кода:

1. «Замещение индивидуального “я” государственным “мы”. При этом государственное “мы”

не означает общественное и не означает совокупность индивидуальных. Государственное – это что-то идеологическое и символическое. Такой религиозный подход, с одной стороны, порождает фанатизм, гигантоманию, масштабное мышление, ориентацию на империю и самодержавие (что еще в большей степени выражено у россиян)» (с. 39–40).

2. Ориентация на систему запретов, а не на мотивацию к достижениям. «В СССР не были развиты механизмы стимулирования и конкуренции людей и лидерства. В советском человеке, скорее, наблюдалось приспособление к репрессивному режиму с ориентиром на упрощение. Поэтому, вероятно, главной его характеристикой была установка на выживание. В связи с этим советский человек выглядит довольно циничным, лицемерным, беспринципным, не верящим власти и озабоченным только вопросами выживания и благополучия своей семьи и близких (автор приводит в качестве подтверждения высказывание Левады). В нем ярко выражено “плутовство лакея”, одновременно покорность с услужливостью и невежество с хамством. С помощью этих черт он не просто демонстрирует примитивную лояльность, но и делает это, играя прежде всего себе на пользу <...>. Это отражается и на его внешнем виде. Американский финансист М. Льюис заметил, что, вероятно, из-за коммунистического наследия, например, восточные немцы сутулятся, а западные – более гордые и стоят прямо» (с. 40).

3. «Модель тактического, а не стратегического мышления и поведения. В советский период длительная идеологическая абстракция привела к низкой чувствительности общества к долгосрочным планам и стратегиям. В таких условиях сформировалась общественная склонность к конкретным и быстрым результатам. Это выражается в таких характеристиках современных белорусов, как активность ради активности, поиск решений и сатисфакция обозримыми вещами, краткосрочный горизонт планирования, низкая склонность к инвестированию, замещаемая высокой склонностью к потреблению и прочее» (с. 40–41).

4. «Если еще глубже взглядываться в темноту советского коммунизма, то виднеются леденящие душу сходства с крайними формами идеологии прошлого века – итальянским фашизмом и немецким нацизмом», – резюмирует автор (с. 41).

Можно ли сколь-нибудь серьезно обсуждать этот набор мифологических нелепиц в адрес белорусов, русских и вообще советских людей? Вместо аргументации автор заявляет, что «дальнейшее углубление в историю для изучения белорусской матрицы имеет невысокую практическую ценность в рамках данного исследования...» (с. 42), и продолжает рассуждать, используя собственные идеи как твердую почву для аргументации. А зря. Ведь изучение истории СССР могло бы показать ему, что именно за счет длинных стратегий советская власть

не только возродила страну после краха 1917 г., но и смогла превратить ее во второй полюс мира. Напротив, как оказалось, именно капитализм по своему существу имеет крайне ограниченный горизонт планирования, связанный с тем, что единственной целью капиталистического хозяйствования является получение прибыли, что в условиях сравнительно высокой волатильности современных рынков закрывает возможность осуществления по-настоящему долгосрочных инвестиций. Также высокую роль в этом играет цена денег: чем она выше, тем короче шаг до фиксации прибыли. В Беларуси цена денег очень высока. Именно этот фактор, а не мифические коды заставляют вести бизнес определенным образом, отказываясь от долгосрочных финансовых вложений. А уж рассуждения насчет сторбленных восточных немцев и вовсе не могут вызвать ничего, кроме усмешки. Во-первых, потому, что бытовые замечания какого-то американца (не ученого) не могут быть основанием для выводов научного характера, а во-вторых, даже если предположить, что наблюдения адекватны реальности, им можно найти множество куда более правдоподобных объяснений. Например, что уровень безработицы в Восточной Германии после объединения еще долго был существенно выше, чем в Германии, а восточные немцы, воспитанные в социалистической ГДР, где о безработице и не слышали, самим фактом безработицы были угнетены и подавлены.

Постоянные обвинения в сторону советской культурной традиции, которая, по мнению К. В. Рудого, очень сильна в белорусском обществе, зиждутся на необъяснимой с точки зрения здравого смысла (неумышленной, а может умышленной?) трактовке фактов. Например, автор сетует на повсеместное распространение матерной ругани (с. 46), которую сегодня можно услышать даже с экранов телевидения, из уст актеров театров, в книгах и кино, объясняя это наследием советской эпохи. Однако любой человек, который успел сознательно пожить в СССР, знает, насколько строго там табуированная лексика не допускалась в литературный язык, на телевидение и вообще в публичную сферу. Это говорит о том, что К. В. Рудый абсолютно незнаком с историей табуированной лексики в России и в мире. Иначе бы он знал, что в западных странах табуированная лексика, такая как мат, также существовала в прошлом, но в буржуазную эпоху легализовалась, потеряла запретный характер. В результате в американских фильмах мы можем услышать многочисленные *Fuck you!*, что в русском языке буквально являлось бы матерным выражением. В русскоязычном пространстве этот процесс в советскую эпоху происходил с куда меньшей интенсивностью и развернулся только после краха СССР. Таким образом, даже там, где автор пользуется сторонней научной информацией, где речь идет о количестве граждан Беларуси,

которые с определенной интенсивностью в обычной жизни и публичном пространстве слышат матерные выражения, он предлагает совершенно нелепые и тенденциозные интерпретации. Это касается также его высказывания о том, что «именно страх является ключевым мотивационным фактором советского человека и проектором белорусского общества на советское прошлое» (с. 93). На фоне этих фантазий стоит обратить внимание на мнение В. А. Ядова, который еще в 1967 г. вместе с соавторами А. Г. Здравомысловым и В. П. Рожиным провел знаменитое социологическое исследование «Человек и его работа», принесшее им мировую известность. Исследования показали, что как раз страх являлся мотивирующим моментом для советских трудящихся в наименьшей степени: советские люди были озабочены вполне понятными вещами, как то болезнями, потерей близких, угрозой войны в конце концов. Однако они решительно отличались от американских коллег отсутствием страха потерять работу, который у американцев стоял на первом месте и являлся главным мотивирующим фактором. Вот что говорит В. А. Ядов в своем интервью 2009 г.: «Верно, советские и американские равно различаются в их мотивации в зависимости от содержательности труда. С одним «но» – у американцев независимо от характера работы на первом месте – озабоченность занятостью, страх увольнения. В последней книге есть глава о постсоветской ситуации. Мой сын Коля провел исследование буквально на тех же питерских заводах и рабочих местах, где были заняты молодые сорок лет тому назад. Вывод нетрудно предугадать: сегодня мы от них не отличаемся» [7]. Кстати сказать, страха перед политическими репрессиями советские граждане 1967 г. также не продемонстрировали.

Еще одной чертой национального характера (по К. В. Рудому – культурной матрицы) белорусов, кроме семейственности и «совковости», мешающей строить классическое капиталистическое общество, согласно авторской концепции является двоемыслие: «Двоемыслие – это стержневая черта белорусов». Что имеет в виду автор под этим, совершенно непонятно. Автор поясняет свою мысль следующим образом: она наблюдается в рассуждениях, поведении, одновременном проявлении двух противоположных черт и их быстрой смене. Например, угрюмость и неулыбчивость сменяются душевной открытостью, суровость и уход в себя – обаянием и дружкой, жадность – щедростью, страх – смелостью, сдержанность – импровизацией, самокритика – завышенной самооценкой, сентиментализм – прагматизмом, коллективизм – индивидуализмом, консерватизм – либерализмом, авторитаризм – демократизмом (с. 47). Но подобные рассуждения человека, обратившегося к культурологической тематике, по меньшей мере странны. Все общества, все культуры мозаичны и многозначны.

В любой национальной культуре мы можем наблюдать проявление и даже художественное закрепление всевозможных противоположных черт. Те же немцы – и прагматики со склонностью к порядку, и непрактичные романтики: и тот и другой образы широко представлены в немецкой литературе и искусстве как типические для немецкого характера. В свое время осуществлялась попытка выявить национальные характеры разных народов по бытующим у них пословицам и поговоркам, но, как оказалось, это невозможно. У всех народов есть пословицы и поговорки практически на любой случай жизни и обосновывающие совершенно противоположные линии поведения. В общем, вся концепция двоемыслия как национальной черты белорусов совершенно не научна и надумана. Автор не знает таких вещей, которые должны быть известны каждому, кто занимается культурологической и социологической проблематикой. Например, фразы: «Коллективизм в Беларуси формируется под влиянием семейственности и советского наследия <...>. Однако порой белорусский коллективизм непредсказуемо сменяется индивидуализмом, противоречащим коллективным интересам» (с. 49) – это оксюморон. Семейственность противоположна коллективизму, ибо разделяет коллектив на семейные группы, нарушает меритократический принцип, основополагающий для коллективистских моделей современности, в том числе для коллективизма советского.

Вообще, все разговоры об индивидуализме и коллективизме слабо аргументированы. Нет ни результатов замеров, ни сравнений с показателями других стран. Разговоры о том, что индивидуализм лучше, чем коллективизм, подобны старой шутке: «Свобода лучше несвободы наличием свободы». Впрочем, вопросы соотношения коллективизма и индивидуализма в идеологии и национальной психологии на фоне успехов стран Тихоокеанского региона, Южной Кореи (да можно сказать, и Северной, ибо осилить ядерную и ракетную программу – это тоже немало), Китая и других стран представляются несколько более сложными, чем кажется автору. В общем, начиная с того, что белорусское общество – слишком коллективистское, автор заканчивает тем, что оно чересчур индивидуалистичное, причем и индивидуализм, и коллективизм белорусов какой-то неправильный. Все это никак не доказывается, а лишь невероятно многословно постулируется.

Столь же надумана критика К. В. Рудым советской системы управления, будто бы сохранившейся в Беларуси, хотя, видимо, автор имеет слабое представление именно о советской системе управления. Автор, приписывая советской и белорусской системам управления обычные черты любой иерархически бюрократической системы, край-

не негативно их описывает, в то время как такие системы управления существуют сегодня практически везде. Естественно, никакими аргументами, никаким вменяемым анализом автор себя не утруждает. Например, чем-то плохим и советским объявляется модель принятия решений в стране: «Используемый в Беларуси советский механизм принятия решений предполагает сочетание личных неформальных договоренностей с их письменной формализацией: лучше все положить на бумагу, подписать и поставить печать» (с. 70). Почему этот механизм назван именно советским? А в Германии или Индии, например, разве не так? Почему договоренности являются неформальными, если их фиксируют письменно, согласно формальным правилам? Что в этом плохого? По мнению автора, не нужно договариваться или не нужно фиксировать письменно? Автор вообще понимает, что пишет? Такими же далекими не только от науки, но и от элементарного рационального рассуждения являются попытки обвинить страну в существовании таких черт, как советское прошлое, причем само это понятие выступает не более чем ругательством. Например, автор утверждает, что сегодня в Беларуси советская идеология. Понимает ли К. В. Рудый вообще, что такое идеология: может быть, в Беларуси провозглашено построение коммунизма? Может быть, в стране утверждена общественная собственность на средства производства? Может быть, пролетариат является классом-гегемоном и это отражено в распределении доходов?

Одним из центральных мотивов работы является обвинение и белорусских властей, и всего общества в отрицательном отношении к обвальная приватизации (с. 69–71, 92). Каких только определений не использует К. В. Рудый, обвиняя белорусов в страхе перед всем новым, в боязни репрессивной системы, отсутствии всякой инициативы и т. п., доходя в этих обвинениях до совершенно шекспировского трагизма. При этом автор умалчивает, что в европейских странах доля государственной собственности весьма высока. Как бы то ни было, доля госсобственности в белорусской экономике не является чем-то исключительным и уж точно не может быть показателем какого-то мифического двоемыслия. Стран, где была бы только государственная или частная собственность, сегодня, наверное, и не существует. Разве что в Северной Корее. В таком случае, согласно утверждению К. В. Рудого, во всем мире господствует двоемыслие.

Кроме того, нужно сказать, что высказанные мимоходом сентенции в трактовке исторических фактов поражают своей поверхностностью и неточностью. В частности, хотелось бы, чтобы автор, приводя исторические примеры (руководство К. Е. Ворошилова на ленинградском направлении в 1941 г. (с. 82)), ангажированные трактовки других

исторических фактов, руководствовался серьезными источниками, а не пропагандистскими агитками. Кстати, сообщил бы читателю, в какой армии, сражавшейся на полях Второй мировой войны, не было подразделений, аналогичных заградительным отрядам Красной армии? Или же что он имел в виду, говоря: «Опыт Главного управления лагерями (ГУЛАГ) при НКВД, созданного в 1930 году Госпланом СССР для ускорения первой советской пятилетки, все чаще вызывает аналогии при необходимости жесткой дисциплины и мотивации для поднятия белорусской экономики» (с. 95), учитывая тот факт, что общие лагеря были переданы в систему ГУЛАГа только в 1933 г., когда первая пятилетка уже закончилась? Не менее одиозны его рассуждения о русском языке (с. 91), который является основным языком общения в Беларуси при официальном двуязычии. Они, мягко говоря, удивляют, а по большому счету противоречат Конституции и законам Республики Беларусь.

Даже если не обращать внимания на большую часть содержимого книги, посвященную социологическим, культурологическим и историческим научным рассуждениям (если, конечно, вообще можно в этой части говорить о научности), то остается экономическая часть, где автор предлагает «наилучшие» варианты для выбора пути экономического роста Беларуси. В основу критерия такого выбора положен принцип первичности институциональных изменений в экономике. Предполагается, что в стране должны быть произведены те или иные институциональные изменения, вследствие чего экономика страны должна зашагать семимильными шагами, учитывая, что белорусы решительно изменят черты своего национального характера.

Но даже Д. Норт, классик неоинституционального направления в экономике, вполне понимает, что новые институциональные формы, законы и правила есть в первую очередь следствие деятельности экономических субъектов, обладающих социально-экономическим весом, которые, отстаивая свои экономические интересы, меняют институциональную структуру, утверждают новые правила и законы. Можно сказать, что сначала появляются влиятельные социальные группы, заинтересованные в определенных правилах игры, а уж затем они добиваются институциональных изменений и контролируют их адекватное выполнение. К. В. Рудый апеллирует к опыту Китая, при этом сколь-нибудь прозрачного и структурированного понимания причин китайских успехов и обусловленности новейшей социально-экономической истории Китая у него нет. Например, он весьма одобрительно отзывается об институциональных реформах в Китае, полагая именно эти реформы источником успехов.

Однако возникает вопрос: с каких именно событий началось успешное движение КНР по капита-

листическому, если без экивоков, пути? На самом деле никакой тайны нет. Начальная точка этой траектории лежит в решительном потеплении отношений КНР и США в 1970-х гг., причем причины были в первую очередь политическими – речь шла о союзе против СССР. Уже только во-вторых решались экономические проблемы обеих стран. Можно, конечно, полагать, что ни с того ни с сего Ден Сяопин после десятилетий развития страны по определенной траектории в 1978 г. принялся реформировать китайскую экономику, однако вряд ли случайным является совпадение начала реформ и подписания Соглашения о торговых отношениях КНР и США 1979 г., согласно которому стороны взаимно предоставили статус наиболее благоприятствуемой страны, причем очевидно, что сам договор готовился задолго до его формального подписания.

Суть в том, что реформы Ден Сяопина имели смысл только в одном случае: капитализм развивается тогда, когда капиталистическая экономика имеет рынки сбыта. Наличие рынков является источником успеха капиталистического развития и, по сути, единственным источником. Таким образом, на рубеже 1970–80-х гг. для китайских производителей были открыты громадные американские рынки. Только вследствие этого в китайскую экономику стало выгодно инвестировать. Просто по той причине, что произведенное в Китае было куда продать. Даже дешевая рабочая сила стоит на втором месте, ибо стран с дешевой рабочей силой много, а вот стран, допущенных на самый большой на тот момент рынок в мире, куда меньше. Согласно данным Белой книги китайско-американских отношений, «Соединенные Штаты стали одним из наиболее быстрорастущих рынков сбыта китайских товаров, а Китай, в свою очередь, стал для США одним из наиболее быстро растущих рынков экспорта» [8]. Рыночные реформы без рынков сбыта однозначно привели бы и ту китайскую экономику, что существовала на момент начала реформ, к краху, что со всей очевидностью доказано судьбой постсоветских экономик, которым свои рынки никто предоставлять и не собирался. Схема совершенно ясна и не требует никакого таинственного раскодирования. Капитализм растет на рынках сбыта, в результате чего растут социальные группы, связанные с этим ростом, которые, в свою очередь, формируют новые правила игры.

Появление и рост социального класса, заинтересованного в определенных правилах игры, стало источником институциональных изменений и их законодательного оформления. Сами по себе никакие законы не могут работать, и как бы хороши ни были законы и правила, без влиятельных социальных групп, прямой интерес которых заключается в соблюдении этих правил и контроле за ними,

такие законы превратятся лишь в благие пожелания. Именно такие процессы продемонстрировала история китайских реформ.

Вышеописанное также демонстрирует совершенную бесперспективность ставки на внешние инвестиции в ситуации отсутствия привилегированных рынков сбыта. Ибо инвестор инвестирует средства в производство, только имея в виду дальнейшие продажи произведенного. Если рынков сбыта нет, возможны только спекулятивные инвестиции. Поэтому приговором рассуждениям автора насчет инвестиционного климата, который можно «унюхать, выходя из самолета», явилось его же замечание: «По итогам опроса в 2016 году Национальным центром правовой информации из 46 иностранных организаций 33 назвали главным барьером для инвестирования в Беларусь падение платежеспособного спроса. Аналогичные результаты получены и при опросе иностранных инвесторов юридической компанией “Арцингер и партнеры” в 2016 году» (с. 184). Собственно, речь и идет о рынках сбыта, в данном случае о внутренних рынках.

Впрочем, есть еще одна форма инвестирования – приватизация. Это та форма, о которой говорят чуть ли не больше, чем о прямых инвестициях. Занятно, что именно здесь те, кто воспевают осанну китайским реформам, как-то замалчивают китайский опыт. А ведь дело в том, что никакой приватизации в Китае не было. Вернее сказать, не было приватизации в сфере крупного промышленного производства. А вот в сфере мелкого бизнеса и на селе приватизация была вполне успешной, но наших реформаторов она почему-то не очень интересует. В чем же дело? Во-первых, инвестиции, которые нас интересуют, – это не смена собственника, когда прибавочный продукт вместо государства станут получать некие частные лица, а в первую очередь технологические инвестиции. На самом деле, когда есть рынки сбыта, бизнес совсем не нуждается в приватизации существующих предприятий. Более того, тот, кто приходит со своими технологиями, как правило, за исключением редких случаев, не нуждается в существующих производственных мощностях. Такой инвестор возводит собственные мощности, собственную технологическую структуру.

Итак, возникает вопрос: в чем же смысл приватизации в таком случае? Конечно, трудно охватить все причины, ради которых государства проводят приватизацию. В некоторых случаях это привлечение финансовых ресурсов при сохранении го-

сударственного контроля. Иногда такие примеры можно наблюдать во Франции и России: приватизацией пытаются создать крупные концерны в тех или иных сферах экономики, способные на равных противостоять транснациональным корпорациям ради сохранения национальной промышленности. На самом деле влияние государства там все равно остается на весьма высоком уровне, ибо такая приватизация обставляется целым пакетом гласных и негласных условий. Иногда таким образом государства избавляются от убыточных активов. Но если говорить о постсоветском пространстве, то, как правило, приватизация несет чисто утилизационный характер. Прибыль в таком случае обычно получается за счет утилизационного демпинга, т. е. временного освоения рынков сбыта за счет заниженных цен, а заниженные цены возможны вследствие того, что никаких вложений, никакой амортизации в основные фонды не осуществляется. То есть предприятие попросту утилизируется в течение определенного срока. При этом создается иллюзия успешной экономической деятельности. Вплоть до полного исчерпания. В наиболее чистом виде мы могли наблюдать эти процессы в Украине. Понятно, что в подобном способе бизнеса заинтересованы очень многие люди, причем люди, обладающие средствами и влиянием. Так что найдется немало «экспертов» и «реформаторов», обосновывающих необходимость приватизации.

В заключение нужно сказать, что рецензирование данной книги – довольно трудоемкое занятие, так как приходится почти на каждой странице обращать внимание на научную несостоятельность многих положений. Учитывая претенциозность целей и задач книги – разработать контуры национальной идеи белорусского общества и предложить новую программу модернизации экономики страны, подобный способ обоснования недопустим. Попытка К. В. Рудого предложить научное изложение идей вылилась в результате в некий (политический) манифест. Если бы автор просто написал и даже опубликовал свое произведение, в этом ничего страшного не было бы. Сегодня каждый имеет право на свое мнение и его публикацию. Учитывая, что бумага стерпит, а интернет – тем более, в информационном пространстве появилось множество произведений разного жанра: от художественных и научных до околonaучных и лженаучных. Но данная книга примечательна тем, что она претендует на статус научного издания. А в этом случае к авторам и спрос другой.

Библиографические ссылки

1. Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. В. Рудый [и др.] ; под науч. ред. К. В. Рудого. Минск, 2017.
2. How Japan Does it // Time. 1981. 30 March.

3. Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы (этнопсихологические очерки). 2-е изд., испр. и доп. М., 1985.
4. Особенности японского менеджмента [Электронный ресурс] // Всемирная история. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st024.html> (дата обращения: 10.09.2017).
5. Особенности японского автобизнеса [Электронный ресурс] // Car-test.net. URL: <http://car-test.net/car-article.php?aid=17> (дата обращения: 10.09.2017).
6. Что делать? [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/89452/28/Egishyanc_-Tupiki_Globalizacii_Torzhestvo_Progressa_ili_Igry_Satanistov_.html (дата обращения: 10.09.2017).
7. Ядов В. А. «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» Часть 1 // Телескоп: журн. социол. и маркетинг. исследований. 2005. № 3. С. 2–11.
8. Ядов В. А. «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» Часть 2 // Телескоп: журн. социол. и маркетинг. исследований. 2005. № 4. С. 2–10.
9. О торговом балансе между Китаем и США (Белая книга) [Электронный ресурс] // Все о Китае из первых рук. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32943.htm> (дата обращения: 10.09.2017).

References

1. Rudyi K. V. et al (ed.). [Because we have so solved: behavioural economy of Belarus and its decodiny]. Minsk, 2017 (in Russ.).
2. How Japan Does it. *Time*. 30 March. 1981.
3. Pronnikov V. A., Ladanov I. D. Japanese (ethnopsychological sketches). Moscow, 1985 (in Russ.).
4. [Features of the Japanese management]. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st024.html> (date of access: 10.09.2017).
5. [Features of the Japanese car business]. URL: <http://car-test.net/car-article.php?aid=17> (date of access: 10.09.2017).
6. [What to do?]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/89452/28/Egishyanc_-Tupiki_Globalizacii_Torzhestvo_Progressa_ili_Igry_Satanistov_.html (date of access: 10.09.2017).
7. Yadov V. A. [«...It is necessary to influence the movement of social planet...». Part 1]. *Telescop : zhurn. sotsiologicheskikh i marketingovykh issled.* 2005. No. 3. P. 2–10 (in Russ.).
8. Yadov V. A. [«...It is necessary to influence the movement of social planet...». Part 2]. *Telescop : zhurn. sotsiologicheskikh i marketingovykh issled.* 2005. No. 4. P. 2–11 (in Russ.).
9. [About trade balance between China and USA]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32943.htm> (date of access: 10.09.2017).

Р. А. Смирнова¹, В. Э. Смирнов²

¹Роза Андреевна Смирнова – доктор философских наук; главный научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси. E-mail: smirnovasoc@yandex.ru.

Rosa A. Smirnova, doctor of science (philosophy); principal researcher at the Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus.

²Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси.

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); leading researcher at the Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

— — — — —

**Николай Николаевич
ЧУРИЛОВ**

**Nikolai Nikolaevich
CHURILOV**

— — — — —

В июле известному украинскому социологу, доктору социологических наук, члену редколлегии нашего журнала, генеральному директору компании *SOCIS* Николаю Николаевичу Чурилову исполнилось 70 лет.

Н. Н. Чурилов родился 8 июля 1947 г. в г. Черновцы (Украина). Окончил физико-математический факультет Черновицкого государственного университета по специальности «Математический анализ». Трудовую деятельность начал с должности секретаря комитета комсомола университета. В 1970–1976 гг. работал научным сотрудником лаборатории социологических исследований при кафедре философии родного университета. Новая сфера деятельности буквально захватила талантливого и целеустремленного юношу, и в 1976 г. он поступил в аспирантуру Института философии Академии наук УССР. Уже в 1980 г. в Москве он успешно защитил кандидатскую диссертацию по социологии.

Авторитет ученого в научном сообществе измеряется прежде всего результатами его исследований, актуальностью и новизной тематики проектов,

грантами, их масштабом и, конечно, публикациями. Карьерный рост может иметь значение, но для серьезного ученого это не самоцель. Девизом жизни Николая Николаевича стало стремление стать профессионалом. И надо искренне сказать, что он добился этого своими уникальными достижениями в науке – стал одним из самых авторитетных украинских социологов.

Особое место в его научной деятельности занимает драматический период нашей истории – чернобыльская трагедия. В 1983–1984 гг. Н. Н. Чурилов проводит социологическое исследование воинов-ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС (повторное – в 1986–1987 гг.). Результатом этой большой и многосложной работы стала монография «Человек в экстремальной производственной ситуации (опыт социологического исследования ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС)» (Киев, 1990 г.).

С 1988 по 1991 г. Н. Н. Чурилов – руководитель украинского отделения Всесоюзного центра изучения общественного мнения, который возглавляла академик Т. И. Заславская. В 1991–1994 гг. работал

в должности заместителя директора по научной работе Института социологии Национальной академии наук Украины. В 1992 г. Николай Николаевич защитил докторскую диссертацию и создал первый в Украине центр социальных и маркетинговых исследований *SOCIS*, который поставил проведение исследований на индустриальную основу. По методике Н. Н. Чурилова в 1998 г. в Украине впервые был проведен экзит-полл (опрос избирателей на выходе с избирательных участков). В 2004 и 2007 гг. были проведены оперативные онлайн-исследования в таком формате.

Николай Николаевич – ведущий специалист в области методики социологических исследований, выборки и организации исследований, является членом *ESOMAR (European Society of Marketing Research Professionals)*, *GALLUP International*, *WAPOR (World Association for Public Opinion Research)*,

Украинской маркетинговой и социологической ассоциации.

Николая Николаевича многое связывает с белорусскими социологами. Он активно сотрудничает с БГУ, Центром социологических и политических исследований БГУ, является постоянным и желанным гостем на наших научных форумах, участником совместных научных проектов и исследовательских программ, лектором в студенческой аудитории. И конечно, Николай Николаевич – востребованный автор нашего издания, профессионал мирового уровня, надежный товарищ и друг.

Белорусские социологи, друзья и коллеги, редколлегия журнала сердечно поздравляют Вас, Николай Николаевич, с юбилеем! Желаем здоровья, благополучия и новых научных свершений.

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н.</i> Мечты сбываются.....	4
---	---

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Стёпин В. С.</i> Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития	6
<i>Шавель С. А.</i> Сферная когерентность общества как императив его устойчивости и прогресса	12
<i>Горшков М. К.</i> Российское общество в условиях кризисной реальности: внутренние и внешние факторы.....	24

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Карпенко И. В.</i> Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь	44
<i>Антонович И. И.</i> Внешняя политика Республики Беларусь: вчера, сегодня, завтра	48
<i>Злотников А. Г.</i> Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси	59

ДИСКУССИЯ

<i>Мельников А. П.</i> Проблемы революции и социальной справедливости в современном мире	69
<i>Чарота І. А.</i> Не хавацца ад ісціны: да скарызназнаўства без зыходнай зададзенасці.....	75
<i>Шамякина Т. И.</i> Социально-психологические паттерны в массовом сознании постсоветского общества (статья первая)	84

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Тощенко Ж. Т.</i> От пролетариата к прекариату (о возникновении нового класса).....	95
<i>Кучко Е. Е., Левицкая И. В., Веремеева Н. П.</i> Современные практики в области социального предпринимательства: опыт Беларуси	102
<i>Осадчая Г. И.</i> Мигранты из стран Евразийского экономического союза на московском рынке труда: социально-профессиональный профиль	111
<i>Титаренко Л. Г.</i> Городская социология Йорана Терборна	120
<i>Терборн Й.</i> Заключение. Глобальная столица, будущее национальных столиц и их людей	126

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> От богинь к суккубам: исторические корни демонизации женщины в средневековой культуре.....	130
---	-----

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Ежи Вятр.</i> Открытый марксизм и возрождение социологии: роль Юлиана Хохфёльда и Зигмунта Баумана	138
<i>Сульжицкий И. С.</i> Комментарий к переводу заключения книги Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни»	146
<i>Дюркгейм Э.</i> Элементарные формы религиозной жизни. Заключение	149

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Данилов А. Н.</i> «Парадигмальные прививки» и научные революции XVII–XIX веков: история и философия медицины.....	166
<i>Смирнова Р. А., Смирнов В. Э.</i> «Сон разума рождает чудовищ».....	169

ЮБИЛЕИ

<i>Николай Николаевич Чурилов</i>	180
---	-----

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Danilov A. N.</i> Dreams come true.....	4
--	---

ARTICLES AND REPORTS

<i>Stepin V. S.</i> Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies	6
<i>Shavel S. A.</i> Spherical coherence of society as an imperative of its sustainability and progress	12
<i>Gorshkov M. K.</i> Russian society in the context of crisis realities: internal and external factors	24

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Karpenko I. V.</i> Conceptual approaches to the development of the education system in the Republic of Belarus.....	44
<i>Antonovich I. I.</i> The foreign policy of the Republic of Belarus: yesterday, today, tomorrow.....	48
<i>Zlotnikov A. G.</i> Expertise of the modern reproductive situation in Belarus.....	59

DISCUSSION

<i>Melnikov A. P.</i> Revolution and social justice issues in modern world	69
<i>Charota I. A.</i> Not hide from the truth: to skorynology without task orientation	75
<i>Shamyakina T. I.</i> Socio-psychological patterns in the mass consciousness of the post-Soviet society (first article)	84

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Toshchenko Zh. T.</i> From the proletariat to the precariat (about the emergence of a new class).....	95
<i>Kuchko A. E., Levitckaya I. V., Veremeeva N. P.</i> Contemporary practices of social entrepreneurship: experience of Belarus	102
<i>Osadchaya G. I.</i> Migrants from the countries of the Eurasian Economic Union at the Moscow labour market: socio-professional background	111
<i>Titarenko L. G.</i> Urban sociology of Göran Therborn.....	120
<i>Therborn G.</i> Envoi: global capital, the future of national capitals and of their people	126

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> From goddess to sukkubus: historical roots of demonization of a woman in Medieval culture	130
--	-----

SOCIOLOGICAL HERITAGE

<i>Jerzy Vyatr.</i> Open Marxism and revival of sociology: the role of Julian Hochfeld and Zygmunt Bauman .	138
<i>Sulzhytski I. S.</i> The comment to the translation of the conclusion of «The elementary forms of religious life» by E. Durkheim.....	146
<i>Durkheim E.</i> The elementary forms of religious life. Conclusion	149

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Danilov A. N.</i> «Paradigm inoculations» and scientific revolutions of XVII–XIX centuries: history and philosophy of medicine	166
<i>Smirnova R. A., Smirnov V. E.</i> «The sleep of reason produces monsters».....	169

JUBILEES

Nikolai Nikolaevich Churilov.....	180
-----------------------------------	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 3. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректор *М. А. Подголина*

Подписано в печать 17.11.2017.
Тираж 275 экз. Заказ 677.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 3. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 9 Kaŭvaryjskaja Str., office 636, 637,
Minsk 220004.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *T. A. Karanovich*
Proofreader *M. A. Podgolina*

Signed print 17.11.2017.
Edition 275 copies. Order number 677.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
6 Ćyrvonaarmiejskaja Str., Minsk 220030.

© BSU, 2017